

Институт философии и права УрО РАН
Международная академия дискурс-исследований
Свердловское и Челябинское отделения РАПН
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Гуманитарный университет
Уральский государственный университет путей сообщений
Тюменский государственный университет
Южно-Уральский государственный университет
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Уральская академия государственной службы
Институт международных связей
Стокгольмский университет (Швеция)
Александровский институт университета г. Хельсинки (Финляндия)
Национальный Автономный университет Мехико (UNAM, Мексика)
Автономный университет штата Мехико (UAEM, Тoluка, Мексика)
Национальная школа Антропологии и Истории (Мексика)

ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Доклады третьей Международной научно-практической конференции,
посвященной 40-летию студенческой революции 1968 года
и корифеям Франкфуртской школы

2 октября – 19 декабря 2008 года
РОССИЯ — МЕКСИКА

ТОМ II

Под общей редакцией О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева

Издательский дом «Дискурс-Пи»
Южно-Уральский государственный университет
Екатеринбург
Челябинск
2009

Дискурсология: методология, теория, практика: доклады третьей Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 года и корифеям Франкфуртской школы. 2 октября – 19 декабря 2008 года / под общей редакцией О.Ф.Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева. 2 октября–19 декабря 2008 г. Россия-Мексика – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2009. – Том 2. – 381 с.

Редакционная коллегия: к.ф.н. Б.Б. Багиров, д.ф.н. В.Г. Богомяков, к.фил.н. С.А. Большева, д.п.н. С.И. Глушкова, д.полит.н. Е.В. Грунт, д.полит.н. Е.Г. Дьякова, Е.Г. Грибовод, М.С. Ильченко, Е.В. Ишменев, Е.Н. Коваленко, Т.С. Коломейцева, д.ф.н. О.В. Коркунова, к.ф.н. М.А. Малышев (Толука, Мексика), проф. Манола Сепульведа Гарса, Педро Хосе Инохоса Гутьерес (Мехико, Мексика), к.полит.н. Д.Е. Москвин, д.ф.н. Л.А. Мясникова, к.ф.н. В.Н. Николаенко, доктор философии Юкка Пиетийайнен (Хельсинки, Финляндия), д.ф.н. В.И. Разумов, д.ю.н. В.Н. Руденко, д.полит.н. О.Ф. Русакова, д.ф.н. В.М. Русаков, доктор философии Г. Саймонс (Стокгольм, Швеция), к. полит.н. А.Е. Спасский, д.полит.н. Д.Л. Стровский, к.полит.н. А.Д. Трахтенберг, А. И. Трогников, д.полит.н. М.А. Фаденцева, к.ф.н. И.Б. Фан, к.ф.н. В.Е. Хвощев

Издается при поддержке грантов РГНФ № 07-03-83305 а/у
и № 08-03-85304а/У

Настоящее издание включает доклады участников Третьей Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, заседания которой прошли со 2 октября по 19 декабря 2008 г. в Институте философии и права УрО РАН, в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, в Тюменском государственном университете, в Южно-Уральском государственном университете, в Гуманитарном университете, в Уральском государственном университете путей сообщения, в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, в Институте международных связей, в Уральской академии государственной службы, Автономном Университете Штата Мехико, Национальном Автономном Университете Мексики, Национальной Школе Антропологии и Истории, Высшем Институте Наук об Образовании Штата Мехико, при участии Академического корпуса «Современная Философия» Автономного Университета Штата Мехико.

Доклады опубликованы в редакции авторов.

СОДЕРЖАНИЕ
ÍNDICE

1. РАЗНООБРАЗИЕ И СПЕЦИФИКА ДИСКУРСОВ
1. VARIEDAD Y ESPECIFICIDAD DE LOS DISCURSOS.....10

Педро Каналес Герреро. Возможность непредвзятого и объективного анализа оценочных суждений в гуманистическом дискурсе
Pedro Canales Guerrero. La posibilidad de insoslayable análisis objetivo de los juicios de valor en el discurso humanístico10

Роберто Гонсалес Инохоса. Эрнст Кассирер: дискурс по поводу различия между физиогномическим и пропозициональным выражениями
Roberto González Hinojosa. Ernst Cassirer: el discurso en torno a la distinción entre la expresión fisiognómica y la proposicional.....15

Серхио Ривас Сальгадо. Э.М. Чоран: дискурс скептика
Sergio Rivas Salgado. E. M. Cioran: el discurso del escéptico.....20

Мариано Родригес Гонсалес. Дискурс о дискурсе: неоконченная симфония языка и молчание
Mariano Rodríguez González. Discurso del discurso: la sinfonía inacabada del lenguaje y el silencio25

Хайме Кольясо Одрियोла. Дискурс о пользе исторического познания
Jaime Collazo Odriozola. Discurso sobre la utilidad del conocimiento histórico.....29

Гамалиель Рендон Гарсия. Карл Поппер: наука как опровержимый дискурс
Gamaliel Rendón García. Popper: la ciencia como discurso falible.....34

Мария Луиза Бакарлетт Перес. Дискурс и «настоящие монстры»
María Luisa Bacarlett Pérez. Discurso y «monstruos verdaderos».....40

Рубен Мендоса Вальдес. Речь и дискурс: хайдеггеровское видение языка Rubén Mendoza Valdés. Habla y discurso: una visión heideggeriana del lenguaje.....	43
2. ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ 2. EL DISCURSO EN EL PENSAMIENTO FILOSÓFICO CONTEMPORÁNEO.....	49
Михаил Малышев. Сокращение настоящего – атрибут постмодернизма Mijail Malishev. La reducción del presente como atributo de la posmodernidad.....	49
Виктор Санчес Луке. Дискурс выжившего: свидетельство как выражение экзистенции в пограничной ситуации Víctor Eduardo Sánchez Luque. El discurso del sobreviviente: el testimonio como expresión de la existencia en una situación–límite	54
Хесус Абрам Лопес Роблес. Анри Бергсон: интуиция как эстетическая возможность Jesús Abraham López Robles. Henri Bergson: intuición como posibilidad estética.....	57
Хулиан Эдуардо Эррера Гонсалес. Хосе Ортега-и-Гассет: дискурс и понятие в «жизненном разуме» Julián Eduardo Herrera González. Ortega y Gasset: discurso y concepto en la “razón vital”	60
Педро Хосе Инохоса Гутьеррес. Дискурс о классовой борьбе в Христианизме и классовой борьбе Николая Бердяева Pedro José Hinojosa Gutiérrez. El discurso acerca de las clases sociales en el cristianismo y la lucha de clases de Nikolai Berdiaev	64
Хосе Антонио Чавес Рамирес. Антонин Арто: дискурс как тело José Antonio Chávez Ramírez. Antonin Artaud: el discurso como cuerpo	69

Хувеналь Варгас Муњос. Морис Мерло-Понти: дискурс о сознании телесности человека Juvenal Vargas Muñoz. Maurice Merleau-Ponty: el discurso sobre la conciencia de la corporalidad humana.....	73
Оскар Хуарес Сарагоса. Людвиг Витгенштейн и Жиль Делёз: два подхода к философии, исходя из смысла и бессмыслицы дискурса Óscar Juárez Zaragoza. Ludwig Wittgenstein Gilles Deleuze: dos ejercicios de la filosofía a partir del sentido y el sinsentido en el discurso.....	78
Марио Магайон Анайя. Коммуникация и философия: дискурсивные размышления Mario Magallón Anaya. Comunicación y filosofía: reflexiones discursivas.....	83
3. ДИСКУРС В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 3. EL DISCURSO EN LA TEORÍA Y PRÁCTICA DE AMÉRICA LATINA.....	86
Мигель Анхель Собрино. Дискурс покаяния как средство формирования субъекта Miguel Ángel Sobrino Ordóñez. El discurso penitencial como medio de formación del sujeto	86
Марко Урдапилета Муњос. Риторика чуда: дискурсивный штамп в описании природы в Хрониках Индий Marco Urdapilleta Muñoz. La retórica de la maravilla: un tópico discursivo en las Crónicas de Indias para la descripción de la naturaleza	90
Манола Сепульведа Гарса. Дискурс и власть: касикизм в Мексике в 1930–1960 годах Manola Sepúlveda Garza. Discurso y poder: el cacicazgo rural en México, 1930–1960.....	96
Хуан Монрой Гарсна. Идеология сандинистской революции Juan Monroy García. La ideología de la revolución sandinista	101

Адалберто Сантана. Дискурс журнала Cuadernos Americanos Adalberto Santana. El discurso de la revista Cuadernos Americanos.....	107
Лус Мария Веласкес Рейес. Любовный дискурс молодых мексиканских студентов Luz María Velazquez Reyes. Los discursos del amor en jóvenes estudiantes mexicanos.....	110
Кармен Альварес Лобато. Поэтически-любовный дискурс в романе Мексиканский Палинуро Carmen Álvarez Lobato. El discurso poetico-amoroso en Palinuro de México.....	114
4. ДИСКУРС О МОЛОДЁЖИ И МОЛОДЁЖЬ О ДИСКУРСЕ.....	118
Хвощёв В.Е. Молодёжь и дискурс	118
Сибиряков И.В. Политическая активность советской провинциальной художественной интеллигенции в первые послевоенные годы (попытка исторического анализа некоторых дискурсивных практик).....	122
Прилукова Е.Г. Дискурс молодежной моды	129
Черепанова Р.С. Миф о «бурной молодости» в устных биографических рассказах поколения «шестидесятников»	135
Мирошниченко М.И. Вовлеченность молодых женщин в политику и проблемы гендерной идентичности (дискурс и практика 1920-х годов)	144
Трегубов Н.А. Политическая система как предмет научного дискурса.....	166
Зорин В.А. Сценарии политического будущего России: взгляд из Свердловской области	177
Герман В.А. Концептология семейной политики: дискурс и реальность.....	191
Поддубнова Е.И. Особенности конструирования политических дискурсов в пространстве Интернет	202

Воробьев И.В. Категория «имидж региона» в дискурсе концепций виртуальной реальности	209
Бельчич Д.Ю. Дискурс политической медиакультуры.....	216
Глухарев Д.С. Общественно-политические взгляды студенческой молодежи как будущей элиты.....	225
Булаева О.И. Дискурс политической активности студенческой молодежи.....	228
Гоглева В.А., Луккина Ю.А. Политическая активность молодежи: разновидность дискурса.....	233
Екатеринин Е.И. Дискурс молодежного политического сознания.....	239
Иванов В.С. Дискурс о молодежи как авангарде революций.....	242
Лынова А.А. Дискурсология молодёжных движений и организаций (на примере г. Снежинска)	244
Макуркина Е.А. , Дискурс актуальности политических прав молодежи.....	249
Зайцев П.В. Дискурс источников права.....	257
Моисеевко А.А. «Особенности консервативного дискурса в современной России»	261
Гатов Д.В. Молодежь и малый бизнес.....	268
Руденкин Д.В. Дискурс молодежных политических организаций в современной России: богатый потенциал и упущенные возможности	272
Чередниченко А. В. Дискурс определения бытности России политическими партиями в контексте прошедших выборов в Государственную думу.....	276

Радаев В.А. Дискурс взаимодействия государства и института саморегулирования в строительном комплексе.....	279
5. ФРАГМЕНТЫ РАБОТ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ДИСКУРСОЛОГИИ.....	285
Русакова О.Ф. Молодежный экстремизм: основные черты и дискурс-анализ	285
Фадеечева М.А. Особенности дискурса научно-квалификационных работ по политическим наукам	290
Тимофеева Л.Н. Коммуникативные концепции власти	292
Москвин Д.Е. Дискурсивное пространство молодёжного сообщества Урала	297
Карымова Л.С. Проблемы этно-национальных отношений в региональном социуме.....	301
Сухоруков В.В. Взаимосвязь нравственности, религии, экстремизма.....	306
Бродский М.Ю. Travel blog как травелог	308
Зайнетдинова Р.А. Ю.М. Лотман в семиотическом дискурсе 60-х–90-х	315
Коваленко Е.Н. «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не погрёшь с голоду, платят риском помереть со скуки».....	319
Коркунова О.В. Расширение граней свободы человека через призму дискурса туризма	323
Мигашкина Н.Б. Маргинальность: сущность и типы	326
Новоселова Е. В. Православный дискурс в переводе и межкультурной коммуникации на примере святынь города Екатеринбурга (храма-на-крови во имя всех святых, в земле российской просиявших).....	329
Перевязко М. С. EVENT-дискурс	334

Смелянская И.А. Банковский дискурс	337
Соломатин Б.Б. Аналоговый и цифровой дискурс	340
Сухогузова О.Е. Особенности дискурса молодежных экстремистских организаций	342
Тарасова О.В. Туристическая деятельность как индикатор изменений в стратификационной структуре общества	345
Биктуганова М.Ю. Роль символа в создании рекламного образа туристического продукта	348
Никифорова Ю.В. Создание в современном обществе единого коммуникационного пространства на основе дискурсивных практик	351
Волкова Р.Г. Судебное оспаривание гражданами нормативных правовых актов субъекта российской федерации как фактор, влияющий на качество регионального законодательства.....	352
Сафиуллина Г.Д. Роль прокуратуры в обеспечении качества регионального законодательства в период его становления	356
Уфимцев В.В. Управление политическими процессами на региональном и муниципальном уровнях: опыт критического дискурса	358
Эмих М.В. Местное самоуправление в системе публичной власти	367
Федорова Д.Н. Британские крайне правые на рубеже тысячелетий: ответ на вызов нового «переселения народов»	370
Гапонцев И.Л. И. Валлерстайн: размышления о перспективах мировой революции	374
Хвощёв В.Е. заключение.....	377

1. VARIEDAD Y ESPECIFICIDAD DE LOS DISCURSOS¹

Pedro Canales Guerrero

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

LA POSIBILIDAD DE INSOSLAYABLE ANÁLISIS OBJETIVO DE LOS JUICIOS DE VALOR EN EL DISCURSO HUMANÍSTICO

Resumen. El autor propone distinguir los juicios argumentativos de los de hecho y los de valor. Contra el relativismo interpretativo, el lector analítico debe identificar los juicios de valor, implícitos o explícitos, y su papel en la argumentación. Si no hay errores lógicos ni factuales ni comprensivos, los diferendos entre lector y autor provienen de la divergencia en la jerarquización de valores o en la elección de medios para un fin. Ni axiomas ni juicios de valor son prescindibles. La disensión argumentada está preñada de viables propuestas de ingeniería social.

Резюме. Автор предлагает различать между суждениями фактов и ценностей. В борьбе против интерпретационного релятивизма читателю следует иметь в виду имплицитные и эксплицитные оценочные суждения. Если отсутствуют логические, фактуальные или объяснительные ошибки, то расхождение между автором и читателем проистекает от предпочтения в иерархии ценностей или от выбора средств для достижения целей. Ни аксиомы, ни оценочные суждения не должны игнорироваться. Аргументированные различия требуют реалистических предложений со стороны социальной инженерии.

Si aceptamos que, sin traicionar a Max Weber, un discurso o texto contiene juicios de hecho, juicios de valor, pero también juicios argumentativos, entonces podemos proponer que pueden realizarse tres planos de lectura analítica. Estas lecturas pueden llevarse a cabo simultáneamente porque los planos están imbricados y no son independientes, pero, por motivos didácticos y de mayor eficacia analítica, también podemos emprenderlas consecutivamente. Los tres planos de análisis discursivo o lecturas son: 1) Lectura en el plano lógico argumentativo que busca identificar, antes de discutir, el hilo de la argumentación del autor. 2) Lectura de los juicios de hecho, es decir de los datos sobre la realidad natural, que juegan sus distintos roles: objeto de

¹ Coordinación general: Dr. Mijail Malishev, Asistentes: Dra. Manola Sepúlveda Garza, Mtro. Pedro José Hinojosa Gutiérrez

análisis o circunstancias que lo acompañan, ejemplos que clarifican ideas y, sobre todo, hechos que sustentan la inducción fundada en el uso de conceptos. Esta lectura requiere la plena comprensión de dichos conceptos científicos o filosóficos, de la propia disciplina, con que se nombran los hechos. Es el uso riguroso de estos conceptos lo que permite la comprensión de la realidad por aproximaciones sucesivas, gracias al proceso analítico sintético. 3) Lectura que logra identificar los axiomas, los juicios de valor explícitos o no y la correspondiente jerarquía de valores implicada. Conviene recordar que los tres planos del discurso, sobre todo los juicios de valor, contienen supuestos y sintagmas implícitos, supuestos y sintagmas que el análisis debe imprescindiblemente explicitar.

Estas líneas se refieren sobre todo a la importancia de la identificación y análisis de los juicios de valor en el discurso humanístico.

La lectura analítica de juicios de valor, por ejemplo en los ensayos breves de nuestro periódico o revista preferidos, es muy popular por varias razones. En primer lugar porque su "comprensión" es —parece— muy simple y muy gratificante cuando tales juicios son explícitos, diáfanos, "explicativos" y coinciden con los pre-juicios culturales de cada quien: "los pobres son pobres porque no trabajan" o "los pobres son pobres porque los ricos son ladrones". En consecuencia lógica, cada quien podrá concluir: "entiendo todo, conozco la solución y estoy del lado de los *buenos*". También por ello, no debe extrañarnos que este discurso valorativo lo usen sobre todo las iglesias y los partidos políticos: los militantes de unas y otros². Es frecuente que la jerarquía de valores con que comulgamos esté implícita en el discurso que compartimos y que no nos detengamos a analizarla; tampoco analizamos el discurso con el que no comulgamos. Parecería que damos por sentado que no hay lectura objetiva sino siempre lectoescritura partidaria o clasista: y nos

² Analíticamente, cabe aquí decir que cada individuo es responsable de su discurso, de sus actos, y que este texto no puede tener como objeto de análisis la coherencia moral entre el discurso éticamente positivo y los actos de quien lo formula. Conviene, sin embargo, no olvidar lo siguiente: el discurso valorativo, catequético no analítico, que tan buena conciencia parece crear en sus autores religiosos, políticos o docentes, tiene nula eficacia en el plano de la ingeniería social. La eficacia discursiva y moral de la norma, que cristaliza valores positivos, sólo puede provenir de la sanción legal: hacer pagar al infractor su falta, su deuda, no ignorarla, no absolver. Viene a mi mente el caso del sacerdote católico, fundador de los legionarios de Cristo, Marcial Masiel, a quien la jerarquía católica no condenó, ignorando hasta la más simple demanda de los adultos que siendo niños fueron abusados por Masiel: que les pidiera perdón. Masiel no reconoció su *pecado* ni pidió perdón a sus víctimas sexuales antes de morir: "está en el infierno", sentenció Roberto Blancarte, historiador y sociólogo de las religiones en México.

contentamos con ello. Yo postulo que todas las escrituras con un mínimo de rigor lógico son parciales, en el sentido de que son, al menos, parcialmente objetivas: todas nos aportan una parte más o menos grande de la verdad, de la realidad. El análisis nos dejará verlas, nos permitirá sumar las parcelas de objetividad.

Corroborados, los hechos no se discuten. Las fallas lógicas de una argumentación pueden subsanarse objetivamente, incluidas las dos fallas argumentativas más frecuentes: la exclusión de piezas del rompecabezas explicativo de la realidad y la inducción apresurada. En cambio, la jerarquización de valores o la preeminencia electiva de los medios para llegar a un fin, pueden llevarnos al disenso. Si bien la elección de medios puede implicar la revisión de los argumentos inductivos de las partes, el disenso deberá ser objetivamente aclarado por el análisis de los juicios de valor³.

La pertinente lectura analítica de los juicios de valor permitirá identificar y clasificar las valoraciones que, en última instancia, tienen un sustento subjetivo, de adhesión personal, presupuesto acordado entre discurrerentes más que lógico o material. No es que tales juicios no puedan ser sustentados razonadamente, pero lo cierto es que sólo pueden ser sustentados bajo la lógica de supuestas y posibles consecuencias –deseables o indeseables– que acarrearía la práctica o el no ejercicio del valor propuesto: nótese que se mantiene la dimensión valorativa en el sustento razonado. Tampoco sostengo que los juicios de valor sean inútiles, prescindibles o menospreciables; al contrario, siempre están presentes en nuestros discursos cotidianos y en el de nuestras disciplinas. Por ejemplo, siempre formulamos juicios de valor explícitos o los damos por aceptados implícitamente cuando discurremos bajo acuerdo. Por esta razón, cuando no estamos de acuerdo en el plano discursivo analítico al discutir con nuestros conciudadanos, o al leer un discurso, convendría dilucidar si nuestros desacuerdos provienen a) de errores de comprensión o equívocos, b) de errores lógicos de una de las partes o c) del rechazo de postulados axiomáticos (iniciales), es decir, de la *simple* divergencia en los juicios de valor, en la escala de valores de uno y otro. Para subrayar a la vez la importancia y los límites de la valoración en el discurso que se construye, cabe recordar que, muy frecuentemente, los discursos científicos tienen por punto de partida postulados axiomáticos (indemostrables). Es el caso de la

³ De los siguientes tres medios necesarios para mejorar la educación del país ¿cuál hay que lograr, obtener o conceder primero?: mayor presupuesto educativo, mayor salario; pasión de los maestros por el saber y por compartir el saber; exigencia, autoexigencia y cumplimiento laboral.

economía, que a algunos podría parecerles de lo más objetivo, y no digamos ya del derecho que constituye la *simple* cristalización de valores socialmente aceptados: –recientemente, por fin, ¡en el discurso!– hombres y mujeres somos iguales ante la ley. Más aun, el método científico mismo tiene como punto de partida –que prácticamente nunca explicitamos– un postulado que, en expresión de Popper, no es demostrable aunque tampoco refutable: el realismo que, añade el mismo autor, al lado del idealismo, resulta menos refutable. Como se ve, la lectura comprensiva de los juicios de valor es más compleja de lo que parece. Esta lectura implica un análisis radical que nos aleje tanto de nuestras reminiscencias de pensamiento mágico, heredadas de las sociedades anteriores a la Ilustración por comprender el mundo, como de las *posmodernidades* que pretenden haber superado la Ilustración; análisis radical que nos distancie también, al menos momentáneamente, de nuestros pre-juicios culturales (inconscientes).

Pongamos por ejemplo una afirmación que se repite mucho y cuyo análisis se soslaya porque es políticamente incorrecto: “en México cada día hay más pobres y los pobres son cada vez más pobres”. En la anterior expresión no parece haber juicios de valor sino juicios de hecho estadísticos, aclarando que nos habríamos movido, entonces, al plano de lectura de juicios de hecho. ¿De verdad no hay juicios de valor implícitos, supuestos en la expresión? Y, por otro lado, ¿se trata de hechos y, qué mejor, hechos sustentados en la estadística? Analicemos, puesto que esa es nuestra tarea de lectores especialistas, como lo sería igualmente de ciudadanos letrados. Si lo pensamos bien, reconoceremos que el central juicio de valor implícito es que *se debe* “optar por los pobres”, como dicen los católicos políticos, o “primero los pobres”, como dirían los políticos cuando hablan a mayorías de cultura católica. No se trata, en este caso, de compartir o no esa valoración: en lo personal, las reminiscencias de mi cultura católica tanto como de mi cultura humanista atea me llevan a compartir plenamente dicha valoración. El problema será definir, entender, discutir, qué se sigue en términos económicos, políticos, cotidianos, y qué es primero respecto a la elección de los medios para alcanzar el fin, valor supremo en que todos estamos de acuerdo: la desaparición de la pobreza que, como había insinuado, es también el primer supuesto de la ciencia económica: *conviene* crear más riqueza y distribuirla lo más equitativamente posible. ¿Qué sigue?: ¿repartir *equitativamente* la riqueza y ahorro acumulados?, ¿invertir ingresos fiscales en limosna político popular o en equilibrar oportunidades económicas y educativas con eficaz exigencia? ¿Y si, al final de cuentas, el discurso inicial (político) sólo

trataba de ganar una batalla por la percepción social? El análisis del discurso permite diferenciar el discurso político del politológico. Así, si las respuestas académicas, politológicas o políticas a este conjunto de preguntas no pueden ser ni simplistas ni fáciles, resulta claro por qué las afirmaciones que implican, explícitamente o no, juicios de valor no son de lectura comprensiva inmediata ni simple.

Siguiendo con nuestro ejemplo, y a propósito de la segunda pregunta inicial sobre la cantidad de pobres y la profundidad de la pobreza a través de la historia, responderé con otras dos preguntas analíticas. ¿De verdad las estadísticas históricas confirman que la generación de nuestros abuelos — indígenas o no— era menos pobre que la de nuestros hijos? ¿Cómo se explicaría entonces, por ejemplo, el crecimiento demográfico de la población indígena y el incremento en su esperanza de vida al nacer, que los historiadores conocemos como uno de los indicadores del nivel de vida de los pueblos? Y que quede claro: la respuesta correcta (juicios de hecho estadísticos) a estas últimas preguntas no niega ni la persistencia de *insoportables* pobreza ni de la *grave* desigualdad de oportunidades, como tampoco implica renegar del juicio valorativo en que todos estuvimos de acuerdo.

Que queden claros también dos corolarios. El corolario de la propuesta de Weber: la camiseta del académico riguroso (politólogo, en este caso) no ha de (con)fundirse con la camiseta del político: en última instancia, el lector analítico deberá poder distinguirlas. El otro corolario puede ser igualmente referido con la afirmación clásica de Voltaire: puedo no estar de acuerdo con tu opinión (valorativa) pero defenderé a muerte tu derecho a expresarla. Pero este corolario no termina aquí pues hay que aclarar que la mejor manera de desactivar valoraciones inaceptables no es acallándolas sino “desarmándolas” racionalmente hasta donde sea posible: no basta, por ejemplo, soslayar o burlarnos de quienes niegan el holocausto de judíos y homosexuales por Hitler sino volver a recordar y mostrar las evidencias históricas que contradicen la negación, además de analizar los motivos de los negacionistas. Evidentemente hay valoraciones que deben ser combatidas no sólo con el arma lógica sino con las armas legales y hasta con las armas físicas. Hay un ejemplo histórico que deja clara esta última necesidad circunstancial: no es que Hitler no entendiera razones o fuera poco inteligente o estuviera loco, es que había que combatirlo como lo combatieron los aliados al final; pero también hubiera sido necesario combatirlo mucho antes con toda la fuerza argumentativa oportuna y pertinente de muchos más intelectuales libres, hombres y ciudadanos responsables.

Pensar libremente no significa formular ocurrencias “libres” del rigor lógico o redactar frases llenas de opiniones espontáneas o lanzar “críticos” juicios de valor sobre los otros. Pensar, analizar y escribir libremente significa tener claros los propios juicios de valor fundadores –los derechos humanos de primera generación, por ejemplo– sin dejar de reconocer sus límites y construir los propios argumentos con rigor lógico, al lado de pensadores rigurosos, a la vez que alejados de catecismos políticos y religiosos. Mejor que los catecismos es el rigor lógico que evita el sermón y la formulación de buenas intenciones, que distingue lo deseable de lo posible, y que, más allá de la denuncia, se ocupa de construir propuestas de ingeniería social –en terminología del citado Popper– que resuelvan problemas económicos, culturales, sociales, que también empujen lo posible hacia lo deseable. No se trata de desechar por subjetivos los juicios de valor o de necesitar el consenso en la jerarquización de valores: la disensión argumentada, como la duda, está preñada de conocimiento y de viables propuestas de ingeniería social.

Así, esta lectura analítica del discurso humanístico nos alejará también del relativismo interpretativo y nos permitirá sustentar la objetividad ilustrada de la lectura y la escritura.

Маэстро истории Педро Каналес Герреро – профессор исследователь Гуманитарного Факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Maestro en Historia Pedro Canales Guerrero es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de La Universidad Autónoma del Estado de México.

Roberto González Hinojosa

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

ERNST CASSIRER: EL DISCURSO EN TORNO A LA DISTINCIÓN ENTRE LA EXPRESIÓN FISIOGNÓMICA Y LA EXPRESIÓN PROPOSICIONAL

Resumen. En el presente texto nos hemos propuesto rastrear la huella de la arcaica irrupción del logos a partir de la distinción entre la expresión fisiognómica, la cual se caracteriza por estar anclada a lo inmediato y a la emotividad; y la expresión proposicional, la cual se caracteriza por ser la expresión propiamente articulada e hilvanada mediante el ejercicio del lenguaje. Esta distinción es lo que

nos va permitir atisbar el origen precisamente del logos en la óptica de Ernst Cassirer.

Резюме. Текст ставит своей задачей проследить следы архаического вторжения логоса посредством различения между физиогномической экспрессией, характеризуемой погружением в непосредственное и эмотивной, и пропозициональной экспрессией, которой свойственна артикулированность и выражение согласно языковым правилам. Это различие позволяет нам проследить происхождение логоса с позиции, развиваемой Эрнстом Кассирером.

El pensamiento sistemático de Cassirer se conoce como la filosofía de las formas simbólicas. Esta filosofía florece hacia principios del siglo XX, y surge motivada por la debacle del idealismo exacerbado de Hegel y la recuperación de Kant por parte de la escuela de Marburgo. La justificación del surgimiento de una filosofía como éstas se explica, por un lado, por el anhelo de acrecentar el concepto del hombre, mientras que por otro, por el anhelo también de explicar la interacción entre el espíritu y la naturaleza.

Ernst Cassirer nace en Breslau en 1874, es descendiente de una familia judía, estudió filosofía en Berlín y Marburgo. Se hace discípulo de H. Cohen y Paul Natorp; bajo la dirección de este último realiza su tesis doctoral titulada *Kritik der mathematischen und naturwissenschaftlichen Erkenntnis* —Crítica cartesiana del conocimiento matemático y físico— (1899). Se desarrolló como profesor en las Universidades de Berlín y Hamburgo. Con la llegada del nazismo al poder tuvo que emigrar primero a Suecia y posteriormente hacia los Estados Unidos de Norte América donde prosigue su obra.

Entre algunas de sus obras se pueden contar las siguientes: *El problema del conocimiento en la filosofía y en la ciencia moderna* (4 vols., 1906-1920), *Concepto de sustancia y concepto de función* (1910), *Libertad y forma* (1917), *Idea y forma* (1921), *Filosofía de las formas simbólicas* (3 vols., 1923-1929), *Antropología filosófica* (1945). Poco antes de morir escribe, *El mito del estado* (1946), la cual se publica póstumamente.

Cassirer recupera el cuadro epistémico de representación de Kant, por una simple y sencilla razón, a saber, al igual que aquél, éste también considera que el hombre no se las puede ver de un modo directo, digamos cara a cara, con la realidad, sino que entre una y éste tiene que existir un puente; un puente construido por la propia capacidad creadora del hombre. Este puente es justamente la función del espíritu. El autor alemán dice, "pero ciertamente a la pregunta de lo que pueda ser lo absolutamente real

fuera de este conjunto de funciones espirituales, lo que pueda ser la “cosa en sí”, el espíritu ya no tiene respuesta alguna” (Cassirer I, 2003: 57).

En este sentido, el asunto propiamente dicho de la filosofía de nuestro autor es precisamente el espíritu. El espíritu se encuentra completamente volcado en el claro de la historia, de hecho, es el agente propio de la historia. No hay historia porque haya espíritu, sino al contrario, sólo porque hay espíritu es que hay historia. Sin embargo, esta manera de pensar, en donde se reconocen dos relieves del ser, de entrada, se encuentra obligado a atender el problema de la relación entre la naturaleza y el hombre, trayendo como consecuencia inmediata la distinción ontológica precisamente de estos dos relieves del ser.

Este binomio entre la naturaleza y el espíritu va a ser fundamental en toda la obra de nuestro autor, debido a que sólo a partir de esta relación, éste va a extraer múltiples consecuencias teóricas. Pues sólo a partir de este contraste se podrán plantear cuestiones tales como la posibilidad del hombre como ser simbólico, o la concatenación temporal de las formas simbólicas y por supuesto rastrear la idea de la posible datación hermenéutica del espíritu.

La filosofía de Ernst Cassirer se encuentra animada por un principio básico, el cual puede traducirse como la aspiración del espíritu hacia la incondicionalidad de sí mismo. No obstante, para alcanzar este estatus de incondicionalidad, éste (el espíritu) necesariamente tuvo que comenzar a emanciparse a partir de la misma naturaleza. Es decir, la naturaleza constituye el estrato original gobernada por la indiferencia a partir del cual surge la marcha del espíritu. En algún momento del tiempo la naturaleza da de sí una forma, que reconociendo su origen en esta misma, sin embargo, se aposenta más allá de la pura necesidad natural. Esta realidad sobrenatural es precisamente el espíritu.

Para entender un poco esto consideramos que se puede radiografiar a través del contraste entre la forma de la expresión fisiognómica y la expresión proposicional (Cfr. Cassirer, 2004: 54). De hecho, Cassirer no nos da cuenta de este origen, es decir, no construye un discurso enderezado a narrar el origen del logos; sino que por el contrario, al hablar del concierto y peculiaridad entre las diferentes formas simbólicas y de que la naturaleza constituye el antecedente de la cultura, el estudioso crítico puede atisbar que en efecto ahí existe un discurso que alude al origen precisamente del logos.

La primera forma de expresión es la fisiognómica; ésta es la expresión más rudimentaria no sólo porque aparece en el origen de los tiempos, sino además porque ésta la comparten de una modo *cuasi* indistinto el animal y el hombre. El contenido de esta expresión es la percepción sensible

inmediata, su reflejo es biológico y su manifestación es la emotividad o la disposición afectiva de un ser capaz de expresar su estado de ánimo. En este nivel, no existe distinción cualitativa entre el animal y el hombre, pues ambos son capaces de manifestar gesticularmente su estado de ánimo. Se diría que en la expresión fisiognómica existe una sobreabundancia de la naturaleza y el vestigio más ínfimo del espíritu.

Sin embargo, resulta evidente que el primer vestigio del espíritu se puede encontrar precisamente en esta expresión, pues si bien hay una suerte de empaté de corte anímico entre el animal y el hombre, también resulta cierto que en el hombre esta disposición afectiva se encuentra potencialmente enlazada hacia el despliegue subsecuente del espíritu. Es decir, la emotividad en el hombre no es reductible a la pura naturaleza, sino que como parte inicial de un proceso, se encuentra más bien anclada también al anhelo emancipatorio del mismo espíritu. Pues hay que reconocer que si bien el hombre se encuentra inmerso en la naturaleza recibiendo por doquier influjos de todo tipo, la asimilación de estos influjos va a ser enteramente diferente en el animal que en el hombre, pues en el animal estos influjos van a constituir su habitat precisamente natural; mientras que en el hombre, un influjo, cualquiera que este sea, en primera instancia se va a traducir en una imagen, es decir, se va a traducir en una representación, y justamente esta representación, o esta imagen creada en el espíritu por los influjos es lo que va a marcar el primer desprendimiento por parte del hombre respecto de la naturaleza. Este desprendimiento que heroicamente emprende el hombre va a constituir un umbral impenetrable para el animal. Y cuando decimos animal, nos referimos ante todo al momento en el que el espíritu, en tanto que espíritu, comienza su escarpada hacia su emancipación. Pues el espíritu, atendiendo al principio antes mencionado, tiene que emanciparse respecto de la misma naturaleza.

Se diría que la representación que genera el espíritu a partir de los influjos constituye el antecedente inminente de la expresión proposicional. La presencia de este tipo de expresión en el hombre da cuenta que éste desde hace un buen rato ha sobrepasado a la necesidad natural y de que el espíritu se encuentra en su horizonte específico de despliegue. La expresión proposicional surge en el momento mismo en que a partir de un influjo el espíritu puede transformarlo precisamente en un símbolo.

El hombre, para Cassirer, es ante todo un animal simbólico. Esta definición no es un mero capricho, sino que obedece a la condición misma del hombre. Con este aporte el autor alemán pretende ampliar la noción acerca del hombre trastocando la decimonónica concepción de éste como

animal racional. “La razón, dice Cassirer, es un término verdaderamente inadecuado para abarcar las formas de vida cultural humana en toda su riqueza... Por lo tanto, en lugar de definir al hombre como *animal racional* lo definiremos como un *animal simbólico*” (Cassirer, 2004: 49). Mediante la idea del hombre como animal simbólico el maestro de Marburgo pretende abarcar en su conjunto todas las manifestaciones espirituales y culturales, y dar al mismo tiempo cabida a cualquier concepción o idea acerca del hombre, en el entendido de que cualquier configuración ha de ser ante todo una producción simbólica. El hombre no es sólo un animal racional, es mucho más que eso. Es ante todo un incesante productor de símbolos.

Ahora bien, el espíritu produce los símbolos en el horizonte de las formas simbólicas. Una forma simbólica es una suerte de cauce a través del cual se objetiva el espíritu, es decir, en un camino por el cual el mismo espíritu se expresa. Y como el espíritu se encuentra tendido hacia el concepto de su incondicionalidad, Cassirer reconoce que la primera forma simbólica por la cual ha tenido que discurrir aquél es justamente el ‘mito’. El mito, como forma simbólica, se caracteriza por una sobrepresencia de lo ajeno y una suerte de inhabilitación para la diferencia, es decir, en el mito el espíritu se encuentra completamente absorto en medio del todo y se torna incapaz de hacer la diferencia entre la existencia y el significado de los dioses: “el mito, dice Cassirer, pugna por una ‘unidad del mundo’. Aquí la realidad se disuelve en imágenes concretas, el mito parece aglutinar todo lo que toca en una unidad indiferenciada..., la intuición mítica llega a *fundir* finalmente lo que enlaza. Para la visión mítica sólo hay en rigor una sola dimensión de la relación, un solo ‘plano del ser’..., no hay semejante no-ser” (Cassirer II, 2003: 92,93).

El paso del mito a la forma simbólica de la religión se encuentra mediado por la emergencia del yo. Esta irrupción del yo es lo que va permitir la diferencia entre el significado y la existencia. Pues en la religión finalmente se lleva a cabo el juicio acerca de la realidad o figuración de la divinidad. Es decir, en la religión, por cuanto que presupone la realidad del yo, se va a llevar a cabo la diferenciación acerca de la naturaleza del dios mentado, si éste existe de suyo, o si posee sólo un sentido figurado. En la religión se acusa de idólatras a los adoradores de dioses falsos. Cabe mencionar que el paso del mito a la religión, si bien se encuentran íntimamente ligados uno respecto del otro, sin embargo, ha sucedido a partir de una ruptura del mismo espíritu, a través de la cual se distingue éste respecto de lo ajeno, y se distingue también la existencia respecto del sentido.

Cassirer esboza sistemáticamente el cuadro de las formas simbólicas: el mito, la magia, la religión, el lenguaje, la ciencia. Las formas simbólicas son además una suerte de cuadros a través de los cuales el hombre lidia con lo ajeno, y constituyen el puente hacia lo otro. Las formas simbólicas, “No son contempladoras de la realidad, sino funciones y energías creadoras, múltiples reunidas por la homogeneidad de la función mismo del espíritu” (Cassirer I, 2003: 60), son producciones del ingenio ilimitado del espíritu cuyo contenido es precisamente el símbolo en cuya marcha tiende a alejarse cada vez de lo inmediato y a replegarse en su incondicionalidad. Esta incondicionalidad se ve reflejada y satisfecha en la ciencia abstracta; en la matemática, por ejemplo, los conceptos no precisan de una referencia externa, o en la mecánica cuántica, la misma noción de átomo, no se corresponde con algo específico externo, sino que es un símbolo creado por el espíritu para su propia satisfacción.

BIBLIOGRAFÍA

Cassirer, *Filosofía de las formas simbólicas I*, México, F.C. E., 2003.

Cassirer, *Filosofía de las formas simbólicas II*, México, F.C.E, 2003.

Cassirer, *Filosofía de las formas simbólicas III*, México, F.C.E., 2003.

Cassirer, *Antropología filosófica*, México, F.C.E., 2004.

Доктор философии **Роберто Гонсалес Инохоса**, профессор-исследователь Гуманитарного Факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Doctor en Filosofía **Roberto Andrés González Hinojosa**, profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la UAEM

Sergio Rivas Salgado

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

E.M. CIORAN: EL DISCURSO DEL ESCÉPTICO

Resumen: El discurso que Cioran elabora como escéptico adquiere sentido en la realidad presente, porque nadie se había atrevido a realizar un texto que fuera expresamente dirigido a mostrarse como un hombre que duda. Además de que la lectura de textos del pensador rumano nos impacienta a tal grado que uno por fuerza se tiene que imaginar cómo sería el hombre que lo pudiera llevar a la práctica.

Резюме. Дискурс, разработанный Чораном в качестве скептика, приобретает определенный смысл в современной реальности, ибо никто не осмеливается воплотить в жизнь текст, призванный показать человека, одержимого сомнением. Но чтение работ румынского мыслителя возбуждает нас до такой степени, что мы вынуждены вообразить, каким же будет человек, который мог бы осуществить их на практике.

Es muy probable que el escéptico no tenga derecho a elaborar discurso alguno, también es muy probable que el escepticismo no sea siquiera posible, pero lo que no puede dudarse es que cuando aparece en escena algún discurso con pretensiones escépticas, el hombre despierta y se obliga a replantearse todo aquello que ya tiene funcionando como verdadero (incluidos aquellos que piensan que jamás han dudado).

Pero supongamos que el escepticismo es posible y que además el mismo curso de la razón lo hace inevitable. ¿Qué sucede? Que la misma razón que lo hace posible, ella misma lo rechaza como inaceptable, pues en esa misma dialéctica lo muestra como imposible, como carente de sentido querer llevarlo a la práctica. Ahora bien, el discurso que Cioran elabora como escéptico no tiene relación alguna con la epistemología pues no desea plantear como “verdadera” la posibilidad de que el conocimiento que hemos hasta ahora adquirido sea susceptible de un desmoronamiento absoluto; solamente intenta mostrar cómo en cada momento las convicciones humanas se ven destronadas tras el asomo de una mejor o una peor situación, ya que una verdad absoluta, así como el escepticismo, es muy difícil, cuando no también imposible, de fundamentar.

Y en esa encrucijada de la razón (cuando ella misma hace posible el escepticismo), es en la que Cioran ve que se puede, se tiene que elaborar un discurso que no permita que el mundo se reduzca a discusiones solamente sobre lo bueno y lo malo, lo verdadero y lo que no lo es; lo que pertenece a los dominios de la razón y lo que se pretende que no pertenece a ésta misma.

¿Puede la misma razón elaborar ese discurso? Al parecer de Cioran sí es posible ya que el mundo se encuentra en un irremediable desencanto que ha puesto ha puesto el discurso de la razón oficializada en una crisis sin precedente —por supuesto que se trata de una crisis que la misma razón permite. Más el desencanto no siempre lleva a la suspensión del juicio, muchas veces innegablemente ha llevado a la inmoralidad y al crimen, pero en esos casos no se puede hablar de un completo desencanto pues aquellos que deciden optar por alguna de esas posturas está claro que sienten una fascinación desmedida por afirmarse de cualquier manera.

¿Existe entonces un auténtico desencanto? Parece que sólo es posible bajo la posibilidad de que aquél que lo siente haya nacido desencantado, que haya nacido con ese *don negro* como menciona Fernando Savater que le sucedió a Emil Michel Cioran.

Hay que hablar entonces de una disposición de espíritu para vivir dentro de la desfascinación sin salir derrotado, pues el desencanto, si es visto como una meta a alcanzar, puede acabar con las aspiraciones del hombre a seguir dudando de todo (y por consecuencia no querrá elaborar discurso alguno), y lo peor, lo sumerge en el nihilismo.

Podemos hablar ahora del discurso del desencantado, del desfascinado. ¿Qué es, pues, el escepticismo para Cioran? “El escepticismo es un ejercicio de desfascinación”. Y esa desfascinación es producto de no poder adherirse a las razones con las que tan gustosamente está conformado el mundo, de no poder adherirse a las propias razones que uno se inventa para subsistir; de no poder desear algo y dedicarse por completo a ello —y es en ese estado donde surge la necesidad de hablar de la presencia de la duda en cada cosa que se piensa. Ya decía el mismo Cioran estar “cansado de debatirse en los funerales de sus deseos”, que no era otra cosa que la manifestación de un estado en el que las ideas se manifestaban con toda su fuerza pero éstas mismas no podían convencer a la razón de ser verdaderas, absolutas.

Hay que advertir que la desfascinación sólo es posible si existe previamente una fascinación total de lo que acontece en el mundo. No se puede elaborar un discurso sobre lo que es el desfascinarsé si solamente se ha sentido por las cosas que pasan en el mundo un mero goce intelectual pues si fuera de ese modo estaríamos hablando de una no conformidad con lo que ha dicho el hombre, y el discurso se elaboraría alrededor de meros errores de la inteligencia. El discurso desencantado apunta a que todo cuanto es verdadero lo deje de ser —aunque no exista la más mínima ilusión de que eso pueda suceder.

El discurso del que está desfascinado se centra alrededor de estar a disgusto con haber nacido (es imposible el escepticismo si de entrada uno siente que lo mejor de todo es estar vivo, aunque tampoco ese sentir pueda ser elevado al rango de verdad), y se elabora el discurso para dar cuenta de que la desfascinación es muy probable que alguna vez se haga manifiesta en todos los hombres y no por ello se va a dar una matanza a nivel universal, así como tampoco se dará una abulia universal —pues tampoco eso es posible.

El discurso que Cioran elabora como escéptico presenta una de las mejores facetas del hombre: puede un hombre rozar ese tipo de “verdad” que sugiere que ya nada tiene sentido, pero como ese mismo sinsentido no

es en absoluto verdadero, puede por sí mismo alejarse de aquello que por un momento le apreso y le hizo olvidar que en el mundo nada hay que pueda demostrarse, sentirse como verdadero (si uno atiende correctamente lo que Cioran escribe, siempre es evidente la ausencia de la verdad: la oficial y también la que reclaman los locos). En las conversaciones que Cioran sostuvo apuntaba que la aceptación de su primer libro escrito en francés, *Breviario de podredumbre*, por el grado de verdad al que había sido elevado ese libro por parte de todo tipo de locos, hubiera sido mejor llamarlo el manual del pobre diablo

¿Cuáles son las condiciones para que un discurso pueda ser considerado como escéptico? El que lo escribe lo primero que tiene que hacer es olvidarse de lograr objetivos, pues si se elabora un discurso con la tentativa de llegar a algo, la posibilidad de mantenerse en la suspensión del juicio queda anulada. Después debe tener en claro que lo que escribe no sirve para nada (debe aceptar que su discurso solo es válido dentro de la modalidad de testimonio); ya al final debe tener presente que la escritura sirve para reelaborar la escritura y no para probar que uno tiene la razón en lo que argumenta.

Pero pudiera suceder que se crea que escribir para no proponer nada carece de interés o que se trata de un ejercicio de irresponsabilidad para con el lector. Claro que eso no es posible pues el discurso escéptico, en su afán por mantenerse lejos de las afirmaciones y las negaciones, usa el lenguaje con la intención de que el lector no encuentre asidero alguno en el cual afirmar sus creencias, y así obliga a que el mismo lector sea el responsable de lo que piensa.

Por supuesto que el lector no gusta de interrogarse sobre lo que lee, desde siempre ha creído que su labor radica en “entender” lo que el escritor escribe y ha olvidado que su papel fundamental reside en disfrutar o ser sacudido por la lectura – a menos que se trate de un profesional de las letras y se vea obligado a hacer reseñas de lo que lee.

Y precisamente cuando se sabe que el hombre, en su faceta de lector, lo único que busca es encontrar una doctrina a la cual adherirse o una escritura con la cual compartir sus penas, es cuando la necesidad de la escritura escéptica se hace más necesaria pues ésta ayuda a que el lector y el escritor que sólo está dispuesto a cuestionar el mundo a través alguna moda filosófica o por profesión, se aleje de la escritura, o que por lo menos dude de estar haciendo algo benéfico para el desarrollo de la humanidad.

¿Para qué escribir, para qué leer el discurso de un escéptico? Por descabellado que parezca, el hombre sólo lee y escribe sobre aquello de lo

que puede sacar provecho; lo que le remite a preguntarse sobre el sentido de su existencia le es desagradable e incluso desea que no existiera. Y el discurso escéptico cumple la función de enfrentar al hombre consigo mismo, le cuestiona sobre si leer y escribir por provecho es una buena forma de saber lo que es el hombre, y sobre todo, lo que es uno mismo.

Si el discurso es filosófico, el hombre solamente lo crea y hace discusión sobre el para consolarse de no ser comprendido y poder ejercer una profesión; si es literario, para evadir la realidad a través de la invención y de paso ganarse la vida con las letras; si es escritura religiosa, bueno, para no aceptar su soledad en el mundo y de paso tener algunas razones para juzgar en nombre de dios. Y así podemos seguir enumerando los tipos de escritura que existen y llegaremos la conclusión de que todas ellas existen gracias a que cumplen la función de hacer que el hombre pueda olvidarse de sí mismo.

Desafortunadamente, la situación actual en la que se encuentra el hombre (y parece ser que también la de todos los tiempos), no le ha permitido sentir la tentación de manifestarse escépticamente. Tiene que optar, voluntaria o a la fuerza, por decir sí o decir no en su actitud ante el existir. Si está a favor de las cosas que suceden en el mundo seguramente será premiado con un puesto dentro de la administración de los asuntos humanos; si se decide por decir no, igualmente obtiene una recompensa pues el mundo está diseñado de tal manera que también son necesarios argumentos que eviten un rotundo sí a todo lo que acontece en el mundo.

Y aunque a decir de Cioran el “no” es una parte importante a la hora de diseñar el discurso escéptico, él mismo anuncia que ese mismo “no” no deja de ser una traba a la hora de querer impregnar con la duda todo aquello que se lee y escribe.

Aclaremos un poco las cosas. El escepticismo, como medio de adaptación con la realidad, es netamente imposible. Las razones para estar a gusto en la existencia son más antiguas y de más peso que las de dudar que la existencia es lo mejor que le pudo haber ocurrido al hombre. Entre un defensor de la verdad y un escéptico, siempre resultará ganador el primero, pues, como ya diagnosticaba Cioran, “el hombre prefiere perderse en el anonimato antes que enfrentar la angustia de ser él mismo”.

Más no sucede lo mismo con el discurso que elabora el escéptico, si en la vida diaria no puede poner en práctica su postura, en la escritura encuentra el lugar idóneo para hacerlo. Y si se quiere hablar de una falta de congruencia entre lo que dice y lo que hace, no olvidemos que el que defiende la verdad a menudo cambia de parecer a medida que elabora un discurso en el cual argumenta que la verdad no es la misma que en el pasado.

En el caso de la verdad, si argumentamos que ésta misma cambia con el paso del tiempo, si estamos hablando de una completa y vil contradicción; en el caso del escéptico no es así, si no cree en nada, ¿por qué habría de creer en lo que escribe?

Si el escéptico logra serlo con lo que escribe, ¿por qué queremos que lo sea a la fuerza escéptico en la vida? No olvidemos que ni los mismos defensores de la verdad logran ser de la misma manera que lo que escriben en sus obras.

Серхио Ривас Сальгало – аспирант Гуманитарного факультета Штата Мехико.

Sergio Rivas Salgado es estudiante de Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Mariano Rodríguez González

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

DISCURSO DEL DISCURSO:

LA SINFONÍA INACABADA DEL LENGUAJE Y EL SILENCIO

Resumen. El hecho de que el hombre es un ser de logos puede tener muchas acepciones. Una de ellas es que la palabra *logos* puede significar *discurso*, lo cual indicaría que hay un ser cuya nota clave que lo determina es ser hacedor de discursos, que deviene constructor de universos significantes por encima del fácticamente dado o más precisamente reelabora y recrea el ya dado para diseñar e inventar nuevos universos cargados de fuerza espiritual; que convierte realidad en discurso y discurso en realidad.

Резюме. Тот факт, что человек – существо, одоренное логосом, может иметь много значений. Одно из них состоит в том, что слово *логос* означает *дискурс*, а, следовательно, бытие человека определяется производством дискурсов, которые выступают конструктами универсумов значений поверх того, что дается фактически, и эти значения перерабатывают факты, конструируют и изобретают новые универсумы, заряженные духовной силой, способной заставить реальность превратиться в дискурс и дискурс в реальность.

En el principio era la Palabra. Esta legendaria frase nos indica el carácter originario que tiene el lenguaje mismo y su trabazón íntima con el ser, su conexión con las cosas y el fundamento ontológico desde el cual se instala el acto mismo de la palabra; En el principio era el verbo, quiere decir que el

origen de las cosas y el acto de la expresión verbal son contemporáneos o más precisamente la creación del mundo con la creación del lenguaje se dan en un mismo acto. No es otra cosa lo que nos quieren decir los mitos cuando nos narran el origen del cosmos y de todas las cosas al dar a cada elemento el nombre propio que les corresponde de manera tal que el gesto primario de los dioses al dar a luz a las cosas y a los elementos configuradores del cosmos es nombrando su naturaleza propia y su verdadero ser. La idea del verbo creador y la idea de un Logos divino son ideas que animan esencialmente dos formas de religiosidad que se han fundido para desplegar lo que se ha llamado culturalmente 'el espíritu de occidente': la religión judío-cristiana y la religión greco-latina. De ahí que la tradición occidental sea esencialmente verbalista, es decir que todo tenga que ser comprendido en el lenguaje, y que el ser de las cosas pueda ser expresado.

Desde este punto de vista el lenguaje humano depende esencial y originariamente de un lenguaje divino que está ontológicamente en las cosas. El lenguaje no es un instrumento o utensilio necesario para algún determinado oficio, por ejemplo, la comunicación. El lenguaje no es un accesorio ni mucho menos un medio o un adorno inventado para vanagloria o voluntad de poder del hombre, como lo puede ser un martillo, una flecha, una corona de oro. No hay duda de que hay una relación intrínseca entre el origen de la cultura y el origen del lenguaje, pero éste no puede reducirse a ser un medio pragmático para la transformación de la naturaleza o para la organización de un mundo colectivo entretejido por venas de comunicación circulación de significados. El hombre no posee al lenguaje como puede tener un arma, sino a la inversa, es este ser que al recibir el don de comprender el ser, es poseído por el lenguaje. el ser del hombre es el ser del lenguaje, y el ser de éste último tiene su raíz en el ser del mundo, lo cual significa que la palabra pertenece al ser; y que el modo de estar originariamente el hombre en el mundo, es decir su situación existencial ontológica fundamental, es devolverle la palabra al ser, es comprender al ser en el lenguaje.

Desde un punto de vista antropológico, decir que el hombre es un ser de logos puede tener muchas acepciones. Una de ellas es que la palabra *logos* puede significar discurso, lo cual indicaría que hay un ser cuya nota clave que lo determina es ser hacedor de discursos, que deviene constructor de universos significantes por encima del fácticamente dado o más precisamente reelabora y recrea el ya dado para diseñar e inventar nuevos universos cargados de fuerza espiritual; que deviene en su ser hacer del ser palabra, mundo hecho discurso, y discurso hecho mundo. La enigmática dimensión, pues, de la que el hombre participa es que al tener el don de la palabra se

convierte en caja de resonancia en la que el mundo vierte su infinita musicalidad de significados, el sentido profundo de las cosas que, que en su discreta y silenciosa mudez, espera ser tocado por las cuerdas tejidas del discurso, sobre las que fluye vitalmente los secretos íntimos del alma de las cosas, del corazón de la vida o del enigma del universo y del habitar en él.

El hombre se abre al mundo por la palabra, y es en el discurso en el que el hombre navega, como el pez en el agua, en el mar de significados que se le dejan manifestar en los tejidos de los discursos con los que articula el mundo para poderse instalar inteligiblemente. Porque el hombre es el único que ser que se instala en las cosas por medio de la palabra, o lo que es lo mismo es el único ser en el cual el ser de las cosas se da como lenguaje, de manera tal que la cosa y el lenguaje forman una unidad indisoluble que entrelazadas configuran eso que llamamos hombre. El cuadro del mundo es pintado por esa fuerza de unión entre los colores descubiertos por el pincel del lenguaje y el espíritu creativo de expresión que los arrastra a adquirir tonalidades y vibraciones determinadas según dicho encuentro. El hombre es producto de este encuentro, de esa danza creativa que expresa la comunión y entrelazamiento dinámico entre palabra y cosa. El hombre debe ser entendido desde esta unidad intrínseca de lenguaje y cosa.

Desde un punto de vista etimológico lo que nosotros llamamos lenguaje, discurso o palabra, clásicamente ha sido determinado en buena medida por la palabra griega *logos*. Para poder entender la estructura relacional que el lenguaje tiene con las cosas es legítimo aclarar como dicho término griego llegó a adquirir el significado de lenguaje. El término *logos* designa palabra, discurso, el *légein*: el decir en tanto que decir, el irrumpir en el espacio silencioso con palabras. Pero *logos* se derivó del verbo *légein*, que originariamente no significaba discurso o palabra: antes de significar 'decir', *legein* designaba el acto de 'reunir' y de 'recoger'; tal reunión nunca se presentaba como mero sumar o simple 'juntar' era una conjunción que ensambla bajo cierta secuencia y continuidad, discernimiento, selección o principio que norme el orden de unión con cierto enlace y fin. El significado doméstico de *légein* estaba orientado a la recolección de la leña o la selección de las espigas. La conjunción no es tal sin la soga que los enlace, sin el lugar y orden en que se ubiquen dentro del conjunto; esta secuencia de orden no puede ser sin la distinción, la determinación y la diferencia de las formas de cada leño. No podemos reunir sin caracterizar a cada elemento dentro de un todo. La reunión no se da sin la separación, ambas establecen una multitud, definida cualitativamente dentro de una unidad de sentido, y es lo que tiene lugar en el nombrar y en el decir.

Desde este sentido clásicamente se ha determinado que el hombre es el ser de la palabra (*Zoon lógon exou*, animal dotado de palabra). Como llegó a él la palabra es algo que es en raíz un enigma, una pregunta que sólo vale la pena plantearse para espolear el juego del intelecto, para abrir los ojos al portento de su genio comunicativo, pero no es una pregunta cuya respuesta segura esté al alcance de los humanos. El enigma está ya marcado en el origen del lenguaje, en el hecho de que el don de la palabra haya posado sus alas en lo que extrañamente llegamos a llamar 'ser humano' término usado quizá por un ingrata actitud de vergüenza ante nuestra compartida animalidad, pues por ser animales parlantes no dejamos de participar del humus de la tierra (quizá de ahí venga la palabra 'humano', del humus de la tierra), aunque que por haber sido elevado gracias a esas alas por encima de la muda materia inerte y de la siempre discreta naturaleza, se le han subido los 'humos', como decimos comúnmente, para sentirse soberano y 'elegido' para una misión especial en dicha naturaleza.

Poseedor de la palabra, poseído por esta, cuando la palabra eligió la tosquedad y la flaqueza de la condición humana como morada se liberó del gran silencio de la materia, o golpeado por el martillo el mineral insensato se ha puesto a cantar. Pero esta liberación, la voz humana que suscita el eco donde no había antes sino silencio, es tanto milagro como escándalo, sacramento como blasfemia. Porque hasta en los infinitos abismos de los espacios cósmicos el silencio reinante en ellos es susceptible de ser mancillado por la locuaz violencia de la palabra humana.

Y esta transgresión por la palabra en el silencio insondable del universo tiene dos móviles en la situación existencial del hombre: el horror y el asombro. La raíz de dicha violencia transgresora es el sentimiento irracional del animal parlante que ante la mudez infinita del universo, ante el abismal silencio de la materia inerte le genera un insoportable terror la prepotencia de lo incógnito, y una delirante fascinación ante la infinita belleza de los enigmas guardados en la corporeidad de dicho silencio.

La palabra pues es una línea misteriosa que se cierne entre la naturaleza y la cultura, entre la animalidad y la humanidad, pero que no necesariamente es un muro impenetrable sino que muy al contrario se permean y se bañan de sentido estos dos mundos, de manera tal que hasta los mismos símbolos arcaico de los mitos estas cargados de una animalización del espíritu y una humanización o antropomorfización del animal; si captamos correctamente los mitos del centauro, el sátiro y la esfinge, ha sido tejido con la fibra misma del hombre, y cuya inmediata cercanía instintiva, cuya forma física sólo parcialmente se han alejado de la nuestra.

Si el hombre hablante ha hecho del animal su servidor mudo o su enemigo, el dominio de la palabra por el hombre ha resonado también en la puerta de los dioses. Más que el fuego, cuyo poder de iluminar o consumir, de expandirse y de recogerse, se le asemeja tan extrañamente, el habla es el centro mismo de la insumisa relación del hombre con los dioses. El también crea palabras y crea con palabras. ¿Puede haber una coexistencia que no esté cargada de tormento y rebeldía mutuos entre la totalidad del *logos* y los fragmentos vivos, creadores de mundo, de nuestra propia habla? El acto de hablar, que define al hombre, ¿no lo constituye también en rival de dios?

Pero la palabra no se doblega; canta en la boca de la muerte. La palabra es el escándalo y desafío de los dioses. Hasta de las puertas de la muerte el hombre hace brotar el torrente vivo de las palabras.

En general la compleja relación entre la palabra y el silencio está anclada en una dinámica rítmica que se asemeja al juego creador de la música a partir de la danza entre el sonido y el silencio. La palabra en su origen es musical precisamente por este juego con el silencio. Porque el silencio es una música callada y la palabra es el eco sordo del silencio. El lenguaje es pues una sinfonía inacabada entre la palabra y el silencio.

Маэстро философии Мариано Родригес Гонсалес – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Maestro en Filosofía Mariano Rodríguez González es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Jaime Collazo Odriozola

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

DISCURSO SOBRE LA UTILIDAD DEL CONOCIMIENTO HISTÓRICO

Resumen. Una de las objeciones más sostenidas contra el conocimiento histórico, se basa en su falta de utilidad. El artículo argumenta sobre la utilidad en dos situaciones diferentes, una influye en las decisiones que los seres humanos toman en el presente y la otra nos libera de ataduras culturales cuyo origen desconocemos.

Резюме. Одно из распространенных возражений против исторического познания базируется на отсутствии его пользы. В статье выдвигаются двоякого рода аргумент, защищающий пользу истории. Первый – это влияние по-

знания истории на решения людей в настоящем и второй - это освобождение людей от культурных предрассудков, происхождение которых им неизвестно

El embate. La discusión prolongada por más de un siglo y medio acerca de la calidad científica del conocimiento histórico, no podía tener conclusión porque era una forma de encubrir el tema de su utilidad, donde debió centrarse realmente la controversia. Los “beneficios” de las ciencias cuyo objeto era la naturaleza no ofrecían ninguna clase de dudas. En la segunda mitad del siglo XX ese tema salió a la superficie y se transformó en el centro de la discusión sobre la pertinencia de la disciplina.

En los tiempos actuales, comandados por los posmodernistas, parecen haberse impuesto quienes le niegan esa cualidad, al menos tomando en cuenta lo ocurrido con los actuales planes oficiales de enseñanza. La reducción de los cursos de historia en muchos países, incluido el proyecto de reforma educativa del gobierno francés en trámite en esta segunda mitad de 2008, aparentemente son el resultado de esas ideas impuestas por los neoliberales y su “fin de la historia”. El caso francés es paradigmático, porque durante la mayor parte del siglo XX ocupó la vanguardia en cuanto a la innovación y renovación de los estudios históricos. Cuando aquel tema parecía zanjado reapareció con fuerza inusitada y mayor profundidad.

Ya en 1945 Paul Valéry decía:

La historia es el producto más peligroso que haya elaborado la química del intelecto. Sus propiedades son muy conocidas. Hace soñar, embriaga a los pueblos, engendra en ellos falsos recuerdos, exagera sus reflejos, mantiene sus viejas llagas, los atormenta en el reposo, los conduce al delirio de grandezas o al de persecuciones, y vuelve a las naciones amargas, soberbias, insoportables y vanas. La historia justifica lo que quiere. No enseña rigurosamente nada, porque contiene todo y da ejemplos de todo⁴.

Sin embargo, ese ataque no la declaraba inútil, su peligrosidad implicaba alguna utilidad. La arremetida posterior fue mucho más letal.

La historia liberadora. En un libro que, sin atenerse a lo literal, el traductor tuvo el talento para “inventarle” un título más adecuado al original italiano, Benedetto Croce sostiene la importancia del conocimiento histórico porque nos libera del proceso histórico. Todos nos criamos en alguna cultura que nos moldea y nos hace como somos. Para el autor italiano “somos producto del pasado, y estamos viviendo sumergidos en lo

⁴ Paul Valéry. *Miradas sobre el mundo actual*. Losada, Buenos Aires, 1945, p. 37.

pasado, que por todas partes nos oprime”⁵. Al hablar de herencias ideológicas, Braudel decía: “...también los encuadramientos mentales representan cárceles de larga duración”⁶.

Cuando nacemos, ya existen formas de producción, de organización política, de ordenamiento social, preceptos morales, religiosos, normas de convivencia, etc. Dentro de esos límites nos formamos, esa realidad nos moldea a su modo, nos inculca ciertas conductas. Conductas sin sentido en la actualidad pero esculpidas en nosotros desde nuestro nacimiento y quizá un poco antes. Algunas de ellas nos molestan, pero no podemos evitarlas. Conocer su origen, los motivos por los cuales surgieron, o las necesidades que las produjeron nos permiten optar entre eliminarlas en nosotros o mantenerlas, pero ya sabiendo su origen y razón de ser, sin el malestar que nos provocaban antes.

Aunque es difícil quitarnos las ataduras del pasado anudadas por nuestra cultura, la historia nos ayuda en esa tarea. Lucien Febvre lo expresó con su acostumbrada elocuencia y su vuelo poético: “La historia (...) es un medio de organizar el pasado para impedirle que pese demasiado sobre los hombros de los hombres”⁷. Entonces, conocer el origen de ciertas costumbres, ritos, tradiciones y preceptos de convivencia, nos permiten hacer una elección más lúcida y abandonar ciertas conductas molestas cuyo origen desconocíamos. Conocer el pasado nos libera de fragmentos de ese mismo pasado que llevábamos en nosotros sin saber su origen y su causa.

En ese sentido la historia se acerca al psicoanálisis, porque la regresión individual, al mostrarnos el origen de marcas escondidas, conductas incómodas o desagradables, aunque inevitables, nos permite digerirlas. Así como el psicoanálisis nos libera de ciertas insatisfacciones mediante el conocimiento del origen de nuestras conductas individuales, también el conocimiento del origen del ámbito cultural que nos formó, de la sociedad que nos moldeó, juega un papel muy importante en nuestra liberación de parte de ella. “...hallazgos tales no nos gustan mucho; nos humillan”⁸. El psicoanálisis no nos garantiza la modificación de las conductas discordes, porque no siempre es posible, pero nos faculta para vivir menos incómodos con ellas. Tampoco el conocimiento histórico no asegura un cambio en nuestras formas de sentir, pensar, actuar; pero la explicación de nuestro

⁵ Benedetto Croce. *La Historia como hazaña de la libertad*. FCE, México, 1979, p.

⁶ Fernand Braudel. “La larga duración” en *La Historia y las Ciencias Sociales*. Alianza, Madrid, 1968, p. 71.

⁷ Lucien Febvre. *Combates por la historia*. Ariel, Barcelona, 1975, p. 244.

⁸ *Idem*, p. 66.

pasado social nos permite reconciliarnos con aspectos que no nos agradan de nosotros mismos, de nuestro entorno cultural; ubicarlo claramente, conocer las causas y el origen de aquello desagradable nos ayuda a tolerarlo cuando no estamos dispuestos a modificarlo.

Nuestras decisiones. Para algunos pensadores posmodernos los historiadores no nos presentan el pasado, solo ofrecen imágenes selectivas del pasado, diferentes según el historiador y el punto de vista adoptado, pero todas ellas igualmente válidas. Con otra forma de expresarlo, ya lo habían puesto de manifiesto diversos historiadores. En 1921, Huizinga había escrito: “La Historia es siempre, por lo que se refiere al pasado, una manera de darle forma (...) lo único que nos ofrece la Historia es una cierta idea de un cierto pasado, una imagen inteligible de un fragmento del pasado”⁹.

Efectivamente, cada historiador ofrece una imagen de un pasado, pero en una gran parte de los casos esas imágenes de diversos autores no son contradictorias sino complementarias, cuando se conocen varias se alcanza una comprensión mucho más matizada y amplia de ese fragmento del pasado. En segundo lugar, cuando esas imágenes son antagónicas, cada historiador expone sus fundamentos. De esta forma el lector puede decidir por sí mismo sobre la calidad de cada una y optar.

Sin embargo, esas imágenes influyen en forma intensa sobre las decisiones que tomamos en el presente, especialmente opciones políticas, sociales, culturales. No es casualidad que los gobiernos se hayan reservado la exclusividad de las primeras imágenes del pasado a que tienen acceso los niños en la escuela primaria y secundaria. La “historia de bronce” tiene una finalidad determinada. Desde su nacimiento, el conocimiento histórico siempre fue motivo de interés para los grupos dominantes y en especial para los gobernantes. Durante muchos siglos los historiadores escribieron en función de los intereses del gobierno que los mantenía, lo cual llevó a Croce a calificarlos de “literatuelo (...) adulator de los poderosos del día...”¹⁰ Recién en el siglo XVIII, cuando el conocimiento histórico se cultivó adoptando el punto de vista de un sector social relegado políticamente y aspirante a escalar esa cumbre, fue cuando los historiadores comenzaron a investigar el pasado para develar el origen de ciertas situaciones cuya responsabilidad se atribuía a dios, para quitarle a ese grupo dominante la aureola con la cual se había rodeado para justificarse. El conocimiento histórico comenzó a ser un arma de lucha para algunos sectores dominados.

⁹ Johan Huizinga. *El concepto de la historia y otros ensayos*. FCE. México, 1977, pp. 92 y 91.

¹⁰ Op. cit., p. 39.

Con el tiempo, ese conocimiento ingresó en los institutos de enseñanza superior donde fueron formados historiadores con una preparación profesional progresivamente más competente. Eso no impidió a mucha otra gente seguir utilizando la historia para fines ajenos a ella misma. Un político mexicano sostuvo: “No se edifica un futuro a la medida de imperio alguno si no se inventa un pasado que incluso la víctima que se trata de “liberar” haga suyo y sienta como odioso”¹¹. Citas equivalentes podría multiplicarse.

Todos los intentos por poner la disciplina al servicio de intereses e ideologías ajenas a las finalidades del propio conocimiento histórico son espurias y no pueden ponerse como ejemplos de la inanidad la materia. Por supuesto que esas formas de hacer historia solo sirven para engañar, pero eso no impide considerar los trabajos serios y documentados como un elemento útil para mejorar nuestras decisiones actuales en un considerable porcentaje. Un elemento valioso a la hora de considerar la actitud que tomamos sobre la situación actual, es conocer la forma en que se llegó a esta situación. Esa es la razón por la cual muchos ideólogos y charlatanes, usan el conocimiento histórico para “probar” absurdas “hipótesis” y justificar sus proposiciones. Ellos parten de sus convicciones, toman del pasado lo que les conviene y desechan aquello que contradice sus afirmaciones. Eso no es conocimiento. Esas “historias” deben ser rechazadas. Para discriminarlas el público debe ser preparado, debe descubrirlas de inmediato y separarlas de los verdaderos análisis históricos. Para el buen funcionamiento de la democracia los participantes deben estar lo más preparados posible para pensar críticamente y descubrir rápidamente a los demagogos.

Доктор по изучению Латинской Америки Хайме Кольясо Одрियो-сола – профессор-исследователь Гуманитарного Факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Doctor en Estudios Latinoamericanos Jaime Collazo Odriozola es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

¹¹ Carlos Castillo Peraza. “Una orilla fatal”, en *Proceso* No. 1021 del 27 de mayo de 1996, p. 59.

KARL POPPER: LA CIENCIA COMO DISCURSO FALIBLE

Resumen: El artículo desarrolla la tesis de Popper que considera al discurso científico como un discurso falible, a partir de lo cual, el autor de la *Lógica de la investigación científica* construye su propuesta metodológica falsacionista en la que, a pesar de la incertidumbre sustancial de la ciencia, se insiste en considerar a ésta como una búsqueda de la verdad.

Резюме: Статья развивает тезис Поппера, рассматривающий науку как опровержимый дискурс. Исходя из этого, автор *Логике научного исследования* конструирует свою методологию фальсификации, которая считает, что наука, несмотря на свою субстанциальную зыбкость, направлена на поиск истины.

1. Introducción

Karl Popper es, sin duda, uno de los filósofos referenciales del siglo XX. Destacado filósofo de la ciencia y de la política, es autor de, al menos, dos textos fundamentales de la filosofía contemporánea: *La lógica de la investigación científica* y *La sociedad abierta y sus enemigos*.

El pensamiento filosófico de Popper parte de una sencilla tesis, a saber: que los seres humanos apeteceamos la verdad en la misma medida en que estamos condenados a equivocarnos. La filosofía de Popper, el racionalismo crítico, subraya el carácter falible de la condición humana, y por tanto de todo discurso humano; sin embargo, también enfatiza nuestra capacidad para, a través de la discusión crítica, aprender de los errores, en el contexto del debate civilizado orientado por la búsqueda común de la Verdad.

A partir de esta base, el *falsacionismo*, versión metodológica del racionalismo crítico, nos desengaña para siempre de toda pretensión de certidumbre de la ciencia, ya que concibe a ésta como un discurso falible que, como toda creación humana, expresa nuestra humana falibilidad, y en la que, sin embargo, el reconocimiento del error y la superación de éste es síntoma de racionalidad.

2. Ciencia, método inductivo y certidumbre

Durante algún tiempo se pensó que, con la consolidación de la ciencia, la humanidad tenía, ¡por fin!, una forma de conocimiento poseedora de un método, si no infalible, al menos si capaz de superar las imprecisiones propias de formas de conocimiento premodernas. Este método era el inductivo. Es decir, el discurso científico se presentaba como una forma de explicación que

se basaba en la experiencia, y que por lo tanto, no hacía referencia a discursos meramente intelectualistas, a veces delirantes, que pretendían explicar la realidad. En esta idea se sostenía que sólo la lógica inductiva estaba en condiciones de establecer reglas que permitían, con un alto grado de certidumbre, obtener conocimiento de la experiencia, ya que, ¿cómo se podría dudar de la evidencia presentada por los sentidos? Alan Chalmers, nos proporciona una descripción sumamente clara del proceder científico inductivo:

Según el inductivista... la ciencia comienza con la observación. El observador científico debe tener órganos sensoriales normales, no disminuidos y debe registrar de un modo fidedigno lo que puede ver, oír, etc., que venga al caso de la situación que está observando y debe hacerlo con la mente libre de prejuicios... Los enunciados a los que llega de este modo (los llamaremos enunciados observacionales) forman, pues, la base de la que se derivan las leyes y teorías que constituyen el conocimiento científico... (Chalmers, 1987: 12)

La cita expresa con claridad el "artículo de fe" que profesa el inductivista, a saber: *que la ciencia comienza con la observación*, y sólo después de un largo proceso se concluye con la formulación de un enunciado universal en calidad de teoría o ley general. El hecho de que la ciencia se fundamente en la observación garantiza, en la opinión del inductivista, la objetividad y neutralidad ideológica del discurso científico, lo que trae como consecuencia la alta consideración en la que se tiene al conocimiento científico.

3. Ciencia e incertidumbre: el problema de la inducción

Sin embargo, para Popper, la identificación entre la lógica inductiva y el método científico es un ídolo baconiano, un prejuicio que es necesario eliminar (Popper, 1998). En palabras de este autor: "...la inducción es un mito. No existe ninguna lógica inductiva. Ni es de lamentar que no exista la inducción, al parecer, nos pasamos bastante bien sin ella..." (Popper, 1994: 55); el autor de *La sociedad abierta y sus enemigos*, niega enfáticamente no sólo que la lógica inductiva sea la lógica de la investigación científica, sino, más aún, niega que la lógica inductiva exista y opere realmente en nuestros procesos mentales.

Esta postura frente a la inducción es la consecuencia de rehabilitación, por parte de Popper, del viejo problema epistemológico de la inducción. Como se sabe, el objetivo de la ciencia es establecer leyes generales que permitan explicar la naturaleza. Estas leyes generales se presentan como enunciados universales. Ahora bien, el problema de la inducción cuestiona precisamente el logro de este objetivo, puesto que, desde un punto de vista

meramente lógico, sabemos que la verdad de una determinada conclusión debe estar implicada en la verdad de las premisas que la apoyan o, en otras palabras, sabemos que: de premisas verdaderas sólo es lícito derivar conclusiones verdaderas (Copi, 1999). Esta formalidad es cumplida a cabalidad por los argumentos deductivos, no así por los inductivos en los que, supuestamente, se funda la ciencia. Popper formula de manera clara problema referido:

Nosotros podemos observar sólo determinados acontecimientos y de ellos únicamente un número limitado. Sin embargo, las ciencias empíricas formulan *enunciados universales*, como por ejemplo leyes naturales, que deben ser válidas para un número ilimitado de fenómenos. ¿Con qué derecho formula la ciencia estas leyes? ¿Qué se quiere decir exactamente con enunciados de este tipo? Estas preguntas determinan a grandes rasgos el problema de la inducción... “Problema de la inducción” se denomina... la cuestión acerca de la validez o fundamentación de los enunciados universales de las ciencias empíricas... (Popper, 1998: 45)

El problema de la inducción, pues, pone en cuestión la validez de los enunciados científicos. Todo razonamiento inductivo se presenta como una extrapolación en la que, a partir de una información relativa a un número finito de casos conocido (vale decir, observados), dicha información se amplía a un número mayor de casos no conocidos (vale decir, no observados). En otras palabras, recurriendo al caro ejemplo popperiano de los cuervos, no es posible asegurar que “todos los cuervos son negros” sobre la base de haber observado un número limitado de cuervos en los que se da el caso de que sean negros. Desde un punto de vista meramente lógico el paso de lo particular a lo universal carece de justificación. No importa el número de veces que hayamos observado cuervos negros, nada nos asegura que el siguiente cuervo observado sea negro. Como bien dice Popper: ...desde un punto de vista lógico dista mucho de ser obvio que estemos justificados a inferir enunciados universales partiendo de enunciados particulares, por elevado que sea su número; pues cualquier conclusión que saquemos de este modo corre siempre el riesgo de resultar falsa... (Popper, 1999: 27)

En la inducción se da el caso que la verdad de las premisas no determina la verdad de la conclusión. No importa el número de enunciados básicos verdaderos, pueden ser uno, mil o un millón, la verdad de la conclusión no se deriva de las premisas. Es decir, en el ámbito del discurso científico, el problema de la inducción plantea la dificultad de establecer leyes científicas a partir de la observación. En otras palabras, la ciencia no está autorizada, desde un punto de vista meramente lógico, a establecer

juicios universales en calidad de verdades incuestionables. Así, pues, una vez que queda demostrada la falibilidad del discurso científico, ha de aceptarse que la ciencia debe trabajar en el marco de una razón falible y, por lo tanto, en la incertidumbre.

4. La ciencia como discurso falible: el falsacionismo

La inducción es, para Popper, un caso perdido, y finalmente un mito. En la idea de nuestro autor no es cierto que la lógica de la investigación científica sea inductiva. Aceptar el inductivismo implica, como ya hemos visto, serios problemas en la inferencia que finalmente ponen en entredicho la racionalidad del quehacer científico.

Así, pues, el rescate de la racionalidad del discurso científico exige, en primer lugar, la eliminación de la inducción, y en segundo, la construcción de una metodología no-inductivista capaz de preservar el carácter empírico de la ciencia, su racionalidad, así como el objetivo de la ciencia, o sea la verdad, en las nuevas condiciones de incertidumbre en las que debe operar la lógica científica.

En sentido estricto, Popper resuelve el problema de la fundamentación racional del discurso científico eliminando a la inducción. Pero, dicha solución requirió, como paso previo, eliminar los prejuicios que hacían del discurso científico un objeto intocable exento de la crítica. Así, dice Popper: "...sugerí entonces que todo el problema [de la inducción] venía de la creencia errónea de que el *conocimiento científico* era un tipo de conocimiento especialmente estricto o seguro o augusto..." (Popper, 1999: 52). Según nuestro autor, este "respeto" irracional hacia la ciencia opera en el científico paralizado su capacidad crítica y, con esto, inhibiendo el desarrollo de la ciencia. Una vez que se acepta que el discurso científico no ofrece un conocimiento particularmente "estricto, o seguro o augusto", se está en condiciones de ver a la ciencia desde otra perspectiva.

Ahora bien, la solución popperiana al problema de la inducción, y por ende al problema de la fundamentación racional del discurso científico, consistió en lo siguiente: Si el problema de la inducción nos pone de manifiesto la falta de justificación de los enunciados universales de la ciencia, entonces ¡no les exijamos ninguna justificación! Aceptemos sin reparo alguno que todo enunciado universal, y en consecuencia toda teoría científica, es una simple y humilde conjetura. La siguiente cita expresa con claridad la postura Popperiana: ...si suponemos que lo que llamamos "conocimiento científico" consiste sólo en suposiciones o conjeturas, entonces este supuesto es suficiente para resolver el problema de la inducción... sin sacrificar el empirismo... porque "*las suposiciones no se*

inducen a partir de observaciones". Este hecho nos permite aceptar sin reservas... la crítica lógica... a la inducción, y renunciar a la búsqueda de una lógica inductiva, a la búsqueda de la certidumbre... mientras seguimos nuestra búsqueda científica de la verdad... (Popper, 1998: 53)

Una vez que aceptamos el carácter hipotético, conjetural, del conocimiento científico el problema de la inducción desaparece. Esto es así porque, en la idea de Popper, nuestras teorías más interesantes no tienen su origen en la experiencia, es decir, no son la conclusión de un proceso inductivo, sino el producto de la creatividad de la mente humana, en estricto sentido son productos de la mente. Popper lo expresa en la siguiente cita: "Las teorías científicas no son recopilaciones de observaciones, sino que son invenciones, conjeturas audazmente formuladas para su ensayo..." (Popper, 1972: 72). Es decir, los científicos brillantes "inventan" teorías para la solución de algún problema que requiera solución; estas teorías deben ser puestas a prueba en la realidad, expuestas a la crítica propia y ajena. Si la teoría en cuestión resiste la crítica, entonces estaremos hablando de una teoría productiva, en caso contrario, deberá ser eliminada. Así, pues, en el esquema popperiano, la crítica a las teorías es fundamental, de hecho, se constituye en piedra angular y motor del progreso científico. Así, pues, para nuestro autor, el método de la ciencia es una elaboración consciente del método de ensayo y eliminación error, tal y como se manifiesta en siguiente cita:

Si se desarrolla de manera más consciente el método de ensayo y error éste comienza a tomar las características del "método científico". Se puede describir este método brevemente, de la siguiente manera. Enfrentado con cierto problema, el científico ofrece, tentativamente, algún género de solución: una teoría... La teoría es criticada desde muy diversos ángulos para poner de manifiesto los puntos vulnerables que pueda tener. Y la testación de la teoría consiste en exponer esos puntos vulnerables al más severo examen. Todo esto, por su puesto, es también una variante del método de ensayo y error. Se elaboran teorías tentativamente y se las ensaya. Si el resultado de un test muestra que la teoría es errónea, se elimina; el método de ensayo y error es esencialmente un método de eliminación... (Popper, 1972: 376)

Popper insiste en la necesidad de la crítica, como el mecanismo a través del cual tenemos criterios para eliminar las teorías científicas que se consideran equivocadas. Una teoría científica, en realidad, no se puede verificar en un cien por ciento, puesto que es imposible conocer la totalidad de los hechos; por esto, Popper usa el término corroborar, es decir, dado que toda teoría que es una conjetura puesta a examen, se corrobora en la

medida que “aprueba” dicho examen. En su afán por corroborar sus teorías, la tarea del científico no es encontrar hechos que verifiquen la teoría, sino hechos que demuestren su falsedad.

Ahora bien, este proceder por ensayo y error propio del método de la ciencia se ajusta a la formalidad de la lógica deductiva, en concreto al rigor del *modus tollens*. Es decir, en vez de tener la estructura “Todo X es Y”, el enunciado científico, debe tener la estructura “Si X entonces Y”, de tal manera que, más que una verdad definitiva, los enunciados científicos son meras hipótesis de trabajo. Expresar los enunciados científicos en enunciados hipotéticos, permite conservar la experiencia como un elemento de las ciencias empíricas, a la vez que dotar de corrección lógica las inferencias de la ciencia. Una teoría refutada, paradójicamente, significa, también, un avance en el conocimiento. La ciencia avanza, realmente, a través del juego dialéctico de ensayo y error. Mientras más audaces y poco convencionales sean las hipótesis, más falsables resultan y, por lo tanto, más servicios le prestan a la ciencia. Una teoría audaz, innovadora, que apruebe los duros exámenes a los que es sometida significa un auténtico avance en la ciencia.

Como vemos, la incertidumbre que caracteriza al discurso científicos, no implican de ninguna manera una renuncia al, objetivo de la ciencia, esto es, a la consecución de la Verdad, puesto que, después de todo, ésta se plantea como una idea regulativa, un ideal ante el que siempre nos quedamos cortos, y en la que la falsedad, el error, es sólo un momento transitorio en dirección a esa meta.

BIBLIOGRAFÍA

- Copi, Irving y Carl Cohen (1999), *Introducción a la lógica*, Limusa, México.
Chalmers, Alan (1987), *¿Qué es esa cosa llamada ciencia?*, Siglo XXI, México, 1987.
Popper, Karl (1972), *Conjeturas y refutaciones*, Paidós, Barcelona.
(1994), *Búsqueda sin término*, Técnos, Madrid.
(1998) *Los dos problemas fundamentales de la epistemología*, Técnos, Madrid.
(1999), *la lógica de la investigación científica*, Técnos, Madrid.

Маэстро философии Гамалиель Рендон Гарсиа – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного Университета штата Мехико.

Maestro en Filosofía Gamaliel Rendón García es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades, de la Universidad Autónoma del Estado de México.

María Luisa Bacarlett Pérez

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

DISCURSO Y “MONSTRUOS VERDADEROS”

Resumen. El autor analiza el concepto de “monstruo verdadero” a través del cual Michel Foucault reconoce aquellas teorías e ideas que, por no estar “en la verdad” de una época, pasan como construcciones falsas o incomprensibles. Tal concepto destaca, ante todo, los procedimientos propios de todo discurso en tanto estructura de prohibición y selección de enunciados.

Резюме. Автор анализирует понятие «настоящие монстры», посредством которого Мишель Фуко распознает те теории и идеи, которые, не будучи признанными истинными в свою эпоху, считаются ложными или непонятными конструкциями. Данное понятие выявляет процедуру, свойственную всякому дискурсу в качестве структуры запрещения и отбора высказываний.

Es conocida la postura foucaultea respecto al poder disciplinario, una nueva manera de ejercer el poder que despega entre los siglos XVII y XVIII en Occidente y que se caracteriza por un uso “económico” del castigo, por una administración racional de la vigilancia y el control. La manera como Foucault define a la disciplina frente a la anterior manera en que el poder era tradicionalmente ejercido, que bien podemos llamar “soberana”, es que mientras en ésta el acento era puesto en el hacer morir, ubicando a la vida en un segundo plano: “hacer morir y dejar vivir”; en el esquema disciplinario el acento se pone en la vida: “hacer vivir y dejar morir”. Desde esta óptica es que cobra sentido la idea de que el poder en Foucault es una realidad “productiva” o “positiva”, su tarea no es primordialmente coartar o coaccionar, sino “producir” conductas, maneras de ser y de pensar, subjetividades. Este talante “positivo” del poder se refleja sobre todo en que ahora lo primordial en el ámbito del castigo no recae tanto en supliciar o martirizar, sino en el “normalizar”, en reencauzar los comportamientos, las pautas, los hábitos.

No es extraño por lo tanto que Foucault afirme que el occidente moderno ha nacido con una obsesión por la norma, con una especie de *horror vacui*, horror a lo indeterminado, a lo incalculable, a lo que está fuera de todo orden. En el ámbito del conocimiento tal estado de cosas no es muy distinto, ya la misma “*episteme* clásica” surge como voluntad exhaustiva de ordenamiento (*mathesis*). En el ámbito de la economía y la historia natural clásicas, por ejemplo, la tabla clasificatoria y la taxonomía marcarán una nueva modalidad de conocimiento que explotará las similitudes y diferencias que los discursos

alumbran, con el objeto de trazar espacios cuadrículados en donde cada cosa encuentre su lugar y su verdad completa.

Las ciencias cargan siempre con ellas el mismo proyecto añejo de una puesta en orden exhaustiva: ellas se dirigen siempre también hacia el descubrimiento de elementos simples y de su composición progresiva, y en su medio ellas son cuadro [clasificador], presentación de conocimientos en un sistema contemporáneo de él mismo. El centro del saber, en los siglos XVII y XVIII, es el cuadro. (Foucault, 1966: 89).

El nuevo arte de gobernar que se inaugura en occidente en la época clásica es contemporáneo de esta concepción topológica y casi matemática de la naturaleza: en ambas un afán económico y simplificador entra a escena en aras de ordenar y controlar los objetos del mundo. Las ciencias modernas (en el entendido en que aún son muy clásicas) nacen también, pues, con esta obsesión por ordenar y excluir aquello que no se sujeta a un patrón dado, todo aquello que implica discontinuidad y azar. Habría, así, tanto monstruos morales o físicos, como monstruosidades a nivel epistemológico, aquellos balbuceos que se hacen incomprensibles debido a su incapacidad de ser absorbidos por los juegos de verdad de su época. Foucault menciona en este sentido el caso de Mendel, alguien que en el momento de escribir su teoría de la herencia no será comprendido por sus contemporáneos, pero no porque lo que dijera fuera falso o porque sus contemporáneos estuvieran equivocados, sino porque los enunciados que emitió simplemente “no estaban en la verdad” de la época. Foucault no duda en llamar a la teoría de Mendel “monstruo verdadero”, en tanto estructura anómala, ajena al discurso de su época que sólo después será reconocida como “verdadera” pero en el ámbito de otra época, de otro discurso: *“Mendel decía la verdad, pero no estaba “en la verdad” del discurso biológico de su época”* (Foucault, 1971a: 37).

En este sentido, para decir algo verdadero “hay que estar en la verdad”, y si tenemos en cuenta que la verdad es en el fondo un efecto del discurso, entonces tenemos un panorama en el que cada época o cada *episteme* traza los límites de aquello que puede decirse dentro de la verdad. La teoría de la herencia era una “monstruosidad verdadera”, porque no se encontraba dentro de los límites de aquello que en la época podía enunciarse como “verdadero”, sin embargo, será después que caerá en de la verdad de otro orden de conocimiento. En este sentido, para sus contemporáneos la teoría de la herencia era tan monstruosa o anómala, como las palabras del loco que *en* el discurso de la razón sólo pueden sonar a balbuceos incomprensibles.

Respecto a monstruos verdaderos los ejemplos parecen sobrar, sin ir más lejos recordemos el debate en 1830 entre dos naturalistas franceses,

Georges Cuvier y Etienne Geoffroy Saint-Hilaire, en el seno del Museo de Historia natural de París. Mientras Cuvier defendía una concepción de la naturaleza basada en la división del mundo animal en cuatro grandes *filums*: vertebrados, moluscos, articulados y radiados; Geoffroy Saint-Hilaire apostaba por la existencia de un “prototipo” del cual se desprenderían todas las formas animales que conocemos (Le Guyader, 1998). En el momento del debate al parecer fue Cuvier quien encontró mayor apoyo de la comunidad de naturalistas, Geoffroy recibió apoyo sobre todo de literatos y poetas, como Goethe; sin embargo, fue Cuvier quien pareció estar “en la verdad” científica del momento, en tanto la teoría de Geoffroy parecía entonces demasiado metafísica y especulativa; es decir, Geoffroy no “estaba en la verdad” de la época; sin embargo, su idea del “prototipo” será puesta en circulación e introducida “en la verdad” algunos años después, cuando Darwin reconozca su deuda con Geoffroy y se pueda establecer un nexo entre el concepto de “prototipo” y el de “antepasado común”. Así, Geoffroy Saint-Hilaire también tuvo que cargar con el dudoso honor de haber dado lugar a un monstruo verdadero.

En este talante, los enunciados que no alimentan la dinámica de reproducción de los discursos en una época, aquellos que quedan fuera de la economía discursiva, serán calificados de falsos o de incomprensibles, serán arrojados al terreno de la monstruosidad y silenciados debido al peligro que representa su voz: amenaza a la estabilidad y completud de los discursos. A lo que se enfrentaron tanto la teoría de la herencia de Mendel como la teoría del prototipo de Geoffroy fue a los mecanismos “selectivos y prohibitivos” propios de todo discurso, mismos que establecen una serie de pautas y requisitos para que un enunciado pueda formar parte de una disciplina. En otros términos, una proposición debe cumplir pesadas y complejas exigencias lingüísticas para poder pertenecer al conjunto de una disciplina. Antes de poder ser calificados como falsos o como verdaderos una teoría o un enunciado deben estar “en la verdad” (Foucault, 1971).

A nivel social y político las cosas no son distintas, la exclusión y el encierro del anormal son respuesta a su estatus indeterminación, porque su condición indeterminada pone en crisis la gran ilusión con la que surge la época clásica y la propia época moderna: la de poder conocerlo todo, calcularlo todo, distribuirlo todo, aquella que sueña con que cada objeto del mundo sea, al fin y al cabo, medible, cognoscible, clasificable. El asilo, la prisión, el hospital, nacen, en buena medida, como espacios donde se intenta hacer calculable lo incalculable, medible lo que carece de medida, determinable lo indeterminado, estable lo que sólo responde a su propia necesidad.

El paralelismo entre la vida social y el discurso vuelve a repetirse si tomamos en cuenta que, tanto en la vida social como a nivel discursivo, la finalidad es normalizar las monstruosidades, reencauzar las desviaciones, hacerlas caer tarde o temprano “en la verdad”, sea a través de procedimientos disciplinarios, pedagógicos o correccionales, sea a través de un reacomodo en los propios discursos, de la apertura y modificación de su espacio veritativo. La teoría de la herencia y la teoría del prototipo al final encontraron su espacio “en la verdad” de otra época y de otros discursos, vale decir, quizá al final fueron alcanzados por la verdad. Sin embargo, es sugerente preguntarnos: ¿qué pasa con aquellos enunciados, con aquellas posturas, con aquellas conductas, que se aferran a permanecer “en la no verdad”, que no han sido alcanzadas por la verdad? Es quizá ahí donde Foucault nos muestra el camino a seguir para vislumbrar “lo no pensado”. Pero atendamos un momento a la posible paradoja en que nos puede hacer caer tal empeño, pues lo no pensado, sólo permaneciendo no pensado, es decir, sin ser colonizado por la verdad de una época, puede seguir representando una posibilidad de liberación y esperanza.

BIBLIOGRAFÍA

Foucault, Michel (1966), *Les mots et les choses*, Paris, Gallimard.

Foucault, Michel (1971), *L'ordre du discours*, Paris, Gallimard.

Le Guyader, Hervé (1998). *Geoffroy Saint-Hilaire. Un naturaliste visionnaire*, Paris, Belin.

Доктор философии **Мария Луиза Бакарлетт Перес** – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Doctora en Filosofía **María Luisa Bacarlett Pérez** es profesora-investigadora de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Rubén Mendoza Valdés

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

HABLA Y DISCURSO: UNA VISIÓN HEIDEGGERIANA DEL LENGUAJE

Resumen. Según el autor, para Heidegger, el discurso represente el carácter ontológico y el lenguaje su manifestación óptica, mientras que habla es aquello que nos permite pensar. El ser humano mora en el habla y este habitar es lugar de comprensión como modo específico de ser-en-el-mundo en virtud de la cual se dota del sentido.

Резюме. Согласно автору, Хайдеггер исходит из того, что дискурс имеет свои онтологические корни в языке, и именно речь позволяет нам мыслить. Человек «живет» в языке, и это обитание есть место понимания, как специфический способ бытия-в-мире, благодаря которому последний наделяется смыслом.

El habla es una explicitación del comprender: una *exposición*. Los entes quedan *expuestos* en forma explícita bajo la comprensión. En este sentido, la interpretación no es originariamente teórica, es un derivado de la interpretación comprensiva; en ésta, la comprensión llega a ser ella misma. La interpretación se funda en el comprender y no a la inversa. En la interpretación, por medio de la circunspección, se descubre el mundo ya comprendido. La circunspección interpreta el mundo ya comprendido. Así, la interpretación circunspectiva se refiere al “*es para algo*” (el para qué), y no tiene la necesidad de exponerse en un enunciado. La visión misma es “ya” comprensora-interpretante. De esta manera, la interpretación se funda en un haber previo: en un comprender de la totalidad respeccional, en una comprensión previa. La interpretación se funda en una manera previa de ver. “Lo comprendido que se tiene en el haber previo y que está puesto en la mirada del modo previo de ver se hace entendible por medio de la interpretación”¹².

Los conceptos a los que apela la interpretación son cotidianos o vitales. La interpretación comprende estos conceptos en un previo comprenderlos (*Verstehen*), pero no en la manera de entenderlos (*Erklären*). Por eso, todo enunciado se funda en la comprensión como una forma derivada de la interpretación. Heidegger menciona tres significados del fenómeno “enunciado” 1) *mostración*, es un ente en la forma de estar-a-la-mano; 2) *predicación*, cuando se dice algo de un sujeto (lo determina); y, 3) *comunicación*, el enunciado puede ser compartido por los otros sin que el ente mostrado esté en una cercanía¹³. Heidegger lo define en tanto: “una mostración que determina y comunica”¹⁴. El enunciado se mueve siempre desde un *haber previo*, un estar-en-el-mundo. Necesita de un haber previo que hay que destacar como predicado; de ahí que en éste se ve la articulación de la interpretación; el sentido que, por supuesto no está en el enunciado sino que lo muestra al fundamentarse en una significación; es decir, en una conceptualización previa

¹² Heidegger, Martin. *Ser y Tiempo*. Trotta, Madrid, 2003, §32, p. 174.

¹³ Cfr. *Ibid.*, §33, p. 178.

¹⁴ *Ibid.*, p. 180.

La interpretación deriva el enunciado, mas no consiste en dicho enunciado. De la falta de enunciado no se deriva la falta de interpretación. La interpretación circunspectiva no es, por eso mismo, un enunciado ya definido. El mostrar del enunciado significa unir y separar, el cual muestra lo fundamentado en una hermenéutica, o sea, en una interpretación comprensora. Esto representa la esencia ontológica fundamental de un "juicio"; y, éste, a la vez, se fundamenta en la *Rede*, en el discurso, a manera de articulación de lo comprendido¹⁵. El discurso no es el lenguaje, es la raíz del lenguaje (raíz ontológica). La *Rede* representa el carácter ontológico y el lenguaje su manifestación óntica: "a la significación de la *Rede* le brotan palabras"¹⁶. La *Rede* es cooriginaria en el comprender, articula el todo de las significaciones, por ello, éste tiene siempre un sentido. La comprensión y la disposición afectiva, en su estar-en-el-mundo como una estructura articulada de significaciones con sentido queda *expresada* en el discurso. La *Rede* en su carácter ontológico es un existencial (una posibilidad ontológica de lo humano).

Del discurso (*Rede*), es decir, de la articulación de las significaciones en la comprensión y en la disposición afectiva, brota la palabra (*Wort*). Las palabras tiene significado por el discurso, y no al contrario. En el lenguaje, en la totalidad de palabras, el discurso cobra un carácter. La *Rede* demanda un lenguaje. "La exteriorización del discurso es el lenguaje"¹⁷. De esa forma, el fenómeno de la comunicación se desvela bajo un carácter ontológico. En la comunicación se da una articulación del convivir comprensor: se comparte la disposición afectiva y la comprensión del *coestar*. Comunicación es un momento constitutivo del discurso y no la expresión de opiniones o vivencias de un sujeto a otro sujeto. Y, de esta comunicación comprensora se deja ver la posibilidad del escuchar y el callar: "Al hablar discursivo le pertenecen las posibilidades del *escuchar* y del *callar*"¹⁸.

En *Los problemas fundamentales de la fenomenología*, Heidegger dice que "el enunciar es un comportamiento intencional del Dasein"¹⁹. Por eso mismo, el lenguaje es histórico y no subsistente. El Dasein se encuentra a sí mismo cuando es capaz de oír lo que dice, porque en la expresión enunciativa se hace "evidente" lo que devela del ente en el mundo. El

¹⁵ Debemos diferenciar entre: *Rede*, discurso; *Sagen*, decir; *Sprechen*, hablar; y *Sprache*, el lenguaje.

¹⁶ *Ibid.*, §34, p. 184.

¹⁷ *Idem.*

¹⁸ *Idem.*

¹⁹ Heidegger, M. *Los problemas fundamentales de la fenomenología*, §17, p. 254.

Dasein devela y se expresa mediante el enunciado; así, cuando el Dasein escucha su palabra, sabe lo que hace y lo que quiere: “En la medida en que el ente es comprendido, algo como entramados de significados se articula mediante esta comprensión: Estos entramados de significados tienen la posibilidad de ser expresados en palabras”²⁰.

La proposición es un explicitar manifestativo, el cual puede ser comunicación; por consiguiente, resulta, al igual que el enunciado, apofántica y mostrativa. De esa forma, cuando un Dasein se comunica con otro, significa que ambos participan de una comprensión previa del ente. El Dasein fáctico es el que habla y se expresa. Entramos ahora a lo que Heidegger enunciará como *habla*. La palabra no es ningún ruido sino algo significativo, comprensible. Toda voz o sonido, en tanto fenómeno lingüístico, sólo es posible posteriormente a la palabra. En su texto de los años cincuenta, *De camino al habla*, (*Unterwegs zur Sprache*), Heidegger nos dice que en su esencia hablar no es expresar. El *habla* en sentido común ha sido entendida de tres formas: 1) exteriorización fónica de estado de ánimo, 2) actividad humana, y 3) representación simbólica y conceptual²¹. El *habla* a la que se refiere Heidegger es *Sprache*, aquello que permite pensar y, no una voz fonética, sonora. Pero, ¿pensar qué? Ese pensar que es el habla. Precisamente por ello el *habla* no es sonora, porque ni tan siquiera es una *escucha* sonora.

El *habla*, señala Heidegger, “está arrojada en la vecindad más próxima al ser humano. De todas partes nos viene el habla al encuentro”²². El *habla* no viene, porque no es algo sonoro; en ese sentido la vecindad más próxima al ser humano es el mundo, el ser-en-el-mundo como comprensión. El ser humano mora en el habla, en la vecindad del habla. El ser humano habita en el *habla*, pero este habitar, más que un lugar seguro es lo inhóspito. Al decir que el ser humano habita la morada del *habla*, ésta aparece siendo el lugar de la comprensión: hablamos porque comprendemos. De ahí que el *habla* sea lo inhóspito, en tanto que el comprender no se arraiga en el *habla*; es, más bien, la posibilidad de que todo comprender se exprese mediante la interpretación del discurso, en la existencia y a través del enunciado. En efecto, el habitar primero le da morada y posteriormente lo deja ir en pos de una nueva posibilidad de ser.

El nombrar es invocar por ser un llamado a la presencia. La nieve y la campana son presentes en el nombrar, no hay lugar para su presencia más

²⁰ *Ibid.* §17, p. 256.

²¹ Cfr. Heidegger, M. *De camino al habla*, p. 14.

²² *Ibid.* p. 11.

que en la palabra. “El nombrar no distingue títulos, no emplea palabras sino que llama a las cosas a la palabra. El nombrar invoca. La invocación acerca lo invocado”²³. Toda llamada a la presencia en la invocación está resguardada por la ausencia. La esencia del *habla* es la llamada a venir a la intimidad entre mundo y cosa. El *habla*, habla invocando la relación ontológica cosa-mundo, mundo-cosa: la Diferencia. La esencia se anuncia al establecer la Diferencia ontológica entre mundo-cosa, cosa-mundo: “La Diferencia apacigua, además, doblemente: las cosas a su <<cosear>> y el mundo a su <<mundear>>. Así apaciguadas, cosa y mundo no escapan jamás a la Diferencia. Más bien la salvan en el apaciguamiento en tanto cual la Diferencia es el silencio mismo”²⁴.

La Diferencia no-es ni mundo, ni cosa, ni mundo que munde, sólo hace advenir la cosa como cosa; es el silencio (el entre). La invocación de la Diferencia invoca al mundo y a la cosa al “ser” del silencio: es el mandato de la Diferencia que llama al mundo y a la cosa. En este silencio resuena el “ser” de la cosa y el mundo en su relación íntima, en su *entre*. En ese sentido la poesía es el modo originario del *habla*, el cual hemos olvidado aunque sigamos pensando poéticamente y no un modo elevado del hablar cotidiano. Por otra parte, la metafísica occidental piensa la diferencia o trata de la diferencia entre lo sensible y lo no sensible, pero de ahí no proviene el pensar. El pensar originario del ser se da en la Diferencia, en la Nada. En ese sentido, Heidegger entiende por ser, la relación originaria *entre* el presenciar de lo presente. El presenciar es lo ontológico con respecto al ente; esta relación lo es de la Diferencia ontológica ser-ente: presenciar de lo presente. Esta relación interpela al hombre a su propio poder-ser: su vocación. En esta tarea el hombre realiza su esencia de hombre. Y esta relación presencia-presente es el *habla*. “El hombre es el mensajero del mensaje que le dirige el desocultamiento de la Duplicidad”²⁵. En tanto vocación, el hombre está destinado y proyectado a ser el portavoz del ser, no del ser que viene de fuera o dentro, sino del ser que ad-viene, *habla*; comprensión que es ser-en-el-mundo, significatividad de sentido.

La esencia del ser humano parte del decir del *habla*; el Decir, a manera de advenimiento, el *Ereignis*, que como tal nos destina el Decir del *habla*.

En el *decir*, esencia del *habla*, va el mundo. *Decir*, el decirr, del *habla* significa, dejar-aparecer, liberar: llamar a mundo. Lo que adviene como habla se encamina en el decir. “El habla se revela en el hablar como un

²³ *Ibid.* p. 19.

²⁴ *Ibid.* p. 27.

²⁵ *Ibid.* p. 123.

fenómeno que ocurre con el hombre”²⁶. Desde tiempos pasados, por eso mismo, el *habla* fue interpretada en la forma de *lengua*, en el sentido en que ésta es el fenómeno quien representa accidentalmente al habla; la lengua vendría a ser así el olvido u ocultamiento del habla. Desde el Dasein, la sonoridad resuena, ad-viene con sentido: la llamada comprensora del *habla*, da qué decir a la palabra sonora. “Decir significa: mostrar, dejar aparecer; ofrecimiento de mundo en un claro que al mismo tiempo es ocultación ambos unidos como libre-donación”²⁷. En mi opinión, en este texto el *habla* es Dasein, porque el decir es hermenéutico²⁸.

En la palabra, el ser, la presencia, aparece como el ente. Los nombres son palabras que representan el ser del ente. Pero la palabra no es fundamento del ser del ente, es su instrumento, la expresión. No hay palabra para el Dasein; mas la palabras sin decir, no ad-viene en *habla*. El decir es al ser como la palabra a la cosa; se pertenecen mutuamente la una a la otra²⁹.

El *habla* no es un ente en el sentido de ser algo fónico o gráfico (a través de la palabra oral escrita). El *habla* es aquello posibilitado en el Decir, el cual tampoco es fónico. El *habla* no es energía, actividad, labor, fuerza de espíritu, visión del mundo, expresión, etc³⁰. El habla, piensa Heidegger, es el trazo abriente (*der Aufriß*), el surco, que deja florecer la semilla: el trazo de la letra que deja abierto el hablar del *habla*. Decir las palabras significa que son el fruto de un proceso de comprensión del mundo, de manifestación o advenimiento del ser. Por eso, la palabra adquiere su sentido desde el silencio. El hablar del *habla* es un hablar desde el silencio. “Lo que se despliega en el *habla* es el decir en tanto que mostración. Su mostrar no se funda en cualesquiera signos, sino que todos los signos derivan su origen de un mostrar cuyo ámbito y para cuyas interpretaciones pueden ser signos”³¹. El mostrar del decir es el hacer-propio; lo mostrado en el decir es la apropiación (*Ereignen*). En ese sentido, el *habla*, <<la casa del ser>>, (custodia del ser, de la apropiación, del advenimiento apropiador), se confía al decir, y en éste se da lo inhóspito del *habla*. Decir es “ya” acercar y alejar el *habla*.

¿Por qué hablamos? “Los mortales hablan en la medida en que escuchan”³². *Escuchar* no es captar lo sonoro, la voz, la voz del pueblo, de la

²⁶ *Ibid.* p. 182.

²⁷ *Ibid.* p. 192.

²⁸ Cfr. *Ibid.* p. 193.

²⁹ Cfr. *Ibid.* p.p. 108-113.

³⁰ Cfr. *Ibid.* p. 225.

³¹ *Ibid.* p. 229.

³² *Ibid.* p. 29.

naturaleza, es el silencio de la Diferencia. El silencio acalla, pero sólo en el silencio del Dasein se logra una originaria comprensibilidad³³. El escuchar es una posibilidad del discurso, significa estar abierto a la coexistencia. El Dasein puede, de manera propia, escucharse a sí mismo: escucha porque comprende. El Dasein está sujeto a la coexistencia, por eso, al mismo tiempo escucha. *Escucha estando-con-los-otros en-el-mundo*, ontológicamente se hace solidario con los otros³⁴. El Dasein puede hacerle caso al otro Dasein, estar de acuerdo con él, no quererlo escuchar, oponerse al otro Dasein, obstinarse.

El *decir del habla* es un corresponder a la *escucha*. El *habla* previamente debe haber escuchado la invocación del silencio, de la Diferencia. La palabra habla desde una previa escucha. El *habla* corresponde a la *escucha*. El *decir del habla* es, en ese sentido, un *Retraimiento de la escucha*. *Habla que escucha en el decir del discurso* que se *expresa* en el lenguaje.

Доктор философии Рубен Мендоса Вальдес – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Штата Мехико.

Doctor en Filosofía Rubén Mendoza Valdés es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

2. EL DISCURSO EN EL PENSAMIENTO FILOSÓFICO CONTEMPORÁNEO³⁵

Mijail Malishev

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

LA REDUCCIÓN DEL PRESENTE COMO ATRIBUTO DE LA POSMODERNIDAD

Resumen. En el texto se plantea el problema de la aceleración del tiempo y la reducción del intervalo presente. Para el autor, esta reducción es consecuencia de la *condensación de las innovaciones* que disminuye la distancia cronológica entre el presente y el pasado que, en muchos aspectos, nos parece obsoleto y en el que con la dificultad podemos reconocer las características familiares de nuestra época.

³³ Cfr. Heidegger, M. *Ser y tiempo*, §34, p. 188.

³⁴ Cfr. *Ibid.* §34, p. 186.

³⁵ Coordinación general: Dr. Mijail Malishev, Asistentes: Dra. Manola Sepúlveda Garza, Mtro. Pedro José Hinojosa Gutiérrez

Резюме. В тексте ставится проблема ускорения времени и сужения интервала настоящего. Для автора это сокращение есть следствие конденсации инноваций, сжимающей хронологическую дистанцию между настоящим и прошлым, кажущимся нам во многих аспектах настолько устаревшим, что мы с трудом можем распознать в нем приметы современной эпохи.

La época posmoderna se caracteriza por la incertidumbre, ya que muchos riesgos se derivan del carácter acentuadamente globalizante de la actividad humana, fenómeno que si se sufrió en épocas anteriores, no fue tan abarcador. Los peligros que emanan de los accidentes provocados por la intervención no deliberada del hombre en la naturaleza o por los resultados incontrolados de la agregación de las consecuencias colaterales de su decisión, se aumentan inesperadamente y nos producen la sensación de pérdida de la experiencia. La destreza y habilidad adquiridas en el pasado llega a ser poco útil como criterios para juzgar el presente. Pareciera que en nuestro tiempo se configura una ruptura entre la tradición y la innovación: si las épocas anteriores se caracterizaban por la continuidad de los modelos de significados instituidos por la tradición, la posmodernidad se caracteriza por la discontinuidad que conlleva a una reducción vertiginosa de los intervalos de cambio en cada esfera de la actividad humana. El vínculo entre lo que proviene del pasado y aquello que radica en el futuro, deviene cada vez más problemático y contingente. Parece que la humanidad está en un proceso de tránsito y esta "inconveniencia" llega a ser permanente.

Desde luego que los filósofos y los teólogos nos siempre señalan que la existencia del hombre es muy corta, y por eso la transitoriedad se ha considerado un atributo propio a la misma vida humana. Pero, hoy en día, este sentimiento es más agudo e íntimo como nunca antes. Su causa radica en la abreviación de las relaciones con el mundo que nos rodea y la aceleración de los ritmos de la vida. Alwin Toffler destaca cinco clases de relaciones susceptibles a la aceleración: las del individuo con la gente, las cosas, los lugares, las organizaciones y las ideas. Anteriormente todas estas relaciones duraban más tiempo y eran más estables, mientras que hoy en día parece que se abrevian, se comprimen y se ponen más impermanentes. Esto influye enormemente en nuestro modo de experimentar la realidad, en su sentido de compromiso y en la capacidad o --incapacidad-- de enfrentarnos con las diversas situaciones. Esta rápida sustitución, combinada con la creciente novedad y complejidad del medio, violenta nuestra capacidad de adaptación y crea el peligro del shock del futuro.

La condensación de innovaciones va a la par del incremento de la cantidad de elementos caducos. El dinamismo de la sociedad se revela,

entre otras cosas, en que en su crece el número de elementos pertenecientes aún al presente que, sin embargo, son considerados como parte del pasado. Si antes, por ejemplo, el aumento de la eficacia productiva se llevaba a cabo al momento mismo de la instalación de nueva maquinaria, después del desgaste físico de la anterior, ahora la duración del servicio de las máquinas se ha reducido y no se determina más por el desgaste físico, sino por el agotamiento funcional, según la lógica de la globalización. De esta manera se aumenta la simultaneidad de los elementos heterogéneos, lo que obliga a la sociedad a reaccionar a la aceleración del progreso recurriendo a métodos de selección y evaluación.

El involucramiento del futuro en la esfera de las decisiones y de las acciones en el presente, tiene otra consecuencia: la saturación de información en la cultura contemporánea, hecho que exige una selección estricta de los datos que van a ser pasados al futuro a guisa de fuentes históricas. Los institutos y las personas de hoy ya deben decidir qué tienen que saber sobre ellos las generaciones venideras. La información considerada de poca importancia se elimina por razones de imposibilidad material o costo de conservación. A este fenómeno Hermann Lübbe lo llama *precepción* (Präzeption) que es la anticipación hoy de lo que, desde nuestro punto de vista, nuestros descendientes podrán y deberán saber de nosotros mañana. Es necesario establecer los criterios de selección que permitan distinguir las fuentes potenciales para los futuros historiadores de nuestro presente, de los datos caducos que no tendrán importancia como fuentes. Y no es tan fácil elaborar estos criterios. Dicho brevemente, la selección de datos viejos se lleva a cabo hoy a partir del interés establecido preceptivamente de su percepción futura. Así la conciencia histórica involucra en su órbita no sólo el pasado del presente, sino también el pasado del futuro, es decir, selecciona y conserva las fuentes que, según su percepción de hoy, serán necesarias y suficientes para la futura historiografía de nuestro presente, que inevitablemente se transformará en pasado. Nunca antes un presente había sido capaz de percibirse tan claramente, en su *autohistorización anticipativa*, como un pasado futuro. Nuestro contemporáneo sabe que no va estar en el futuro que se extenderá más allá de su vida, pero quisiera asistir al mundo, a pesar de su propia ausencia. El papel que juega el futuro en el presente, tiene gran significado para el estudio del cambio de percepción del tiempo. La intervención del futuro en el presente, que adquiere una magnitud sin precedente en nuestra época, lleva a un fenómeno que Lübbe denominó *reducción del presente*. Esta reducción es la consecuencia de la *condensación de las innovaciones*. Lo que pasa es que con el aumento de las innovaciones

por unidad de tiempo, se disminuye la distancia cronológica hasta aquel momento en el pasado que, en muchos aspectos, nos parece envejecido y en el que ya no podemos reconocer las características familiares del presente vital en que estamos inmersos. ¿Cómo hemos podido vivir si Internet y el teléfono celular? Este pasado nos parece ajeno, anacrónico y hasta cierto punto poco comprensible.

La reducción del presente, provocado por la multiplicación de descubrimientos e innovaciones, presupone la disminución progresiva del tiempo en el futuro en que el entorno técnico y cultural nos parecerá distinto del mundo vital en que estamos viviendo hoy día. La reducción del presente significa la abreviación de los intervalos temporales en que podemos confiar en cierta permanencia de nuestras relaciones y expectativas. Cada hombre desde su niñez aprende los intervalos y los ritmos correspondientes a la duración de diferentes procesos, acontecimientos y relaciones. La actual alteración de los ritmos, condicionados culturalmente, conduce a que nuestras expectativas de duración de los acontecimientos familiares se compriman en el tiempo, y por eso tenemos la impresión de estar condenados a vivir permanentemente de la prisa. Los efectos de la aceleración del ritmo social tienen su límite en nuestra incapacidad biológica de seguirla.

Confiar en el futuro es anticipar los cambios posibles que, según nuestras expectativas, van a suceder y en función de cuya realización, desde el presente, podemos elaborar una estrategia adecuada. Lo que pasa es que cada *presente tiene su futuro* que, a su vez, está conectado con el *presente en el futuro*. Según Luhmann, cuando el futuro en el presente y el presente en el futuro permanecen idénticos, entonces se trata de *estados*, y cuando entre ellos surge la discontinuidad ésta da origen a *sucesos*. Cuando los sucesos son rápidos y bruscos la experiencia vital del presente y el horizonte del futuro devienen *incongruentes*. Esta aceleración de cambios producida por la llegada “prematura” del futuro puede ser causa de desorientación y desadaptación. De aquí se desprende que la confianza amplía nuestras posibilidades de orientación en el presente con miras al futuro, y sin embargo, confiando en el futuro siempre corremos el riesgo de ser defraudados. La confianza que otorga continuidad estabilizadora a los tres modos del tiempo no elimina los eventuales peligros del fracaso en un futuro por la simple razón de que en cualquier momento podemos fallar o morir.

La dictadura de la novedad nos hace construir lo que Toffler llama los “amortiguadores del shock del futuro” que pueden ser: preferencia por los clásicos, especialización acendrada, eclecticismo definido sólo por gustos

individuales, construcción de los modelos y los escenarios de futuros posibles, orientación humanista de la planificación y, sobre todo, la previsión de los efectos colaterales negativos o los peligros latentes: ecológicos, químicos o genéticos. Según Ulrich Beck, modernización quiere decir una síntesis colateral de innovación y revolución. Pretendiéndose una “innovación”, se pone en marcha una “revolución. En todo caso, no se trata de una revolución anhelada, sino de una “revolución” de los efectos colaterales. La categoría “efectos colaterales” incluye en sí un amplio abanico de conceptos similares tales como incertidumbre, contingencia, peligro y riesgo. Todos ellos destruyen la clasificación simplificadora bivalente mediante la cual, en las sociedades anteriores, se esquematizaba la complejidad de lo real, permitiéndonos ahora discernir mejor los matices y las peculiaridades de las consecuencias no pretendidas y concientizarnos del carácter polimorfo del futuro.

El aumento de la racionalidad teleológica en diferentes esferas de la actividad humana no va acompañado obligatoriamente del aumento de la racionalidad en toda la humanidad. Conforme más se consolida la racionalidad en el marco de las localidades y las funciones, más ambigua y contingente resulta el orden pretendido en su totalidad. Sea como sea, el sentido de la acelerada evolución social es ambivalente ya que, por una parte, produce la elevación del nivel de vida y la ampliación del espacio de libertad, pero, por otra, conduce a la pérdida de visión clara de la humanidad de sí misma. De todo esto se desprende que la sociedad moderna deviene cada vez más en una sociedad de contingencia e incertidumbre. Pero las amenazas del peligro (y es un hecho fundamental) se producen por la misma racionalidad teleológica de la actividad humana, o mejor dicho, son efectos colaterales no pretendidos que se desprenden de ésta y no simplemente son consecuencias de fuerzas naturales incontrolables. El hombre contemporáneo vive permanentemente en encrucijadas, se ha vuelto problemático consigo mismo, y, como dijo Scheler, ya no sabe lo que es y sabe que no lo sabe. Y en esta conciencia de indeterminación del futuro, radica la capacidad de autorrestricción ante los efectos colaterales no intencionados de sus acciones, preñados de riesgo. El futuro se vuelve cada vez pluridimensional, y cada solución está llena de muchos enigmas.

Михаил Мальшев – профессор-исследователь Гуманитарного Факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Mijail Malishev es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Víctor Eduardo Sánchez Luque
Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

EL DISCURSO DEL SOBREVIVIENTE: EL TESTIMONIO COMO EXPRESIÓN DE LA EXISTENCIA EN UNA SITUACIÓN-LÍMITE

Резюме. Работа посвящена дискурсу заключенных сталинских и нацистских концентрационных лагерей. Опираясь на свидетельства жертв, которым удалось выжить и от имени миллионов замученных выразить свой опыт существования в пограничной ситуации, автор считает, что этот дискурс имеет важное значение для понимания человека.

Resumen. El trabajo está dedicado al discurso de los encarcelados en los campos de concentración stalinistas y nazis. El autor, apoyándose en los testimonios de las víctimas que lograron sobrevivir y en nombre de los millones de los muertos expresaron sus experiencias en situación-límite, considera que este discurso tiene gran importancia para la comprensión del hombre.

¿Cómo podemos hablar de una experiencia que en su horror parece trascender cualquier expresión? ¿Qué sucede con el orden del discurso cuando éste se enfrenta a una situación que nos arroja al silencio? En una sola frase: ¿cómo expresar lo que llegamos a considerar inexpresable? Pareciese que el discurso se enfrenta directamente con un límite infranqueable, arrojado hacia contextos en los cuales juzgamos que las simples palabras no abarcan la cantidad de sentidos y significados, de experiencias y relaciones, el lenguaje se siente extraño dentro de un mundo que le sobrepasa. Ahora imaginemos un universo en donde el hombre es disparado hacia sus límites, en donde el cuerpo se siente como una mera boca que hay que alimentar, un eterno cansancio y la más terrible incomodidad constituyen el espacio del día, una esfera en donde el hombre es abandonado y despojado de sí mismo, rodeado por seres destituidos como “hombres” y en los cuales negamos reconocernos, siendo sin embargo que nuestra imagen no dista en lo mínimo de la de éstos.

Fueron millones las personas que atravesaron tales condiciones de existencia, a la mayoría se les condenó al silencio de la muerte, pero los que sobrevivieron se vieron parados en seco ante el horror y la incapacidad de crear y expresar lo que vivieron, ante la necesidad de comunicar lo sucedido, de gritarlo, el discurso de los sobrevivientes devino en cierta forma de mutismo mientras que el contexto social apelaba a un “sano

olvido” para curar las heridas de la guerra. Sólo unos cuantos se atrevieron a dilucidar la disyuntiva de hacer expresable lo inexpressable, de volver a situar la memoria dentro de la esfera de los campos de concentración sin importar el dolor que esto pudiera convocar, ya que es necesario recordar que lo que, para nosotros lectores es un relato, una narración, un discurso, para estos hombres fue una realidad concreta, un horror que se tatuó en piel y hueso, el hambre que nosotros leemos a través de sus palabras ellos lo sufrieron en sus entrañas, los cuerpos devastados eran los suyos, no ficciones. Y es a través de estas palabras, de estos hombres que hablan desde la figura del testigo, la forma en que el discurso se sitúa en los márgenes de lo irrepresentable, en donde el discurso se desenvuelve desde sus propios límites para devenir en queja y lamento, en crítica y reflexión, dirigidos a expresar lo ocurrido y a no permitir que se olvide lo que se hizo de ellos.

Estos discursos provenientes desde Buchenwald y Auschwitz durante el nacionalsocialismo, Kolimá y Ekibastuz en el régimen soviético (entre muchos otros) nos obligan a mirar con atención lo sucedido con los hombres dentro de este universo concentracionario, desde las atrocidades cometidas en nombre de una ideología de estado, el comportamiento de los guardias y kapos, hasta la manera en que los presidiarios constituyeron el principal enemigo dentro de las barracas; en sí un estudio de la condición humana y de lo que un hombre es capaz de realizar bajo ciertas circunstancias. Dejando de lado la importancia histórica que estos textos contienen, así como su carácter narrativo, nos enfocaremos en la particularidad que se expresa dentro de estos discursos: su carácter de ser textos contruidos y desarrollados desde los márgenes del propio discurso.

El primer límite se erige desde la cuestión ¿Cómo nombrar lo imposible? ¿En qué orden del discurso se puede dar cuenta de lo inhumano de tales experiencias? La memoria juega un doble papel en esta situación: por un lado se muestra como la herramienta principal para construir el discurso, siendo que el testimonio se perfila como una suerte de autobiografía la búsqueda de un recuerdo fiel y nítido sobre las circunstancias es su principal objetivo, la forma que el texto va adquiriendo esta sustentado en base a lo que el testigo cree importante recordar para dejar constancia en la historia, de aquí surge cierto principio ético de estos testimonios: dar a conocer los hechos para evitar que éstos se repitan. Basta mencionar el episodio de *La Tregua* en donde Primo Levi llega a Munich, rodeado del pueblo que aceptó la maquinaria estatal que se convertiría en su verdugo, Levi siente la necesidad de gritar lo sucedido, de que cada hombre, mujer y niño de Alemania conozca lo que sucedió en Auschwitz,

su número tatuado grita como una herida. Mientras que éste primer sentido de la memoria está fundamentado en un deber histórico, el otro lado de la cuestión establece la trasgresión de los límites del discurso del que hablábamos: el recuerdo se forma como un regreso al campo de concentración. Las palabras no sólo se sienten ajenas e incapaces ante las experiencias que relatan, sino portadoras de un tremendo dolor, de sollozos y de re-vivir lo que nunca debieron de haber sufrido.

Si bien la escritura pudo haber funcionado como una forma de exorcismo, de librarse de los demonios y de las sombras provenientes del Lager, esto no quiere decir que no se haya sufrido al tratar de expresar tales circunstancias. Nos es fácil imaginar a un Varlam Shalamov, o a un Jean Amery paralizándose en seco, deteniendo el bolígrafo o la máquina de escribir de su desenfreno ante la hoja en blanco, presionando su puño tratando de evitar las imágenes de la pesadilla, reviviendo el dolor al que fueron sometidos, el número en su antebrazo latiendo cada vez más de prisa en el caso de Amery, el frío inhumano abarcando todo el cuerpo en Shalamov. Y aun así se siguió escribiendo, no sin cierta vergüenza y resignación al reflexionar lo que tuvieron que realizar para mantenerse con vida, con cierto impulso que les recordaba que dar a conocer lo sucedido pudiera ayudar a que se evitara en un futuro. Pero este impulso se vio con la extrema dificultad de expresar a la propia memoria, el discurso se encontró con el límite impuesto por la opacidad de la situación. Esta resistencia de la experiencia concentracionaria al erigirse como un posible discurso, esta amenaza de mutismo y del umbral del silencio, se forma a partir de cierta incredulidad por parte del lenguaje y por parte del receptor del mensaje: relatar cómo un hombre ve en la agonía de un niño de trece años peleando con la soga que mantiene al cuello la pasividad de Dios, ¿Cómo describir, narrar o incluso mencionar tal escena con todas las implicaciones, con todos los sentidos y significados que reza tal paisaje? En otras palabras, ¿Cómo Élie Wiesel debe dar orden dentro del discurso al instante en que las llamas consumieron su fe? Y quizás más importante, ¿cómo hacer que el lector, a quien van dirigidas esas palabras, pueda comprender tal situación límite?

La última cuestión está en manos de la hermenéutica, mientras que para la pregunta sobre la representación de lo innombrable, basta responder que ciertos discursos se asentaron entre sus propios márgenes; en cierta forma la amenaza del silencio fue superada. En 1947 se publicaron tres textos imprescindibles sobre la condición humana en los Lager: Primo Levi, Robert Antelme y David Rousset, sobrevivieron a los campos de exterminio y dieron testimonio de lo que vivieron en el universo concentracionario, en

1962 Solzhenitsyn publica *Un día en la vida de Iván Denisovich* exponiendo al mundo lo que estaba sucediendo en el GULAG. A la par, Shalamov escribía *Los relatos de Kolimá*. Estos discursos a los que se le suman otros tantos constituyen una nueva forma de narrativa, de historia, e incluso de forma del propio discurso, atreviéndose a darle la palabra a las experiencias límites, a cuestiones que parecían arrebatar cualquier forma de lenguaje. Son testimonios tanto de luto para las voces que carecen de esperanza, como herencia para las futuras generaciones, testimonio de que en ocasiones el hombre tiene que sobrevivir al propio hombre.

Виктор Санчес Луке – студент Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мехико

Víctor Sanchez Luque es estudiante de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Jesús Abraham López Robles

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

HENRI BERGSON:

INTUICIÓN COMO POSIBILIDAD ESTÉTICA

Resumen. Este texto se centra en la búsqueda de una posibilidad de la construcción de elementos de una estética; es decir, un cuadro pre-categorial del mundo que lo explique de una forma que no es propia desde la ciencia, sino desde la conformación misma del Yo.

Резюме. Этот текст сосредоточен на поиске возможности интуиции по конструированию эстетических элементов, иными словами, пре-категориальной картины мира, которая объясняет последний не с точки зрения науки, а исходя из утверждения Я.

Es bastante difícil determinar qué significa *Intuición* en Bergson, pues no hay ninguna definición directa que la limite o la contenga, es un concepto que se entiende en cada obra sin que haga se necesite una elucubración de él, pues es sólo a través de él que podemos percatarnos de la duración, de la superficialidad de las cosas y por sobre todo de la existencia misma. Como único vehículo de aprehensión de la realidad, la *intuición* parte de algo más allá del yo, pues él sólo se hace patente a través ella, lo que lo objetiviza por sobre su naturaleza subjetivante y lo hace

cognoscible a sí mismo. No nace de él, sino que se patentan en él y lo refiere a todo el resto.

Para nosotros no hay otra cosa que lo instantáneo. [...] si nuestra hipótesis tiene fundamento, fácilmente se ve cómo la percepción y la materia se diferencian y cómo coinciden. La heterogeneidad cualitativa de nuestras percepciones sucesivas del universo lleva a que cada una de estas percepciones se extienda ella misma sobre un cierto espesor de duración, a que la memoria condense allí una multiplicidad enorme de conmociones que se nos aparecen todas en bloque, aunque sucesivamente. Bastaría con divisar idealmente este espesor indiviso de tiempo, con distinguir ahí la deseada multiplicidad de momentos, con eliminar toda memoria, en resumen, para pasar de la percepción a la materia, del sujeto al objeto³⁶.

He ahí el primer problema: la inteligencia se abre camino a través de los conceptos para así, y al final, poder encontrar en sus percepciones la forma de construir objetos ideales. A esta forma de proceder del intelecto Bergson la llama *negativa*³⁷, es decir, no alcanza a *pasar por sobre*³⁸ los acontecimientos materiales. Este es el principal problema de la filosofía para Bergson, la pérdida entre conceptos y el olvido del método particular de la filosofía en su afán por imitar a las ciencias. El método propio de la filosofía no es, ni será nunca —como tampoco lo es su objeto— el de las ciencias; su lucha entonces estará encaminada a preservar el camino que según él pueda explicar los acontecimientos psíquicos y metafísicos a la luz natural de su verdadera esencia y no ya la fútil búsqueda desde el puro y mas simple Yo:

De la contemplación de un mármol antiguo podrá salir, para los ojos del verdadero filósofo, más verdad concentrada de la que hay, en estado difuso, en todo un tratado de filosofía. El objeto de la metafísica consiste en aprehender de las existencias individuales, y en perseguir, hasta la fuente de donde emana, el rayo particular que, confiriendo a cada una de ellas su matiz propio, lo relaciona de ese modo con las luz universal³⁹.

³⁶ Bergson, Henri. *Materia y Memoria*. Ensayo de la relación del cuerpo con el espíritu. Cactus, 2006. p. 72.

³⁷ Cfr. Bergson, Henri. *La Pensée et le Mouvant*. Presses Universitaires. p. 274. Citado en Deleuze, Gilles. *Henri Bergson: Memoria y Vida*. Alianza, Madrid, 1987. p. 38.

³⁸ Cfr. Lawlor, Leonard. *The challenge of Bergsonism*. Revived by Rune Moelbak. Continuum, New York, 2003., Janus Head 355. cuando dice acerca de la intuición: method of detaching oneself from concrete action-oriented knowing so as to intuit the spiritual surplus that remains over and above the material.

³⁹ Bergson, Henri. *La Pensée et le Mouvant...* Op. cit. p. 259.

La posibilidad de que la intuición conforme una perspectiva desde la cual sea posible la construcción de elementos de una estética; es decir, un cuadro precategoria del mundo que nos explique las cosas de una forma que no es propia desde la ciencia, sino desde la conformación misma del Yo:

El universo dura. Cuanto más profundicemos en la naturaleza del tiempo, tanto más comprenderemos que duración significa invención, creación de formas, elaboración continua de lo absolutamente nuevo. Los sistemas delimitados por la ciencia no duran porque se hallan indisolublemente ligados al resto del universo. Ciertamente que en el propio universo hay que distinguir, como más adelante diremos, dos movimientos opuestos, uno de "descenso", otro de "ascenso". El primero no hace más que extender un rollo ya preparado. En principio podría realizarse de un modo casi instantáneo, como ocurre con un resorte que se distiende. Pero el segundo, que correspondería al trabajo interior de maduración o de creación, dura esencialmente, e impone su ritmo al primero, que es inseparable de él⁴⁰.

Esta posibilidad de creación —concepto que rescata en relación con su época— es la posibilidad misma que existe para la matemática y para la metafísica, es el punto nodal de la intuición: partir de ella para poder conformar mediante la propia existencia de ese absoluto, las construcciones teóricas, pero al mismo tiempo inmediatas, de la consciencia que aprehende y teoriza. Enfrentándose con Kant, Bergson lo que proclama es que los argumentos del alemán son una falacia:

[...] cualquiera que intente realizar aquél propósito se condena de antemano a la esterilidad. Tanto valdría pensar que para entrar en el agua es preciso previamente saber nadar. Para nadar es preciso echarse al agua. Fijar los límites del conocimiento a partir del conocimiento actual es condenarse a encerrar para siempre la posibilidad de todo ensanchamiento esencial de sus horizontes. Es preciso aventurarse, penetrar en la realidad sin andamiajes ni trabas. [...] Conocimiento y realidad se condicionan mutuamente y se delimitan en cada momento mediante su influjo recíproco y dinámico⁴¹.

Al contrario de los positivistas, Bergson no tiene la convicción de que para llegar a conocer la realidad sea preciso analizarla y aquilatarla previamente en sus posibilidades y limitar las posibilidades de su conocimiento. Eso sería anquilosar la existencia misma de la realidad y de la consciencia que trata de conocerla.

⁴⁰ Bergson, Henri. *La evolución Creadora*. Espasa – Calpe. España, 1985. p. 9.

⁴¹ Xirau, Joaquín. *Vida, pensamiento y obra de Bergson*. Leyenda. México, 1944. p. 15.

Los problemas a los que se enfrenta Bergson son, en suma, los problemas del conocimiento que se escapa de ser aprensible sólo por el intelecto, pues al relativizar tales problemas, relativizamos al intelecto mismo⁴². No podemos contentarnos con las posibilidades de una inteligencia que no aprende sino las formas difuminadas de una realidad que, de antemano, le está vedada. Esta es la principal tarea: librarnos del obstáculo que el mismo intelecto representa, volviéndolo hacia él mismo, es decir, regresando más allá de las concepciones a priori y volviendo sobre la primera conciencia de algo que parece ante nosotros: la duración como la primera prueba de algo que percibe sólo con la intuición y no sólo con el pensamiento.

Хесус Абрам Лопес Роблес – аспирант Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико.

Jesús Abraham López Robles es estudiante de Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Julián Eduardo Herrera González

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

ORTEGA Y GASSET:

DISCURSO Y CONCEPTO EN LA “RAZÓN VITAL”

Resumen. En el raciovitalismo de Ortega y Gasset la vida de la persona se presenta con dos atributos inseparables: por un lado se nos aparece como realidad radical y por otro como un problema a resolver. Para poder orientarse en este medio indócil que son las circunstancias el hombre necesita de la claridad que brinda el concepto, necesita de la filosofía que a la postre no es sino un conocimiento teórico o sea discurso racional.

Резюме. В рациовитализме Ортеги-и-Гассета жизнь личности предстает в двух неотъемлемых аспектах: с одной стороны, как радикальная реальность, а с другой, как проблема, требующая своего разрешения. Чтобы как-то ориентироваться в непокорных ему обстоятельствах, человек нуждается в ясности, которую ему обеспечивает понятие и сама философия, в конечном счете, - это теоретическое познание, т. е. рациональный дискурс.

⁴² Cfr. Bergson, Henri. *Introducción a la Metafísica*. UNAM, México, 1960. p. 314.

Para Ortega y Gasset la filosofía comienza con una limitación inicial que consiste en querer ser un conocimiento teórico, un sistema de conceptos que puedan ser enunciables, es decir, que puedan articularse en un discurso racional. Ya que la filosofía no puede ser sino el conjunto de lo que se puede decir sobre lo que hay o es el universo. Así, para el pensador español, la filosofía utiliza el discurso racional porque es ella un enorme apetito de transparencia, de aclaración, de descubrir lo oculto y velado, de allí que comenzara por llamarse *alétheia* que significa desvelación o manifestación. Y esta manifestación se da en el discurso, en el hablar, en el *lógos*. La filosofía descubre en la transparencia de la palabra el ser de las cosas, es decir, dice el ser y por tanto es ontología, es el conjunto de lo que se puede decir sobre el Universo, discurso sobre él.

Ahora bien, el querer conocer el ser de las cosas es una necesidad constitutiva del hombre pues la vida es imposible sin ella, pero en una concepción de la razón como vital e histórica, no se trata únicamente de la necesidad de que nuestro pensamiento refleje como son las cosas, sino también de tomar en cuenta los anteriores pensamientos que se han tenido sobre ellas. De aquí que bajo el nombre de “verdad” se oculte el dramático problema del enfrentamiento entre racionalismo y relativismo, es decir, entre la inmutabilidad de la verdad y las variaciones históricas y vitales.

Pero Ortega medita desde una nueva sensibilidad que ya no se conforma ni con el absolutismo racionalista que salva la razón y nulifica la vida; ni con el relativismo que salva la vida evaporando la razón. Ésta nueva sensibilidad trae una nueva concepción de la filosofía que tiene como método una nueva intuición de la vida de la cual parte. Esta nueva intuición la define Ortega en relación con otras concepciones con las cuales podría confundirse. Así por vitalismo puede entenderse toda teoría biológica que considere a los fenómenos orgánicos irreductibles a los principios fisico-químicos. O vitalismo como teoría filosófica que puede tener tres acepciones⁴³. La primera es la del vitalismo o biologismo que convierte a la filosofía en un capítulo de la biología, pues considera a éste como un proceso biológico cualquiera que no tiene leyes o principios exclusivos, sino que depende de las leyes orgánicas generales. La segunda acepción es la del vitalismo filosófico cuyo principal ejemplo se encuentra en la filosofía del pensador francés Henri Bergson, ésta es una reflexión en la que se le niega a la razón el ser el modo superior de conocimiento, y por tanto, se propone una nueva forma de conocer, más directa e íntima con la

⁴³ Véase José Ortega y Gasset. “Ni vitalismo ni racionalismo”, en *Obras Completas. Vol.III*, Taurus, Madrid, 2006, pp. 716-717

realidad. En otras palabras, se propone un método no racional, que toma a la vida para ponerla en oposición a la razón, pues se cree posible una teoría no racional sino vital. La tercera acepción es la que define la postura Orteguiana, en este raciovitalismo razón y teoría son sinónimos, pues una filosofía que no acepta más método de conocimiento teórico que el racional, y que sitúa en el centro de sus ideas el problema de la vida, que es el problema mismo del sujeto pensador de ese sistema de ideas. Desde ésta postura se rechaza tanto el utilitarismo biologista como el irracionalismo vitalista, ya que el único método de conocimiento teórico es el método racional. Ésta postura sitúa en el centro de su sistema ideológico un fundamento en relación con el cual la razón construye sus argumentos, este centro es la vida, el cual se ve ocupado por las relaciones entre razón y vida o teoría y vida, que no son sino casos particulares de la inmensa oposición entre lo racional y lo irracional.

Expuesta la postura del raciovitalismo como teoría del conocimiento conviene ahora aclarar la importancia que adquiere el discurso racional, pues al admitir que razón y teoría son sinónimos, sólo del concepto se puede esperar la claridad necesaria. Así desde el raciovitalismo la vida aparece entonces como realidad radical porque en la vida de cada quien aparecen de una u otra forma todas las otras realidades ya sean presuntas o efectivas; y también aparece ésta como problema a resolver. Y es problema porque el hombre se encuentra inicialmente siempre en una situación de extrañamiento, arrojado en un medio que es hostil y azaroso; que no ha elegido sino que le ha venido impuesto desde su nacimiento, por ello se puede decir que es un naufrago en sus circunstancias. Esto obliga al hombre a tener que aprender a orientarse en su medio, a buscar una seguridad en su indócil entorno, a crear un mundo ordenado en lo caótico de su circunstancia.

Pero para saber dirigirse en el medio de la vida, el hombre necesita de la claridad del concepto, es decir, conocer el sentido de las cosas que lo rodean. Pero este "salvar las cosas"⁴⁴ significa extraerles su *lógos*, es decir, su razón de ser y de este modo desentrañar el sentido de nuestra propia vida. La vida está pues necesitada de verdad, de transparencia, está siempre en busca de su propia razón, de su significado. Pero no hay que olvidar que para Ortega "claridad no es vida, pero es la plenitud de la vida"⁴⁵ y el pensamiento al igual que el concepto y el discurso, y todas las formas culturales deben dar respuesta a esta demanda de veracidad. En este sentido el pensamiento no es más que una función vital mediante la cual la vida se

⁴⁴ Véase José Ortega y Gasset. "Meditaciones del Quijote". Op. cit., vol. I, p. 747.

⁴⁵ *Ibidem.*, p. 788.

vuelve sobre sí misma para hallar su explicación, su esclarecimiento y su propio orden. De allí la advertencia del filósofo español de que la cultura no puede suplantar a la vida, sino que tiene que ponerse a su servicio. Así, desde el supuesto de la razón como función vital Ortega crítica toda concepción racionalista e idealista de la filosofía, pues tanto el Idealismo como el Racionalismo conducen al grave error de suponer que las partes constitutivas del mundo poseen la misma estructura racional que nuestras ideas. Tal posición divide al hombre en dos partes, por un lado su vida espontánea, su ser concreto e histórico, y del otro, su razón que avanza en un mundo ideal y utópico. La razón, pues, debe abandonar su carácter estático para abrirse al dinamismo de la vida, dejando atrás su naturaleza "pura" para transformarse en razón vital⁴⁶.

Queda pues como propósito radical del pensamiento el de desvelar el ser oculto de las cosas, traer a la luz, a la claridad aquello que permanece escondido. De extraer en lo vital por medio del concepto y el discurso la plenitud de su significado haciendo patente cada cosa en función de su relación con las demás cosas, por ello la función del pensamiento es la de rescate, de salvación, ya que es manifestación y declaración de aquello que está velado, y este declarar es siempre nombrar, decir, hacer transparente en la palabra y el discurso el ser de cada cosa.

De este modo, desde el raciovitalismo, la filosofía necesita de tres principios, pues como ella es conocimiento del universo o de todo cuanto hay, pero cuando la iniciamos no sabemos ni que es lo que hay, ni si lo que hay es un Universo, esto implica, pues plantearse un problema absoluto que obliga a abordarlo sin creencias previas y que lleva a ejercer la filosofía con un extremo heroísmo intelectual, que obliga al filósofo a adoptar como principio metódico la renuncia a apoyarse en nada anterior a la filosofía misma, ni de partir de verdades supuestas. Este es el principio de autonomía de implica inevitablemente la filosofía. Pero una vez que se ha aplicado el principio de autonomía que lleva al filósofo a colocarse sobre una o varias verdades primeras de las que no cabe dudar y que se prueban y se comprueban a sí mismas, tiene que volverse al universo y abarcarlo en su totalidad por medio de ellas. Es decir, que frente al principio de repliegue cauteloso que es el principio de autonomía hay uno opuesto que es un afán intelectual hacia el todo que es el principio de pantonomía. Así como el problema del filósofo consiste en definir el todo o Universo, cada concepto filosófico debe ser fabricado en función del todo, porque la filosofía no se

⁴⁶Véase José Ortega y Gasset. "El tema de nuestro tiempo". Op. cit., vol. III, pp. 589-593.

contenta como lo hacen las ciencias particulares tratando una parte del universo como parte aislada, tal como lo hace la física que nos habla de la materia como si fuese lo único que existe en el universo, como si ella fuese el universo. Decir la verdad última de cada cosa, pero no de modo aislado, sino en función de su relación con todas las demás, es el principio de pantonomía que implica el quehacer filosófico⁴⁷.

Pero aparte del principio de autonomía y de pantonomía la filosofía debe poseer otro atributo, desde la postura del raciovitalismo, que es el de la comunicación del conocimiento por medio del concepto y el discurso, pues como la filosofía es un conocimiento teorético, es decir, una teoría y como toda teoría es un conjunto de conceptos y un concepto no es sino un contenido mental enunciable por medio de un discurso. Ahora bien, lo que no se puede decir no puede ser conocimiento, al menos el tipo de conocimiento que se intenta bajo el nombre de filosofía, porque ella es un gigantesco afán de superficialidad, de traer a la superficie y tornar patente, claro, perogrullesco lo que estaba subterráneo, misterioso y latente por medio de la palabra, el concepto y el discurso.

Хулиан Эдуардо Эррера Гонсалез, аспирант Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико *

Julián Eduardo Herrera González es estudiante de Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Pedro José Hinojosa Gutiérrez

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

**EL DISCURSO ACERCA DE LAS CLASES SOCIALES
EN LIBRO EL CRISTIANISMO Y LA LUCHA
DE CLASES DE NIKOLAI BERDIAEV.**

Resumen. Berdiaev considera que el discurso de Marx sobre las clases sociales revela una verdad importante. No obstante, el abuso de este discurso no permite contemplar de manera más amplia la caracteriología del ser humano dentro

⁴⁷ Véase José Ortega y Gasset, "¿Qué es filosofía?". En: *Obras Completas*. Vol. VII, Alianza, Madrid, 1997, pp. 335-338.

de la sociedad. Frente al criterio puramente económico de Marx, el pensador ruso propone aquel otro que se basa en la identificación con agrupaciones sociales más variadas.

Резюме. Бердяев считает, что в марксистском дискурсе об общественных классах содержится важная истина. Тем не менее злоупотребление этим критерием не позволяет рассматривать более широкую гамму идентификаций человека в рамках общественного целого. Чисто экономическому критерию Маркса русский мыслитель противопоставляет более широкий спектр групповых отождествлений.

“Lucha de clases” aparece como uno de los términos fuertes del pensamiento socialista del siglo XX, como uno de los fundamentos de la argumentación marxista, así como de la discusión y lucha de los movimientos de izquierda en todos los países donde se han difundido las propuestas de la izquierda. Y aunque actualmente no se menciona de manera abierta, sigue siendo un argumento que subyace a los discursos de las izquierdas. Pero es curioso que, en muchos momentos este término sea tomado como una verdad, como la gran verdad de sustento de todo discurso que pretenda replantear una distribución mas justa de la riqueza, y de muchos planes de justicia social. La “lucha de clases” adquiere un carácter casi dogmático, mismo que ha servido para justificar toda una ideología de izquierda, de la misma manera que otras expresiones como “la dictadura del proletariado”, “devenir de la historia”, “enajenación”...

Es interesante ahora señalar que la reflexión filosófica es un medio con el cual es posible observar mejor el empleo de esta terminología en la formación de discursos que se alejan de la realidad que se quiere hacer presente con ella. Y que Nikolai Berdiaev, filósofo ruso, presenta en su obra “El cristianismo y la lucha de clases”, varios elementos para plantear una postura nueva ante la argumentación aquí presentada. El tomar en cuenta estas argumentaciones, nos permitirá tener elementos para discriminar el uso arbitrario de las mismas, sobre todo al utilizarlas para generalizar cierto tipo de actitudes y valoraciones dentro del ambiente social. Y a pesar de que muchos puedan considerar que el discurso marxista esta agotado, este dice cosas muy reveladoras acerca de la condición humana existente bajo el capitalismo y su variante más actual, que bien podemos considerar aun existente bajo el término de “globalización”, ya que seguimos padeciendo los descalabros del capitalismo, aunque con repercusiones ahora a un nivel más mundial.

La primera argumentación que hace Berdiaev en su libro, es que Marx presenta una verdad al hablar de la lucha de clases, pero esta verdad no es el

fundamento último de todo, sino que al contrario viene a ser una manifestación más de un estado de lucha que se hace presente también a nivel cósmico. Por lo que siempre se puede considerar que a pesar de toda argumentación a favor de una igualdad, existen elementos que parecen confirmar la diferencia entre seres humanos, por lo que es necesario el identificar que tipo de diferencias reales tienen que ser identificadas en este ámbito de las "clases sociales" y que supuestos se le aplican a las mismas.

Se le puede criticar a Berdiaev, el hecho de hacer una visión revisionista del discurso marxista. Pero frente al discurso oficial marxista que universaliza el concepto de clase social, a todos los tiempos y lugares humanos. Pero ¿Realmente se puede considerar que la noción de clase social es tal cual la predicaba Marx, en todas las sociedades humanas, culturas, y etapas históricas? Berdiaev nos dice que no. Que si bien la terminología marxista de la clase permite hacer una muy buena crítica al sistema capitalista, pero quien sabe si sean aplicables en ese ámbito restringido. Por eso se atreve a hablar de una clase social que no se rige por el aspecto monetario o económico, sino por la capacidad de hacer presente al "impulso del espíritu creador".

Marx tiene razón al presentar una división del ámbito social. Y Berdiaev considera que ese aporte no puede ser dejado de lado, pero desde la perspectiva del impulso del espíritu creador, las diferencias entre seres humanos no son económicas sino "espirituales". Y estas diferencias si clasifican a los seres humanos, de acuerdo con su capacidad para hacer presente en el mundo y en ellos lo creador.

En contraste el discurso capitalista, procura disimular y minimizar las diferencias dentro de la sociedad, exaltando el principio de igualdad que dice animar a sus comunidades. Se tiene igualdad, en cuanto que todos los miembros de una sociedad pueden aspirar a alcanzar poder y riquezas. Y se tiene la mas absoluta libertad, tanto para hacerse rico, como para empobrecerse. La perspectiva capitalista de nuestro tiempo hace gran hincapié en la consolidación y conservación del modo de vida democrático. Mas ¿por que se debe de aceptar sin mas que el mejor modo político de gobernar una nación es el democrático?. Si bien la democracia cuenta con un gran numero de afirmaciones para con respecto a sus beneficios para la sociedad humana, también presenta toda una serie de contradicciones que afectan a la sociedad a la que beneficiaba. "La democracia ha tenido hasta ahora una forma, pero no una realidad, y en esto la crítica del marxismo, y hasta del comunismo, nos parece autorizada. La democracia confiere al hombre derechos políticos, sin darle la oportunidad de beneficiarse de ellos,

pues esta posibilidad reside en lo social y en lo económico, pero no en lo político.” (Berdiev. Cristianismo y lucha de Clases, p. 27)

De ahí que se pueda hacer una serie de observaciones críticas a las argumentaciones contemporáneas sobre el sistema político y su relación o no relación con la dinámica económica (vgr. el problema económico del 2007, 2008 y siguientes, como consecuencia del capitalismo especulador y salvaje). Más aun el considerar de que manera la crítica de la dinámica capitalista sigue siendo vigente, amas allá de las consideraciones o descalificaciones de las mismas por provenir de una argumentación marxista. Y en la propuesta de Berdiaev, es necesario el rescatar aquella argumentación que permita hacer presente la problemática humana. El ser humano, su integridad y dignidad, su importancia y tarea en este mundo, son elementos para considerar todas las demás manifestaciones humanas. Berdiaev contrapone a todo discurso que pretenda subordinar al hombre a la cultura, a la economía o a leyes sociales, la perspectiva y discurso que enfoca su visión en el carácter creativo. Todo lo que obstaculice al carácter creador humano, deberá ser considerado con un carácter enajenador. Y con esta perspectiva, se pueden hacer importantes aplicaciones en cuanto el análisis de muchas afirmaciones discursológicas contemporáneas.

Se puede plantear como piedra de toque de toda argumentación una pregunta para con la condición humana: ¿todo esto beneficia o perfecciona al ser humano, concreto y a la sociedad por extensión? ¿Toda esta propuesta, permite desarrollar en el hombre el espíritu creador, que transforme su mundo? y en una perspectiva más radical, después de haber profundizado en el pensamiento de Berdiaev, y en su propuesta para con la dialéctica entre lo humano y lo divino, bien se puede preguntar ¿Esta propuesta permite al hombre conocerse lo suficiente para conocer a Dios, así como a la naturaleza y condición divina que subyace a cada ser humano?

Siendo entonces que la búsqueda de respuesta a estas preguntas, pueden permitir descubrir situaciones y condiciones muy interesantes o reveladoras de la discursología contemporánea.

De igual manera se vuelve reveladora la consideración de la desigualdad espiritual del ser humano. Y que esta desigualdad es mas real que la propuesta por otras perspectivas previas. Ya que la desigualdad humana presentada por Berdiaev, responde a exigencias diferentes a las económicas, y expresas una manera de como hacer presente las manifestaciones del espíritu creador.

De igual modo, nos llama la atención a la consideración que subordina al hombre para con la clase social y económica, o que absolutiza a esta con respecto al hombre.

y la subordinación del aspecto creador al productivo. De ahí que nuestro autor también tome esta subordinación al aspecto material y productivo, como piedra de toque para hacer una fuerte crítica tanto al propio marxismo soviético, como al capitalismo(curioso, también se pueden criticar las tendencias productivas que yacen tras las visiones de “competencia y calidad”, que en nuestros tiempos son parte de muchos discursos oficiales).

De igual manera nos muestra Berdiaev que las perspectivas revolucionarias que se llegan a hacer presente en cualquier sociedad, tienden a uniformar y a estandarizar todo lo que no este de su lado, o lo anterior a sus propuestas. Como señala en el caso de unificar a todas las tendencias idealistas o anti-materialistas que existen dentro del propio capitalismo, como apoyo o refuerzo de la visión capitalista, ignorando su carácter crítico para con el propio capitalismo. Perspectivas que nunca hay que olvidar, y menos en tiempos de convulsión o crisis social. Ya que son manifestaciones de tendencias irracionales que ofuscan el carácter racional de la conducta humana, y que a la vez obstaculizan o perturban la manifestación del espíritu creador del ser humano.

En este contexto, es donde también se pueden tener en consideración las re-elaboraciones de las nociones de clases, que Berdiaev presenta en *El cristianismo y la lucha de clases*, re-elaboraciones que plantean puntualizaciones importantes, para considerar dentro del contexto social humano, a través de aquellas argumentaciones que muestran las diferencias de carácter -mas que de condición económica- entre los “aristócratas” y los “proletarios”; así como entre estos últimos y los “burgueses” Y el carácter de “renegado de clase” que el burgués tiene para con la clase proletaria de la cual ha surgido. Y como esta dinámica de carácter y conductas, produce un estancamiento de las actividades creadoras del espíritu humano. Para terminar diciendo que la renovación del carácter creador, solo sera posible en aquellos individuos que presenten el carácter innovador y atrevido que caracterizaba a los aristócratas antiguos, pero con la amplitud de espíritu y crecimiento interno que permita hacer frente a la problemática de nuestros tiempos. La aristocracia espiritual deberá permitir la trascendencia de la visión burguesa que ha estancado la vida espiritual del hombre y ha generado un “pensamiento de muerte” que sigue latente y presente, haciendo considerablemente posible que sus argumentaciones para con una

próxima y nueva Edad Media, no sean solo especulaciones atrevidas, sino inquietantes posibilidades próximas a hacerse presentes. Mismas que no sería muy prudente echar en el olvido.

BIBLIOGRAFÍA

Nicolás Berdiaev. Cristianismo y lucha de clases. Barcelona, José Janés, 1945.

Nicolás Berdiaev. Una Nueva Edad Media. Buenos Aires, Carlos Lohlé

Nicolás Berdiaev. La destinación del hombre. Barcelona, José Janés, 1947.

Педро Хосе Инохоса Гутierrez – докторант Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Pedro José Hinojosa Gutiérrez es estudiante del doctorado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

José Antonio Chávez Ramírez

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

ANTONIN ARTAUD: EL DISCURSO COMO CUERPO

Resumen. En la obra de Artaud pueden identificarse una gran cantidad de discursos, si se le ve como un mero ejercicio literario, pero cuando se atiende al origen de estos discursos, las palabras de Artaud revelan su más profunda *insuficiencia*, la de su propio cuerpo, aparece el Artaud de carne y hueso.

Резюме. В творчестве Арто можно проследить множество разных дискурсов, если рассматривать их как простое литературное упражнение. Но когда речь заходит о происхождении этих дискурсов и слова Арто обнаруживают свой глубокий недостаток – свой телесный изъян, перед нами предстает настоящий Арто а плоти е крови.

Durante casi tres años de completa soledad y dolores de cabeza, Artaud había oscilado entre sensaciones de vacío de pensamiento, de palabras y de su substancia vital, sin embargo, pareciera que logró encontrar en la escritura una especie de transgresión de este vacío. Es en esos momentos de su vida donde surge un discurso poético *insuficiente*.

A la edad de veintisiete años Artaud envía los poemas escritos durante aquella época a la revista *Nouvelle Revue Française* para su publicación, pero el director, Jacques Rivière, los encuentra *insuficientes* en tanto poemas y rechaza cortésmente su publicación (Cfr. 1970: 29ss). A esto le sigue un intercambio de correspondencia que hoy resulta más que lúcida,

donde Artaud expone la importancia de dichos poemas con un lenguaje que parece carcomer lo más profundo de sus entrañas, el lenguaje usado por él en esos mensajes resulta mucho más revelador que las propias explicaciones aducidas.

Es en la génesis de esa *insuficiencia* poética, donde la vaciedad que expresa tener Artaud traba un sólo ser entre la palabra, el pensamiento y el cuerpo. Es el nacimiento de un discurso que conserva la memoria de su origen: los trastornos orgánicos. Las cartas escritas a Rivière, más que ser una justificación de la *insuficiencia* de los poemas, son una ex—plicación de la misma corporalidad de Artaud: “Yo hablo de la ausencia de agujero, de una especie de sufrimiento frío y sin imágenes, sin sentimiento y que es como un indescriptible choque de abortos” (1970: 41). Ese *sufrimiento frío* es precisamente lo que ocasiona la *insuficiencia* en los poemas rechazados. Los primeros escritos de Artaud, no son ni académicos ni anárquicos, las palabras que los conforman parecen tener un fondo mucho más sutil, pero a la vez son tan lapidarios que transmiten la sensación de provenir de una pluma que se encarna en el propio sufrimiento de quien la maneja.

En el intercambio de correspondencia que se da entre Artaud y Rivière se deja entre ver el enlace de dos discurso bien diferenciados, por un lado, las palabras de Rivière son una sutileza que intenta disculparse y explicar la razón de la negativa, por el otro, el lenguaje de Artaud es una espada helada que en todo momento, más que defender su *insuficiente* escritura, hace una genealogía de esa *insuficiencia*. De pronto, el director propone a Artaud la publicación de la correspondencia mantenida en torno a dichos poemas rechazados, pero ahora aceptados como muestra del origen de tan célebres cartas. Cabe cuestionarse, tal y como lo hace Blanchot: “¿Se dio cuenta Jacques Rivière de esta anomalía? Unos poemas que él consideraba insuficientes e indignos de ser publicados dejan de serlo cuando van completados con el relato de la experiencia de su insuficiencia. Como si lo que les faltase, su defecto, se tornase plenitud y completud por la expresión abierta de esa carencia y la profundización de su necesidad” (2005b: 56). Seguramente a Rivière le interesaba la propia experiencia de la obra, y en las cartas de Artaud esa experiencia se hace manifiesta en el *indescriptible choque de abortos*.

Es en ese *choque* y en la *ausencia* donde Artaud parece encontrar una forma de plasmar su experiencia de vacío, son las palabras bajo las cuales un discurso del cuerpo se manifiesta en el lenguaje. Desde su más temprana juventud Artaud sufrió de serios trastornos, tanto del pensamiento, en tanto inmaterialidad, como del cerebro considerado como materia orgánica. Sus escritos son una especie de resoplo de las profundidades de lo vivo, donde

quien habla es el Artaud que siente su materialidad, y que mediante la palabra nombra su propia interioridad: “Bajo esta costra de huesos y de piel que es mi cabeza, hay una constancia de angustias, no como punto moral, (...) sino como una (decantación) en el interior, como la desposesión de mi sustancia vital, como la pérdida física y esencial (quiero decir pérdida del lado de la esencia) de su sentido” (2005a: 33). Su discurso convoca a su cuerpo para evocar mediante la palabra una *perdida*, un *vacío* que nace de la misma carne.

Entre su cabeza y esa *decantación interior* se establece una especie de diálogo, no es una conversación consigo mismo, es un discurso dialogal que se dirige, por un lado, de los huesos y la carne hacia el vacío de pensamiento que experimenta Artaud. Este movimiento no es lineal, no se establece en una dirección directa, sino que es más bien contorneado, no es un movimiento que dé cuenta del discurso poético de Artaud, sino que es la forma mediante la que este discurso se nutre, y termina por estallar en la palabra escrita. Pero incluso aquí, la escritura toca sus límites y termina por derrumbarse ante el espectáculo de los órganos, Artaud lo expresa así: “Me falta una concordancia de las palabras con la minuta de mis estados” (2005a: 49). Entre el discurso plasmado en el papel y aquel del que éste se nutre, el cuerpo, existe una falta de concordancia que el mismo Artaud identifica y reconoce, y tal vez es esto lo que Rivière designara como *insuficiencia* en los poemas que había recibido, y es ese espacio vacío que se da entre la palabra y la experiencia de la carne donde la obra de Artaud se transforma en un discurso que hiede, donde las palabras resultan insuficientes en sí mismas para explicar la esclerosis de un cierto estado, ¿pero quién quiere explicar? Sin duda Artaud no, la *insuficiencia* que sufren sus poemas, es la misma que se da desde su origen. La escritura de Artaud, más que ser causa, es reflejo de sus males.

Durante algún tiempo, el mismo Artaud trata de violentar, de resquebrajar ese espacio vacío que se da entre él y sus palabras, pero el lenguaje no alcanza para tanto, con el paso del tiempo se va encontrando con una barrera infranqueable, los límites de la escritura, comenzara entonces una búsqueda hacia otro tipo de expresión mucho más esencial. Si la correspondencia que mantuvo con Rivière pudo en algún momento dar cuenta de la falta de concordancia, Artaud parece no estar dispuesto a hacer en todo momento una glosa de sus escritos.

La evolución que sufre el mismo Artaud se manifiesta en su propio discurso. En la búsqueda emprendida para sanar el doble vacío del que es presa, se da cuenta de que ese espacio insalvable se produce entre el choque

de la materia, el cuerpo, y el intento por expresarlo en el sentido de la palabra. Entonces Artaud decide unir esta escisión, el teatro aparece entonces como el *doble* de ese *indescriptible choque de abortos*, donde éste choque encuentra libertad plena para ser expresado.

Artaud lo enuncia así en *El Teatro y su doble*: “Aunque parece que el teatro aparece para dar salida a nuestras represiones, y dar impulso a la vida, tal vez lo cierto es que en el fondo puede desarrollarse bajo una verdadera magia si supiésemos dirigirla” (2006: 9). Entonces, el vacío que se habría entre lo orgánico y la abstracción del pensamiento se verá unido por la magia provocada por el teatro, pues ésta no debe de ser solamente palabra o liberación de ciertos sentimientos reprimidos, sino que debe volverse el principio de un verdadero discurso poético: “El teatro no es dialogo, lo teatral es precisamente aquello que no puede expresarse con palabras” (2006: 39). El teatro de Artaud, es aquel donde se muestre la esclerosis de sus estados de pensamiento, es la unión de sus sufrimientos con la magia de su espíritu poético. Pero esto no es un burdo recurso a la mística o a lo sobrenatural, si bien Artaud habla de que el desarrollo del teatro debería de darse bajo la verdadera magia, no debe de pensarse a ésta como una apelación a un discurso lleno de mística.

En sus primeros escritos, Artaud intenta expresar la *ausencia de agujero* mediante la palabra poética, pero ya se ha dicho que para esos efectos la palabra no logra evocar la plétora de sentimientos que emanan de su propia cabeza, la *insuficiencia* aparece cuando la vida se intenta plasmar en la poesía. Artaud cambia de ese intento siempre *insuficiente*, hacia un esfuerzo por expresar su vaciedad en la magia del teatro, el movimiento que se da es inversivo, es decir, se deja de intentar hacer poesía a partir de los estados de salud, para que sean estos los que se vean penetrados por la poesía misma, ahí se produce la magia, no en el intento de hacer poesía, sino porque es ésta quien termina por irrigar las esclerosis de Artaud. El cuerpo y el discurso se han vuelto uno solo en la magia del mismo teatro.

El teatro propuesto por Artaud es aquel donde se muestren los rincones de la pérdida de sustancia vital de la que habla, se renuncia a la palabra escrita para dar lugar a un lenguaje que signifique mediante el gesto, el grito, la contorsión del cuerpo sobre el escenario, que se produzca un lenguaje físico, que se dirija primeramente a los sentidos, que creé una poesía en el espacio, donde finalmente la palabra sobra, y el cuerpo se vuelve uno con su propio discurso.

BIBLIOGRAFIA

Antonin Artaud, *Œuvres complètes*, (1970), Paris, Gallimard, T. I.

_____ *El Pesa-Nervios*, (2005a), México, Coyoacán.

_____ *El teatro y su doble*, (2006), México, Debolsillo.

_____ *Van Gogh, el suicidado por la sociedad*, (2007), Buenos Aires, Argonauta.

Maurice Blanchot, *El libro por venir*, (2005b), Madrid, Trotta.

Хосе Антонио Чавес Рамирес – аспирант Гуманитарного факультет Автономного Университета Штата Мехико.

José Antonio Chávez Ramírez es estudiante de Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Juvenal Vargas Muñoz

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

MAURICE MERLEAU-PONTY: EL DISCURSO SOBRE LA CONCIENCIA DE LA CORPORALIDAD HUMANA

Resumen. En las líneas que presentamos a continuación bosquejaremos de manera sucinta algunos de los motivos fundamentales del discurso filosófico del pensador francés Maurice Merleau-Ponty, quien en la primera mitad del siglo XX innovara la reflexión filosófica pendiente del ser del hombre, pretendiendo superar histórica visión que presenta al hombre como el ser dual por excelencia (alma-cuerpo), resultando por momentos un pensamiento antitético respecto a grandes parcelas de la tradición filosófica.

Резюме. В настоящей работе в сжатой форме мы излагаем некоторые основополагающие идеи философского дискурса французского мыслителя Мориса Мерло-Понти, который в первой половине XX века обновил философскую рефлексию относительно человеческого бытия и преодолел историческое воззрение на человека как на дуальное существо (душа-тело), заложив основы подлинного мышления на важнейшем участке философской традиции.

¿Qué es aquello de nosotros que precede a nuestra propia razón? Merleau-Ponty se aleja de gran parte de la tradición filosófica al pretender dar respuesta a la interrogante anterior. Para la tradición de corte platónica en lo que respecta al ser del hombre, aquello que “precede” la existencia del hombre es esa esencialidad que posee una naturaleza similar a las ideas, ya que para Platón aquello que existe antes del cuerpo –y tal vez de la razón,

en cuanto el alma conoce cuando inicia el periplo del recuerdo gradual-, y que a su vez es la parte del hombre que perdurará después de la muerte física, es el alma. El alma para Platón y también para el cristianismo es la condición de posibilidad de la vida humana. Baste decir al respecto que esta noción de hombre platónica, donde necesariamente se entiende al hombre como una dualidad, donde de esta dualidad lo que precede y antecede a la vida humana es el alma. La idea del alma entendida como el aliento, el soplo que permite la vida del hombre, también conforma grandes parcelas del pensamiento cristiano, así, entre platonismo y cristianismo se configura la noción occidental del hombre como ser dual, como ser que posee existencia, cuerpo, pero que también posee un alma; donde el alma resulta privilegiada en detrimento del cuerpo. La tradición filosófica ha intentado en innumerables ocasiones superar este dualismo, —mismo que en el diálogo *El Fedón* de Platón alcanza su cúspide—, dualismo que se comienza a considerar una limitante para poder erigir una idea de hombre donde se recupere el cuerpo, y se reconozca, a la vez, la posibilidad de sabernos portadores de una conciencia que en nada se encuentra disociada con nuestra dimensión corporal.

En el siglo XX se comienza a percibir la dualidad que conforma al hombre como una barrera, como un lastre que impide al pensamiento sobre el ser del hombre desarrollarse por otras vertientes, buscar nuevas maneras de reflexión que a su vez deriven en nuevas formas de entender y de interpretar la misma condición de humanidad. Motivo por el cual la búsqueda de superación de tales concepciones duales fue el afán de los más grandes pensadores, quienes utilizando el instrumental metodológico de la fenomenología husserliana buscaron entender al hombre de otra manera, donde el cuerpo no saliera denostado respecto a una hipotética alma encarcelada a disgusto en un cuerpo sucio y distractor. Así, de esta manera, es como Sartre, Camus, Heidegger y el mismo Merleau-Ponty innovan el discurso filosófico.

Regresando a la pregunta que inauguro el presente escrito: ¿Qué es aquello que precede a la razón humana? Merleau-Ponty marcará el inicio de novísimas formas de la reflexión filosófica contemporánea, puesto que para nuestro autor no es el alma, sino el cuerpo lo que merece una reflexión más, esto con la finalidad de entender de mejor manera nuestra mismidad, nuestra peculiar manera de estar y de ser en el mundo. En *La estructura del comportamiento*, y siguiendo a su contemporáneo Jean Paul Sartre menciona lo siguiente: "...resulta relativamente fácil imaginar a un cuerpo carente de lo que se ha dado en designar como *alma*, pero también

he de confesar que es muy difícil siquiera pensar en una entidad espiritual afincada en el mundo carente de cuerpo". (Merleau-Ponty:1976:175). Así, según Merleau-Ponty lo que antecede a la racionalización, es el cuerpo, el vínculo primero con el mundo es mi corporalidad, mi carnalidad; todo dato, toda teorización posterior, es posible solamente entendiendo y tratando de clarificar el vínculo primigenio con el mundo, vínculo dado por la materia, por *mi* materialidad, por la única materia que *difiere* de la demás materia, por *mi carne*. Carne como materia, en efecto, pero la única materia diferente, puesto que siente, y a su vez este sentir se tornará posteriormente en ideas, en teorías, en emociones, en formas nuevas y diferentes a todas las habidas en el mundo para relacionarse con el mismo y con la carne misma. De aquí la necesidad merleau-pontyana de explorar aquello que la tradición había soterrado, que había escamoteado en beneficio del alma. Hemos de resaltar también que este intento en Merleau-Ponty no se trata de un intento empirista simple llano; al contrario, se parte del reconocimiento que tampoco existe la claridad suficiente para sustentar al cuerpo como la única manera de obtener conocimiento, pero si se reconoce en el cuerpo el vínculo innegable y primero con respecto al mundo, como lo pre-racional, como la forma primigenia de ser en el mundo, motivo por el cual según Ponty se habrá de pensar nuevamente en el origen de la relación *cuerpo-mundo* y de la relación *cuerpo-conciencia*, no como dos relaciones disociadas e incluso equidistantes, al contrario, como relacionalidades que se necesitan y se complementan para lograr entender al hombre como una auténtica unidad, motivo por el cual se tendrá que intentar aclarar, en la medida de lo posible, problemas tales como la percepción y la dimensión que la conciencia tiene de su propia corporalidad; es decir, se tendrá que buscar aclarar cómo es que se da esta conciencia encarnada, o cómo es que esta conciencia se encarna. De esta pretensión de rastreo de la encarnación, de la carnalidad, del encarnamiento, es como el autor de *Humanismo y terror* propone que no se trata de un simple empirismo que pretenda elucidar la relación que hay entre los sentidos perceptores del hombre y el mundo externo, donde se toma al mundo externo como fuente de datos que tendrán que ser aclarados posteriormente por la conciencia-. Se trata de aclarar qué es la percepción en sí misma, y qué relaciones guarda con la conciencia antes de aclarar los datos dotados por el percibir mismo, incluso el problema en Merleau-Ponty no es el cuerpo como tal, sino la conciencia que tenemos sobre nuestra corporalidad, Ponty llegará a aseverar que nuestro cuerpo no sólo está constituido por su estamento

material, también es la conciencia que cada hombre tiene del mismo, (el ente psicofísico propuesto por Husserl desde su primera gran obra capital *Investigaciones lógicas* aquí es recuperado por Merleau-Ponty bajo la forma conceptual de “intencionalidad operante”). De esta manera el cuerpo del hombre se prefigura en el mundo no sólo como materia, sino que también se prefigura gracias a la conciencia que cada cuerpo posee como carne, como materia capaz de sentir e incluso capaz de pensar. El problema pontyano no solo es nuestro cuerpo y la relación que el mismo guarda con el mundo exterior, es la conciencia que tenemos de nuestra corporalidad, la cual a su vez permite toda experiencia externa, pero también interna, el cuerpo para el autor de *La estructura del comportamiento* no sólo es el receptor y transmisor de datos del exterior hacia un interior todavía sumido en la penumbra, es “el receptáculo de toda afección”, afecciones venidas del exterior, pero también de esa penumbra interna llamada conciencia.

El cuerpo no sólo es nuestra “materialidad”, el cuerpo es carne, y justamente la carne se distingue del común de la materia desde el momento en que siente, por lo tanto, al hablar de cuerpo hablamos no solo de nuestra dimensión material, también, y tal vez más, de la conciencia que se encuentra encarnada en la misma. Dando respuesta a la pregunta que inaugura el presente escrito desde la óptica de Merleau-Ponty, el cuerpo es lo que antecede a la razón, pero es impensable sin la conciencia que pareciera que en un movimiento giratorio lo contiene y posibilita su ser. Merleau-Ponty propone un par de ejemplos de cómo la conciencia que poseemos de nuestra corporalidad contiene al cuerpo y a la vez el cuerpo es lo único que posibilita la conciencia. Resulta menester resaltar que según Ponty este doble movimiento conciencia-cuerpo es la auténtica posibilidad de superación de los dualismos tradicionales, puesto que no se privilegia ninguno de los extremos en detrimento del otro.

Merleau-Ponty analiza un caso de la psiquiatría de su tiempo para plantear la conciencia que se tiene de la corporalidad. Es el caso de un excombatiente de la segunda guerra mundial, se trata del paciente Schneider, a este hombre en batalla le explotó un obús cerca de la cabeza, afectándole algunas de sus funciones motoras, entre otras el lenguaje y la sexualidad, pero el cuerpo *desa res extensa* que somos en el mundo —en sus diferentes miembros y planos—, al parecer resultó sin lesión alguna, sólo el cerebro es el que presentó daño, lo que Maurice Merleau-Ponty observa es que este daño de aquella parte del cuerpo donde al parecer acontece lo que llamamos conciencia se traslada a grandes partes del

cuerpo. En determinado momento se hacen estudios sobre la sexualidad del paciente Schneider, teniendo como resultado que sus genitales no sufrieron daño alguno, pero el paciente se encontraba "imposibilitado" para entrar en lo que Merleau-Ponty llama "situación sexual", por más que a Schneider se le estimula no logra la vivencia de su sexualidad; llegando a la conclusión de que su sexualidad se encuentra perdida justo por la pérdida de las condiciones cerebrales -por no decir conscientes-, que posibilitan dicha sexualidad, motivo por el cual se reconoce también que no sólo se trata del cuerpo, sino de la dimensión de cuerpo anclada en la conciencia. El estudio pontyano se encaminará bajo ese rubro desde sus primeras grandes obras, desde *La estructura del comportamiento* y desde la *Fenomenología de la percepción*. Para dilucidar esta dimensión de la corporalidad que posee la conciencia, Merleau-Ponty se da cuenta de que es menester pensar y teorizar sobre la percepción. Otro caso mediante el cual Ponty pretende demostrar esta conciencia de la corporalidad humana es también con los casos de excombatientes que sufrieron una amputación. De aquí surge su teoría denominada como "El miembro fantasma". Donde se observa que hombres que sufrieron alguna amputación en su cuerpo aún sienten como si poseyeran el miembro que les fue amputado tiempo atrás, donde el cuerpo mismo reacciona pese a ser cercenado y se presenta ante la conciencia como si aún tuviera su integridad primera.

Entre un hombre que íntegro físicamente, y en uso de su vigorosa juventud no accede a la vivencia de la excitación sexual, y hombres que ven mermado su ser corpóreo a raíz de amputaciones, donde lo que se manifiesta de su cuerpo no es la mera carne, es la encarnación de la conciencia.

Un cuerpo que se restituye con relación a la tradición filosófica, dejando de ser "la cárcel del alma" donde tampoco es entendido como el simple "dador de experiencias provenientes del mundo", un cuerpo que se restituye sólo en función del reconocimiento de la encarnación de la conciencia en el mismo. El problema según Ponty no se resuelve denostando el alma en aras del cuerpo, esto a lo mucho supondría invertir la balanza histórica, si bien desde Platón y el cristianismo el alma se hipostasiasa al cuerpo, la superación de esta concepción dual no está fincada en la inversión de tal hipóstasis, antes bien, se pretende llevar esta dualidad a una unidad plena, donde no se perciba distingo posible entre cuerpo y conciencia, -emparejando aquí arbitrariamente la noción de alma con la de conciencia-, donde la conciencia se sabe encarnada y el cuerpo se sabe consciente, incluso consciente en el mismo movimiento centrífugo donde la percepción tiene origen, así, lo percibido no

es solo un dato que se procesará en el ámbito propio de la conciencia, percibo justo porque soy consciente, y soy consciente gracias a mi dimensión corporal, donde de ninguna manera se trata de una conciencia de corte cartesiano, donde el pensamiento se puede imaginar sin su parte corporal; a la inversa, se piensa justo porque se encuentra en encarnamiento. Ponty, junto con Michel Henry observan que este problema de la “encarnación” de la conciencia ha estado presente desde antiguo, pero que el tratamiento que se le ha dado ha escamoteado la profundidad y claridad que podría derivar de su tratamiento. Tanto a Ponty como a Henry les impacta profundamente ese versículo del evangelio según San Juan donde “el verbo se hace carne”. Motivo que a la luz de la fenomenología, la psicología y la psiquiatría, guiará gran parte la investigación pontyana y todo el discurso derivado del mismo, en aras de pensar nuestra corporalidad de manera más profunda, más consciente y encarnada.

Maestro de filosofía Хувеналь Варгас Муњос – преподаватель-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико

Maestro en Filosofía Juvenal Vargas Muñoz es profesor investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Óscar Juárez Zaragoza

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

LUDWIG WITTGENSTEIN Y GILLES DELEUZE: DOS EJERCICIOS DE LA FILOSOFÍA A PARTIR DEL SENTIDO Y EL SINSENTIDO EN EL DISCURSO.

Resumen. El presente escrito tiene como finalidad mostrar dos formas de encarar el problema del sentido en el discurso filosófico. La primera, de Ludwig Wittgenstein, que tiene como límite el sentido en el lenguaje y las implicaciones que de ahí derivan, la segunda, de Gilles Deleuze, que intenta desbordar el sentido hasta llegar al sinsentido para llevar a la filosofía por otros senderos.

Резюме. Цель настоящего текста - указать на два способа подхода к проблеме смысла философского дискурса. Первый, развиваемый Витгенштейном, наталкивается на предел смысла, задаваемый языком, со всеми выте-

кающими отсюда импликациями. Второй, отстаиваемый Жилем Делёзом, пытаюсь выйти за пределы смысла, приходит к бессмыслице, чтобы повести философию по другому пути.

Wittgenstein (el del *Tractatus*), entre otros, desarrolló la relación entre el sentido, la expresión y la designación⁴⁸. La forma en que este autor muestra esta relación es la siguiente: La figura (proposición lógica) representa el darse o no darse de un hecho. La figura, figura el hecho. Dice Wittgenstein en la proposición (2.1) del *Tractatus*: “Nos hacemos figuras de los hechos”⁴⁹. Este paso del hecho a la figura se realiza gracias al carácter trascendental del espacio lógico. Sin embargo, la relación no queda determinada a esta situación de dependencia de la figura lingüística al hecho. Si así fuera no podrían existir figuras falsas, toda figura en tanto que dependiente de un hecho para poder efectuarse estaría, de entrada, excluida del error. Es muy difícil hacer una figura falsa de un hecho que tenemos presente. Razón por la cual más adelante corrige: “Lo que la figura representa es su sentido” (2.221)⁵⁰. De esta forma Wittgenstein salva el problema del error por medio del sentido. Si lo que la figura representa es su sentido, no depende del hecho para efectuarse, podemos efectuar la figura de un hecho sin que éste esté presente, ya sea pasado o futuro. En realidad lo que la figura representa es su sentido, el sentido adquiere así una independencia respecto al hecho y hace posible la existencia de la verdad y lo falso. El *sentido* al estar por encima es la condición de lo verdadero, más como el *sentido* es más amplio que lo condicionado hace posible también lo falso: “La figura representa lo que representa, independientemente de su verdad o falsedad, por la forma de la figuración” (2.22)⁵¹. Una proposición con sentido puede ser verdadera o falsa. No obstante su falsedad una proposición no deja de tener sentido. Es más, es gracias al sentido que puede ser falsa. Wittgenstein dirá en el *Tractatus* que lo que no tiene sentido es absurdo y no puede ser falso. Simple y sencillamente es absurdo. En una proposición se dan así dos niveles:

...En una proposición se distinguen así dos dimensiones: la de la *expresión*, de acuerdo con la cual la proposición enuncia, expresa algo ideal; la de la *designación*, de acuerdo con la cual la proposición indica,

⁴⁸ Cfr. *Lógica del sentido*. La tercera serie, cuyo título es: *De la proposición* realiza el mismo seguimiento incluyendo a autores como: Brice Parain, Descartes, Lewis Carroll, Husserl, entre otros.

⁴⁹ Wittgenstein, Ludwig. *Tractatus lógico-philosophicus*, Madrid, 2003, p.53.

⁵⁰ *Op.cit.*, p.55.

⁵¹ *Ibidem*.

designa objetos a los cuales se aplica lo enunciado o lo expresado. Una sería la dimensión del sentido; la otra, la de lo verdadero y lo falso...⁵².

Deleuze dirá que la relación de la *designación* no es sino la forma lógica del *reconocimiento*. Ciertamente la *designación* remite al *sentido común* como su suelo, enraíza en el *reconocimiento* pues para saber si una proposición, con sentido, es verdadera o falsa el único recurso es la *comparación*: “Para reconocer si la figura es verdadera o falsa, tenemos que compararla con la realidad (2.223)⁵³. La *comparación* sólo puede efectuarse sobre la base de dos sujetos (o más) igualmente constituidos; que poseen el mismo *sentido común*, que reconocen de igual manera el hecho a través de la colaboración organizada de sus facultades –sensibles o intelectuales-. A pesar de su novedad la *designación* queda entrampada en el *reconocimiento* y a su vez en el *sentido común*. En esta forma de concebir la trascendencia del sentido sobre lo verdadero y lo falso, la verdad sólo es posible como adecuación. La proposición figura el hecho, dice Wittgenstein, la proposición se adecua el hecho. Cuando una proposición representa (figura) al hecho de forma adecuada es verdadera, cuando no lo representa (figura) de forma adecuada la proposición es falsa; la verdad es simplemente adecuación. En esta adecuación se hace presente de manera necesaria el *reconocimiento*. El criterio postulado por Wittgenstein para determinar si una proposición es verdadera o falsa es compararla con el hecho. Quienes comparan tienen el sentido común como base. Un yo constituido que reconoce, con cualquier facultad o con todas ellas en su conjunto, lo mismo que el otro reconoce. La verdad de la *designación* se muestra en toda su pobreza: figurar la realidad. La filosofía como la ciencia que determina la forma correcta de figurar la realidad. De esta manera el empirismo lógico eleva a lo trascendental algo empírico y reduce lo trascendental a lo empírico. La *designación* como indicación no es nunca más que algo empírico. Cuando se determina que la verdad corresponde única y exclusivamente a la correcta *designación* se eleva lo empírico a lo trascendental. De forma inversa lo trascendental queda reducido a lo empírico.

El sentido común se contenta con la superficie cómoda que le da el *sentido y la designación*.

La dimensión de la expresión se muestra como el elemento de lo ideal; la proposición expresa algo ideal. Es el territorio del sentido que hace posible la verdad, lo falso y se distingue claramente de lo absurdo, del sinsentido. Pero el sentido no puede ser dicho. Es imposible para la

⁵² . Gilles Deleuze. Diferencia y Repetición. Buenos Aires, 2002, p. 235.

⁵³ . Wittgenstein, Ludwig. Op. cit, p. 55.

proposición salir de sí misma y decirse a sí misma: "...nunca podemos formular simultáneamente una proposición y su sentido, nunca podemos decir el sentido de lo que decimos..."⁵⁴. Lo que el sentido es permanece, siempre, inexpresable. El sentido permanece indiferente a la verdad o la falsedad de lo que expresa, pero se expresa; significa algo. Los conceptos que se articulan en la proposición expresan algo, aun cuando la expresión no pueda ser mostrada. Los conceptos significan (hacen las veces de) las cosas que se dan en el hecho, se relacionan con los objetos por medio del espacio lógico, pero lo que expresan queda indiferente a las cosas del hecho. El sentido es indiferente a la significación y a la designación que puedan gestarse en su interior.

Para el sentido común difícil es determinar la relación que el *sentido* tiene con el *sinsentido*. Generalmente el sentido común tiene como límite al *sentido*. Su búsqueda nunca va más allá del sentido. La colaboración de las facultades no le permite franquear la barrera del *sentido*. El sentido común, como la cosa mejor repartida del mundo, impide *la fractura del sentido*, si ésta se presenta, el sentido común considera fuera de su buena distribución a quien alega la existencia del *sinsentido* en las entrañas del *sentido*.

La Idea que recorre todas las facultades, no se reduce sin embargo, al sentido, porque ella, a su vez, es también no-sentido. Y ninguna dificultad impide conciliar ese doble aspecto por el cual la Idea está constituida por elementos estructurales que no tienen sentido por sí mismos, sino que constituye ella misma el sentido de todo lo que produce (estructura y génesis)...⁵⁵

Deleuze observa con toda claridad que si el sentido no puede ser jamás dicho se presenta un problema no susceptible de pasar por alto. En la proposición: *La tarde es nublada*, distinguimos sin dificultad alguna lo que corresponde a la significación y la designación. La *significación* la encontramos en lo que cada concepto significa en relación a la realidad, por su parte, la *designación* corresponde a la relación que el concepto establece con la cosa empírica. El concepto *tarde* en su *significación* remite a los rasgos esenciales que todas las tardes presentan y que por medio de la abstracción hemos logrado representar en un signo lingüístico. Por su parte en su *designación* el concepto *tarde* remite a la tarde a la que se refiere: puede ser esta tarde o la de una fecha pasada e inclusive futura pero con ese rasgo determinado. No obstante, el concepto o idea *tarde* en cuanto su sentido no puede ser dicho por ella misma remite a otra proposición que se coloca en relación de *designación* respecto al concepto *tarde*. De esta

⁵⁴ Gilles Deleuze. Op. cit, p. 237.

⁵⁵ Ibidem.

forma, dice Deleuze, nos vemos obligados a una regresión nominal indefinida en donde nunca podremos encontrar cual de las proposiciones es la primera. Al hacernos conscientes de esta situación se nos muestra en extremo paradójico que la filosofía, en su imagen clásica, alegue y funde su posibilidad en una proposición o Idea primera: Bien, Motor Inmóvil, Dios, Cogito, etc. “...quizá Cogito es el nombre que no tiene sentido, ni tampoco otro objeto que la regresión indefinida como potencia de reiteración (pienso que pienso que pienso...) Toda proposición de la conciencia implica un inconsciente del pensamiento puro, que constituye la esfera del sentido donde se regresa al infinito”⁵⁶.

El Bien, Motor Inmóvil, Dios, Ego Cogito muestran un estatus paradójico. No tienen fundamento alguno y, sin embargo, son el fundamento de toda una serie de proposiciones que se derivan de ellas. El sentido tiene como fundamento el sinsentido. Existe gracias al sinsentido. Todas las Ideas que la filosofía toma como punto de partida no tienen fundamento sino en el sinsentido, no existen sólo subsisten en un *minimum de ser*. “El sentido aparece aquí, al término de uno de los esfuerzos más poderosos de la lógica, pero como la ineficacia, estéril incorpóreo, privado de su poder de génesis...”⁵⁷. El *sentido no funda* verdaderamente algo, sólo lo hace cuando permanecemos cerrados a la parte de sinsentido que le corresponde. Cuando olvidamos esta relación entre sinsentido y sentido podemos sin pudor alguno derivar de la Idea las consecuencias más sólidamente efectuadas, solamente que esta solidez es la solidez de la nada, del sinsentido que ha sido olvidado, borrado y en su lugar colocamos la aparente dureza del fundamento. El sentido se efectúa en el olvido del fondo terrorífico que todo lo disuelve, en el sinsentido. Por la regresión infinita en la que se ve arrastrada cualquier proposición, el sentido jamás puede decirse permaneciendo siempre sin ser conocido. Reducido a una condición de ser demasiado endeble funda, gracias al olvido, todo lo demás, con una gran apariencia de solidez. Ningún concepto utilizado por la filosofía como principio tiene como fundamento, otra cosa, que el *sinsentido*. El sentido tiene lugar en la pequeña franja que se da entre el sinsentido y la designación. El sentido como casi-ser que no obstante fundamenta la dureza de la construcción.

De esta manera Wittgenstein realiza un ejercicio filosófico que queda atrapado en la preeminencia del sentido y, desde la perspectiva de Deleuze, en la imagen dogmática del pensamiento, mientras que este último nos propone un ejercicio filosófico que desborde el sentido para arrastrarlo

⁵⁶ Gilles Deleuze, Op. cit., p 238.

⁵⁷ Ibid., p. 245.

hacia el sinsentido, dando de esta manera lugar a una filosofía que en lugar de someterse a la verdad la produzca pero sin pretensiones de absoluto; que el sentido pulule en el medio garantizado por el sinsentido.

Maestro filosofía **Oscar Хуарес Сарагоса** – преподаватель-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико.

Maestro en Filosofía **Oscar Juárez Zaragoza** es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Mario Magallón Anaya

Universidad Nacional Autónoma de México, México, D. F.

COMUNICACIÓN Y FILOSOFÍA: REFLEXIONES DISCURSIVAS

Resumen. La filosofía como construcción de sentido recrea posibles mundos y modos de ser del ente; está abierta a la explicación y a la interpretación. Sin embargo, el ser humano sólo puede entenderse como parte de la *totalidad* humana social. Porque su *ontologiadad* no es una monada cerrada sino dialécticamente abierta y plural, en la medida en que sólo se es ser humano con los otros, donde la *alteridad* es eje conceptual regulador.

Резюме. Философия, как конструирование смысла, воссоздает возможные миры и способы бытия сущего; она открыта объяснению и интерпретации. Тем не менее, человек может быть понят только как часть социальной человеческой тотальности, поскольку его *онтологичность* не есть закрытая монада, а диалектически открытая и плюральная реальность, ибо человек является человеком только вместе с другими, где *другой* – это регулирующий концептуальный стержень.

La filosofía además de su temporalidad tiene grandes alcances, porque busca trascender la accidentalidad y el relativismo para constituirse en teoría de razón universalizadora. La universalidad es la aspiración constituyente de la totalidad del Ser desde el ente, pero también lo es del conocer como ejercicio del pensar, del discurrir, del argumentar y del comunicar sobre las diversas realidades materiales, metafísicas como proceso dialéctico fenomenológico. Es el ejercicio discursivo de las formas dialógicas del quehacer humano en el horizonte hermenéutica de la interpretación y de las formas expresivas y simbólicas de las condiciones de existencia.

El filosofar y la filosofía son consecuencia de la imaginación creativa de la Razón. Lo son, porque el filosofar y la filosofía realizan una reflexión crítica, libre y autónoma, desde donde se construyen “fantasías” y mundos imaginarios, realidades sociales, literarias, filosóficas e históricas. Se idealiza para superar el mundo caótico de exclusión, de destrucción de la existencia humana y de la vida. Empero, todo ello reclama la construcción filosófica rigurosa, coherente, sistemática; es creatividad e imaginación hermenéutica y analógica simbólica expresiva. Todo lo cual implica un ejercicio reflexivo de explicación e interpretación racional analógica, simbólica y semántica.

Los elementos que regulan al filosofar y a la filosofía son la libertad y la autonomía en la reflexión, porque es desde éstas que se filosofa y construyen teorías filosóficas, epistemológicas y ontológicas. Por ello, la filosofía es creación, invención, y experiencia de *poiesis*, a la vez es *comuni3n*, *comunicaci3n creativa*, *s3lo posible el di3logo horizontal con los otros*. Por ello, de ning3n modo, puede entenderse como adaptaci3n u obediencia ciega, sino m3s bien, lucha rebelde e insobornable que se resiste a ser mediatizada, alienada y sometida a la ideolog3a dominante de cada 3poca. La reflexi3n filos3fica se emancipa de todo v3nculo de cientificidad particularista e invariablemente busca la universalidad. En consecuencia, el fil3sofo es libre de pensar lo que es el mundo, la existencia, como aquello que aportan al conocimiento.

El fil3sofo busca conocer el sentido del mundo y no s3lo sus determinaciones, porque aunque 3stas son importantes en la construcci3n de la teor3a filos3fica, no son suficientes, porque ello requiere construcciones l3gico-formales abstractas. As3, la filosof3a crea ideas sustanciales, conceptuales y construye campos *onto-te3ricos* y *epist3micos* desde los cuales totaliza la realidad del ente y del mundo.

Ello implica romper los mecanicismos y los formalismos l3gico-sem3nticos “univocistas”, como con los lenguajes vac3os de contenido, que s3lo obedecen las reglas gramaticales, que nada dicen ni expresan sobre el sujeto productor de conocimientos y de sus obras. Por lo mismo, es necesario ejercitar la creatividad y la imaginaci3n en la autonom3a y libertad. Es decir, la filosof3a como construcci3n de sentido recrea posibles mundos y modos de ser del ente y de la existencia de las cosas. Est3 abierta a la explicaci3n y a la interpretaci3n. La filosof3a recrea e imagina realidades nuevas que deben ser interpretadas desde relaciones anal3gicas complejas.

Sin embargo, en tanto que nada impide a la filosof3a sustraerse a la comprobaci3n evidente sobre qui3n filosofa y, 3ste es un ser humano que

filosofa con *nosotros* y los *otros*, sobre los objetos, las cosas y el mundo. Es importante señalar que el ser humano precede a la filosofía, porque es precursor de todo conocimiento filosófico, simbólico, científico y cultural. En consecuencia, el sujeto, el ser humano no surge de la filosofía sino, más bien, ésta brota de aquel, en el ejercicio del pensar, de hablar y de comunicar formas expresivas polisémicas con sentido.

Empero, para algunos filósofos tanto del pasado como de la actualidad, que consideran al ente como previo a la filosofía piensa este supuesto como *antropologismo filosófico fatal*, porque es rebajamiento cualitativo de la filosofía, lo cual lleva a signarla de manera ineluctable, al relativismo filosófico, a la accidentalidad irracional y a la subjetividad.

Por lo tanto, el ser humano, el “hombre genérico”, antes como ahora, sigue siendo un problema para algunos filósofos. Sin embargo, el ser humano sólo puede entenderse como parte de la *Totalidad* de la realidad humana, social y colectiva. Porque *su ontologitud no es una monada cerrada* sino dialécticamente abierta y plural, en la medida en que sólo se *es* ónticamente ser humano con los otros, donde la *alteridad* es diferenciadora e igualitaria y eje conceptual regulador ontológico y epistemológico.

Es en la relación político social dialógica, en el ejercicio de la palabra donde el ser humano afinca su existencia. Es a través de la *palabra* que descubre y expresa las diferencias en el mundo y, a la vez, afinca su sentido de pertenencia, de *identidad* y de *valor societario*. Se es en la historia y en el mundo social-colectivizado, con nosotros y otros. La expresión de la *alteridad* y de la diferencia se da en la libertad horizontal de justicia, equidad, tolerancia, igualdad y respeto por la pluralidad humana.

Esta es una reflexión filosófica donde juega un papel primordial la *analogitud* dialéctica y dialógica del ente y del Ser en la construcción de la ontología y del conocimiento. La analogitud es el límite entre el lenguaje y la expresión del Ser y del ente en la relación múltiple e interpretativa de significados. Es hermeneutización del ente que manifiesta al Ser a través de la palabra, del *lógos* que habla y se expresa con sentido relativo, pero que busca el sentido y la significación del conocimiento.

Doctor en Estudios Latinoamericanos, **Mario Magallón Anaya** es profesor-investigador del Centro Informativo de América Latina y el Caribe de la Universidad Nacional Autónoma de México.

Доктор по Изучению Латинской Америки **Марио Магайон Анайя** – профессор-исследователь Информативного Центра Латинской Америки и Стран Карибского Бассейна Национального Автономного Университета Мексики.

3. EL DISCURSO EN LA TEORÍA Y PRÁCTICA DE AMÉRICA LATINA⁵⁸

Miguel Ángel Sobrino Ordóñez

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

EL DISCURSO PENITENCIAL COMO MEDIO DE FORMACIÓN DEL SUJETO

Resumen. La construcción discursiva de los *manuales de confesores* tiene como función principal la formación del sujeto y del sí mismo. Mediante el análisis de la obra de Alonso de Molina se muestra cómo se va construyendo el sí mismo de la persona considerada como sujeto-pecador.

Резюме. Дискурсивная конструкция учебников для духовников-исповедников имеет главной задачей формирование субъекта и его самовоспитание. Анализируя творчества Алонсо де Молина, автор показывает как конструируется личность, считающая себя грешником.

Normalmente se afirma que el discurso religioso satisface necesidades elementales o primarias que tienen que ver con la salud, la protección contra las catástrofes, promueve y acompaña la vida del hombre, de los animales y el campo. Busca a la vez llenar necesidades sentidas intensamente y busca el beneficio y la respuesta a las necesidades más perentorias. Presupone, además, la existencia de unos poderes sobrenaturales a los que se dirige con un ritual que es considerado central en las relaciones de estos poderes con el hombre. El ritual tiene aspectos o prácticas privadas/públicas y se expresa a través de comportamientos ajenos o no controlados directamente por la institución religiosa. Sin embargo, el discurso religioso pocas veces se ha analizado desde el punto de vista de la formación del sí mismo, de la construcción de la subjetividad. Mostrar algunos rasgos del discurso religioso católico al interior de la construcción discursiva de los Manuales para confesor o en Confesionarios en donde el pecado y el sujeto-pecador es el leit motiv de este tipo de literatura es el objetivo de las siguientes líneas.

Si en alguna literatura se expresa con mayor claridad este dominio de la conciencia del cristiano de ser culpable y de la necesidad de ser exculpado y

⁵⁸ Coordinación general: Dr. Mijail Malishev, Asistentes: Dra. Manola Sepúlveda Garza, Mtro. Pedro José Hinojosa Gutiérrez

salvado por un poder superior es, sin duda, en la literatura *ad hoc*, o sea en los *manuales de confesión*, que hallan su justificación precisamente en la conciencia de ser pecador y en la necesidad religiosa, y psicológica, de ser perdonado. El discurso al interior del llamado sacramento de la penitencia se presenta como un “juego de verdad” particularmente complejo: el sujeto llega a la verdad sobre sí mismo mediante el examen de la conciencia, la contrición y la verbalización de los pecados; este saber tiene que ser confrontado con el saber del confesor. Foucault insistía quizás demasiado en la relación hermenéutica entre el confesor y el penitente; en realidad, la praxis confesional es altamente rutinaria. Es tal vez más importante otro perfil del acto de la confesión: verbalizando los pecados, el penitente se convierte en objeto de conocimiento del sacerdote y, entonces, la penitencia aparece como un parámetro del grado de la conversión de los indígenas y de su sujeción al nuevo orden social. A través de las diversas construcciones discursivas expresadas en los testimonios sobre la confesión se puede observar cómo se modifica el saber sobre el nuevo converso a lo largo del periodo colonial novohispano, cómo, en los ojos de los misioneros, el indígena se convierte poco a poco en un ser ignorante y envilecido.

El análisis del discurso religioso del *Confesionario Mayor* de Alonso de Molina nos muestra que se concibe el sacramento de la penitencia como un ejercicio de sí particular: “te es necesario trabajar y procurar de ejercitarte en la penitencia, por cuanto con sola ella, has de ser otra vez limpiado, y con ella has de alcanzar todos los bienes que por tus pecados perdiste” [f. 7r]. El estado de pecado es ilustrado a través de tres metáforas: el pecador está cubierto de “hinchazones y aposentos”; es como salteador de caminos, prendido por la justicia (el demonio); se asemeja también al deudor que no tiene con qué pagar a su acreedor. El cuarto sacramento aparece como una cura de llagas, liberación del poder del demonio y pago de la deuda contraída con Dios [ff. 119r-120r]. El hombre que se declara sin culpa peca gravemente, puesto que ni siquiera los santos están libres del pecado. El principio de la penitencia radica, pues, en conocer la verdadera condición del hombre: “Te es muy necesario el conocerte, y tenerte por pecador, si quieres que se use contigo de misericordia” [f. 4v]. El confesionario es proyectado como un examen de la conciencia; otras partes del sacramento —contrición, confesión, satisfacción—no reciben un comentario detallado; no se resalta la importancia del examen de sí. El conocimiento de uno mismo aparece como “la raíz y fundamento” de la salvación, figura en el centro de la preocupación moral del individuo; supera todas las ciencias, es identificado con la filosofía: “Conoce a ti

mismo, para que cobres gran fama y seas tenido en mucho, así no serás tan afamado no honrado si supieres el curso y movimiento de los cielos, y de que manera están situadas las estrellas, y la virtud, que puso nuestro Señor Dios todas las yerbas y raíces, el ser y la naturaleza de las animalias del campo; y aunque supieses la orden y concierto que hay en el cielo y en todo el mundo dejando de conocer a ti mismo, y no considerando cual tu casa. Porque muchos hay que saben muchas y diversas cosas, empero ignoran a sí mismos: y la derecha sabiduría, que se llama Philosophia, es el conocimiento de si mismo” [ff. 5v-6r].

El examen de sí no sólo constituye el primer momento del sacramento de la penitencia, sino que desplaza a la contrición en el orden de la importancia de la materia sacramental: “La primera es que tienes gran necesidad de aparejarte primero y de traer a la memoria y buscar todos tus pecados, y después que los hubieres traído a la memoria, que los llores” [f. 8v]. El examen tiene que ser completo para poder realizar una confesión entera. Los pecados mortales constituyen el objeto buscado; se compara al penitente con el mayordomo que tiene que rendir ante su señor. El cálculo de los pecados, el análisis del pasado debe empezar desde la infancia. El examen del sí mismo lleva a un control de todos los ámbitos de la vida cotidiana. El ejercicio del oficio de cada cual, la relación familiar, la relación social, sea entre vecinos y gentes de la misma condición, sea entre autoridades y subalternos, la vida cotidiana, toda ella, está marcada, regulada hasta en el más mínimo detalle por la discursividad en torno al pecado y al sujeto-pecador. Todo el pasado del penitente debe ser escrutado en busca de las faltas: “traerás a la memoria de todos los lugares por donde anduviste, y de la compañía que tuviste, y con cuantos tenias amistad, y de los que contigo vivieron, y de aquellos que te ayudaron en los negocios que tratabas, y de aquellos que tu favoreciste, y conociste, los cuales por ventura te provocaron o los provocaste a pecar” [f. 10r]. Los pecados sexuales requieren un tipo particular de análisis: debe ser breve, para no ensuciar nuevamente al penitente; los pecados son depositados luego en la memoria hasta el momento de la confesión; sin embargo, no puede ser “activados” por el sujeto, puesto que lo llevarían a los pensamientos impuros. [f. 11r].

El objetivo del examen de sí es formar una conciencia transparente. El enfoque del discurso señala que el pecado mortal no provoca la repugnancia inmediata y “natura” del pecador, sino que tiene que ser previamente revelado y analizado; así que la contrición se basa en un saber –concerniente al código divino- y en una técnica de sí –examen de la conciencia-. El dolor por los pecador surge del temor al castigo: “del cual

conocimiento nace también y tiene principio del temor de nuestro señor, y de estas dos cosas (conviene a saber) del conocimiento del pecado, y del temor de dios, tiene principio y procede la contrición y arrepentimiento de los pecados” [f. 5r]. El penitente reconoce que podía haber evitado el pecado mortal; de nuevo encontramos el problema de la contradicción entre el libre arbitrio y la corrupción original, entre el propósito de la enmienda y su imposibilidad fáctica”: la contrición es un movimiento de voluntad que se aparta del pecado por el amor a Dios. El temor servil como móvil del arrepentimiento es insuficiente: el pecador no aborrece el pecado en sí mismo; se parece al esclavo que teme a su amo, mas no lo ama. El esclavo desearía que no existieran las leyes impuestas por el Señor, por tanto, su dolor es falso. Algunos autores no justifican a la atrición como disposición suficiente para confesarse. Si bien el pecado consiste en un movimiento de la voluntad contrario a las leyes divinas, en la confesión —el tercer momento de la práctica— el pecador se somete al juicio de Dios. La verbalización de los pecados implica la renuncia del sujeto a sí mismo, cuyo testigo es el confesor: “Y aunque nuestro Señor dios sabe todas tus culpas y pecados, empero conviene que tu los declares y digas ahora delante el sacerdote, porque es la voluntad de nuestro señor Dios que tu mismo los digas y declares, para que te humilles, y avergüences, y para que por esta tu humildad merezcas el perdón de tu pecados” [f. 15r]. La renuncia a sí mismo hace posible el perdón de los pecados. La confesión debe ser entera —de todos los pecados mortales— y frecuente; la obligación lateranense es entendida como un requisito mínimo para los fieles. Los actos de la penitencia cierran la práctica. El sacramento de la penitencia significa la destrucción de la vida pasada del sujeto; proporciona al cristiano consuelo, alegría y seguridad. La purificación del alma permite apartarse de las cosas mundanas y dirigirse hacia las celestiales y eternas.

El planteamiento teórico-discursivo realizado por Molina en el *Prólogo* al *Confesionario mayor* y en sus dos *Amonestaciones*, tiene una importancia particular dentro del cuerpo doctrinal novohispano del siglo XVI dirigido a los indígenas. Uno de los momentos esenciales del discurso teológico del *Confesionario mayor* está constituido por la polémica antiprotestante. Paradójicamente, su destinatario son los indígenas —nuevos en la fe—. El objetivo de Molina no es iniciar a los amerindios en las controversias del cristianismo, sino vacunar a los nuevos conversos contra una posible acción protestante en el Nuevo Mundo. Ello significa, sin embargo, que el lector virtual del *Confesionario mayor* no es un natural ignorante y embrutecido; es, evidentemente, un cristiano ya familiarizado con la doctrina, capaz de oír una disertación teológica.

La trascendencia de este enfoque reside también en el desplazamiento realizado en el comentario acerca de las partes del sacramento: la esencia de la práctica en el examen de sí. La mejor forma de apartarse de los pecados sexuales es la filtración de representaciones; la técnica de sí recomendada para alcanzar el perfeccionamiento espiritual no reside ya en las mortificaciones de la carne. Molina observa que el que se excede en las prácticas mortificadoras peca de la incontinencia: “O por ventura no tuviste discreción y templanza en tu penitencia y aflicción de tu cuerpo, así como lo quiere nuestro único dios: Atormentaste quizá demasiadamente tu cuerpo, con grandes ayunos o vigilijs prolijas, o con disciplinas y azotes, o con otros muchos trabajos grandes y excesivos” [f. 115v.]. Los misioneros conocen perfectamente las prácticas de mortificación indígenas, el peligro del “embuste” indo-cristiano. Según el discurso religioso, la práctica de sí penitencial queda reservada al trabajo interior. Ahora bien, el movimiento de la pastoral tridentina va hacia la dirección de conciencias, basada en el examen de la conciencia y una relación íntima entre el feligrés y su confesor; por tanto, Molina no puede ser considerado como “inventor” de este desplazamiento en la práctica confesional. Sin embargo, no deja de ser impactante que los indígenas recibieron en el mismo texto doctrinal la polémica fundamental de la teología europea y el modelo más reciente de la confesión. El amerindio alcanza de este modo el estatuto de cualquier cristiano europeo.

Доктор по изучению Латинской Америки **Мигель Анхель Собрино** – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мехико.

Doctor en Estudios Latinoamericanos **Miguel Ángel Sobrino** es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Marco Urdapilleta Muñoz

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

**LA RETÓRICA DE LA MARAVILLA.
UN TÓPICO DISCURSIVO EN LAS CRÓNICAS
DE INDIAS PARA LA DESCRIPCIÓN DE LA NATURALEZA**

Resumen. El autor aborda la construcción de la maravilla en el discurso historiográfico indiano del siglo XVI. La conclusión es que la maravilla como lugar retórico siguió los cánones especificados por la retórica para la descripción de la naturaleza y como tal desempeñó una función probatoria a la par que estética.

Резюме. Автор ставит проблему конструкции чуда в историографическом дискурсе об Индии в XVI веке. Вывод, к которому он приходит, состоит в том, что чудо, как риторическое место, являлось специфическим каноном риторики при описании природы и в этом качестве выполняло как доказательную, так и эстетическую функции.

La palabra “maravilla” estaba muy a la mano de los europeos del siglo XVI cuando se alejaban de su orbe y trataban de plasmar su experiencia de la diversidad. Puede suponerse que era uno de los lugares retóricos (*loci*) habituales de su discurso y que de alguna u otra forma sancionaba la condición *plus ultra* del lugar al que arribaban. Incluso constituía uno de los alicientes para explorar el mundo, pues, como lo afirma Kapler, “Las maravillas eran el gran tema de todos los libros de viajes.” Y era el gran tema porque la palabra hacía eco de la experiencia de la diferencia. Las tierras del nuevo hemisferio eran “innumerables, variadas, ricas”, dice Pedro Mártir de Anglería (1964, I: 204).

Los viajeros y cronistas de Indias fueron más que sensibles a las novedades extraordinarias. Andrés de Burgos (1965:38), en el prólogo a la *Relación* (1557) del Fidalgo de Elvas, trae a cuenta palabras muy sabidas de Aristóteles “los hombres son aficionados e inclinados de siempre a ver y oír cosas nuevas, y mayormente cuando son de tierras muy apartadas y nuevas. Las cuales cosas dicen que dan recreación a los ingenios delicados y sutiles y a los rudos alientan y les queda un deseo natural para ver y oír y ejercitarse (si posible fuese) en ellas.”

El *Tesoro de la lengua castellana o española* señala que la palabra “maravilla” denota “cosa que causa admiración” y “Hazer o decir maravillas” significa hacer o contar “cosas que causan admiración por ser extraordinarias.” Pero la maravilla, explica Covarrubias, surge cuando se observan “los efectos e inoran las causas” o bien cuando algo acontece “raras veces”. Y, para concluir con el diccionario, la voz “admiración” significa “pasmarse y espantarse de algún efecto que ve extraordinario, cuya causa inora.” Justamente las novedades, con sus correspondientes grados de diferencia con respecto a lo conocido, dan lugar a la maravilla. Desde la perspectiva Retórica, la comprensión de un fenómeno a través del filtro de la maravilla no se aleja de lo dicho en el diccionario; señala que lo maravilloso es uno de los casos de “alienación,” fenómeno descrito como el efecto anímico que suscita en el ser humano lo inesperado en tanto fenómeno del mundo.

Ahora, cuál fue el papel jugó la maravilla en la mente del explorador o del cronista europeo. En principio puede simplemente quedar ceñida a la

constatación de las diferencias de lo americano y a su consecuente efecto de “asombro” o “pasma” o “alienación”. En efecto, la propiedad más general de “lo inesperado,” según la Retórica, es la “variedad” (*varietas, variatio*), término que da a entender fundamentalmente el acrecentamiento en vivencia afectiva la cual lleva de manera directa al disfrute (*delectare*), acción que va de la mano de la impresión o vivencia estética. Pero más allá de los efectos sobre lo anímico, las maravillas fueron vistas también como una prueba fehaciente de la alteridad espacial; constituyen una muestra de que el cielo, la tierra y el clima eran distintos al conocido porque la diversidad significaba “leyes” naturales distintas a las conocidas de otros espacios. En este sentido era un tópico pensar que la naturaleza “jugaba” con los elementos. De ahí que la audiencia, los lectores de los relatos de ultramar esperaran, con un espíritu ingenuo y crédulo esperaran las maravillas de las tierras extranjeras casi con impaciencia. Los hombres de la Edad Media y el Renacimiento, dice Le Goff (1990: 9-25) veían en ellas una compensación a la trivialidad y rutina del fluir cotidiano.

También la maravilla fue un acicate para la indagación pues anidaba en ella una curiosidad por explicarlas, por indagar en torno a sus “causas”. Así que más allá de la constatación perceptiva de la diversidad y/o disconformidad de los fenómenos de la nueva naturaleza con respecto a los del Viejo Mundo, y de la glorificación del mundo y por consiguiente de su Hacedor, los cronistas tornados en “filósofos” con frecuencia decidieron “saber el secreto,” esto es, inquirir por las “causas”. Joseph de Acosta es el ejemplo más claro de esta actitud: “En esta línea equinoccial hallamos tantas y tan admirables propiedades que con gran razón despiertan y avivan los entendimientos para inquirir las causas, guiándonos no tanto por la doctrina de los antiguos filósofos, cuando por la verdadera razón y cierta experiencia” (Acosta, 1962: 63). Había que ir al fundamento de las desemejanzas de las maravillas. El registro discursivo del nuevo espacio en la clave de la maravilla era una forma de apropiación acaso cognoscitiva porque finalmente ubicaba lo maravilloso en el espectro de los referentes conocidos aunque en su intento por una identificación plausible, jugaba un papel primordial la opinión común. En esta actitud había bastante más de persuasión que de conocimiento diríamos ahora. Pero eso ya es otra cuestión que por su complejidad sería motivo de otras líneas.

Incluso las maravillas eran motivo para la especulación “teológica” pues más allá de su mera percepción empírica, constituían, en el marco del alegorismo medieval (esto es la concepción alegórica de la naturaleza), signos de otra realidad, de la realidad ultraterrena, como bien lo dice el

mayor degustador de la naturaleza americana, Gonzalo Fernández de Oviedo: “Quien pasare adelante y llegare a entender las causas naturales de los efectos, terná el ejercicio de buena filosofía. Quien subiere más en su pensamiento, y mirando al Sumo y Primer Artífice de todas estas maravillas, gozare de su saber y grandeza, diremos que trata de excelente teología.” Los hombres atentos a las maravillas podían encontrar también enseñanzas de la sabiduría divina, no importaban ya las causas. Estamos ya en el terreno de la Retórica sagrada, en donde la enseñanza moral y la glorificación orientan también la comprensión de la maravilla. Y estas formas de entender podían superponerse y de hecho se superpusieron sin mayores problemas de corte epistemológico.

A raíz de lo anterior una pregunta se impone: ¿cómo incidía la Retórica en la comprensión de las maravillas de la naturaleza indiana?: El primero es que si bien se concebía a la maravilla como algo dado en la realidad, el lector no está en contacto directo con ella ni con la experiencia sensible del testigo presencial (que con frecuencia no coincide con el cronista), sino con la configuración verbal presentada por el cronista. Esto indica que, aunque el lenguaje pretende ser la traducción de la experiencia, las mediaciones discursivas son decisivas. Pienso en los códigos que -fincados en instituciones que dirigen la producción discursiva en cuanto que son sedes hábitos mentales- regulan qué es lo que se dice y lo que no. Resalto aquí la importancia de la idea de representación porque la mirada, además de estar dirigida por condicionamientos culturales traduce, en última instancia, la operación perceptiva al discurso escrito. En este sentido, la idea de maravilla es una flexión adjetiva en torno a un objeto asumido discursivamente como sustantivo de una proposición, y puede ser comprendido como un producto verbal fincado en esa “matriz discursiva” llamada Retórica en cuanto que era el arte (*ars*) que pretendía normar la formación de los discursos.

Ahora, la descripción retórica (*hipotiposis, evidentia, representatio*) consiste en “narrar algo de manera tal que parezca que los acontecimientos se representan y desarrollan ante nuestros propios ojos” (*Retórica a Herenio* 4, 55, 68). Esto se logra mediante la amplificación (*amplificatio*) y el ornato (*ornatum*), los recursos básicos para elegir los detalles que permiten “poner ante los ojos” (*ante oculos ponere*) el objeto. Este despliegue tenía un carácter suasorio, pero también llevaba aneja una intención laudatoria que, en el marco retórico, no sólo no están dissociadas, sino que se implicaban.

Pero también la descripción retórica debe alcanzar a ser probable o verosímil. Lo probable (*eikós*), según Aristóteles (1357a-30) se refiere a los que sucede “la mayoría de las veces” (o “lo que puede suceder de otra manera”), pero sólo en cuanto que coincide con una opinión aceptada o plausible (*éndoxos*). Entonces la probabilidad es un factor de persuasión en la medida en que se vale del criterio de frecuencia o regularidad. Podemos pensar también que lo verosímil es una forma de lo probable, como lo expresa Quintiliano (4,2,3): “será verosímil la narración [también la descripción] si primero consultamos nuestro ánimo para no decir cosa que se oponga a la naturaleza [...]. He ahí la paradoja de lo maravilloso: va contra las leyes de la naturaleza, pero sólo de la conocida, porque la naturaleza puede jugar, puede mostrar sus poderes cuando Dios lo permite.

Si se atiende al carácter probatorio de la descripción, en tanto recurso para conocer la naturaleza -maravillosa, en muchos casos-, representándola, el recurso a la comparación en tanto que es una forma de otorgar visualidad (*evidentia*), se impone. Se trata la comparación por similitud (*similitudo*) que, como anota Herenio (4, 45,59), es “un procedimiento de estilo que aplica a alguna cosa un rasgo comparable tomado de otra cosa diferente. Se utiliza para embellecer, probar, explicar o poner algo de manifiesto. Y como se utiliza por cuatro motivos, son también cuatro las maneras en que se expresa: por contraste, negación, paralelismo o comparación abreviada”.

Según Foucault (1985:26), hasta el siglo XVII el conocimiento operaba en pos de la semejanza; esto significaba, simplificando al máximo las ideas del filósofo, que para alcanzar el conocimiento se ponían en contacto y se contrastaban dos elementos en busca, básicamente, de sus similitudes. Era, pues, un método de conocimiento. En el caso de que se trate de elementos exóticos, como los del Nuevo Mundo -“nunca antes vistos dichos ni oídos”- y por tanto envueltos en el aura de la maravilla, la comparación por similitud será el camino natural para la descripción. Mas como Foucault, Gerbi y Hartog lo han establecido, la similitud se lograba colocando en lugar de la cosa por describir, otra diferente, que el receptor tiene como referente. Se trata de una manipulación de la “mirada” del lector. Dicho con otras palabras, para llegar a plasmar un objeto desconocido se recurre a los elementos o partes de otra cosa, que está registrada en la memoria del lector. Se trata, pues, de una comprensión analógica en que permite al lector visualizar lo diferente o maravilloso, mostrándole realmente otra cosa. Así dice Foucault (1985:30) “Por medio de ella [la similitud] pueden relacionarse todas las figuras del mundo”.

Queda por revisar el carácter epidíctico que lleva la maravilla, el cual finalmente llega a tener un valor probatorio porque el *ornatum*, para los retóricos, es también un recurso persuasivo en cuanto que el placer que provoca la descripción hace que el público esté más atento y en consecuencia dé crédito con mayor facilidad al discurso (Cfr. Quintiliano 8, 3, 1). Con respecto a esto, en primer lugar se puede notar que la descripción de la naturaleza en términos de maravilla implica que en términos estrictos no subyace una situación polémica; el receptor no tiene que tomar una decisión, esto es, participar de manera activa en una confrontación de puntos de vista ya porque el asunto del discurso o no le afecta, ya porque no está en posibilidad de participar de los propósitos e intenciones del público principal. En cambio, dice la retórica sí está atento a las cuestiones estilísticas y juzga el discurso como una pieza oratoria conforme a su calidad artística (Aristóteles, 1,3,358b); o bien, se entretiene con esta "estatización de lo maravilloso"

Así el degustador del discurso se deja llevar también por la materia en términos de esparcimiento y placer. Los objetos asuntos o acciones que mejor se prestan para este "discurso exhibicionista" o demostrativo son los que tienen la cualidad de "belleza" y lo "honesto". Y la maravilla tiene el carácter de bello incluso las que asuman la forma de lo monstruoso. Corresponda entonces elogiarlas o alabarlas (*laudare*), que es una de las tareas propias (*officia*) del género demostrativo que se desarrolla mediante la amplificación (*amplificatio*) que no pretende aportar información sino intensificarla que en el caso de la naturaleza se centra en diversas ponderaciones entre las que destacan las relativas a la belleza. A los objetos o asuntos no sólo se les describe; también se les califica y les corresponde el afecto parcial propio del *genus demonstrativum*, el amor admirativo.

Finalmente, no hay que perder de vista que esta puesta en discurso de la maravilla responde a las expectativas estéticas propias de las formas historiográficas, porque, además de constituirse como información provocan deleite en quien las percibe, sobre todo si el arsenal epidíctico de la Retórica está puesto a su servicio.

BIBLIOGRAFÍA

- Acosta, Joseph (1962). *Historia natural y moral de las Indias*. México, FCE.
Anglería, Pedro Mártir de (1964-1965). *Décadas del Nuevo Mundo*. México, José Porrúa. 2 vols.
Aristóteles (2001). *Retórica*. Madrid, Gredos
Fernández de Oviedo, Gonzalo (1958-59). *Historia general y natural de las Indias islas y Tierra-Firme del mar Océano*. Madrid, Atlas. 5 vols.

Fidalgo de Elvas (1965). *Expedición de Hernando de Soto a Florida*. Madrid, Austral.

Foucault, Michel (1985). *Las palabras y las cosas: una arqueología de las ciencias humanas*, México, Siglo XXI.

Gerbi, Antonello (1994). *La naturaleza de las Indias nuevas: de Cristóbal Colón a Gonzalo Fernández de Oviedo*, México, Fondo de Cultura Económica.

Hartog (2002) *El espejo de Herodoto*. México, FCE.

Kapler, Claude (1986). *Monstruos demonios y maravillas a fines de la Edad Media*. Madrid, Akal.

Le Goff, Jacques (1990). *Lo maravilloso y lo cotidiano en el Occidente medieval*. Barcelona, Altaza.

Quintiliano, Marco Fabio (1999) *Institución oratoria*. México, CONACULTA.

Retórica a Herenio (2002). Madrid, Gredos.

Доктор по изучению Латинской Америки **Марко Урдапиета Муньос** – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Штата Мехико.

Doctor en Estudios Latinoamericanos **Marco Urdapilleta Muñoz** es profesor investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Manola Sepúlveda Garza

Escuela Nacional de Antropología e Historia, México, D.F.

DISCURSO Y PODER:

EL CACICAZGO RURAL EN MÉXICO, 1930–1960

Resumen. En este trabajo se ofrece algunas características del caciquismo ejidal, considerando que su práctica social forma parte de un discurso político en las relaciones del medio rural en el siglo XX. Estas reflexiones se apoyan en experiencias empíricas de las investigaciones realizadas en el centro de México.

Резюме. В данной работе представлены некоторые черты мексиканского общинного касикизма, с учетом того, что эта практика являлась неотъемлемой частью политического дискурса в аграрных отношениях XX века. Эти размышления опираются на опыт эмпирических исследований, осуществленных в центре Мексики.

El cacicazgo ha sido una forma de dominación política muy presente en la historia de México: surgió en el siglo XIX y se intensificó durante la

Revolución y en las décadas posteriores⁵⁹. El cacique es un personaje que ilustra la transición entre sociedad tradicional y política moderna y como tal, se han presentado figuras similares en otros países: los “coroneis” en Brasil, los “gamonales” en Perú y los “grande elettori” en Italia meridional, por ejemplo⁶⁰. Por otra parte, no son personajes exclusivos de la sociedad rural, también se presentan en el área urbana y en los sindicatos de trabajadores industriales.

La figura del cacique puede analizarse en su práctica discursiva y también en su práctica social sociocultural, la cual según Julieta Haidar también constituye un discurso por estar reglamentada, codificada y hasta institucionalizada;⁶¹ su análisis está ligado a problemáticas de tipo económico, político, ideológico y del poder. En este trabajo ofrezco algunas de sus características tomando como ejemplo a los representantes de los ejidos de Dolores Hidalgo (Guanajuato) durante 1930–1960, es decir, durante el reparto agrario y dos décadas después. Este período puede considerarse parte del México “viejo”, aunque sus huellas siguen presentes en nuestros días.

Durante 1930-1960 la representación de los ejidos en Dolores Hidalgo, frecuentemente recayó en aquellos que se aliaron al gobierno a cambio de la tierra, y que con las armas se enfrentaron a la violenta oposición de la mayoría de la sociedad local organizada en movimientos de oposición: primero como cristeros (1926–1940) y luego como sinarquistas (1937–1952). Si durante el reparto de tierras podemos hablar de liderazgo agrario, a partir de 1940, que cambiaron las directrices del Estado y se empezó a estabilizar el sistema político, presenciamos la exclusión de los agraristas radicales no alineables en los nuevos escenarios, al lado de la consolidación del cacicazgo en el municipio. El ejido que en la Constitución de 1917 había sido pensado como parte de un proyecto de justicia social (restitución de tierras a los pueblos que la habían perdido después de las leyes de 1856), o como una unidad democrática productiva en los tiempos de la presidencia de Lázaro Cárdenas (unidades colectivas ligados al Estado), pero en Dolores Hidalgo pasó a ser una unidad liderada por caciques que pronto formó parte de las cadenas sociales de explotación de los trabajadores rurales.

⁵⁹ El término cacique se empleó en la época Colonial para referirse a jefes y “principales” indígenas, pero durante el siglo XX tuvo un significado más complejo.

⁶⁰ Knight, Alan. “La política agraria en México desde la Revolución”. En: Antonio Escobar y Teresa Rojas, *coordinadores. Estructuras y formas agrarias en México del pasado y del presente*. Archivo General Agrario, CIESAS, Colección Agraria; México, 2001. pp 328-330.

⁶¹ Haidar, Julieta. *Análisis del discurso*. En: *Técnicas de investigación en sociedad, cultura y comunicación*. Longman, México, 1998.

En efecto, la representación del ejido, a partir del puesto de presidente del Comisariado ejidal (PCE), fue apropiada (o controlada) por un individuo que seguía las normas de la familia de corte patriarcal: el padre tenía la máxima autoridad y era apoyado básicamente por sus hijos varones. Las redes sociales que se establecían fuera de ese círculo, generalmente se ubicaban en el vecindario y se afianzaban a través del compadrazo. Con estas alianzas se integraba un grupo y el líder podía aprovecharse de la resistencia que el campesino tenía por el ejido (que quería conservar su libertad y no pasar a formar parte del gobierno) y controlar los recursos del colectivo. Y así, en muy poco tiempo, se fueron tejiendo relaciones de dominio y explotación con los campesinos residentes en las rancherías. Para mediados de los años cuarenta, el PCE podía dar o quitar parcelas, alquilar fracciones del ejido a sus antiguos dueños, rentar el instrumental de trabajo y comercializar tanto los excedentes de la siembras de los trabajadores, como los productos de las tierras de uso común (pastos y agostadero).

Las prácticas que se realizaban en los ejidos no eran tan diferentes a las que se daban en las fincas privadas, las formas de producir eran las mismas: ganado mayor y cultivos de maíz y de frijol sembrados con arado con el apoyo de los medieros. Lo que era diferente era la dinámica interna en estas unidades. En las fincas privadas la autoridad del patrón y la legalidad de la propiedad no se cuestionaban; aparentemente no había conflictos de poder ni arrebato de recursos, y las reglas de trabajo y convivencia estaban claras y eran poco flexibles. En cambio, en los ejidos, aunque la tierra era del Estado (entregada a los trabajadores del campo para su usufructo), en realidad, las parcelas las controlaba el más astuto; las pautas de organización y del trabajo también las establecía el Estado, pero, en los hechos eran dictadas por el cacique ejidal con el apoyo (o la tolerancia) de las autoridades gubernamentales, y los conflictos de poder eran una constante: por parte del trabajador para mantener su parcela y por parte del cacique para conservar su autoridad y controlar los recursos del colectivo.

En efecto, lejos de lo que marcaban los proyectos gubernamentales, en los ejidos de Dolores Hidalgo no existía la asamblea general de ejidatarios (que en términos de la normatividad constituía la máxima autoridad), ni el Comité de Vigilancia: las decisiones y el poder se centraba en el PCE y las protestas de los inconformes eran poco escuchadas por los funcionarios del gobierno y las organizaciones campesinas.

El cacique compartía su poder con sus hijos y con los "leales" y destruía a quienes consideraba enemigos. Su autoridad era arbitraria y personalista, y necesitó de la violencia para establecerse y mantenerse. Con

los más débiles “su palabra era la ley” usaba las armas y las amenazas de arrebatárles sus bienes o hasta matarlos si no se subordinaban a sus órdenes. Los mensajes los emitía acompañado de dos o tres de sus allegados que le protegían las espaldas, generalmente a caballo y armados, lo cual intimidaba al trabajador y le hacía sentir en desventaja.

El dominio del cacique podía abarcar todo un ejido o parte de él o, a un nivel superior (Representante del Comité Regional Campesino de la CNC) que podía abarcar a todos los ejidos de uno o varios municipios. En estos casos se formaban facciones en las que sólo las alianzas y negociaciones podían garantizar la subsistencia del cacique y un cierto nivel de convivencia. Entre jefes de facciones (y caciques) fue frecuente el diálogo en las cantinas, mediado por botellas de bebidas embriagantes, para conciliar posiciones y llegar a acuerdos. A pesar de estos espacios conciliatorios, no se evitaron los duelos y asesinatos.

Las relaciones de un cacique no terminaban en los límites territoriales de un ejido o de un municipio. Este personaje también se hizo a través de sus vínculos con el exterior, eran éstos los que le daban un estatus “superior” frente a los otros residentes del ejido: el saber leer y escribir y poder relacionarse con la gente del gobierno, le daba al cacique un nivel superior a los ojos de sus subordinados que eran analfabetos. De estas relaciones hacia “afuera” podemos diferenciar: 1) las entabladas con los otros caciques de la zona, de la que hemos hablado anteriormente; 2) las relaciones con el sector de los propietarios de bienes rústicos, frecuentemente conflictivas para ambas partes; 3) las entabladas con los agentes gubernamentales que regularizaban la tenencia de la tierra (Departamento Agrario) y los que apoyaban a la producción (Banco Nacional de Crédito Ejidal). Aunque pudiera pensarse que se trataba de relaciones técnicas y de apoyo a crediticio, los agentes gubernamentales tuvieron gran importancia a nivel de la política local: pudieron sumarse a la destrucción de algunos líderes considerados desestabilizadores del sistema y frecuentemente, influyeron en el surgimiento y conservación de algunos caciques que consideraban más acordes con la política oficial o importantes para restablecer el tejido social. El poder de los agentes gubernamentales fue mayor en los ejidos con mejores recursos productivos, pero no en los más aislados y con tierras de baja calidad. En estos últimos, el cacique tuvo un margen de maniobra más amplio.

Las redes políticas también se construían por la vía del Partido Revolucionario Institucional (PRI) a través del Comité Regional Campesino de la Confederación Nacional Campesina (CNC), y/o de sus

representantes a nivel estatal y central. Los caciques participaban en las elecciones de los candidatos de los puestos políticos del Estado (Diputados, Senadores, Gobernadores, Presidente) su intervención era una inversión segura, ya que luego, si tenían algún problema, recurrían a su ayuda. En la cúspide de las redes de poder se encontraba el presidente de la República. El cacique ejidal podía enemistarse con los representantes de las instancias del gobierno, pero su “carta más fuerte” era la relación (siempre posible) con el primer mandatario, jefe político del gobierno y del Estado, quien parecía tenía “el poder de todo”. En sus discursos con el mandatario, el cacique aparecía sumiso y fiel servidor del sistema y de los principios de la revolución; se nombraba representante de los campesinos y la demanda de mayores recursos, o el darle legalidad a sus excesos (invasión de tierras, o del casco de la finca que era propiedad privada) generalmente se hacía en beneficio del colectivo... es decir, aparecía con benefactor del sector social que explotaba.

En estudios de mayor profundidad se puede demostrar que el cacique ejidal no fue sólo un efecto de la Revolución, sino un producto del Estado de la posrevolución (después del reparto agrario): el gobierno seleccionó a sus líderes y los “diseñó”, les dio vida, tanta como aguantaron sus cuerpos, ya que el cacicazgo está ligado a la vida del individuo. Es decir, el gobierno influyó en la corrupción del líder ejidal y en la degeneración del proyecto ejidal, y todo esto a cambio de la paz social que se vivió en el país durante los años cincuenta. Esta paz social, en Dolores Hidalgo se expresó en la reconciliación del Estado con el capital privado a expensas de los trabajadores rurales.

La generación que vivió la Revolución y que participó en la construcción del México “viejo” había envejecido en torno a los años sesenta del siglo XX y el sistema caciquil entró en jaque ante las exigencias de la modernización y de los discursos encaminados en la democracia... Han pasado cincuenta años desde entonces, y el discurso (verbal y práctico) de corte caciquil lejos de haberse anulado se ha trasladado a otras esferas de nuestra sociedad contemporánea, ahora 70% urbanizada.

Доктор антропологии **Манола Сепúlведа Гарса** – профессор-исследователь Национальной Школы Антропологии и Истории.

Doctora en Antropología **Manola Sepúlveda Garza** es profesora-investigadora de la Escuela Nacional de Antropología e Historia.

Juan Monroy García

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

LA IDEOLOGÍA DE LA REVOLUCIÓN SANDINISTA

Resumen. El presente artículo pretende hacer un análisis de la ideología de la revolución sandinista a partir de la influencia de tres grandes fuentes: 1) el pensamiento nacionalista y antiimperialista de Augusto César Sandino, 2) el pensamiento marxista de Carlos Fonseca Amador y 3) la teología de la liberación.

Резюме. Настоящая статья анализирует идеологию сандинистской революции, исходя из ее трех главных источников: 1) националистическая и антиимпериалистическая мысль Аугусто Сезара Сандино, 2) марксистская мысль Карлоса Фонсеки Амадора и 3) теология освобождения

El presente artículo pretende hacer un análisis de la ideología de la revolución sandinista a partir de la influencia de tres grandes fuentes: 1) El pensamiento nacionalista y antiimperialista de Augusto César Sandino⁶². 2) El pensamiento marxista de Carlos Fonseca Amador⁶³ y 3) La teología de la liberación.

⁶² Augusto César Sandino nació en Niquinohomo, Masaya, el 18 de mayo de 1895. En octubre de 1926 armó un grupo de 29 hombres, para presentar resistencia a las tropas estadounidenses que ocupaban territorio nicaragüense; después de esa fecha publicó varios documentos y concedió algunas entrevistas, donde expresó su pensamiento nacionalista y su repudio en contra del intervencionismo de los Estados Unidos, luchando con las armas hasta ver culminado su propósito de expulsar a las tropas estadounidenses, el 1 de enero de 1933. El 22 de febrero, Augusto C. Sandino ordenó desarmar su Ejército Defensor de la Soberanía Nacional de Nicaragua; a partir de esa fecha las tropas sandinistas sufrieron diversos ataques de la recién creada Guardia Nacional, organismo surgido a partir del acuerdo entre los gobiernos de Nicaragua y los Estados Unidos con el fin de garantizar el orden y salvaguardar las inversiones de estos últimos. El 21 de febrero de 1934 fue asesinado nuestro personaje junto con sus colaboradores más cercanos.

⁶³ Carlos Fonseca nació en la ciudad de Matagalpa en 1936. En 1955 ingresó a la Facultad de Derecho de la UNAN, al año siguiente fue electo secretario general del CUUN (organización estudiantil). En 1956 ingresó como militante del Partido Socialista Nicaragüense. En 1961 junto con otros estudiantes y exiliados nicaragüenses, funda en Tegucigalpa, Honduras, el FSLN. En 1962 fundó una organización afín al FSLN, el Frente Estudiantil Revolucionario. En abril de 1966 comenzó a preparar un grupo guerrillero en Matagalpa; dirigió la insurrección de Pancasán, hasta su desarticulación en agosto de 1967. Fue el dirigente que más insistió en la adopción de la línea de Guerra Popular Prolongada. En 1969 se reorganizó el FSLN y Fonseca Amador fue nombrado secretario general; Entre 1970 y 1975 vivió exiliado en Cuba y Chile hasta septiembre de 1975, cuando se incorporó al movimiento insurreccional; muriendo en combate en las montañas de Zinica en noviembre de 1976.

1) De Augusto César Sandino se destacan sus ideas de integración latinoamericana, como una necesidad de los países de la región para defenderse de la política intervencionista de Estados Unidos de Norteamérica (EU). El proyecto de nuestro autor comprendía la defensa del Estado-nación, de la libertad y soberanía nacional; la protección del territorio, los recursos naturales, y de manera particular hizo mucho énfasis en el respeto de las libertades civiles y políticas de sus habitantes.

En Augusto César Sandino encontramos un proyecto de convivencia social innovador con rasgos utópicos, donde se combinan elementos religiosos e ideas socialistas utópicas, imagina una sociedad nueva sin la explotación del hombre, donde existe absoluto respeto por la dignidad humana, y el pleno disfrute de la riqueza ofrecida por la naturaleza. Esta sociedad ideal estaba plagada de libertad y justicia.

A partir de las dos últimas décadas del siglo XIX, Nicaragua sufrió constantes intervenciones de EU, dicho país tuvo especial interés en Centroamérica por la posición estratégica del istmo, para la política de seguridad nacional estadounidense era de particular importancia esta región. También hay que destacar que dentro de los proyectos de EU estaba construir un canal interoceánico por Nicaragua; por otra parte, los inversionistas estadounidenses contemplaron un territorio con grandes recursos naturales y mano de obra barata.

Las intervenciones de EU en América Latina forjaron un pensamiento antiimperialista en Augusto César Sandino, por ello nuestro autor constituye un símbolo de lucha antiimperialista en la región, su pensamiento y acción mostraron una forma de lucha contra los EU, la guerra irregular por él empleada fueron un ejemplo para los movimientos guerrilleros que se desarrollaron en las décadas de los sesenta y setenta del siglo XX.

El rescate del nacionalismo fue otro elemento que nuestro autor destacó en sus escritos y acciones, la defensa del Estado-Nación, de los recursos naturales, de la soberanía, de las libertades civiles y políticas de nuestros países eran fundamentales para los latinoamericanos.

Su concepción de la historia y su propuesta de una nueva forma de convivencia social, tuvieron rasgos de religiosidad y socialismo utópico; la sociedad ideal descrita por Augusto César Sandino posee características de solidaridad y ayuda mutua, donde no cabe la explotación del hombre. En dicha sociedad había colaboración entre los dueños del capital y los trabajadores, sociedad donde reinaba la justicia y la libertad.

2) Sobre el pensamiento de Carlos Fonseca Amador se destacan dos grandes temáticas, su concepción de la dictadura somocista, así como sus propuestas de insurrección y organización política para derrocarla. Nuestro autor examinó detenidamente las consecuencias económicas, sociales y políticas de su país, señaló los resultados de largas décadas de sometimiento a un régimen autoritario; y mostró —a través de algunos indicadores— cómo las políticas públicas de la dictadura deterioraron el nivel de vida de la población.

Fonseca Amador subrayó la falta de democracia política y el desencanto e incredulidad de la sociedad civil sobre los procesos electorales; analizó las diversas formas en que la dictadura concentró poder económico y político; y señaló las diferentes artimañas para perpetuarse en el gobierno. Nuestro autor se empeñó en analizar históricamente la rebeldía del pueblo nicaragüense, argumentando que existieron frecuentes movimientos armados contra el régimen autoritario, donde participaron líderes de muy diversas ideologías: conservadores, liberales, socialistas, o socialcristianos. Cabe destacar que Fonseca Amador dedicó especial atención al rescate del pensamiento de Augusto César Sandino, buscó la raíz nacionalista para fundamentar la ideología del FSLN, y planteó que la insurrección debería apoyarse en las organizaciones sociales del campo y la ciudad, por considerarlas primordiales para derrocar el poder despótico.

Carlos Fonseca simboliza la rebeldía del pueblo nicaragüense; desde sus años de juventud tuvo una formación política autodidacta; se acercó al pensamiento marxista al tiempo que buscó en los procesos históricos internos las raíces de la lucha contra el autoritarismo. En este sentido, rescató el pensamiento de Augusto César Sandino, sus tácticas guerrilleras, así como sus ideas nacionalista y antiimperialistas.

Fonseca Amador fue un factor decisivo en la creación de diferentes organizaciones políticas, estudiantiles, juveniles y guerrilleras en contra del poder despótico, cuyo momento culminante fue la constitución del FSLN, organismo diseñado bajo la influencia de las ideas de Ernesto Che Guevara y las características propias del país destacadas por nuestro autor. Su pensamiento trató de ser abierto a otras experiencias insurreccionales y a las ideas revolucionarias de otros países. Su innovadora forma de pensar provocó el rompimiento con la izquierda tradicional, en particular con la línea política del Partido Socialista Nicaragüense.

La concepción que tuvo del marxismo fue, que era un pensamiento esencialmente crítico y abierto a otras corrientes de pensamiento. Rechazó el materialismo dialéctico mecanicista proveniente de los países socialistas

de Europa del Este; criticó duramente el autoritarismo y el dogmatismo divulgado a través de manuales o panfletos que distorsionaban la verdadera teoría revolucionaria.

El análisis y conocimiento de la realidad nicaragüense fueron una constante en su vida, recomendó entender la situación económica, social y política del país, para poder transformarla, su proyecto social comprendía una sociedad más justa, donde campeaban la libertad y la democracia. Buscó un mejor nivel de vida para los trabajadores del campo y la ciudad. Luchó hasta su muerte por derrocar la dictadura somocista, tratando de lograr un régimen más democrático. En síntesis, fue un pensador que actuó conforme a sus convicciones, dejando constancia de su conciencia y consecuencia política.

3) Otra fuente esencial de la ideológica de la revolución fue la teología de la liberación, por ello analizamos las ideas principales de la Iglesia católica nicaragüense, entre las décadas de los años sesenta y ochenta del siglo pasado, en base al estudio del pensamiento de la jerarquía católica, así como el análisis de las ideas de sacerdotes y religiosos progresistas.

En Nicaragua, por vez primera, un pueblo plétórico de expresión religiosa y simbólica, católico en su mayoría, ocupó templos y ayunó en ellos para lograr la liberación de combatientes revolucionarios presos, plasmó su lucha en los cantos de protesta contra la opresión y de celebración del combate liberador, que tuvieron su cumbre en la "Misa Campesina", transformó los templos en espacios libres donde se difundió la verdad de su lucha, en su seno fueron engendrados sacerdotes y religiosas profundamente comprometidos con el proceso, expresándose con exuberancia su espíritu de creyentes y revolucionarios.

Por otra parte, los obispos de este pueblo emergieron también en estas décadas, después de un largo silencio frente a la dictadura, roto a veces excepcionalmente. Con creciente valentía señalaron las contradicciones entre el somocismo y la fe cristiana comprometida. Cuestionaron las elecciones amañadas en mayo de 1974, denunciaron la aterradora represión desde 1977 y terminaron por declarar en junio de 1979, que la inminente insurrección cumplía con las condiciones de la ética cristiana para ser declarada derecho legítimo del pueblo.

La victoria sandinista, percibida como rescate de la nacionalidad nicaragüense y como oportunidad para cambiar la sociedad de raíz, fue a la vez interpretada por muchos católicos del pueblo como un paso del espíritu de Dios por la historia de Nicaragua. Dicho proceso adquirió gran significado para la historia latinoamericana, no era más un invento desde el

escritorio de obispos y teólogos, significó el compromiso de la Iglesia con una experiencia terrena de Dios, el triunfo de la lucha de los pobres a través de todo el continente. La insurrección nicaragüense consiguió con la solidaridad de los latinoamericanos, transformar la violencia, en un grado de humanidad más pleno. Lo que en Medellín se presintió -en plena lucha de los pueblos oprimidos y creyentes de América Latina-, se concretó en Nicaragua once años después.

Durante las décadas de los sesenta y setenta del siglo pasado, coexistieron dos proyectos de Iglesia, que tuvieron íntima relación con dos proyectos políticos antagónicos que trataron de implantarse en el país. La Iglesia que vivió la opción preferencial por los pobres, que se expresó y organizó en las comunidades de base, en la presencia de los católicos en las organizaciones populares, en sacerdotes y religiosos que vivieron y trabajaron con y para los pobres. En contra parte, el proyecto de Iglesia propio de la burguesía y de la clase media, que se inclinó hacia una religiosidad de tinte espiritualista y que no quiso comprometerse para nada con el proceso transformador que vivió el pueblo de Nicaragua.

En los momentos de mayor efervescencia revolucionaria, entre octubre de 1977 y julio de 1979, el pueblo nicaragüense se unió vigorosamente alrededor de la lucha contra la dictadura. La mayoría de este pueblo era explotado y oprimido, como consecuencia desplegó su enorme creatividad insurreccional, aunque fue terriblemente reprimido por el somocismo. Al mismo tiempo, la mayoría de este pueblo era católico y creyente, con mayor o menor conciencia de lo que significa ser católico y pertenecer a una Iglesia. Uno de los fenómenos más significativos del proceso sandinista fue la masiva participación de los cristianos en una lucha revolucionaria de liberación nacional.

Parte de ese pueblo, explotado, oprimido, reprimido, creyente y en lucha, no poseía los instrumentos analíticos refinados para comprender el alcance de su lucha. Por eso fue indispensable una vanguardia, el FSLN, para sistematizar las aspiraciones revolucionarias de esas mayorías y para encauzar su empuje. Por otro lado, muchos de estos católicos creyentes que, de mil maneras, participaron en la lucha revolucionaria en virtud de su fe, tampoco poseyeron una destreza teológica para dar razón de la práctica política de su fe. En este caso, a veces se encontraron con líderes católicos eclesiales que supieron iluminar su práctica, recogiendo lúcidamente la fuerza cristiana que de ella misma brotaba; otras veces fueron a la lucha tan sólo con la firme, pero vaga convicción de que entre su fe y la lucha revolucionaria no había contradicción.

En este proceso fueron los laicos católicos quienes más manifestaron el carisma de saber unir la confesión de la fe eclesial con la práctica de un amor por los demás, al modo del que Jesús describe en la parábola del samaritano o en la del juicio final. Naturalmente, este amor fue personal y también colectivo, ya que la lucha revolucionaria, siendo un fenómeno colectivo de combate por devolver el poder al pueblo, estuvo al mismo tiempo jalonada de encuentros personales y de opciones hechas desde la raíz de la conciencia y de los corazones.

BIBLIOGRAFÍA

1. Arellano, Jorge Eduardo, *Breve historia de la iglesia en Nicaragua: (1523-1979)*, Editorial Manolo Morales, Managua, 1986.
2. Arguello, Álvaro, *Fe cristiana y revolución sandinista en Nicaragua*, IHCA, Managua, 1980.
3. Boff, Leonardo, *Teología del cautiverio y Teología de la liberación*, Paulinas, Madrid, 1976.
4. Cardenal, Ernesto, *Canto Nacional*, S. XXI, México, 1973.
5. Centro Antonio Valdivieso, *Sandinismo, marxismo, cristianismo en la nueva Nicaragua*, Nuevomar México, 1986.
6. Fonseca, Carlos, *Obras. Bajo la bandera del sandinismo*, T I, Nueva Nicaragua, Managua, 1981.
7. Instituto de Estudio del Sandinismo, *El sandinismo: documentos básicos*, Nueva Nicaragua, Managua, 1983.
8. Monroy García, Juan José, *Tendencias ideológico-políticas del Frente Sandinista de Liberación Nacional (FSLN) 1975-1989*, UNAM UAEM, México, 1997.
9. Nolan, David, *La ideología sandinista y la revolución nicaragüense*, Ediciones 29, Barcelona, España, 1986.
10. Ramírez, Sergio, *Adiós muchachos. Una memoria de la revolución sandinista*, Aguilar, México, 1999.
11. Ramírez, Sergio, *El pensamiento vivo de Sandino*, Casa de las Américas, La Habana, 1980.
12. Vilas, Carlos María, *Perfiles de la revolución sandinista*, Casa de las Américas, La Habana, 1984.

Доктор по изучению Латинской Америки **Хуан Монрой Гарсиа** – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико.

Doctor en Estudios Latinoamericanos **Juan Monroy García** es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Adalberto Santana

Universidad Nacional Autónoma de México, México, D. F.

EL DISCURSO DE LA REVISTA *CUADERNOS AMERICANOS*

Resumen. El autor presenta su reflexión de cómo se articula el discurso en la revista *Cuadernos Americanos*. Publicación que con una antigüedad de más de seis décadas de existencia ha sido y es una plataforma discursiva del pensamiento político, cultural e humanístico latinoamericano. Revista que a lo largo de su desarrollo expresa la dimensión de un discurso que se articula en el quehacer de los llamados Estudios Latinoamericanos.

Резюме. Автор предлагает свои размышления о том, как артикулируется дискурс в журнале *Квадernos Американос*. Это издание, насчитывающее более шести десятилетий своего существования, было и остается дискурсивной платформой политической, культурной и гуманистической мысли Латинской Америки. На всем своем протяжении журнал выражал дискурс, развивавшийся в русле изучения латиноамериканистики.

El discurso latinoamericano y su difusión

Cuadernos Americanos es una revista que se edita en México desde 1941-1942. Momento álgido de la historia mundial. En ese contexto nace *Cuadernos Americanos* y la propuesta de su discurso (alcanzan hasta nuestros días 387 números). Su origen discursivo esencialmente nace "ante la urgencia de enfrentarnos con los problemas que reclamaba la continuidad de la cultura en aquellos años dramáticos de la Segunda Guerra Mundial"⁶⁴. El 29 de diciembre de 1941, fue la fecha del primer número de la revista correspondiente a enero-febrero de 1942. En ese momento se "dijeron hermosos discursos alusivos al acto"⁶⁵. Así el contenido de la revista manifestado a través del ensayo latinoamericano era sintomático. Se gesta como un vehículo "en el momento en que surgen la antropología y la historia de las ideas como disciplinas autónomas, a la vez que se difunde el nuevo concepto de cultura"⁶⁶.

El discurso contenido en la revista *Cuadernos Americanos*, figura como una especie de foro en tiempos convulsionados. Asimismo "otra de

⁶⁴ Jesús Silva Herzog, "Primer prefacio: índices de 1942-1952", en *Índices de Cuadernos Americanos: materias y autores, 1942-1971*, México, Cuadernos Americanos, 1973, p. v.

⁶⁵ *Ibid.*, pp. v-vi.

⁶⁶ Liliana Weinberg, "El encuentro de un escritor y de una revista: Alfonso Reyes y *Cuadernos Americanos*", ponencia presentada en el Coloquio "Revistas y redes intelectuales en América Latina: elementos de discusión", el 14 de octubre del 2008 en el Centro de Investigaciones sobre América Latina y el Caribe de la UNAM.

las metas perseguidas desde un principio por la revista es la aproximación cultural de nuestros pueblos, dando a conocer su historia, sus problemas y a sus hombres de mayor estatura moral e intelectual⁶⁷.

Esto convierte por su discurso y por su naturaleza esencial a la revista *Cuadernos Americanos* en un proyecto progresista, tolerante y democrático planteado desde la óptica de nuestra América. Esto es, desde un discurso periférico pero que desde la ética de Alfonso Reyes, sirve para "la cooperación de un puñado de hombres de buena voluntad". Para así pretender "fijar un sitio en que se congreguen las voces dispersas"⁶⁸.

Desde entonces hasta nuestros días el discurso de una revista latinoamericana que congrega, reúne y articula distintas voces (discursos) si así se prefiere, es multidisciplinaria. Es una plataforma discursiva que no está dedicada exclusivamente a determinadas materias, ni tampoco se agotaba en el análisis del momento. El horizonte como todo horizonte es más amplio: pensar y estudiar nuestra América de la que hablaba José Martí. Es decir, articular una serie de discursos sobre una región del mundo llamada América Latina. Nuestro discurso a través de la revista se orienta al lector especializado o erudito, pero también al lector culto. Aquel que también se interese por la región y sus problemas y alternativas.

Nuestra revista, *Cuadernos Americanos* se le considera una revista-libro. Formato que conservamos hasta nuestros días. En el contexto del discurso latinoamericano, en *Cuadernos Americanos* fueron publicadas, obras esenciales del pensamiento latinoamericano y a su nuevo discurso crítico podemos mencionar la primera edición de *El laberinto de la soledad* (1950) de Octavio Paz y *América como conciencia* (1953) de Leopoldo Zea.

Los retos del nuevo discurso de *Cuadernos Americanos*

El ámbito de lectores de *Cuadernos Americanos*, a donde llega nuestro discurso son: estudiantes, profesores universitarios e investigadores. Pero también nos vinculamos al lector común interesado en diversas áreas de la cultura latinoamericana. Circula nuestro discurso en Estados Unidos, Canadá, Europa, a América Latina, por supuesto, y a países aparentemente alejados de la cultura latinoamericana como: Japón, Rusia, China, Corea, Taiwán, India y Sudáfrica.

⁶⁷ *Catálogo*, México, Cuadernos Americanos e Instituto Mexicano de Investigaciones Económicas, 1972, p. 10.

⁶⁸ Palabras de Alfonso Reyes pronunciadas en el acto de presentación del primer número de *Cuadernos Americanos*, el 30 de diciembre de 1941, reproducidas en el número 1 de la nueva época (enero-febrero de 1987), p. 15.

En los inicios del siglo XXI la mundialización de la economía condiciona un discurso ligado a los Estudios Latinoamericanos. Nuestro compromiso es latinoamericanista. El debate se adentra frente a concepciones unipolares y pretensiones del fin de la historia.

Sin embargo, nuestro discurso se articula en temas y referentes ideológicos y culturales necesarios para atender a los problemas como el de las relaciones interétnicas. También para debatir sobre el tema de la integración regional. O si se prefiere, en torno a asuntos como el de identidad y la pobreza.

Vivimos un tiempo contradictorio, de auge y crisis del libre mercado. Se vuelve una constante la propuesta del maestro Simón Rodríguez, tutor de Simón Bolívar: inventamos o erramos. Las revistas culturales y de los Estudios Latinoamericanos en particular, se enfrentan a la disyuntiva de figurar como una mercancía más en la sociedad de consumo. La crítica de la realidad requiere levantar la mira. Figuran en los inicios del siglo XXI las nuevas tecnologías que revolucionan hábitos, pero también los imaginarios de la escritura y la lectura. Es decir, el discurso que transita del siglo XX al XXI. La conexión virtual es un nuevo reto. La crítica implícita en el discurso no únicamente se restringe al contenido. Es necesario visualizar la dimensión de su extensión en el ciberespacio. El mercado, pero también la revolución de las nuevas tecnologías de la información, nos enfrenta a nuevos retos.

Así, el discurso de las revistas culturales de corte académico latinoamericanista en los inicios del tercer milenio se enfrentan a una nueva disyuntiva. Generar un intenso debate, alentar nuevas posturas y metodologías frente a la renovación de las novedosas técnicas de información. Visualizar desde nuestra América las tendencias planetarias que se van desarrollando. Reflexionar es urgente, pero también es urgente hacer propuestas que articulen un nuevo discurso desde la periferia para la misma periferia, y es a su vez para el centro. Un nuevo equilibrio de fuerzas comienza con la capacidad de articular un discurso alternativo. Desde la periferia y desde publicaciones de nuestra América se propone reunir voces dispersas que juntas hacen un torrente de ideas.

Doctor en Estudios Latinoamericanos **Adalberto Santana** es director académico de la revista *Cuadernos Americanos* de la Universidad Nacional Autónoma de México.

Доктор по изучению Латинской Америки **Адальберто Сантана** – главный редактор журнала *Куадернос Американос* Национального Автономного университета Мексики.

Luz María Velazquez Reyes

Instituto Superior de Ciencias de la Educación, del Estado de México
Toluca

LOS DISCURSOS DEL AMOR EN JÓVENES ESTUDIANTES MEXICANOS

Resumen. La tesis central de este escrito es: los jóvenes estudiantes testimonian una transformación en las formas amorosas de hombres y mujeres. ellas, según los hombres, son «materialistas» y se interesan en la galanura y el coche, por ello si se carece de una linda cara y dinero es necesario conquistarlas con un buen “verbo”. Ellas, por su parte, miran a los hombres como interesados en la apariencia pero esencialmente enfocados al sexo. Ambos grupos coinciden en que el amor ya no es como antes. Hoy es fácil conseguir una pareja, dicen ellos, pero todos se lamentan de la corta duración de las relaciones amorosas.

Резюме. Центральный тезис работы исходит из того, что молодые учащиеся свидетельствуют о трансформации любовных форм между мужчинами и женщинами. Последние, согласно мужчинам, являются «материалистами» и интересуются главным образом галантным обхождением и автомобилем, и поэтому, если у них нет пригожего лица и денег, то надо пустить в ход «красное словцо». Со своей стороны, девушки считают, что юноши интересуются внешностью и слишком сконцентрированы на сексе. Обе стороны совпадают в том, что любовь уже не та, что была раньше. Сегодня нетрудно найти себе пару, но «жизнь» любовных отношений весьма недолговечна.

“Los colegiales de uno y otro sexo piensan secretamente en lo que, por mucho que se haga, no han de poder evitar jamás los padres ni los profesores: ellas y ellos hablarán siempre de amor” Balzac describía así a los jóvenes estudiantes del siglo XIX, ¿qué tanto ha cambiado la situación? ¿Los estudiantes siguen hablando de amor en el presente siglo? ¿Cuáles son los discursos del amor que circulan entre los jóvenes estudiantes mexicanos?

Como bien lo advierte Simonet (2005:7) “interrogarse sobre el amor es movilizar las cuestiones grandes y simples, es inclinarse sobre la moral de un tiempo, por supuesto, pero también sobre la guerra, el poder, la religión, la muerte...” por ello es necesario preguntarse como ven y qué discursos producen los jóvenes actuales respecto a este sentimiento.

La tesis central de este escrito es: los jóvenes estudiantes testimonian una transformación en las formas amorosas de hombres y mujeres, ellas, según los hombres, son materialistas y se interesan en la galanura y el coche, por ello si se carece de una linda cara y dinero es necesario

conquistarlas con un buen “verbo”. Ellas, por su parte, miran a los hombres como interesados en la apariencia pero esencialmente enfocados al sexo. Ambos grupos coinciden en que el amor ya no es como antes. Hoy es fácil conseguir una pareja, dicen ellos, pero todos se lamentan de la corta duración de las relaciones amorosas.

Hablar un lenguaje es parte de la actividad o de una forma de vida y las palabras también son hechos. Por eso cuando ellos dicen: “el amor es el motor de la vida”, o el amor para mi es “la mitad de mi día” revelan no sólo una forma de posicionarse en el mundo, sino su propio *lebenswelt* (mundo de la vida).

Entiendo al discurso como relación social, el discurso delimita y estructura la realidad, es en el discurso donde se constituye “el ser de los objetos” podemos aventurar que el amor es parte integral del ser estudiante. Pero ¿cuáles son los discursos de amor que habitan en los estudiantes? Para dar respuesta a esta pregunta entrevistamos a 430 estudiantes (216 mujeres y 214 hombres) de secundaria, preparatoria y diversas licenciaturas de la Universidad Autónoma del Estado de México. Las edades de los entrevistados se inscriben en el rango de 13 a 25 años, el trabajo de campo se realizó de septiembre a diciembre de 2008.

Los discursos de amor

El ser de los objetos es histórico, discursivo y político, los 430 alumnos generaron un total de 1006 etiquetas descriptoras para expresar su opinión y el significado que el amor les merece. Encontramos diferencias de género y de edad. Las mujeres emplearon un total de 61 descriptores para expresar la opinión sobre el amor y 62 descriptores para señalar lo que significa el amor para ellas (50 palabras descriptoras se repiten al expresar la opinión como el significado es el caso de hermoso, bonito, compañía, compartir, confianza y otras 45), los hombres por su parte emplearon 59 palabras descriptoras para exponer su opinión y 63 para señalar lo que el amor significa para ellos (como en el caso de las mujeres, también los hombres aprovecharon 50 palabras tanto para opinión como para significado).

En la población total encontramos las siguientes palabras descriptoras, en orden descendente: el amor es bonito, es compartir, compañía, respeto, confianza, es lindo, correspondencia, comprensión, hermoso, diversión, felicidad, motor de la vida, “chido”, infable y no existe. Cabe aclarar que sólo mencionamos los primeros quince lugares, por una cuestión de espacio. Hay una diferencia de género importante de destacar: las palabras que más repiten las mujeres al expresar tanto su opinión como el significado del amor son: bonito, compartir, confianza, respeto, compañía,

lindo, comprensión, apoyo, es el estado ideal por la realización, hermoso, felicidad, correspondencia, comunicación, es una experiencia fundamental e importante. Por su parte los hombres mencionan en orden descendente: compartir, bonito, compañía, “chido”, el amor es diversión, un juego, respeto, no existe, es el motor de la vida, correspondencia, confianza, hermoso, inefable, lindo, tiene sus pros y contras y agradable. Aunque ambos grupos comparten algunos descriptores el peso que le atribuyen se da de manera diferenciada, por ejemplo, el amor como diversión es pensado en una relación de dos a uno, por cada dos hombres que viven el amor como diversión, sólo una mujer lo percibe de esa manera, misma relación persiste para el caso de el amor es el motor de la vida, y por cada tres hombres que dicen que el amor no existe, sólo una mujer sostiene esta postura. El amor es maravilloso para casi todos los estudiantes a condición de ser correspondido.

Algunos testimonios profundizan en esta percepción: “El amor es maravilloso, lo mejor del mundo, sientes como si una fuerza extraña llenará tu cuerpo y sientes que puedes hacer lo que sea” (entrevista 67, Masculino, 20 años, estudiante de licenciatura)

“el amor es una experiencia que te hace crecer, va desarrollando la personalidad que tienes y en la persona que te vas a convertir” (entrevista 18, Masculino, 24 años, licenciatura), “el amor es una vitamina que le da impulso a tu vida” (entrevista 72, Masculino, 23 años, Licenciatura en geografía) Como contraparte también encontramos posturas que cuestionan la misma idea del: “El amor es una distracción y pérdida de tiempo y dinero” (entrevista 142, masculino, 17 años, pasante de comercio)

En los anteriores discursos podemos ver lo que bien había advertido Marcuse (1968:211): “Lo privado y personal, es mediatizado por el material lingüístico disponible, que es material social”.

La lucha por la existencia a través del acto de ser amados

El amor aunque experiencia compartida se vive de manera distinta por parte de los amantes. La población estudiantil más joven, entre los 13 y 20 años, enfatizaron lo maravilloso del amor, los entrevistados de arriba de 20 años se mostraron más mesurados y mostraron la cara hermosa del amor pero también señalaron la parte inevitablemente dolorosa del mismo. Los siguientes testimonios nos hablan acerca de la dificultad o facilidad para encontrar pareja en los tiempos que corren.

“Actualmente es difícil encontrar pareja, por la tecnología a pesar de acercar a las personas, las aleja a nivel emocional y sentimental” (entrevista 65, Masculino, 18 años, estudiante de licenciatura). “Es muy difícil porque

las mujeres sinceras no abundan, parece que todas buscan dinero, olvidándose de los sentimientos que son los que en realidad cuentan. Además porque la cultura ha creado los estereotipos de la pareja perfecta que parecen imposibles de encontrar en una persona” (entrevista 67, Masculino, 20 años, licenciatura). “El amor es un arma de doble filo, te puede llevar a la felicidad y te puede conducir al olvido y desamparo. El algo difícil de encontrar porque actualmente las mujeres se dejan llevar más por el atractivo físico, y sobretodo por el dinero, y uno como es “jodido” tiene que echarle verbo para que ellas caigan (relato 21, 17años, Masculino, Preparatoria).

“Fácil si eres guapo y tienes dinero es fácil tener pareja. Cuando a una chica le preguntas ¿Quieres ser mi novia? En lo primero que se fijan es en la posición social y después en el aspecto físico (20 años, Masculino, Licenciatura, Toluca). “Es algo complicado, en los tiempos que corren, formar una pareja, conseguir un novio o novia formal, pareciera ser todo un logro”. (19 años, Masculino, Licenciatura). Difícil, porque por los estereotipos están gruesos y si una no tiene senos grandes no hay nada con nadie”. (16años, Femenino, Preparatoria). “Difícil, para los chavos todo es vanidad” (18años, Femenino, Licenciatura) “Todo depende del físico. Si eres guapa te puedes conseguir varios novios cuando quieras, pero si eres fea ni te pelan” “Es difícil porque en la actualidad la mayoría de los hombres son gay” (entrevista 62, femenino, preparatoria)

La esperanza de conocer a la persona adecuada, definitiva, mantiene a los jóvenes estudiantes. De acuerdo a sus palabras podemos concluir que encontrar una pareja hoy en día es complicado, resulta muy fácil si sólo es para pasar el rato, pero son relaciones fugaces, espontáneas, divertidas pero no perdurables. La fugacidad es el principal problema del amor, no dura es el clamor de mujeres y hombres. Amor *light*, amor ligero, nada de responsabilidad, ni compromiso, ni problemas, sólo diversión. A pesar de sus múltiples diferencias hombres y mujeres piensan que encontrar una pareja resulta una tarea menos difícil para los hombres que para las mujeres.

Los jóvenes estudiantes se lamentan que en cuestiones del amor “ya no es como antes” que hoy ya no hay sinceridad, aprecio por los sentimientos, que lo material importa más que nada, etcétera, preguntémoslos de dónde extrajeron su idea del amor de antaño, los jóvenes estudiantes ¿del cine, la T.V., de la vida cotidiana, de dónde?

Lo cierto es que hay una unidimensionalidad del discurso del amor en los jóvenes estudiantes de ahí su decepción porque su experiencia del amor contradice lo que han observado en múltiples películas y telenovelas. El amor al margen de trabajo, esfuerzo, dedicación, etc. Marcuse ya había advertido: “al

hablar su propio lenguaje, el individuo también habla el lenguaje de sus dominadores, benefactores, anunciantes. No sólo se expresan a *sí mismos*, a su propio conocimiento, sentimientos y aspiraciones, sino también algo que está más allá de ellos mismos...describiendo mutuamente nuestros amores y odios, nuestros sentimientos y resentimientos, tenemos que usarlos términos de nuestros anuncios, películas, políticos y autores de éxito.” (Marcuse, 1968:210)

BIBLIOGRAFÍA

Balzac, Honorato de. *El lirio en el valle, Obras completas* Tomo VI, Madrid, Aguilar.

Malishev, Mijail (2007). *Vivencias afectivas expresión de la experiencia humana* México, Plaza y Valdés.

Marcuse, Herbert (1968). *El hombre unidimensional* México. Joaquín Mortiz.

Simonnet, Dominique (2004). *La más bella historia del amor*. México, FCE.

Доктор педагогика Лус Мария Веласкес Рейес – профессор-исследователь Высшего Института Наук Образования Штата Мехико.

Doctora en Pedagogía Luz María Velásquez Reyes es profesora-investigadora del Instituto Superior de Ciencias de la Educación del Estado de México

Carmen Álvarez Lobato

Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca

EL DISCURSO POETICO-AMOROSO EN PALINURO DE MÉXICO

Resumen. En el texto se analiza el discurso amoroso en la novela del escritor mexicano Fernando del Paso, *Palinuro de México*. Se trata de una obra trágica, preñada de la frustración y del fracaso y a, la vez, cómica, y esta combinación le comunica el carácter proteico, fragmentado y ambiguo.

Резюме. В тексте анализируется любовный дискурс мексиканского писателя Фернандо дель Пасо *Мексиканский Палинуро*. Речь идет о произведении трагическом, исполненным неудач и поражений и, одновременно, о романе комическом, и такое сочетание придает ему протейстический, мозаичный и двусмысленный характер.

La segunda novela del escritor mexicano Fernando del Paso, *Palinuro de México* (1977) es una obra monumental plena de discursos, estilos y temas, herencia nunca tardía y sí renovada de la narrativa de vanguardia,

tan cara al escritor. Novela proteica, fragmentada, y quizás hasta inasible por su carácter móvil, abierto y ambiguo.

Palinuro es, en parte, y de manera simultánea, una novela sobre el triple fracaso del hombre moderno, de la Historia y de la Medicina; sobre el cuerpo, la enfermedad y la muerte; sobre el lenguaje y la función de la literatura. Es también una novela tan cómica como trágica. Y es también, y a esto me referiré en estas páginas, una novela sobre el amor: el profundo amor que se tienen el protagonista Palinuro, estudiante de medicina que morirá a resultas de la represión militar al movimiento estudiantil de 1968, y su prima y amante Estefanía, bella enfermera, excelsa y perversa.

Este amor proviene del carácter antitético y complementario de ambos personajes: se han amado siempre, se amarán eternamente. Su configuración se inscribe dentro del mito de los pares de gemelos, del *Doppelgänger*. Ambos tienen veinte años, de niños vivían en la misma casa, comparten una misma historia y unos mismos antepasados: "Con la diferencia de que al nacer yo, la cigüeña se espantó hacia el lado izquierdo, o siniestro, que no era otro que el lado de los remiendos brumosos [...] Y al nacer Estefanía su cigüeña -venida de Alsacia- levantó el vuelo hacia el lado derecho"⁶⁹. Su amor reconcilia los elementos disímiles de identidad y complementariedad⁷⁰.

En tanto complementarios, Palinuro fracasa en sus estudios de medicina al no soportar la vista ni el hedor de los cuerpos enfermos, pero se dedica a pintar, paradójicamente, cuerpos descompuestos y sufrientes: negación de la realidad, tolerada sólo mediante su representación artística. A la inversa, Estefanía enfrenta perfectamente las realidades del cuerpo al ser una magnífica enfermera, pero no puede dominar el asco que le produce el discurso sobre la enfermedad; no las cosas en sí, sino los nombres que designan a la cosa: "no se podía mencionar delante de ella una enfermedad: ni por su síndrome ni por su causa, ni por su pronóstico ni por su tratamiento, y mucho menos, muchísimo menos por su nombre" (p. 25). Palinuro muestra así aversión por el objeto (el cuerpo) y su sublimación mediante el arte; Estefanía siente amor por el objeto y asco por la palabra que lo representa. Así, cada uno se convierte en espejo del otro.

Los primos habitan un pequeño cuarto de un viejo edificio donde todas las cosas (el mundo incluido) giran en torno a un retrato de Estefanía debajo

⁶⁹ Cito por la edición de Fernando del Paso, *Palinuro de México*, Plaza & Janés, Madrid, 1977, p. 32, en adelante citaré las páginas en el cuerpo del texto.

⁷⁰ Cfr. Juan Bargalló Carraté, "Hacia una tipología del doble: el doble por fusión, por fisión y por metamorfosis", en *Identidad y alteridad. Aproximación al tema del doble*, ed. Juan Bargalló, Alfar, Sevilla, 1994.

de un árbol: no la persona, sino su representación, origina un cosmos invertido: “en la pared de la derecha abrimos una puerta para que todos nuestros amigos pudieran entrar a ver la fotografía, para lo cual mandamos hacer una escalera después de ordenar un edificio a la medida, cuidando que todos los detalles tanto de la fachada como el interior [...] armonizaran con el retrato de Estefanía [...] Como es natural, mandamos hacer una ciudad alrededor de nuestro edificio y decidimos que fuera la ciudad de México por la simple y casi única razón que ya habíamos nacido en ella. Después mandamos hacer un país alrededor de la ciudad, un mundo alrededor del país, un universo alrededor del mundo...” (pp. 146-147)

En este escenario estético, donde se cancelan el tiempo y el espacio, la pareja vive su amor, narrado por el propio Palinuro, quien, en pasajes de profundo lirismo, afirma la unidad de la pasión amorosa y la pasión estética, ambas confluyen en Estefanía: la única mujer, la mujer perfecta, pues en ella se fusionan todos los vicios y todas las virtudes, todas las simetrías y asimetrías: “su perfección nunca tuvo nada que ver con lo que ella fue de verdad [...] porque vista de cerca y contemplándola a la luz de su muerte y de su voluntad [...] Estefanía estaba llena de imperfecciones:/ A veces bizqueaba un poco y tenía pie de atleta./Nunca terminaba de leer un poema./ Los lunes amanecía con mal aliento [...] tengo que confesarles que mi prima, también, estaba llena de asimetrías deslumbrantes y mágicas” (p. 91).

El amor de los primos es una suerte de dialéctica entre extremos disímiles que se complementan, se escinden y se reconfiguran constantemente: amor/desamor, vida/muerte, belleza/ fealdad, placer/dolor, creación/destrucción. Un componente fundamental de dicho amor es el lenguaje. El amor es un acto poético, una representación, y así como afirma Estefanía: “para que las cosas se aparezcan hay que nombrarlas. ¿Cómo quieres que vengan, si no las llamo?” (p. 196) así el amor, nombrándolo, adquiere incluso materia y se percibe como pleno y total: “Perdóname la insistencia en el tema, pero si hubo algo que llenó de sentido a nuestro cuarto, fue eso: el amor que nos tuvimos desde niños./ Si tú te levantabas a media noche, te tropezabas con el amor./ Si alzabas la punta de la alfombra, te encontrabas un montoncito de amor./ Si abrías la ventana, el amor nunca acababa de salir por la ventana./ Nuestro amor impregnó de tal manera las cosas, que comenzamos a confundirlas con nuestro amor” (p. 182).

Si bien la imagen de Estefanía es idealizada –como probablemente sean idealizados la mayor parte de los discursos de Palinuro- el amor de ambos está lejos del platonismo. El placer y el erotismo son componentes de esta relación que es tan perfecta como transgresora, fugaz e imposible,

la unión del amor y la muerte: Palinuro, antihéroe tomado de las filas de la *Eneida* virgiliana, está por morir; Estefanía está, probablemente, muerta, en la más pura tradición de las bellas mujeres de los relatos de Edgar Allan Poe⁷¹. Es el discurso lírico-amoroso de Palinuro el que disuelve las fronteras del espacio y el tiempo, de la vida y la muerte: en la segunda parte de la novela vemos cómo Palinuro y sus amigos resucitan, por artes mágico-poéticas, a una hermosa mujer muerta que yace en el anfiteatro de la escuela de medicina: “El cuerpo de la mujer comenzó a despertar en los lugares más inesperados [...] entreabrió las piernas y mostró el resultado de un largo viaje: mariposas muertas, escarabajos con las alas cubiertas de polen, libélulas destrozadas a la velocidad de la luz. Su carne, como un oleaje oscuro, se derramaba sobre los muslos” (p. 576). Poco después nos enteramos de que la joven mujer es la misma Estefanía; a diferencia de los libros de Poe, no es la voluntad humana la que infringe los límites de la vida y la muerte sino que, a la manera vanguardista, la violación proviene de la mayor creación-transgresión posible: la palabra poética.

Pareciera que todo es posible en este universo amoroso perfecto, pero no es así. Es claro, a estas alturas, que el amor poético entre Palinuro y Estefanía no puede existir en el mundo de lo cotidiano. De tal modo, cuando Estefanía resulta embarazada por Palinuro por artes mágico-poéticas: “un día penetré a mi prima con una vara de avellano que tenía una estrellita en la punta, como las varas de las hadas, y así fue que por arte de magia un niño apareció de pronto en su vientre” (p. 420) dicha “creación” no puede tener una trascendencia real; los primos lo saben y optan por detener, no sin dolor, la gestación de su hijo: no es éste un mundo para la esperanza, al menos como ellos la conciben. La novela entra en un vórtice de creación-destrucción: todo nacimiento trae consigo su propia aniquilación y ésta, su renovación. Es el ciclo perenne de la muerte y el renacimiento: Palinuro morirá, Estefanía regresa de la muerte, el niño no nace...

La palabra poética no alcanza para todo, la creación poética, el discurso amoroso, en tanto artificio, tiene sus límites. Afirmé líneas arriba que *Palinuro* es la historia del fracaso del hombre, en efecto, el lenguaje no basta, la comunión poética, la unión social —entre muchas otras utopías mencionadas en el libro— es un anhelo condenado al fracaso: “Una vez, y como siempre, nos habíamos dejado arrastrar por el artificio y la obsesión

⁷¹ “Comenzó a comprender el parentesco que une a la belleza con la muerte. Con Villon, Palinuro compartió la fascinación de las mujeres muertas y con Edgar Allan Poe la convicción de que la muerte de una mujer hermosa es el asunto más poético del mundo” (p. 113).

de llevar todo a un extremo donde la magia y las artes combinatorias no se permiten ya más [...] Cansados, llenos de hastío, no queda sino dejar que ruede el mundo... a la derecha, a la izquierda, otra vez a la derecha y de frente, luego, hasta topar con los vestigios del infierno” (p. 796)

La palabra poética, la creación, queda constreñida dentro de sus propios límites, condenada a su propia repetición. Quizás radique también en ello su salvación: “Esto a su vez nos enseñó que debíamos volver a escribir nuestra historia cambiando el tiempo de manera que nunca nadie supiera cuántas veces habíamos hecho las cosas: si una o mil. La posible repetición invalidaba el milagro, pero afirmaba la única realidad que poseíamos. / Y como una de las cosas más fáciles de repetir era el amor y los mil nombres de nuestro cuerpo, nos desnudamos e hicimos el amor desnudos” (p. 799).

Al final, afirma Palínuro, sólo queda el juego: “Mi prima y yo tuvimos que confesar que jugábamos demasiado con las palabras” (p. 801), la recreación constante y maravillosa del amor o de un poema. Fernando del Paso ofrece una hermosa reflexión sobre los límites y los prodigios del amor y la poesía: ambos son posibles sólo desde el lenguaje, sostenidos por las palabras, dotados de una existencia perfecta y fugaz.

Doctora en Filología **Carmen Álvarez Lobato** es Profesora-investigadora de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Доктор филологии **Кармен Альварес Лобато** – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико.

4. ДИСКУРС О МОЛОДЁЖИ И МОЛОДЁЖЬ О ДИСКУРСЕ

Хвощёв В.Е.

МОЛОДЁЖЬ И ДИСКУРС

Молодые люди представляют собой наиболее дееспособную и наименее организованную часть общества. В силу этих качеств и прочих известных особенностей молодёжь исключительно уязвима для манипулирования и является предметом не затухающего интереса самых разных общественных сил.

Любая политическая система обречена, если не находит молодёжной симпатии и поддержки. Поэтому власть всегда и везде вынуждена уделять внимание молодёжи, демонстрировать заботу о её социальном

самочувствии в форме специфической молодёжной политики. По этому поводу в науке и публицистике образовалось весьма насыщенное дискурсивное пространство, нуждающееся, не смотря на очевидную однородность, в политическом анализе.

Однако реальная молодёжная политика может быть эффективной только в том случае, если точно идентифицируется ее объект, и она превращается в пустую декларацию, если направлена на разнородную людскую массу и не имеет точного адреса.

Задача идентификации молодёжи в составе населения может показаться простой и очевидной. Её критерием, казалось бы, должен быть возраст человека, измеряемый по прямолинейной шкале от дня его рождения. Однако подобное решение сопряжено с рядом трудностей, учёт которых ведёт к разногласиям по поводу возрастных границ. До сих пор нет убедительных обоснований ни верхних (30, 35, 40...), ни нижних (21, 18, 16, 14...) рубежей молодёжного возраста.

Всё дело в том, что молодёжь – понятие разноплановое, определение которого корректно лишь в контекстном отношении. К примеру, человека можно классифицировать по его биологическому возрасту. Тогда набор параметров классификации молодости существенно усложняется, а исследование молодёжного развития переходит в плоскость изучения динамики человеческого генотипа.

В этом контексте выясняется, что молодёжь как искусственная хронологическая группа – 14...40 лет – не в полной мере обладает биологическими характеристиками, свойственными молодым организмам, а среди старшего поколения нередки индивиды с молодёжными биопараметрами. Ещё сложнее дифференцировать молодых и не молодых людей по социальным и политическим показателям. Применяемые в социологии и политологии шкалы оказываются непригодными для идентификации молодёжи. В таком случае исследование молодёжных проблем при неясно очерченном объекте становится бессмысленным занятием.

Очевидно, что к заведомо ложным результатам должны вести попытки политического анализа некоторой ограниченной возрастом группы населения, поскольку политическое время существенно отличается от времени физического, с помощью которого она – эта группа – определялась. Подобного рода усилия аналогичны тому, как если бы по такому же универсальному основанию как время – массе, мы бы пытались определить химические свойства разных объектов. Сомнительно, к примеру, что больший по массе объект является носителем

кислотных, а меньший – щелочных химических свойств, даже если ваш опыт даёт для такого заключения некоторые основания.

Политическая молодость индивида имеет, тем не менее, важный для исследователя смысл. Её критерий не трудно найти, воспользовавшись хронологическим признаком как фактором, указывающим на сущностную основу политической молодости.

Логично предположить, что критериальным признаком проживания субъектом периода своего расцвета, с которым небезосновательно связывают молодость, является высокий уровень его социальной, в частности, политической деятельности. Другими словами, социально-политическая деятельность индивида является показателем его хроно-политического возраста.

Важно заметить, что обыденно понимаемый возраст представляет собой объективный неотъемлемый линейно меняющийся параметр человека, в то время как человеческая деятельность может быть (а чаще всего в изрядной доле и бывает) навязанной, вынужденной, ситуационной. Следовательно, параметры деятельности человека связаны с возрастом относительно, а связь эта имеет, скорее, вероятностный характер. Нет сомнений, что для сущностной характеристики индивида в большей степени подходит лишь часть его деятельности – самодеятельность, которая вызвана внутренне обусловленным, биологически и социально закреплённым индивидуальным свойством – активностью.

Как природное и даже родовое свойство человека активность успешно осваивалась советским обществознанием в 60-х–70-х годах прошлого века. Охлаждение к этому фундаментальному понятию науки пришло позднее, когда большинство отечественных исследователей предпочло разработке диалектико-материалистической системы знаний лёгкие пути заимствования чужих интеллектуальных продуктов и построения необременительных фрагментов представлений о природе и обществе. Были и другие причины столь неуклюжего разворота социальной теории и, в частности, теории активности в постперестроечный период. Одни из них – идеологические⁷² хорошо известны, другие обусловлены началом осознания наукой неравномерности политического времени и неоднородности политического пространства.

Нелинейность политического времени стала особенно заметной с активизацией современных социальных процессов и рождает потребность в нелинейных переменных, посредством которых это время мо-

⁷² Хвошев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвошев – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. – 168 с.

жет познаваться. Вот почему привычное понятие «возраст» и устойчивое свойство субъектов «активность» требуют существенного переосмысления применительно к координате политического времени.

Между тем и простое бытовое время не сложно увязывается со многими социально-политическими параметрами, а его не совпадение со временем политическим не мешает обнаруживать существующие здесь корреляции. По этой причине, задолго до появления хронополитики исследовалась и устанавливалась, пусть в огрублённом виде, взаимосвязь времени и политической активности людей, анализировались особенности общественной активности молодёжи.

В этом направлении исследования политической активности были достигнуты заметные успехи ещё сорокалетней давности. Особенно преуспели здесь Высшая комсомольская школа и связанные с ней научные структуры в регионах. В те годы для власти стало очевидным, что без активного (заинтересованного, творческого) участия молодёжи в политической жизни общества невозможно эффективное социальное строительство. Тогда же был взят курс на развитие общественно-политической активности молодого поколения, о чём постоянно заявлялось на съездах партии и комсомола, и предприняты попытки исследования феномена на общегосударственном и региональном уровнях. Не заслуженно забытые работы тех лет нуждаются в реанимации, идеологическом очищении, критической переработке применительно к новым социальным и экономическим условиям существования россиян. Сохраняют актуальность исследования, связанные с молодёжной активностью, В.А. Смирнова⁷³, В.Г. Мордковича⁷⁴, Н.Э. Майн⁷⁵, И.К. Морозова⁷⁶, прикладные работы В.И. Липского⁷⁷, лекционный труд В.В. Помыкалова. Актуальным сего-

⁷³ Смирнов В.А. Социальная активность советских рабочих – М.: Политиздат, 1979.

⁷⁴ Мордкович В.Г. Общественно-политическая активность / Проблемы социальной активности – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – С. 3–22, Мордкович В.Г., Майн Н.Э. Некоторые проблемы развития общественно-политической активности молодёжи / Проблемы социальной активности – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – С. 22–35.

⁷⁵ Майн Н.Э. Об особенностях формирования общественно-политической активности молодых работниц / Проблемы социальной активности – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – С. 63–73, Мордкович В.Г., Майн Н.Э. Некоторые проблемы развития общественно-политической активности молодёжи / Проблемы социальной активности – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – С. 22–35.

⁷⁶ Морозов И.К. Общественно-политическая деятельность как ценность сознания и жизни молодёжи / Проблемы социальной активности – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – С. 22–35.

⁷⁷ Формирование достойной смены рабочего класса / под редакцией В.И. Липского. – Челябинск, 1978.

дня становится понятие «активная жизненная позиция», всё чаще прорывающееся в выступлениях политических лидеров.

Можно не сомневаться, что исследования политической активности молодёжи в ближайшей перспективе будут востребованы общественной практикой, поскольку социально-экономическая ситуация в стране и в мире порождает серьёзные молодёжные проблемы. При этом важно освоить пока не в полной мере утраченный научный задел по этой тематике, чтобы не двигаться вслепую по ранее пройденному пути.

Сибиряков И.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

(попытка исторического анализа некоторых дискурсивных практик)⁷⁸

Если понимать под дискурсом «социально обусловленную систему речи»⁷⁹, то публичные выступления представителей провинциальной художественной интеллигенции в первые послевоенные годы, могут быть отнесены к интересным, но слабо изученным в отечественной научной литературе дискурсивным практикам. В рамках данной публикации мы попробуем применить алгоритм исторического анализа таких практик для выявления наиболее значимых, сущностных коллективных идеологических репрезентаций действительности, которые, по словам профессора Ван Дейка, «воспроизводятся в дискурсе на микросоциальном уровне»⁸⁰. Ясное понимание особенностей дискурса советской провинциальной художественной интеллигенции позволит лучше понять механизм ее выживания в неблагоприятной социально-политической среде, которая сформировалась в СССР в первые послевоенные годы.

Объектом нашего исследования стало выступление Н.А. Медведева, главного режиссера Челябинского театра драмы на I областной конференции по подъему социалистической культуры Челябинской области, которая состоялась 22–23 ноября 1949 г. Текст данного выступления хранится в фондах Объединенного государственного архива

⁷⁸ Работа выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований и Правительства Челябинской области, проект № 07-06-96017 Р-Урал.

⁷⁹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс>.

⁸⁰ <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.

Челябинской области и сохранен в машинописном варианте, без следов авторской правки.

При выборе объекта исследования мы учитывали особенности социального статуса автора текста, а так же исторический и политический контекст данного выступления, которые во многом, на наш взгляд, и определили специфику тех дискурсивных практик, что являются предметом нашего исследования.

Н.А.Медведев родился в октябре 1898 г. в городе Екатеринбурге, т.е. в момент выступления ему был 51 год. Это был опытный, много испытавший в своей жизни человек, уже завоевавший известность в театральном мире Урала. Работу в театре Н.А.Медведев начал с 1915 г. в Екатеринбурге. В годы гражданской войны он служил в Красной Армии под началом М.Н.Тухачевского, а с 1920 по 1922 гг. работал режиссером и актером в передвижном показательном театре уездного отдела народного образования. С 1923 г. Н.А.Медведев работал в Челябинском театре драмы, а затем исполнял обязанности главного режиссера, художественного руководителя в театрах Ярославля, Пензы, Оренбурга, Сталинграда, Казани. Одновременно с театром Н.А.Медведев занимался педагогической деятельностью в иркутском университете и педагогическом институте, в Казанском университете, в ЧТПИ⁸¹.

В 1949г. Н.А. Медведев был назначен главным режиссером Челябинского театра драмы. В условиях жестких политических компаний, которые в первые послевоенные годы проводились в СССР и были часто направлены против представителей творческой интеллигенции, назначение на такой пост имело мощный политический подтекст.

Выступление Н.А. Медведева на областной конференции был одним из первых публичных выступлений нового руководителя театра и, естественно, вызвало большой интерес представителей политической и интеллектуальной элиты региона. Такого рода выступления были одной из самых распространенных форм проявления политической активности советской провинциальной художественной интеллигенции в первые послевоенные годы. Очевидно, что сам Н.А.Медведев прекрасно понимал важность этого выступления, готовился к нему и старался строго придерживаться заранее намеченного текста.

Уже в самом начале своего выступления Н.А.Медведев подчеркнул политическую составляющую данной речи. Особенно ярко она проявилась в следующих словах докладчика: «...советское искусство,

⁸¹Челябинск: Энцикл. / Сост.: В.С. Боже, В.А.Черноземцев – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 508.

обогащенное величайшими идеями учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина стало путеводной звездой для всех прогрессивных деятелей культуры всего мира...». В этой конструкции, достаточно широко распространенной в первые послевоенные годы в речах партийных функционеров и официальных руководителей советских органов, курировавших проблемы культуры, хорошо видны три опорные идеологические установки, наличие которых становится обязательным для любого «правильного» публичного выступления, посвященного советской музыке, театру или изобразительному искусству. Эти позиции являются своеобразным культурологическим вербальным кодом, позволяющим опытному слушателю мгновенно идентифицировать оратора в рамках системы «свой-чужой».

Речь идет о традиционном для этого времени разделении деятелей культуры всего мира на «прогрессивных» и соответственно «не прогрессивных»; о процессе «обогащения» советского искусства «правильными», а в данном случае «величайшими» идеями, рожденными вне творческого процесса, и четким указанием творцов этих идей, которые составляют некую единую конструкцию, не имеющую внутренних противоречий и конфликтов (учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина).

Еще одним элементом идентификационного кода, который Н.А. Медведев применил уже в самом начале своего выступления, стали агрессивные высказывания в адрес представителей «враждебной», «буржуазной» культуры. «Можно привести сотни тысяч примеров, – утверждал Н.А. Медведев, – названия пьес которых говорит само за себя: «Пятипалый зверь», «Женщина паук», «Женщина чудесник», «Женщина вампир» и т.д., а одна из пьес называется «Возбуждение от искусства». Этим примеров достаточно для того, чтобы подтвердить, что буржуазное искусство является искусством растленным». Показательно, названий пьес реально приведено только пять, а не сотни тысяч, как говорил докладчик. Но количественный показатель в данном случае оказался совершенно не важным. Значение имело лишь принципиальное отторжение всего буржуазного искусства в целом. Только в таком случае оратор мог рассчитывать на полную поддержку аудитории. Конечно, такого рода приемы ораторского искусства применялись и раньше. Никаких качественно новых аргументов, доказывающих «растленный характер» буржуазного искусства Н.А. Медведев не привел, но они и не были востребованы участниками конференции. Абсолютное большинство из них не было

настроено на серьезный анализ, предлагаемого материала. Жанр выступления на собраниях творческой интеллигенции не подразумевал научной дискуссии. Такое рода собрания носили ярко выраженную символическую природу и были призваны демонстрировать единодушную поддержку курса правящей политической элиты и формировать соответствующее общественное мнение.

В строгом соответствии с утвердившимися дискурсивными практиками этого времени в следующей части своего выступления Н.А. Медведев противопоставил ситуацию, сложившуюся в капиталистических странах, ситуации, сложившейся в СССР. «В нашей стране театры, находящиеся в ведении государства, имеют полную возможность служить тем высоким благородным задачам, которым должно служить подлинное искусство, которое принадлежит народу, впитывать в себя все лучшее, что накоплено поколениями и обогатившиеся великими идеями ленинско-сталинского учения о театре»⁸².

При внимательном прочтении этого фрагмента выступления Н.А. Медведева есть возможность наряду с уже знакомыми идеологическими конструкциями («подлинное искусство», обогатившееся великими идеями, и монолитное «ленинско-сталинское учение о театре») увидеть новый элемент идентификационного кода, введенный Н.А. Медведевым в текст выступления, в соответствии с аналогичными выступлениями высших руководителей партии и государства. Это упоминание о том «лучшем», что было накоплено, «предшествующими поколениями». Желание восстановить историческую связь с предшествующими поколениями выглядит крайне симптоматично. Потребность в «историческом» укреплении любой политической конструкции, как правило, связана с отсутствием убедительных аргументов в пользу ее состоятельности в реальной политической или социальной практике. В таком случае использование исторического опыта предшественников своевременно и «правильным» образом интерпретированного может принести очень неплохие политические результаты. Эффективность таких исторических пассажей особенно возрастает в странах, где в общественном сознании доминирует традиционная система ценностей, пусть и в новой революционной форме.

Обязательным элементом такого рода выступлений с ярко выраженным политическим мотивом являлись статистические данные, которые то же могут быть отнесены к своеобразным дискурсивным

⁸² ОГАЧО. Ф. 288. Оп.13.Д. 258.ЛЛ. 85–86.

практикам. Язык цифр порой был не менее убедительным, чем язык стандартных формулировок и стереотипных вербальных конструкций. В качестве статистического блока своего выступления Н.А. Медведев использовал цифры, характеризующие ситуации в дореволюционном и постреволюционном отечественном театре. В его изложении она выглядела следующим образом: «если до революции в нашей театральной российской империи было всего 153 театра, то сейчас в нашем Союзе около 800. ... при жизни великого русского драматурга А.Н. Островского все его пьесы вместе взятые выдерживали в год в среднем 35 представлений. Сейчас только одна из его пьес «Без вины виноватые» ежегодно идет свыше 11 тыс. раз». Столь огромный разрыв цифр заранее исключал возможность их анализа и настраивал слушателя на автоматическое признание очевидного преимущества советского театра над театром дореволюционным.

После того, как выступающий показал ситуацию, сложившуюся в масштабах всего Советского Союза он приступил к изложению проблем, существующих на региональном уровне. Диалектическая логика такого перехода очевидна и не нуждается в дополнительных комментариях. Н.А.Медведев, подчеркивал: «Наш Челябинский государственный драматический театр с сентября 1946 г., т.е. с момента после выхода исторических постановлений ЦК партии по идеологическим вопросам поставил 34 спектакля, из них 24 спектакля поставлены на материале произведений советских драматургов. Нами за этот период обслужено свыше полумиллиона зрителей, из них примерно 100 тысяч непосредственно в рабочих клубах на предприятиях. Все лучшие произведения советской драматургии увидели свет ramпы нашего театра»⁸³.

Дискурсивная часть этого фрагмента выступления Н.А. Медведева представляется нам очень показательной. В качестве точки отсчета выбрано время появления «исторических постановлений ЦК партии». Постановления, посвященные самым разным идеологическим проблемам, появились в разное время, но воспринимаются Н.А. Медведевым как монолитная конструкция. Статистические данные вновь носят очевидный характер и не подвергаются никакому анализу, а тезис об «обслуженных» полумиллионах зрителей ярко демонстрирует особенности самовосприятия своего социального статуса свойственные многим представителям советской интеллигенции 30–50-х годов. Нера-

⁸³ ОГАЧО. Ф. 288. Оп.13.Д.258. ЛЛ. 87–88.

тивные коннотации данной языковой конструкции сохраняются в русской культуре многие десятилетия.

В завершающей части своего выступления Н.А. Медведев в строгом соответствии с традицией таких выступлений обратил внимание слушателей на перспективы вверенного ему творческого коллектива, а именно Челябинского драматического театра. «С начала будущего сезона, – утверждал Н.А. Медведев, – который мы имеем начать буквально в ближайшие дни, театр предполагает показать своему зрителю, кроме уже сохраненных лучших спектаклей прошлого года, таких как «Особняк в переулке», «Пушкин», «Заговор обреченных», «Московский характер», так же целый ряд новых постановок, в частности, пьесу лауреата Сталинской премии Симонова «Чужая тень», инсценировку по роману Толстого «Анна Каренина», пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты» и, наконец, бессмертную комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума». Для юного зрителя будет ставиться в каникулы пьеса «Кот в сапогах». Однако особенности той историко-политической ситуации, в рамках которой проходило выступление Н.А. Медведева, та матрица построения текста, на которую опирался оратор, особенности его личного восприятия проблемы и целый ряд других факторов заставили его именно в завершающей части доклада подчеркнуть недостатки в работе театрального коллектива. «К сожалению, – говорил Н.А. Медведев, – наш театр не сумел привлечь к себе должного внимания. Наш зрительный зал не всегда заполнен, а наш труд имеет ценность только тогда, когда он становится достоянием широких масс зрителей, и пока наш театр не будет переполнен, мы до тех пор не можем считать свою задачу выполненной». Анализ аналогичных текстов свидетельствует о том, что самокритичность была важным элементом любого публичного выступления представителей художественной интеллигенции Южного Урала. Она символизировала наличие широкого круга проблем в работе каждого писателя, художника или музыканта, создавала совершенно особую психологическую атмосферу незавершенности творческого процесса и позволяла выстраивать жесткую недиалоговую конструкцию в отношениях интеллигенции и органов реальной власти.

«Огромное внимание, уделяемое тов. Сталиным и Центральным Комитетом партии советскому искусству, еще раз продемонстрировало какую важную роль советское искусство призвано сыграть на данном этапе. Вооруженный этим вниманием, советский театр зай-

мет достойное место в победном шествии нашего Великого народа к сияющим вершинам коммунизма»⁸⁴, – этими словами Н.А. Медведев закончил свое выступление. Образы И.В. Сталина и Центрального Комитета партии большевиков традиционно были ключевыми позитивными образами в дискурсивных практиках большинства представителей художественной интеллигенции Южного Урала в первые послевоенные годы. Показательно, что особые положительные детали этих образов в тексте выступления детально не прописывались, но подразумевались «по умолчанию». Существование такой конструкции, как «умолчание» было обязательным элементом дискурса творческой интеллигенции послевоенного времени. Однако реальное эмоциональное насыщение таких «фигур или зон умолчания» могло быть совершенно различным.

Таким образом, проведенный анализ дискурсивных практик, Н.А. Медведева, как одного из наиболее ярких представителей художественной интеллигенции Южного Урала в первые послевоенные годы, проявившихся в ходе его выступления на I областной конференции по подъему социалистической культуры Челябинской области, позволяет сделать ряд выводов: во-первых, дискурс художественной интеллигенции Южного Урала имел сложную внутреннюю структуру, он включал в себя не только вербальные конструкции, но и особым образом представленные статистические данные, «фигуры или зоны умолчания» и т.д. Во-вторых, в этом дискурсе нет уникального регионального компонента. Построенный по моделям, сформированным в выступлениях высших руководителей партии и государства, такой дискурс был универсальным, хотя и сохранил небольшую социально-профессиональную специфику. В-третьих, дискурс играл важную роль в создании имитационной модели политической активности многих представителей художественной интеллигенции, которая была обязательным условием их выживания в тяжелой атмосфере послевоенного социума.

⁸⁴ ОГАЧО. Ф. 288. Оп.13. Д.258. ЛЛ. 89–90.

Прилукова Е.Г. ДИСКУРС МОЛОДЕЖНОЙ МОДЫ

*Современная эпоха – это особый код,
и эмблемой его служит мода.*

Ж. Бодрийяр

Каждый из нас обращает внимание на внешний облик человека. «По манере говорить, по взгляду глаз, по складкам на лбу, по держанию рук и ног, по цвету кожи, по голосу, по форме ушей... я всегда могу узнать, что за личность передо мной», – рассуждает А.Ф. Лосев и с этим нельзя не согласиться⁸⁵. По внешнему виду мы составляем свое представление о Другом. Может показаться, что внешность человека не совсем традиционная тема для научного исследования, но именно она в большей степени отражает тенденции моды. Однако сегодня одежда только завершает оформление образа человека как представителя определенной эпохи.

Чаще всего наши представления о внешности человека мы оформляем в понятие «мода». Термин «мода» происходит от французского *mode*, которое в свою очередь восходит к латинскому *modus* – мера, образ, способ. мода тотальна, она распространяется на все сферы жизнедеятельности человека и представляет довольно сложный социальный феномен. Можно с уверенностью сказать, что мода не только внешность человека, она представляет собой определенный способ связи людей в процессе их деятельности и общения, а также это определенный способ проявления сущности человека, демонстрация его внутреннего мира. Поэтому мода не остается без внимания в общественных науках. Так, *философия* интерпретирует ее как способ воплощенности человека в мире. *Социология* видит в ней как способ олицетворения социальных ролей человека, которые он выполняет, живя в обществе. Сложившиеся в современном обществе сложная ролевая и статусная диспозиции актуализируют проблему социального различения, так как успешная коммуникация и осознанное поведение требуют узнавания субъектами друг друга. *Социально-психологический* ракурс предлагает рассматривать моду в качестве объекта восприятия в процессе общения для составления характерологического портрета. *Этнология* находит в ней аспект внешнего облика, как отражение этнического своеобразия.

⁸⁵ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М., 1990. – С. 461.

Развитие и функционирование моды в широких социальных масштабах было обусловлено рядом факторов: экономических, социальных, технических и др. В основе ее возникновения лежат различные причины: социальные, экономические, психологические, и поэтому многие исследователи в разное время уделяли им внимание в своих работах. Так Г. Спенсер видел главное условие возникновения моды в стремлении подчеркнуть равенство людей. Он обращал внимание, что лица с низким социальным статусом с помощью изменений в одежде приближаются к лицам более высокого статуса. Г. Тард утверждал, что в основе развития и функционирования моды лежит механизм подражания. Г. Зиммель связывал функционирование моды с необходимостью удовлетворять двойственную потребность человека: отличаться от других и вместе с тем быть похожим на других. Д. Ричардсон выяснил, что в основе изменений внешнего облика человека является динамика социальной жизни. Г. Блумер увидел в моде развитие социальных норм и адаптацию к ним. Именно моде, по его мнению, удастся обеспечить связь между прошлым и будущим и воспитывать общность людей. Возникновение феномена моды большинство исследователей относит к эпохе Возрождения, когда впервые «возникает открытое состязание в знаках отличия»⁸⁶.

Отношение к человеку как к личности строится, прежде всего, на основе внешнего впечатления, и мы говорим «модный» или «немодный». Физиологи отмечают, что информация «считывается» в первые 10 секунд и формируется представление о Другом.

Более того, сегодня мода исследуется еще и как семиотическая проблема – человек способен создавать систему знаков, которые проявляются в его внешнем виде. «Ведь мода может пониматься как самый поверхностный и самый глубинный из социальных механизмов – через нее код властно сообщает всем другим областям свою инвестицию»⁸⁷.

Мода связана с образом жизни данной социальной группы или общества в целом, типологией личности, ее характером, желаниями, потребностями, с точки зрения бытующих ценностных установок и стереотипов поведения. Именно она довольно часто позволяет человеку идентифицировать себя с Другим. Следовательно, мода может выступать в качестве одного из важных средств человеческого общения, являясь своеобразным дополнением к традициям и обычаям, потому что она осуществляет трансляцию внешних форм культуры, быта и

⁸⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 114.

⁸⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 169.

поведения. Кроме того, мода служит в качестве одного из регуляторов социального поведения: модные тенденции в науке, технике, производстве, политике, на лекарства, даже на стиль мышления и т.п. В то же время «мода занимает необычайно привилегированное положение, оттого что мир в ней полностью разрешается»⁸⁸. Сегодня мода – это сфера, где создаются и постоянно меняются социальные образцы не только вещей и стандарты их потребления, но и стандарты поведения: происходит социальная презентация новой моды – иностранные наименования чиновничьих должностей («мэр») и бюрократических учреждений («префектура»), дорогие магазины («бутик»), ночные клубы, казино и рестораны, шопинг и др. Использование механизмов моды позволяет эффективнее организовать и управление обществом.

Если еще в начале XX в. одежда, прежде всего, утверждала положение человека в обществе, ее стоимость была прямым отражением богатства человека, ведь модная одежда была дорога – ее изготавливал на заказ Мастер. Так продолжалось примерно до середины века, когда мода выступала в качестве одного из основных знаков социального положения, отражала социальную иерархию, сложившуюся в обществе. Во второй половине XX столетия ситуация изменилась: мода, благодаря ускорению темпов жизни и достижениям высоких технологий стала более демократичной. Именно это и позволило рассматривать ее в качестве одного из индикаторов социального положения, с одной стороны (знаки престижа – машина, книги, местожительства), и в качестве универсального средства «сглаживания» социальных различий (джинсы носят и бедные и богатые, одни и те же книги читают люди из различных социальных слоев), с другой. мода двигалась по социальной лестнице, знаки престижа распространялись, они уже не могли символизировать четко социальное положение. «С концом обязательного знака наступает царство знака эмансипированного, которым могут теперь одинаково пользоваться все классы»⁸⁹. Тем не менее, в облике человека всегда просматривалось влияние эпохи, которая выступает в качестве главного модельера. Тенденции демократизации, наметившиеся в социальной жизни во второй половине XX в., нашли свое воплощение и в моде. Сформировался особый стиль «гранж»: блузка выползла из-под жакета, носки наделись на чулки, пустые карманы огромных размеров оказались швами наружу, поверх связанной шапочки водрузились темные очки; обувь заняла что-то среднее меж-

⁸⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 169.

⁸⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 114.

ду деревянными сабо и войлочными ботинками «прощай молодость»; нижнее белье из соблазняющего стало защитным. По внешнему облику стало довольно трудно отличить, кто перед нами – ученый, инженер или рабочий. Отличительными чертами социальных групп стала не одежда, а аксессуары. Хотя пиджаки и пальто – точная опознавательная индикация совладельцев мелкого и среднего бизнеса, как и BMW X5 – показатель принадлежности к экономической элите. Кроссовки, спортивный костюм, кожаная куртка, плащ, костюм цвета «мокрый асфальт», «дипломат», вязаная шапочка, пальто, хозяйственная сумка-коляска выступают как униформы, как некие символические коды, демонстрирующие людям не столько социальное положение их владельцев, сколько заранее говорящие о сфере их деятельности. Мода потеряла форму и цвет, отражая тенденции социального развития.

Учитывая, что главным спонсором моды выступает нефть, то в настоящее время при падении цен на нее в общественном сознании начнут проявляться проблемы, казалось бы, не связанные с теми, которые порождает кризис. В одежде будет наблюдаться удлинение юбок: нет средств на уход за фигурой (тренажерные залы, массажные кабинеты, сауны станут не по карману значительной части населения) и поэтому ее недостатки нужно скрыть. Волосы тоже станут длиннее и «нечесаннее» – не надо тратиться на шампунь, на краску, на парикмахерскую. Стиль «гранж» постепенно трансформируется в стиль «минимальной роскоши», который характеризуется упрощением силуэта, в нем преобладает не новое, а повтор прошлого. Но этот повтор не слепое копирование, а привнесение нового: «вернулись» брюки для женщин, из новых дорогих тканей шьется одежда простого силуэта и универсального плана – жакеты, юбки, брюки, расцвет джинсовой одежды. «Мода всегда пользуется стилем «ретро», – пишет Ж.Бодрийяр – но всегда ценой отмены прошлого как такового: формы умирают и воскресают в виде призраков. Это и есть ее специфическая *актуальность* – не референтная отсылка к настоящему моменту, а тотальная и моментальная реутилизация прошлого. Мода – это, парадоксальным образом, *несвоевременное*»⁹⁰.

Распространившийся демократический стиль Америки и Европы, суть которого – деловая практичность привел к исчезновению авторитетов моды: Париж перестал быть законодателем моды. Высокая мода превратилась в «чистое искусство», шикарная одежда стала немодной. Главные критерии современной одежды – простота конструкции, со-

⁹⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 170.

ответствие гигиеническим требованиям, ритму жизни. Одежда преуспевающего человека наших дней не выставляет социальное положение своего хозяина, а наоборот – затушевывает. Скромная элегантность костюма становится признаком трудового, активного образа жизни. Еще сохранились в современной одежде оттенки прошлого, но они демонстрируют сочетание несочетаемых цветов (например, лимонно-желтый с лиловым). В мире доминирует «американская мода»: кроссовки, майки, шорты, свитера, джинсы. Мужские галстуки и пиджаки «уходят», их заменяют трикотажные кофты, одежда спортивного стиля выходит на первый план, стирается грань между мужской и женской одеждой (только яркость расцветок отличает их), литая обувь, стиль «бизнесвумен» и «унисекс». Утраченная сексуальность возвращается в прозрачных тканях. «Мода, несомненно, – эффективнейшее средство нейтрализации сексуальности (накрашенная женщина – это женщина, которую нельзя трогать...)»⁹¹. Хотя развитие моды и носит циклический характер, тем не менее, она всегда будет ориентированное на современность.

Следует обратить внимание при исследовании феномена моды и на такую ее характеристику, что она не может существовать без каналов коммуникации, которыми являются в первую очередь средства массовой информации и коммуникации – телевидение, кино, радио, печать. Мода не может действовать без них, она идет к нам с телевизионного экрана: прически, макияж, туфли, шляпы, пальто, тонкие брови, манеры поведения, стиль мышления. Вместе с тем мода и сама выступает в качестве существенного канала коммуникации. С усилением торгового обмена, развитием международных отношений, формированием глобального информационного пространства люди стали обмениваться не только манерой одеваться, но и нормами поведения и приличия. Одежда потеряла роль точного информатора о социальной категории индивида, превратилась в показатель свободы и терпимости, дала человеку право на свой неповторимый внешний облик. Таким образом, мода указывает не столько на его фактическую принадлежность к той или иной социальной группе, сколько на психологическое стремление к ней принадлежать: «...мода служит носителем бессознательного и желания, что ее пытаются таким образом истолковывать – ничего не значит, ведь в моде сегодня само желание. Действительно, существует особое «влечение к моде», которое имеет мало

⁹¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 184.

общего с индивидуальным бессознательным, – это нечто столь неистовое, что с ним не справиться никакому запрету, это желание упразднить смысл, погрузиться в чистые знаки, в первозданную, непосредственную социальность»⁹².

В моде заключено подражание и вместе с тем – проявление индивидуальности. Поэтому важно обратить внимание, что мода, проявляющаяся во внешнем облике – это еще и сложная система символики, отражающая восприятие времени человеком, представление о мироздании.

Следовательно, мода как внешний облик – это еще особый язык, который запечатлен в нем. Тогда, вслед за П. Бергером и Т. Лукманом можно утверждать, что мода как язык «реализует мир» в двояком смысле слова: он его постигает, и он его производит»⁹³. Следовательно, мода как специфический язык, производят мир в сознании людей. Язык моды – это среда, где я и мир выражаются в изначальной взаимопринадлежности. «Мода, как и язык, изначально стремится к социальности (это доказывает от противного фигура денди в своем вызывающем одиночестве). Но в отличие от языка, который стремится к смыслу и перед ним устраняется, мода стремится к социальности театральной и сама собой лобуетя. Тем самым для каждого из нас она оказывается местом особой напряженности, зеркалом, где отражается наше желание собственного образа. В противоположность языку, который стремится к коммуникации, она без конца *разыгрывает* коммуникацию, вовлекает ее в игру ничего не сообщающей сигнификации»⁹⁴.

В тоже время мир моды как языка постоянно подвержен интерпретациям и переинтерпретациям. Все в нем толкуемо, прочитывается и перечитывается, создаются бесчисленные варианты понимания, прирастают и убывают смыслы. «...никакая субверсия самой моды невозможна, потому что у моды нет референции, которой бы она противоречила (она сама себе референция). От моды нельзя уйти (она превращает в модную черту даже отказ быть модным – историческим примером тому джинсы). Этим лишний раз подтверждается, что можно еще ускользнуть от принципа реальности содержаний, но не от принципа реальности кода»⁹⁵.

⁹² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 179.

⁹³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

⁹⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 181.

⁹⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2005. – С. 189.

Таким образом, мода формирует представления о реальности, и в определенной степени творит саму реальность. В моде проявляется новая реальность – виртуальная.

Все эти характеристики моды находят отражение в молодежной моде, которая отражает, прежде всего, особенности молодежи как социально-демографической группы. Главная черта молодежи – высокая активность, которая может принимать, как конструктивные, так и деструктивные формы. Яркий пример тому действия студентов Франции 60-х гг. XX в. и начала XXI в. Молодежная мода наиболее изменчива. Однако важно подчеркнуть, что в своем внешнем облике молодые люди в первую очередь пытаются заявить о себе, порой даже не вписываясь в традиционные представления и стили, не задумываясь о последствиях модных тенденций и смысловых нагрузках символики (современный боди-арт не сочетается с традиционными представлениями общества о татуировке). «Скольжение» по внешнему облику позволяет «прочитать» и «войти» во внутренний мир молодого человека. При этом всегда нужно помнить, что внешность дает нам наиболее полное отражение о социально-психологических чертах личности, это всего лишь вершина айсберга, внутренний мир личности гораздо сложнее и богаче. В тоже время внешний облик человека может позволить/не позволить проникнуть в его внутренний мир, понять/не понять его умонастроения и мировоззрение. В условиях быстроменяющейся современности можно только «по одежке встретить» и не увидеть самого главного – Человека.

Черепанова Р.С.

МИФ О «БУРНОЙ МОЛОДОСТИ»

В УСТНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ

ПОКОЛЕНИЯ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»⁹⁶

Легендарный 1968 год уже сейчас называют великим мифом⁹⁷, посредством которого мир осмыслял происходящие в нем экономические, социальные и технологические перемены. Этим обстоятельством осмысления, помимо прочего, объясняется высокая роль интеллектуалов в феномене «шестидесятых».

Пережил свой вариант «шестидесятнического бунта» и Советский Союз. Достаточно известна картина этого «бунта», нарисованная

⁹⁶ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ-Урал № 07-06-96018.

⁹⁷ Мертез М. 1968-й как миф // Неприкосновенный запас. 2008. – № 4.

«сверху», с позиций власти и лидеров диссидентского, правозащитного, экологического движений, представителей творческой элиты, и т.п. Гораздо меньше изучена картина «шестидесятых», какими они воспринимались основной массой советских людей, в том числе довольно многочисленным и разнообразным слоем провинциальной интеллигенции. Логично было бы предположить, что, исходя из традиционного дискурса «бурной молодости» (образ юноши-бунтаря имеет древнюю культурную традицию) и сегодняшнего дискурса романтизации «шестидесятых», как и всего советского прошлого, те провинциальные интеллигенты, чья молодость пришлась на эпоху «великих революций» (политической, технологической, сексуальной) скорее всего склонны будут преувеличивать собственную «оппозиционность», «революционность», «протестность».

Эта гипотеза легла в основу работы с материалами устных биографических интервью, записанных в 2006 и 2007 гг. с представителями провинциальной интеллигенции: учителями, врачами, инженерами, научными работниками, музыкантами, проживающими ныне (или проживавшими длительное время в прошлом) на территории Челябинской области. В ходе беседы рассказчикам задавались общие биографические вопросы («Расскажите о себе: в какой семье вы родились, как прошло ваше детство, что вы помните о ваших бабушках и дедушках, как ваша семья пережила войну, как складывалась ваша личная жизнь и профессиональная деятельность...»); если в разговоре появлялся какой-то особый сюжет (эмиграция, конфликт с властью, национальные проблемы, и т.п.) он развивался в дополнительных вопросах, рождавшихся по ходу. Респондентов также прямо спрашивали о формах и степени их вовлеченности в общественную и политическую деятельность, об отношении к отдельным политическим событиям из жизни страны, и проч. Из общего количества записанных к началу 2008 года рассказов 30 женских и 12 мужских принадлежали людям, чья молодость или зрелость пришлись на период 1960-х–начала 1970-х гг. Иначе говоря, это были люди двух поколений, рожденные от 1926 г. (нижняя граница) до 1948 г. (верхняя граница). Многие из них родились или учились в столицах (Москве или Ленинграде), поддерживали и поддерживают связи с столичными научными или артистическими кругами. Логично было бы ожидать от этих людей наполненного личными деталями и, по крайней мере, не скудного рассказа о «бурных шестидесятых», тем более, что человек всегда склонен преувеличивать яркость красок своей молодости. Если что и вспоминается, так это

именно подвиги юности: походы, вызовы, конфликты, достижения, споры, встречи. Казалось бы, в рамках общего дискурса молодости, все мы стремимся представить себя в эти годы революционером, борцом, первооткрывателем.

Результат, независимо от поколенческой принадлежности, оказался, однако, совершенно обратным. Большинство рассказчиков вообще не упомянуло по собственной инициативе о периоде 1960-х. Лишь двое мужчин и четверо женщин обмолвились вскользь о диссидентстве, самиздате, освобождении нравов и прочих сопутствующих вещах, но как о чем-то постороннем себе, в чем сами не участвовали и от чего дистанцируются. Лишь один рассказчик очень скупо сообщил о том, что ему пришлось пострадать из-за некой истории, как-то связанно с его «личностной свободой»: «Ну, что такое наш институт – конечно, не МГУ. И, тем не менее, элемент богемы, элемент даже свободы какой-то, личностной, мировоззренческой... Началась «оттепель». Я уж тут не буду все раскрывать, но получилось так, что... Мне прочли аспирантуру. Моя курсовая работа, и даже не одна, была издана. По психологии я писал по эстетическому воспитанию, это была совершенно новая тема тогда. Но случилось так, я уж не буду рассказывать, что, значит, от меня отвернулись. И я с красным дипломом без работы. Хорошо? Ага? Сразу я без работы остался. Я приехал домой. В родное село. Пошел устраиваться грузчиком. То есть нелегкая биография. Но потом случилось так, что – друзья всегда помогают – нашли друзья, и тайком устроили меня директором железнодорожной школы, на станции. <...> Причем это было сделано тайно. Не было даже представления меня в облоно Саратовский. То есть я как бы нелегалом. Это три года длилось». (Рассказчик Б1, преподаватель колледжа, Челябинск, 1928 г.р.)

Другие же открыто или подспудно противопоставляли гражданскую и политическую активность серьезному, «настоящему» делу, «работе». – «Некогда было думать об этом, я всецело была занята работой», «я интересовалась только своим делом» (Рассказчица К2, музыкант, преподаватель, Челябинск, 1940 г.р.)

Студенты столичных ВУЗов описывали «оттепель» в виде возвращения ссыльных преподавателей и опыта общения с ними. «Бунт» историков выразился в списании Сталина из числа «классиков»:

«С 1956 года – еще не было XX съезда – стали говорить, что Сталин не классик, и на истфаке поползли слухи о том, что

он действительно не классик, но все это как-то неофициально было, и тогда действительно стали смотреть: классик – не классик; какие работы, насколько это глубоко, насколько серьезно. Вот отсюда оттепель и начиналась. <...> Ну, например, в секторе, в котором я работала, больше половины людей сидели. А мой Александр Ильич (*Клибанов; примеч. Р. Ч.*) любимый – об этом я узнала в первой нашей экспедиции – двенадцать лет сидел: пять лет до войны, семь лет после; и, если бы не Бонч-Бруевич, то, может быть, и не приняли бы этих людей на работу» (М2, научный работник, Магнитогорск).

Показательно, что тема освобождения нравов и сегодня оказалась для рассказчиков жестко табуированной:

«Брожения, которые чем-то напоминали то, что потом будет в 90-е годы. Чем – в студенческой среде стало очень много анархии. Очень много анархии. Но она быстренько как-то прикрылась. Зажали. Причем не сверху даже, а, как сказать, комсомольская организация. У нас, например, на факультете, это комсомольская организация. <...>

- Вы сказали, что и в хрущевское время была анархия...

- В студенческой среде.

- В чем это выразилось?

- Это выразилось, во-первых в дисциплине, потому что все сразу заговорили о свободе, в манере одеваться, в тех песнях, которые стали петь в то время – барды ведь появились именно тогда, и были всякие песни, и очень хорошие – и мораль тоже упала в то время.

- Свободные отношения?

- Свободные отношения, причем не только между полами, но и старшим изменилось отношение». (Рассказчица М3, преподаватель философии, научный работник, Магнитогорск, 1935 г.р.)

«- То есть свобода нравов, сексуальная революция...

- Было, было. Но масштабы и формы несопоставимы с нынешним <...> Единственное, я помню, когда я была в экспедиции, или где-то в Рязани, кто-то мне из их интеллигенции сказал: «Вам не кажется, что свобода нравов появилась?» Но

та свобода нравов по сравнению с нынешней – это вообще, как говорят в Одессе, две большие разницы. Тогда, казалось бы, такая демократия, всплеск такой свободы, и я еще, помню, кому-то говорила: «Знаете, все должно устояться, не волнуйтесь, это лишь начальный этап, когда выплескивается все». Я очень хорошо помнила, что и у Ленина и у Энгельса об этом говорится: когда начинаются революционные потрясения, то в первую очередь почему-то именно сексуальный уровень страдает» (М2).

Что в большей степени стоит за этим молчанием – нежелание посвящать посторонних в интимную часть своего прошлого или прочно усвоенный когда-то официальный дискурс, сложно сказать. Но не исключено, что именно последнее. Как и отношение к гражданской активности как к чему-то «несерьезному», оценки пресловутой «свободы нравов» воспроизводят позиции официального, государственного, дискурса, всегда осторожного к гражданской активности населения и к любым проявлениям «свободы».

Так же в русле официально допущенных дискурсов лежат оценки советского режима. Если критика, то за «жертвы», экономическую скудость, «серость» и отсутствие «свободы», если одобрение, то за «нравственность» и «справедливость». Возмущает респондентов в советском трое именно то, что в разные времена было почти официально дозволено и модно критиковать – репрессии и общепит, например. Любопытно, что демонический образ Ленина, характерный для периода 1990-х годов, в некоторых интервью задним числом переносится на настроения 1960-х:

«...уже в конце шестидесятых годов я познакомилась с диссидентскими взглядами, немножко это меня коснулось. Мы тогда изучали изобразительное искусство, и была у нас одна юная преподавательница, очень, по-моему, диссидентски настроенная, она очень много нам рассказывала именно о диссидентском искусстве, например, об одной картине, осуждающей тоталитаризм: Ленин на трибуне, сам весь синего цвета и солдаты со штыками в шапках, такой яркий образ тоталитаризма; эта картина заняла какое-то место на выставке в Италии. Вот эта девушка вообще как бы во многом открыла мне глаза на происходящее, на жизнь, на взаимоотношения человека и государства. До этого у меня просто было

ощущение серости и было очень много бытовых моментов осознания тупости, глупости, которых не объяснишь никак... Ну, например, совершенно невкусная пища в столовых. Ты приходишь, платишь деньги и тебе дают какую-то гадость – вот это очень раздражало». (K2, музыкант, преподаватель, Челябинск, 1940 г.р.)

Сама «оттепель» описывается также совершенно в официальном дискурсе:

«Слышали мы, конечно, что наши, там, в Анголе, наши во Вьетнам, наши в Афганистане, но всегда это тихонько, шорох такой, и все... Что-то читали, на машинке распечатанное что-то передавалось, в частности, Аллилуевой записки, еще что-то была такое, было, что книги давали почитать на ночь, помню, Солженицына так давали, а вообще, в то время очень популярны были толстые журналы, «Знамя», «Новый мир», «Иностранная литература», кипы у нас были этих журналов, ну, и там тоже что-то просачивалось, какие-то моменты. Собственно, когда началось разочарование в нашей жизни, начало раздражать серое уныние на улицах и красные с белым плакаты, на которых написаны были коммунистические лозунги, это уж совсем казалось как-то тупо, совершенно невозможно воспринимать в той жизни, в которой мы жили» (K2).

Заметим, что все, упомянутое рассказчицей, принадлежит к «легальным» темам и включено в поле официального дискурса, тогда как темы польских или чехословацких событий, сексуальной революции в СССР явно находятся на его окраинах и весьма слабо освоены. Рассказчицы просто не знают, что о них говорить.

Даже отдельные признания в «неприятии» советского режима могут быть прочитаны как своеобразное преломление официального дискурса, постоянно указывающего интеллигенции на ее аполитичность:

«Мне не нравился комсомол в принципе, как организация, за исключением некоторых, может быть, моментов: там вот, были такие выездные мероприятия, зарабатывать ребята ездили по комсомольской линии, ну, по комсомольской линии организовывались еще и соревнования. Но я как-то всю жизнь инстинктивно старалась держаться в стороне. Взносы

я, например, не платила, меня за это страшно ругали. Из комсомола я выбыла автоматически: я потеряла комсомольский и не стала его восстанавливать» (П2, научный работник, Челябинск, 1948 г.р.).

Когда респондентов просили припомнить события их реальной жизни 1960-х годов, а не описать некую «общую картину» и «общие настроения», то получали зарисовки совершенно рядовых дел, забот и конфликтов, в которых при всем желании трудно увидеть политическую или «идейную» подоплеку:

«Я была комсоргом группы одно время в институте, всю жизнь участвовала в самодеятельности: и в хоре, и в оркестре, и в танцах, спортивной гимнастикой занималась, кандидат в мастера спорта, на Всероссийских соревнованиях по первому разряду я, помню, заняла второе место; жизнь была какая-то так: сегодня по гимнастике тренировки, завтра хор, послезавтра танцуем. Выезжали на машинах в колхозы, ночами там давали концерты <...> И я всегда говорила правду, какая бы она ни была, вот как считаю, так и говорила. И никого не боялась. Не знаю, почему. Мы тогда не думали, что надо бояться, что-то нельзя сказать. То ли нас не коснулись репрессии, о которых мы сейчас читаем. Ни нашей семьи, никого. Когда Сталин умер, я плакала навзрыд. Когда полетел Гагарин, мы кричали «ура», мы радовались. Мы всему радовались. Мы радовались съездам этим, проводили комсомольские собрания. После первого курса мы ездили на целину. То, что мы ехали в товарном вагоне, то, что мы жили там в какой-то хатке, восемнадцать человек, вплотную лежали настолько, что если кто-то повернулся, надо было всем повернуться – это все потом стусеивалось. Но было столько радости, когда мы потом получили деньги. Я получила тысячу с лишним. Я купила себе ботинки, я купила себе пальто, купила маме шторочки и мешок муки на зиму. <...> И вот, почему я не получила диплом с отличием, хотя на него шла. <...> в «Комсомольской правде» тех лет появилась огромная статья «Как поссорились два доцента». Действующий доцент и тот, который собирался стать. И там в статье была моя фамилия, как активистки, я выступила против одного из препода-

давателей, и он мне за эту историю поставил по педагогике «три». Мелочность жуткая. <...> Ну, и тогда я тоже, не сдержалась, под ноги этому доценту плюнула» (Т1, преподаватель колледжа, Челябинск, 1938 г.р.).

В воспоминаниях легендарные шестидесятые выглядят так обыденно, что иногда закрадывается сомнение, а было ли все это вообще где-то, кроме официальных сфер: диссидентство, гласность, общественная активность и самодеятельность:

«...в Ленинграде диссидентство выглядело совсем не диссидентством. Хотя я, наверно, зря это говорю. Но, во всяком случае, когда я уехала, я уже узнала, что юноши, которые учились на курс старше нас, они уже закончили и создали кружок по изучению наследия марксизма-ленинизма, и двух из них вообще посадили в тюрьму, один отделался какими-то выговорами, хотя потом он стал о-очень известным философом, с мировым именем» (М3).

Все выглядит так, как будто для наших респондентов весь «шестидесятнический бунт» сводился почти исключительно к чтению книг – Маркса, Ленина, Сталина, Солженицына. Причем советские люди довольно скоро решили, что такая «свобода» ненормальна и долго продолжаться не может.

«...я еще побаивалась, что это в Москве просто слухи; слухи везде – в коридоре, на кухне, на улице, в магазине; и я еще думала: ну до каких пор москвичи будут питаться слухами. Казалось, что все-таки это не так страшно, и, в общем, все будет более или менее нормально. Ну, а потом, когда началось и с книгами, и с выставками, и с демонстрациями на Красной площади, и с сидением – я же училась вместе с Якиром, он тоже попал в эту кашу. А в провинции это менее болезненно переживали» (М2).

Ясно, что ни в каких событиях вроде «демонстраций на Красной площади» ни сама рассказчица, ни ее знакомые не участвовали, и знают о них только понаслышке из официальных, или полуофициальных, или неофициальных, но допущенных к существованию каналов (те же слухи).

Трудно удержаться здесь от вопроса о масштабах «шестидесятического» брожения: массовых, как это предписывалось советским и предписывается нынешними официальными дискурсами, или весьма и весьма ограниченных, если не сказать – единичных.

Вспомним, как схематично описывал свою загадочную «историю протеста» рассказчик Б1: оправдывая скудость событий «оттепели» в своем ВУЗе, он заметил, что это, конечно, не МГУ, то есть предполагая, что в МГУ протест действительно шел с размахом; но сам рассказчик об этом наверняка не знает и в МГУ в то время не бывал. Рассказчица М3, напротив, училась в эти годы в МГУ, рассказчицы М2, М1 и К3 – в ЛГУ, в ЛГПИ и в Библиотечном институте им. Крупской, но и они тоже не называют никаких реальных фактов, отделяясь туманными намеками: «было, было». Да и сам Б1 так и не открыл, из-за чего ему пришлось распрощаться с мечтой об аспирантуре и несколько лет отсиживаться в глубинке: виной ли тому действительно некий идейный протест или некий банальный конфликт, как в истории с «двумя доцентами», рассказанной Т1, мы так и не знаем. Характерно, что и Б1, и Т1 закончили свои «протестные эпизоды» заявлением, что не хотели бы об этом вспоминать.

Итак – шестидесятые забыты? Окончательно превратились в миф, сконструированный из обрывков собственных воспоминаний и осколков официальных дискурсов, причудливо сменявших друг друга в последние десятилетия.

Например, любопытное смешение идеологических пластов присутствует в нескольких рассказах, где респонденты с гордостью сообщают, что они сами или их близкие ездили на БАМ или на освоение целинных земель (советская риторика, приписывающая молодежи гражданскую активность и трудовые свершения) и тут же добавляют, что делали они это исключительно ради заработка (постсоветская риторика, предписывающая «прогрессивной молодежи» противиться коммунистическим ценностям и не плясать послушно под коммунистическую дудку).

Конечно, сорок лет – достаточный срок забвения, а забвение – прекрасная почва для мифологизации. Трудно удержаться от соблазна найти самое простое объяснение загадкам памяти, объяснив, что наши воспоминания всегда неизбежно перемешаны с псевдовоспоминаниями, навязанными нам деятельностью различных агентов, а также самим фактом предписанного в последние десятилетия «осмысления» и

«переосмысления прошлого»⁹⁸. Можно вести речь даже о том, что любые воспоминания вообще «предписаны» и «навязаны»⁹⁹.

Но «шестидесятые» оказались забыты во многом еще и потому, что померкли в людской памяти перед бурными «девяностыми». О «девяностых», в отличие от «шестидесятых», активно вспоминают все опрошенные, и характеристики одной эпохи в их рассказах нередко переносятся на другую.

Наконец, можно предположить, что наши собеседники, люди состоявшиеся и имеющие общественный вес, известность и уважение, несмотря на анонимность интервью, продолжали «держаться лица»; или допустить, что они как раз не получили бы своего нынешнего статуса, если бы их молодость была слишком бурной.

Но факт остается фактом: у всех сорока двух произвольно выбранных представителей самых разных интеллигентских кругов и профессий, у тех, кто по определению, по своей интеллигентской сущности должен был «осмыслять», «бунтовать» и «участвовать», независимо от того, учились ли они в Москве, Ленинграде, Брянске, Свердловске или Челябинске, у всех у них «бурная молодость» «шестидесятых» оказалась мифом.

Мирошниченко М.И.

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКУ И ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(дискурс и практика 1920-х годов)

Развитие теоретических и исторических гендерных исследований определяет актуальность реинтерпретации советского прошлого в гендерном измерении. В этой связи важным аспектом изучения становится проблема гендерной идентичности при вовлечении молодых женщин в политику. Гендерные историки, в значительной степени опираясь на антропологические исследования, связывают доминирующее

⁹⁸ «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память». // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ.ст. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с. – С. 28.

⁹⁹ В.В. Нуркова, вслед за Дж.Б. Валласом, напоминает, что максимально значимые автобиографические воспоминания подчиняются законам социальных стереотипов, господствовавшим в момент запечатления события // Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с. – С. 181.

положение мужчин и неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную сферы и вытеснением женщин из последней.

К XIX в. создается культ семьи и домашнего очага, который воспринимается частью женщин как ограничение индивидуальной свободы и оценивается в гендерной литературе как «второе закрепощение» женщин. В середине XIX в. появляется термин «эмансипация женщин», первоначально обозначающий движение женщин за освобождение от зависимости и/или угнетения, отмену ограничений по признаку пола, стремление к правовому равенству полов. Цели такого рода движения были направлены на изменение существовавших социальных позиций: добиться равенства прав в оплате труда, в получении образования и т.п. В современном понимании эмансипация женщин есть процесс социальной мобильности женщин, связанный с социальной дифференциацией женщин как отдельной социальной группы (со своими интересами, отличными от интересов семьи, рода, детей и т.д.) и выходом женщин из приватной сферы в публичную. Эмансипация женщин происходит на различных уровнях: на правовом – через обретение равных прав и возможностей с мужчинами; на социальном – через дифференциацию женщин как отдельной социальной группы от других социальных групп и обретения опыта отстаивания собственных прав; на индивидуальном – через осознание ценности женской личности, рефлексии¹⁰⁰ собственного социального и телесного опыта, обретение навыка и опыта поведения в публичном пространстве¹⁰¹.

Эмансипация женщин была связана с обретением ими опыта пребывания в публичной сфере, опыта презентации (представления) себя как индивидуальности, опыта представления своих интересов в социуме и наиболее ярко выразилась в движении суфражизма (от англ. *suffrage* – избирательное право) – движении за предоставление женщинам избирательных прав, которое распространилось во второй половине XIX в. – начале XX в. в Великобритании, США и других странах. К 1917 г. только в 6 странах (Новой Зеландии, Австралии, Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии) женщины имели избирательные права.

¹⁰⁰ Рефлексия здесь понимается как форма теоретической деятельности человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов.

¹⁰¹ Рабжаева, М. В. Эмансипация женщин // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисова – М., 2002. – С. 246.

На рубеже XIX–XX веков возникает дискурс феминизма. Под дискурсом (от англ. – discourse) в современной науке понимают совокупность вербальных манифестаций, устных или письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи. В узком смысле дискурс – это научный или профессиональный язык, а также выражаемые идеи и социальные результаты, которые, согласно М. Фуко, должны считаться главным явлением социальной власти, а не просто способом описания мира¹⁰². В.Е. Хвощев понимает под дискурсом письменную или устную форму проявления социальной активности, как ее специфическую реализацию в виде автономной самостоятельности или взаимодействия субъектов в качестве формы выражения человеческого восприятия действительности¹⁰³.

Феминизм – это теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение и разного рода действия в защиту прав женщин, основанные на представлениях о правовом равенстве полов. В феминизме признается наличие несправедливого в общественной оценке женщин, анализируются основания и уровни подавления женщин, обсуждаются пути достижения освобождения женщин.

Политическая сфера в феминизме трактовалась предельно широко – как «общественные дела вообще». Такое переопределение политики в ненасильственном ключе выражалось в лозунге «Личное – это политическое», в котором соединялся историко-критический анализ личности с идеологией, выступая как «призыв к действию», к изменению культуры и духовного общения во всех сферах общества¹⁰⁴. До середины 80-х гг. XX в. феминизм базировался на социальном опыте белой женщины из среднего класса Западной Европы и Северной Америки. Со временем феминистской критике подвергаются постулаты традиционной философии¹⁰⁵.

¹⁰² Словарь гендерных терминов. – М., 2002. – С. 88.

¹⁰³ Хвощев, В.Е. Фундаментальные основы дискурса // Дискурсология: Методология, теория, практика: Вторая Международная науч.-практ. конф., посвященная памяти Жана Бодрийара. Доклады 4 декабря 2007 г. / Под ред. В.Е. Хвощева. – Т. III. – Екатеринбург; Челябинск, 2008. – С. 8–9.

¹⁰⁴ Термин «феминизм» (от лат. femina – женщина) впервые был использован в 1895 г. Эллис Росси. – Клименкова Т.А. Феминизм // Словарь гендерных терминов. – М., 2002. – С. 220–221.

¹⁰⁵ Шервин, С. Другая реальность: феминистская онтология // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / Сост. Э. Гарри, М. Персел. – М., 2005. – С. 5–90; Келлер, Э.Ф. Феминизм и наука // Там же. – С. 200–214; Батлер, Д. Присвоение телом гендера: философский взгляд Симоны де Бовуар // Там же. – С. 292–303 и др.

Проблемы гендерной идентичности привлекают пристальное внимание российских исследователей. Гендерной дифференциации в политической сфере также посвящен ряд чрезвычайно интересных работ¹⁰⁶. Широко изучается политический аспект гендерной дифференциации в западноевропейской истории в новое время, поскольку он чрезвычайно рельефно выделяется именно в эту эпоху¹⁰⁷.

Российское общество впервые остро столкнулось с необходимостью определить свое отношение к проблеме противоречий гендерной идентичности в связи с трагичной историей жизни первой в России женщины-офицера, талантливой писательницы, чье произведение впервые было выпущено без имени автора на титульном листе, Надежды Андреевны Дуровой (1783–1866 гг.)¹⁰⁸. Единственная женщина, награжденная высшим знаком военного отличия – Георгиевским крестом, знаменитая ныне «кавалерист-девица» Надежда Дурова (родом, кстати, с Урала – ее отец, вятский дворянин, владел деревенькой Вербовка в Сарапульском уезде и после отставки получил место городничего в Сарапуле) в 1806 г., выдав себя за мужчину, вступила под именем Александра Васильевича Дурова в кавалерийский полк (затем служила под фамилиями Соколов, Александров). Н.А. Дурова участвовала в войнах с Францией в 1807 г. и в 1812–1814 гг., была ординарцем М.И. Кутузова. Отрывки ее мемуарных записок о событиях 1812–1813 гг. были напечатаны в 1836 г. А.С. Пушкиным в журнале «Современник», а вскоре были выпущены отдельным изданием. Они вызвали интерес и много обсуждались. Свои мнения об этом литературном труде и его авторе высказывали П.А. Плетнев, Н.В. Сушков, И.М. Снегирев, А. Марлинский, В.Г. Белинский, М.П. Погодин¹⁰⁹. Поднимался вопрос и об общественном предназначении светской женщины¹¹⁰.

Появление феминизма усилило внимание к личности женщины в дореволюционной отечественной историографии. Значительное место проблемы женского движения и становления личности женщины за-

¹⁰⁶ Леденева, Т.В. Проблемы самоопределения женщины в феминизме и постмодернизме // *Семья, гендер, культура* / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1997. – С. 337–343.

¹⁰⁷ Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. – М., 2002.

¹⁰⁸ См.: Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы. Переиздание / Вступ. ст., подготовка текста и примечания Б.В. Смирнова. – Казань, 1979.

¹⁰⁹ См. подробнее: Смиренский, Б.В. Надежда Дурова // Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы. Переиздание. – Казань, 1979. – С. IV, XVI–XXI.

¹¹⁰ Пятловский, А. О правах и значении женщин в семье и обществе // *Дамский вестник*. – 1860. – № 1. – С. 59–60.

нимали в работах Е. Н. Щепкиной, обратившейся к исследованию женского вопроса еще в 1897 г.¹¹¹ В декабре 1908 г. С. Исполатова поднимала проблемы самосознания женщин на I Всероссийском женском съезде, проведенном «Русским женским взаимноблаготворительным обществом»¹¹².

Взгляды на женщин как на существа подчиненные, ущербные имели ряд философов даже в первой половине XX в. Так, швейцарский психолог и философ, основатель «аналитической психологии» Карл Густав Юнг (1875–1961 гг.) утверждал, что женщина стоит там, где падает тень мужчины, поэтому их очень легко перепутать. Его удивляло и озадачивало то, что женщины думают, а не чувствуют, работают, а не сидят дома с детьми, носят брюки, а не юбки. Описывая женщину, захваченную анимусом, как слишком уверенную, склонную к спорам, приверженную к фактам, К. Юнг называет ее «плохим созданием мужчины»¹¹³. Было распространено мнение, что женщина может работать, только обладая в большей степени мужскими чертами, и что даже это не должно слишком сильно мешать выполнению ею роли жены и матери, которая соответствует ее женскими биологическим потребностям¹¹⁴. В своем исследовании, опубликованном в 1903 г. и неоднократно впоследствии переиздававшемся, Отто Вейнинггер (Weininger, 1880–1883 гг.) отрицал способность женщины к пониманию сути вещей, поскольку это, по его мнению, предполагало природное разнообразие интересов, совершенно чуждое женщине вследствие исключительной устремленности ее души к половой сфере. С отсутствием ярко выраженной памяти прошлого у женщины, по мнению О. Вейнингера, связана слабость стремления быть последовательной и правдивой; женщина не стремится к соблюдению логических норм и этических принципов, прежде всего – верности собственным убеждениям. Равным образом женщине чуждо самосознание, живое

¹¹¹ Щепкина, Е.Н. Женское движение. – СПб., 1906; Она же. Женское движение 1905 г. в отзывах современных деятелей. – СПб., 1906. – 1906; Она же. Из истории женской личности в России: Лекции и статьи. – СПб., 1914; Она же. К истории развития личности женщины. – СПб., 1914.

¹¹² Исполатова, С. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя // Труды I всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге. – СПб., 1909.

¹¹³ Цит. по: Самуэлс, Е. Юнг и постюнгиенианцы. Курс юнгенианского психоанализа. – М., 1997.

¹¹⁴ См.: Harding S. The science question in feminism / Ithaca, N-Y., Cornell University Press. 1986.

чувство реальности и субстанциональности собственного «я». Ей чужда творческая индивидуальность: она по природе своей безымянна. Как глубочайшее заблуждение О. Вейнингер отвергал все феминистическое движение и видел спасение для женщины лишь в полной аскезе, в отречении от сексуальной сущности¹¹⁵.

В советское время «женская тема» перешла в плоскость обсуждения марксистского решения «женского вопроса». В советский период феминистское движение оценивалось историками как буржуазное¹¹⁶. Позднее в отечественной историографии проблемы женской (и мужской) идентичности интересовали в первую очередь психологов. Неоднократно обращался к ним И.С. Коң¹¹⁷. Гендерный контекст проблемы вовлечения молодых женщин в политику получил косвенное отражение в работах российских, в том числе уральских ученых, освещающих различные страницы женской истории Урала¹¹⁸, истории мусульманского женского движения¹¹⁹. Особенно богат ценными наблюдениями исторический пласт персоналий¹²⁰. Появление в западной историографии и распространение в России в 1990-х гг. гендерного подхода привели к

¹¹⁵ См.: Вейнингер, О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротки. – М., 1991. Первая часть книги, в которой разбираются вопросы бисексуальности, представляла собой талантливо написанную и признанную в мире медицины диссертацию О. Вейнингера. Взгляды О. Вейнингера вызвали живой интерес в России, статья о нем имеет объем два с половиной столбца, тогда как другим авторам посвящены обычно половина, очень редко – один столбец. – См.: Лапшин, И. Вейнингер Отто // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон: Биографии. – М., 1993. – Т. 3: Вакидий – Герардеска. – С. 180–181.

¹¹⁶ См.: Чирков, П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). – М., 1978.

¹¹⁷ Коң, И.С. Личность и социальные роли // Социология и идеология. – М., 1969; Он же. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке: Материалы к симпозиуму. – М., 1975; Он же. Мужское тело как эротический объект // Гендерные исследования. – 1999. – № 3. – С. 297–317.

¹¹⁸ Юдина, Л.С. Трудовая этика на заводах Урала в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Человек и война. Война как явление культуры: Сб. ст. / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. – М., 2001. – С. 216–226; Волков, Е.В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. – Иркутск, 2005. – С. 37; Постников, С.П., Фельдман, М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). – Екатеринбург, 2006. – С. 312.

¹¹⁹ Судейманова, Р.Н. Женский вопрос в России в 1917 г.: региональный опыт. – Уфа, 2008.

¹²⁰ См.: Женщины русской революции / Сост. Л.П. Жак, А.М. Иткина. – М., 1968; Искра, И.А. Новые разыскания о революционерах Южного Урала // Первые уральские «Бирюковские чтения»: Доклады и сообщения / Под ред. А.А. Шмакова. – Челябинск, 1974. – С. 27–32.

формированию в российском историографическом пространстве гендерной истории как самостоятельного направления исторических исследований. Большое место занимает проблема гендерной идентичности в творчестве ведущего гендерного исследователя в России – Н.Л. Пушкаревой¹²¹, чье историографическое исследование выступает важным ориентиром в гендерном историографическом поле¹²². Существенный вклад внесла М.М. Малышева, которая исследует влияние сложной исторической обстановки на представление советских и российских женщин о самих себе¹²³.

Анализ историографии показывает, что проблемы гендерной идентичности, вызванные вовлечением молодых женщин в политику в 1920-е гг., пока не получили должного освещения. При этом даже на рубеже XX – XXI вв. в нашей стране порой встречаются сторонники Отто Вейнингера, покончившего, кстати, жизнь самоубийством. К примеру, некто С.Г. Ольков, ориентированный на создание точной общественно-гуманитарной науки и разрабатывающий в формульном варианте дефиниции счастья, добра, зла и справедливости, высказываясь по существу вопроса об участии женщин в политической жизни, утверждает: «Миром должны править высшие интеллектуалы, иначе – смерть. И в этом плане женщинам следует проявлять разумную инициативу, а не только руководствоваться общим с мужчинами инстинктом самолюбия и самоутверждения. Надо четко отдавать себе отчет в своих возможностях: «Каждая шапка должна быть на своем Сеньке»¹²⁴. Все это определяет актуальность нашего исследования.

¹²¹ Пушкарева, Н.Л. Русская женщина в семье и обществе: X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 5. – С. 3–15; Она же. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. – 1997. – М., 1998. – С. 69–95; Пушкарева, Н.Л. Феминология и «история женщин» в контексте проблем гуманитарного знания // Женщины России на рубеже XX–XXI вв. – Иваново, 1998. – С. 8–13.

¹²² Пушкарева, Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной науки, 1980–2000. – М., 2002.

¹²³ Малышева, М.М. Идентификация женщины в послевоенной и посткоммунистической России // Судьбы людей: Россия XX в. – М., 1996. – С. 276; Малышева, М.М. Взаимосвязь социально-экономических процессов и гендерных отношений: Автореф. дис. ... докт. эконом. наук. – М., 2000.

¹²⁴ Ольков, С.Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция: принципиальное решение проблемы преступности и квалификационная характеристика человека и профессионала в зеркале общественной патологии. Изд. 2-е, доп. – Новосибирск, 1999. – С. 196.

Предлагаемая статья ставит вопросы о характере изменения содержания гендерной идентичности в ходе политической деятельности женщин. Под гендерной идентичностью мы понимаем показатель, определяющий самооценку человека и включающий отождествление себя с определенным полом, отношение к себе как к представителю определенного пола, освоение соответствующих своему полу форм поведения и формирование личностных характеристик¹²⁵. В связи с гендерной идентичностью у человека возникает и целостное представление о себе. С раннего возраста человек отождествляет себя с определенным полом. У него возникает субъективное «чувство пола» и развиваются определенные – маскулинные или феминные – качества личности. Одним из факторов, влияющих на формирование таких характеристик, является гендерная идеология, то есть бытующие в обществе представления о качествах, желательных для мужчины или женщины. Хотя термин «гендерная идентичность» появился только в 1970-х гг., формирование представлений о ней относится к началу XX в. и происходило в рамках таких понятий, как половая и поло-ролевая идентификация, отождествление себя с определенным полом и т.п. начало преобразовательной деятельности большевиков относится к тому периоду, когда до 1920-х гг. в ранних исследованиях, посвященных психологии женщины (Г. Гейманс, П.Е. Астафьев и другие), отражалось наивное житейское представление о том, что женщина должна соответствовать некоему идеалу (сформированному в высшем обществе): быть эмоциональной, загадочной, томной, слабой, заботливой, хорошей матерью и т.п. – то есть женственной (и в поведении, и в одежде, и в причёске, и в занятиях). Те, кто отклонялся от этого идеала подвергались осуждению вплоть до ostracism. Второй этап в развитии представлений о гендерной идентичности связан с деятельностью Зигмунда Фрейда и, позднее, его последователей и охватывает период с 1920-х по 1970-е гг. в своей работе «Женственность» З. Фрейд изобразил женщин завидующими мужской анатомии (так называемый комплекс кастрации) и заключил, что «феминными» чертами являются пассивность, зависимость и склонность к подчинению. Мужчин же он считал активными и стремящимися к власти. Любое отклонение от этих эталонов считалось (я в обыденном сознании) проявлением нездоровой гендерной идентичности. В частности, как нездоровое им рассматривалось и стремление женщин к власти – характеристика, на-

¹²⁵ Бендас, Т.В. Гендерная психология. – СПб., 2008. – С. 200.

званная З. Фрейдом фаллической, так как, по его, мнению, должна быть присуща мужчинам¹²⁶.

В российском обществе, где еще после петровских реформ наблюдались две базовых субкультуры, не сформировалось (да оно и объективно нереально) общего представления о содержании социальной роли женщины. В поведении, в одежде, в прическе и в занятиях общество требовало от нее быть женственной. Светское общество от женщины своего круга ожидало эмоциональности, загадочности, томности, слабости; крестьянский мир – работоспособности, недалекости и одновременно практичности и умелости, и представители всех субкультур ожидали от нее покорности, подчинения наравне с заботливостью, стремлением к материнству и проявления материнских черт.

По воспоминаниям Н.А. Дуровой «Может быть, я забыла бы, наконец все свои гусарские замашки и сделалась обыкновенною девицею, как и все, если б мать моя не представляла в самом безотрадном виде участь женщины. Она говорила при мне в самых обидных выражениях о судьбе этого пола: женщина, по ее мнению, должна родиться, жить и умереть в рабстве, что вечная неволя, тягостная зависимость и всякого рода угнетение есть ее доля от колыбели до могилы; что она исполнена слабостей, лишена всех совершенств и не способна ни к чему; что, одним словом, женщина самое несчастное, самое ничтожное и самое презренное творение в свете!»¹²⁷.

«Предмет забавы или вьючный скот – вот что почти всегда представляет женщина в настоящее время. Содержанка мужчины, когда она не трудится, она должна жить на его счет и тогда, когда она работает до полусмерти. Даже взятый в равном количестве и одинакового качества труд женщины, вознаграждается хуже, чем труд мужчины. Поэтому независимо от того, находится ли она в зависимости от хозяина-капиталиста или нет, женщина всегда зависит от мужчин и принуждена поэтому искать в своих половых отличиях дополнение к скудному заработку»¹²⁸.

Активные, деятельные натуры хотели деятельности. Б.В. Смиренским была найдена в архиве М.П. Погодина в рукописном отделе Российской государственной библиотеки неизвестная статья Н.А. Дуровой о русской женщине, относящаяся к 1858 г. «В наше время, – гово-

¹²⁶ См.: Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности. – М., 1990.

¹²⁷ Дурова, Н.А. Указ. соч. – С. 10.

¹²⁸ Девиль, Г. Научный социализм / Пер. с франц. Н. Мещерякова. 2 изд. – М., 1922. – С. 37–38.

рится в ней, – женщина скучающая, не умеющая найти себе занятие, утомленная бездействием, такая женщина более неуместна, чем когда-либо! Теперь, более, чем когда-либо, нужны русскому обществу женщины деятельные, трудящиеся, разумно сочувствующие великим событиям, которые происходят около них, и способные вложить свою лепту для того здания общественного блага и устройства, которое воздвигается общими усилиями. Теперь русскому обществу нужнее, чем когда-либо не женщины-космополитки, а русские женщины во всем прекрасном значении этого слова!»¹²⁹. Активное участие женщин в движении революционного народничества (в том числе в народолюбчестве) и в других революционных движениях второй половины XIX в. показали потенциальные возможности и настроения определенной части российского женского социума, в достаточной мере еще не изученные в отечественной исторической и политологической науке.

Кстати в период формирования марксистского дискурса часть марксистов первоначально выступали против предоставления женщинам избирательных прав, аргументируя, правда, это обстоятельство отрицанием эффективности реформизма.

Интересны в этом отношении рассуждения Г. Девилья. Габриэль Девилья наряду с Жюлем Гедом (Базилем) и Полем Лафаргом принадлежит к числу основателей французского марксизма. Им было выполнено в целях популяризаторства изложение первого тома «Капитала» Карла Маркса и написана в 1883 г. брошюра «Научный социализм», которая трижды была переведена на русский язык, в том числе в 1922 г. В Челябинской областной универсальной библиотеке сохранился ее экземпляр. Брошюра так и не была прочитана до конца читателями, которым она предназначалась в 1922 г. К 2007 г. (более, чем за 100 лет) в ней страницы 59–61 были разрезаны только на 2/3, страницы 70–71 (о крестьянстве) и страницы 52–53 (о свободной любви) остались не разрезанными совсем.

В своей работе Габриэль Девилья, рассматривая проблему уничтожения классов и средств для этого, писал, что деление общества на классы и борьба с ними исчезнут только с уничтожением искусственного неравенства, для уничтожения которого необходимо, по его мнению, во-первых, равенство по отношению к средствам производства и, во-вторых, доставление каждому возможности развития его умственных и физических способностей. Равенство во втором смысле было

¹²⁹ Цит. по: Смиренский, Б.В. Указ. соч. – С. XXIII.

следствием допущения всех, не только к интегральному (всестороннему) образованию, а к общему и профессиональному, научному и техническому образованию. Только таким путем произойдет освобождение как мужчин, так и женщин¹³⁰.

Далее Г. Девиль отмечает: «Долгое время она благодаря своей природе самой была поставлена в положение, худшее, чем мужчина, но в настоящее время существуют условия, которое открывают ей обширное и разнообразное поле деятельности. Развитие машинного производства расширило узкие границы, в которые была заключена женщина. Оно освободило ее от лежавших прежде на ней хозяйственных забот, и, с другой стороны, сделало ее труд более легким, позволив ей принять участие в производстве. Оторванная от домашнего очага и выброшенная на фабрику, сделавшись равной мужчине в сфере производства, она, как работница, может теперь освободиться и стать в обществе равной мужчине во всех отношениях, стать своей собственной госпожой, так как подчинение мужчине в сфере юридической является отражением ее подчиненного положения в сфере экономической, то она может достигнуть гражданского равенства только настолько, насколько к этому ведет освобождение всех трудящихся, которое и для мужчин и для женщин приведет к уничтожению всякого подчинения одного человека другим»¹³¹. Образцом мужской ограниченности выступает его утверждение, касающееся вовлечения женщин в политику: «Мы не будем в настоящее время вести борьбу за расширение политических прав женщин, и что поэтому идея женщин-депутаток не считает нас в числе своих сторонников, хотя в организациях рабочей партии женщины пользуются такими же правами, как мужчины. Зная, что избирательное право не может привести нас к освобождению человечества, мы не можем допустить ошибки, тратя время на преследование цели, которая, если даже допустить, что невозможное будет достигнуто, была бы неспособна улучшить положение женщин. Это было бы для нее и для тех, чьи усилия в этом направлении были бы бесполезно потрачены, только еще большим лишним разочарованием и добавлением к тем, которые причинила всеобщая подача голосов. Только на этот раз ответственность падет всецело на тех, кто поддался слишком необдуманному сентиментализму [...], освобождение женщины будет результатом преобразований в области экономической, и только работая для последней, мы можем кое-что сделать для первой. Действовать иначе –

¹³⁰ Девиль, Г. Указ. соч. – С. 36.

¹³¹ Девиль, Г. Указ. соч. – С. 38.

это значит сознательно или бессознательно сделаться виновником отклонений, вредных для тех интересов, которые хочешь защищать»¹³².

Самостоятельное рабоче-крестьянское крыло женского движения в России возникло лишь в 1917 г. До этого времени большевики выступали против создания самостоятельных женских организаций, считая, что это расплывает силы пролетариата, и выступали за участие женщин-работниц и крестьянок в общих рабочих организациях. Проблема pro et contra («за и против») вовлеченности женщин в политику в России стала решаться однозначно pro в тот период, когда РСДРП (б), ставшей правящей партией, потребовалось расширить свою социальную базу и решать сложные задачи восстановления экономики страны и социалистического преобразования российского общества.

В августе 1917 г. при Московском областном бюро РСДРП (б) была создана общегородская комиссия по ведению агитации и пропаганды среди работниц. В ноябре 1918 в Москве по инициативе Инессы Федоровны Арманд, Александры Михайловны Коллонтай и Конкордии Николаевны Самойловой был созван 1-й Всероссийский съезд работниц и крестьянок – это был третий «Первый женский съезд» в России после 1-го Всероссийского женского съезда в декабре 1908 г., 1-го Всероссийского съезда женщин в мае 1905 г. и 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин, созванного в декабре 1912 г. 1-й Всероссийский съезд работниц и крестьянок, на котором выступил и В. И. Ленин, определил место женщин в борьбе за социализм и заложил организационные основы женского движения в советских условиях: все небольшевистские женские движения считались недопустимыми, в составе центральных и местных партийных органов были созданы женотделы – отделы по работе среди женщин.

Социологизаторская основа марксистского учения, на наш взгляд, выступила определяющим фактором к тому, что при разработке своей концепции решения женского вопроса большевики оперировали гендерно нейтральными терминами. Сознательно конструировалась гендерная роль «женщины-борца» или просто «сознательного борца». Так на I Всероссийском съезде работниц подчеркивалось, что «работница должна стать в первую голову сознательным борцом, сознательным членом коммунистической партии...»¹³³. Бытовавшие названия жен-

¹³² Девиль, Г. Указ. соч. – С. 59.

¹³³ I Всероссийский съезд работниц 16–21 ноября 1918 года и его резолюции. – Харьков, 1920. – С. 9.

шин – «товарищ», «индивидуум» («индивидуум»), «трудовая единица», «женорганизатор», «волорганизатор», «комсорг». Из циркуляра заведующей женотделом Троицкого уездного комитета РКП (б) от 16 июля 1923 г. всем райкомам: «...Немедленно прислать товарища из делегатов», имеющего хотя бы маленький опыт в работе среди женщин для посылки в Челябинск на курсы волорганизаторов по работе среди женщин¹³⁴. Термин «партженщина», встречающийся порой в документах в первой половине 1920-х гг.¹³⁵, не прижился.

Практическая политическая работа, или как иногда выражались «оперативная горячка», требовала в первую очередь выносливости, физической силы, стойкости, в современном представлении – стрессоустойчивости. Характерно указание, содержащееся в инструкции по привлечению кадров, которые могли бы проводить работу среди женщин в Оренбуржье в 1924–1925 гг.: «Нежных инструкторов нам не нужно. Надо поставить вопрос перед парторганизацией иметь инструктора женотдела, который будет постоянно в разъезде и не потребует продолжительного времени для отдыха, который сможет выезжать постоянно и обрабатывать отсталых заброшенных крестьянок»¹³⁶. В циркуляре по вопросам работы среди женщин, направленном в 1923 г. во все волостные комитеты Троицкого уезда заведующей женотделом Горшечниковой, ясно говорилось: «Есть ли делегатки, выдвинувшиеся своей работоспособностью?»¹³⁷.

Практика показывала, что вопреки прочно утвердившимся в обществе представлениям, пассивность не является имманентной (внутренне присущей) личностной характеристикой, свойственной каждой женщине (всем женщинам). Как отмечалось в «Тезисах к перевыборам делегатских собраний» от 1923 г., разосланным из Троицкого уездного женотдела всем райкомам партии, самой удачной формой работы уженотделов стало делегатское собрание», делегатское собрание называлось «прекрасной школой активности»¹³⁸. Делегатские собрания, попутно выполняя образовательную и политическо-просветительную функции, функцию пробуждения гражданской инициативы, представ-

¹³⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее: ОГАЧО). Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

¹³⁵ ОГАЧО. Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.

¹³⁶ Цит. по: Сытник, И.Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук – Оренбург, 2006. – С. 45 // <http://diss.rsl.ru/diss.aspx?orig=/07/0089/070089016.pdf>.

¹³⁷ ОГАЧО. Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.

¹³⁸ ОГАЧО. Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

ляли собой своеобразное «сито», предназначенное находить тех женщин, которые могли быть пригодными к политической работе. Кому из женщин нравилось заниматься общественно-политической деятельностью, у кого получалось, те оставались и в дальнейшем становились выдвиженками.

Как сочеталось основная природная функция женщины – материнство – и занятия политической деятельностью? Молодежью считается социально-демографическая группа в возрастных границах от 14–16 до 25–30 лет, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества¹³⁹. Следует отметить, что с позиций репродуктивных проблем молодежь представляет собой группы наиболее перспективных с медицинской точки зрения репродуктивных возрастов (с 24-х лет женщина, впервые решившая рожать, считается уже «старым первородком»). Однако, выдвигая идею равенства, большевики, как и все сторонники социологизаторства, не учитывали то объективное обстоятельство, что материнство кардинально меняет стиль жизни женщины на срок 9-ти месяцев до родов и на время грудного вскармливания, а если сидеть с ребенком некому, то и до 9–10 лет после родов (до тех пор, пока ребенок не становится способным более-менее самостоятельно осуществлять уход за собой). Возможности вовлечения женщины в общественную жизнь в условиях полноценной реализации ее материнской функции индивидуальны и зависят от того, сколько людей находятся рядом и готовы взять на себя частично или полностью функции ухода за детьми. Вопрос, как это влияет на психику ребенка, на формирование его личности, насколько приемлемо это чужое влияние для матери, даже не рассматривался.

Женщины делали разный выбор в вопросе о том, чему отдавать предпочтение: материнству или партийной работе? Одни бросали детей, другие – политику. Так Мария Моисеевна Эссен, после того, как тайно обвенчалась с Александром Эссенем и родила двух сыновей (Владислава и Георгия), на 9 лет отошла от партийной работы¹⁴⁰. Евгения Самойловна Шлихтер, уехав из украинского города Каменец-

¹³⁹ Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1993. – С. 827. Иногда верхнюю возрастную границу молодости относят к 35 годам.

¹⁴⁰ Гусева, З. Сокол (М.М. Эссен) // Женщины русской революции / Сост. Л. П. Жак, А.М. Иткина. – М., 1968. – С. 555.

Подольского за границу и став женой Александра Георгиевича Шлихтера, также родила – троих детей. Осенью 1905 г. она вернулась в Киев, муж был неизвестно где (он руководил демонстрацией, скрывался от киевской полиции, затем уехал на нелегальный железнодорожный съезд в Москву). Дома у нее трое малолетних детей, младшему шел второй год. Она печатала прокламации на гектографе и разбрасывала их с подножек вагонов. *Детей по-одному разобрали знакомые* (курсив мой – М. М.). Осенью 1905 г. Е.С. Шлихтер поехала в Петроград на свидание со своей сестрой, Анной Самойловной, которая также стала активной большевичкой, была к этому времени арестована и сидела в Петропавловской крепости. По возвращении насилу удалось отыскать и собрать сыновей. Муж уехал за границу, семья встретилась в Финляндии. Характерно письмо, написанное Е.Г. Шлихтер в марте 1909 г. младшему сыну, которому шел тогда шестой год: «Ненаглядная моя крошка, мама была так занята эти дни, что совсем забыла написать своему дорогому мальчику поздравление к дню рождения. Зато, когда приеду, я тебя зацелую и затормошу. А ты, мой дорогой шалунишка, не забудь свою маму и желай ей каждый вечер спокойной ночи.....»¹⁴¹. Но ребенку-то надо не только чтобы его целовали и тормозили. За ребенком нужен уход – его надо кормить, мыть, обшивать, укладывать спать, стирать его белье, с ним надо общаться, ухаживать во время болезни и т.п.

«Феминными» чертами считались пассивность, зависимость и склонность к подчинению. Такой путь, казалось, был уготован судьбой Евгении Самойловне Шлихтер. Ее отец не хотел, чтобы дочь получала образование. Сломив сопротивление отца, девочка поступила в городскую школу. Затем хотела с друзьями организовать швейную мастерскую и жить коммуной своим трудом, но план этот скоро был отвергнут. Женя решила поехать в Берн, учиться медицине. Отец умолял ее отказаться от своего намерения. Он хотел, чтобы она заменила сестренке умершую мать и стала хозяйкой дома. Жене уже присмотрели жениха, готовили приданое. Отец даже вызвал из Киева для этого тетку. Однако никакие уговоры не помогли, девушка уехала за границу. Здесь впервые услышала о марксизме, встречалась с Г.В. Плехановым¹⁴². Следует отметить, что в первое советское десятилетие больше времени могли отдавать политической деятельности незамужние и бездетные женщины.

¹⁴¹ Александрова, Н. Сильная духом (Е.С. Шлихтер) // Женщины русской революции / Сост. Л.П. Жак, А.М. Иткина. – М., 1968. – С. 542–544.

¹⁴² Александрова, Н. Указ. соч. – С. 537–538.

Отклонение от «идеала», каково бы содержание его не было, подвергалось нередко осуждению со стороны как родителей и мужей, так и мужчин. На I съезде работниц и крестьянок – членов сельсоветов Верхнекамского округа, состоявшемся в г. Усолье 3–5 октября 1927 г., делегатка Лоскутова (член Верхне-Вильвенского поселкового совета) отмечала, что женщины иногда боятся явиться домой после съезда из-за своих родителей¹⁴³. И.Г. Сытник, анализируя материалы периодической печати на Южном Урале («Коммунар от 26 мая 1921 г., «Советская правда» от 16 января 1921 г., «Советская степь» от 4 января 1924 г.), достаточно часто встречала появляющиеся заметки по этому поводу. «Приехавший в отпуск красноармеец жестоко избил свою жену за то, что она избрана делегаткой, работает среди более отсталых женщин-крестьянок и ходит на собрания». «В селе избрана делегаткой гражданка Коновалова. Дома муж ее, узнав об избрании, ударил ее два раза. Теперь этот дикарь ходит по селу и смеется: "Вы, бабы, теперь стали равноправными, так вас надо поставить на огород – ворон пугать"». «Гражданин Попов избил до полусмерти свою жену за то, что она посещала женские собрания, гражданин Мысляев выгнал свою жену из дома по той же причине»¹⁴⁴.

Подобные случаи продолжались вплоть до конца исследуемого периода. В информационном отчете г. Б. Уральска Троицкого округа Уральской области о проведении перевыборной кампании в сельсоветы в 1929 г. на Урале от 9 февраля 1929 г. говорится: «Гражданин поселка Красинского Троицкого округа Уральской области Томозов в 1929 г. избил свою жену гражданку Томозову, за то, что ее избрали в члены сельсовета. На Томозова было заведено уголовное дело. [...] Этот случай надо отметить как недопонимание прав гражданства»¹⁴⁵. Согласно циркуляру № 17 от 18 января 1929 г. начальникам краевых, областных и губернских административных отделов и заведующим отделами коммунального хозяйства, начальникам отделов автономных областей и завотделами коммунального хозяйства автономных областей «О предоставлении доклада о выполнении директив НКВД по содействию проведению перевыборной кампании и полумесячных сводок о ходе её». В целях проверки выполнения данных НКВД директив инструктивным письмом от 21 декабря 1928 г. за № 396 по вопросу об

¹⁴³ Центр документации научных исследований Свердловской Области (далее: ЦДНИИСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 127. Л.15.

¹⁴⁴ Сытник, И.Г. Указ. соч. – С. 41.

¹⁴⁵ ОГАСО. Ф. Р.-767. Оп. 2. Д. 227. Л. 35.

участии административных органов и органов коммунального хозяйства в деле проведения перевыборной кампании в Советы, НКВД предлагает представлять краткие, но конкретные доклады обо всех мероприятиях, принятых административными и коммунальными органами по оказанию содействия перевыборной кампании и подготовке её с организационно-технической стороны и участия административных органов в составлении списков избирателей, в том числе на предмет «засорения» избиркомов лишенцами и мер, принятых к их исключению. Однако, факт избития женщины, вероятно, как малозначимый, в кратком информационном докладе об итогах участия административных органов в проводимой перевыборной кампании Советов по Троицкому округу от 22 февраля 1929 г. упомянут не был. Отмечается, по-видимому, более серьезное в представлении должностных лиц-мужчин преступление – случай срыва плакатов кулаками, в связи с чем была организована охрана плакатов и лозунгов¹⁴⁶.

Л.Д. Троцкий, выступая на страницах газеты «Правда» 13 июля 1923 г., отмечал, что с женотделами связаны многие семейные кризисы: после работы в женотделе новый мир открывается перед глазами женщины, семья остается без внимания, что раздражает мужа и приводит в итоге к распаду семьи¹⁴⁷. Ю.А. Костенко в своем исследовании приводит ряд интересных примеров по данной теме – это высказанные в 1920-е гг. мнения мужчин и женщин, характеризующие проблемы в семейной сфере, порожденные как новыми ценностными установками, предлагаемыми советской властью женщинам, так и традиционной трактовкой мужчинами женской роли. Так, колхозница Елена Митрофановна Тужикова, 28 лет, единственная в своем колхозе женщина-бригадир, вспоминала: «Когда было 8–9 лет, очень хотела учиться, все плакала и просила мать, чтобы определила в школу. С 11 до 14 лет, все же добилась своего, училась в сельской школе... Потом революция. В скором времени после этого вышла замуж. Муж меня никуда не пускал, бил, когда уходила. А меня все тянет и тянет общественная работа, просто сил нет в избе сидеть, все опротивело... Пошла я наперекор мужу и стала работать членом сельского совета, а как только колхозы объявились, сразу же пошла в колхоз. Правда, в первый год было трудно, плохо у нас дело ладилось... Муж стал совсем как зверь. Не стало мне с ним житья, пришлось через совет действовать и разводиться. Жили мы в разводе не долго, опять сошлись, но уж теперь, конеч-

¹⁴⁶ ОГАЧО. Ф. Р-767. Оп. 2. Д. 227. Л. 21 об.

¹⁴⁷ Правда. 1923. 13 июля.

но, пальцем меня муж не тронет»¹⁴⁸. Домохозяйка Постникова из Баумановского района г. Москвы вспоминала, что когда ее избрали делегаткой и прикрепили к секции отдела народного образования, получилось, что днем она работала в секции, а вечером всегда училась на курсах. Не прошло и года, вспоминала она, как «на этой почве у меня с мужем стали недомолвки, он мне говорил, что я семейной жизни не уделяю вовсе внимания и мне пришлось развестись с мужем с той мыслью, что курсы и делегатское собрание мне что-то дадут, а муж проживши еще год может сказать мне, что ему надоела и уйти от меня». Настроения консервативной части мужчин выявились особенно ярко в ходе обсуждения семейного кодекса 1926 года. «Очень хорошая Советская власть, – писал один из крестьян, – но одно плохо: в женитьбе молодых ребят... Большое распушение дано женщинам... Ввиду нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве в 1925 г, 16 января, я женился. Мне всего только исполнилось тогда 18 лет. Женился я на пожилой девице лет 24. Пожила она месяца два как и полагается, а на третьем месяце начала жить на свою аферу: уходит с вечера после управы по хозяйству и ходит до полночи и бдльше, А если что скажешь, она сейчас и заткнет горло: «Сейчас Советская власть, куда хочю, туда и иду». Поморочился я с ней, а все-таки на четвертом месяце женитьбы пришлось разойтись». Ввиду той же «нехватки рабочих рук в хозяйстве» автор снова был вынужден жениться: «Опять такая же картина, как и с прошлой. Ни убеждения, ни ласки, ни ругань, ничто не помогает, потому что очень большое распушение женщинам. По этому вопросу нужно издать новый закон, хотя бы сколько-нибудь потеснее, чтобы женщина не так здорово понимала Советскую власть. Но не подумайте, что я угнетатель женщин, я первый защитник женских интересов на селе, но все же советую придержать разнуздавшуюся женщину». Другой крестьянин из Чувашской АССР писал: «... Хотя правда, что они [женщины] были неполноправными с мужчинами и не имели голоса, что нужно их уравнивать в правах, но в корне неправильно и мы, крестьяне, не согласны с тем, что якобы женщина была угнетена, и [женщины] остаются домашними рабынями и задавлены самой мелкой черной, тяжелой работой кухни и вообще домашнего хозяйства. Вопрос: если жена не будет готовить на кухне

¹⁴⁸ Костенко, Ю.А. Женское движение в России в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – С. 198–200 // <http://diss.rsl.ru/06/0310/060310019.pdf>

и нянчить ребят, то неужели мужчина должен делать сам все? Значит мужчина должен пахать, кормить на дворе скот, поехать на базар, на работу, вообще работать все по сельскому хозяйству или зимой заниматься каким-нибудь кустарным ремеслом и т.д. – и печь хлеб, варить суп, готовить чай для семьи и ухаживать за ребятами, а женщина или жена должна ничего не делать по кухне, только сидеть, так ли будет это? И правильно ли? Пусть хотя не только крестьянин, хотя бы комиссар в Москве свою жену из кухни посадит в канцелярию, а сам будет на кухне пироги, суп, чай готовить и быть нянькой, правильно ли будет это? Нет, не правильно, это подстрекательство, чтобы женщина не работала на кухне. Не всем сидеть в канцелярии, нужно кому-нибудь работать и на кухне, ведь каждый мужчина не сидит, тоже что-нибудь постоянно работает: то в поле, то на дворе, только не на кухне, и поэтому на кухне работа совсем не тяжелая – пироги печь. Тяжесть труда в семействе несет более мужчина, а не женщина. О равноправии что женщина должна быть равноправной, а о распределении труда – женщина должна быть на кухне, а не в канцелярии»¹⁴⁹. Ю. А. Костенко, говоря о новом понимании женщинами преимуществ общественной деятельности по сравнению с семейными обязанностями, на наш взгляд, широко и неопределенно трактует стремление женщин к участию в общественно-политической деятельности как возможность освободиться от домашней работы¹⁵⁰. Думается, что здесь мотивами женщин выступали смысложизненные ценности – поиск ответов на вопросы «Кто я?», «Зачем я пришла в этот мир?», «Ради чего я живу?», стремление, скорее к самореализации, к самосовершенствованию; ощущение новых перспектив и институционального общественного признания, расширение круга общения оказывались ценнее семейного благополучия, особенно в тех случаях, когда межличностные связи в семье были формальными.

Женщины, находившиеся на руководящей советской работе, с самого начала своей деятельности сталкивались с многочисленными проявлениями мужского превосходства. 9–11 июня 1927 г. в Свердловске состоялось I-е областное совещание женщин-работниц низового аппарата. В своих выступлениях женщины-депутатки указывали

¹⁴⁹ Костенко, Ю.А. Женское движение в России в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – С. 198–200 // <http://diss.rsl.ru/06/0310/060310019.pdf>.

¹⁵⁰ Костенко, Ю. А. Женское движение в России в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – С. 199 // <http://diss.rsl.ru/06/0310/060310019.pdf>.

на более худшие условия работы, в которых они находятся в сравнении с мужчинами-председателями сельских советов, районных исполнительных комитетов, кооперативов и т.д. Отмечалось, что к женщине-администратору и руководителю мужская часть населения относится с недоверием. Мужчины не верят в силу и способность женщин управлять и руководить государственными делами¹⁵¹. В прениях выступила председатель Шумихинского сельсовета Челябинского округа т. Пермякова, подчеркнув, что председатели риков [районных исполнительных комитетов Советов] обращают недостаточное внимание на женщин-членов риков, и даже больше, эти женщины встречают пренебрежительное к себе со стороны председателей сельсоветов отношение. Есть случаи, что председатели риков даже не знают женщин-членов своего исполкома¹⁵². Т. Ляпунина, председатель Екатерининского сельсовета Троицкого округа, указала, что есть сфера, бороться с которой женщинам-председателям просто не хватает сил. Это хулиганство. Если заступишься за женщину, то мужчины нам просто угрожают: «Мы, говорят, с вами почитаемся». «Когда я была назначена председателем сельсовета из-за смещения нашего председателя из-за пьянства, наш рик возражал против моего назначения: «Как же это баба будет председателем, когда мужчина не мог справиться». На днях проводили женщину председателем культурной комиссии, профсоюз возражает: «Как же это можно выбирать женщину, когда мужчина не смог справиться с работой»¹⁵³. Часто в выступлениях отмечалось, что «... мужчины не совсем хорошо относятся к женщинам: выдвинут женщину на новую работу, а потом подкапываются под нее, придираются к каждой мелочи в ее работе, до тех пор, пока она не уйдет с этой работы» (выступление т. Ходыревой, члена Дедюхинского поселкового совета)¹⁵⁴. Зачастую женщину-выдвиженку мужчины-коллеги игнорировали. Так, т. Скоробогатова, член сельского совета Миасского района Челябинского округа, рассказывала на съезде: «Меня в прошлом году [1926 г.] выбрали в сельсовет, а нагрузки никакой не дали»¹⁵⁵.

¹⁵¹ 1-ое областное совещание женщин-работников низового советского аппарата. 9–11 июня 1927 г. – Свердловск, 1927. – С. 8.

¹⁵² ЦДНИИСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 798. Л. 23 об.

¹⁵³ 1-ое областное совещание женщин-работников низового советского аппарата. 9–11 июня 1927 г. – Свердловск, 1927. – С. 30.

¹⁵⁴ ЦДНИИСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 127. Л. 15.

¹⁵⁵ ЦДНИИСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 798. Л. 26.

Аналогичные случаи отмечались и при анализе итогов развития женской работы на Урале к годовщине 10-тилетнего юбилея Советской власти. «Не терпит мужская часть нашего населения, частично даже и партийная, женщину на руководящем посту. Всячески старается вставлять ей палки в колеса. К женщине-работнице предъявляются чрезвычайно повышенные требования. То, что прощается мужчине, никогда не прощается женщине. У нас в жизни очень нередки случаи, когда старик женится на молодой девушке. Его за это не судят, не снимают с руководящей работы, не исключают из партии. А женщина такую роскошь позволить себе не может, ее заклюют, затаскают по контрольным комиссиям. Не добилась женщина-выдвиженка и на ответственной работе равной оплаты за равный труд. Челябинские профсоюзы в деле оплаты труда выдвиженкам отличились от других округов. При перевыборах городских месткомов в Челябинске провели трех женщин председателями. Всем мужчинам – председателям месткомов выплачивают 90 рублей в месяц, а женщинам – 60. Спрашивают их – почему это последовало такое распоряжение. Ответ получили весьма неавторитетный: «Да куда же бабе деньги девать, ей мужа содержать не приходится, а всякий мужчина, председатель, свою жену кормит, – как же его выше не оплачивать». Но женский актив не унывает, продолжает над собой работать и бороться за свои права¹⁵⁶.

Таким образом, выдвигая среди всех человеческих качеств на второе место после преданности ортодоксальному марксизму, «делу революции» организационные способности, большевики порождали ситуацию противоречия: с одной стороны они конструировали тенденцию к гендерной нейтральности – женщина-равноправный товарищ, борец, равноправный субъект, получающий за равный труд равную плату, с другой, осуществляя охрану материнства и младенчества, признавали ценность материнства. Необходимость трудиться наравне с мужчинами, необходимость выполнять общественно-полезные функции с мужчинами была ценой независимости женщины в новых условиях. Только в этом случае женщина могла относительно свободно сама распоряжаться собой.

В 1920-е гг. молодые женщины, вовлеченные в политику, демонстрировали маскулинное поведение, несмотря на то, что при этом они зачастую осуждались за потерю феминности, преимуществ, с позиции

¹⁵⁶ Баранова, А., Сибирячка, З. Женщины Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале). – Свердловск, 1928. – С. 116.

каждой конкретной женщины-субъекта политической деятельности, вероятно, было больше, чем потеря. Проблемы отдаленных демографических последствий, соотношения маскулинности-феминности в структуре новой гендерной роли женщины, чреватости обладания для индивида маскулинными и феминными чертами одновременно провоцированием дисфункциональных внутренних конфликтов¹⁵⁷ – все это было еще впереди, и эти темы, как и степень распространенности теории «стакана воды» и ее влияния на моральные императивы в первое десятилетие переходного периода и т. п. составляют актуальную проблематику будущих исследований.

Социальный эксперимент большевиков стал подтверждением того, что гендерные различия, лежащие в основе социального порядка, в отличие от природных качеств пола варьируются от одного культурного пространства к другому. В условиях тысячелетнего усиления маскулинности политической сферы большевики стали осуществлять воистину революционные преобразования: во все времена в европеизированном мире (а именно на эту модель развития ориентировались последователи марксизма-ленинизма) женщина отстранялась от публичной сферы, от политической власти, а большевики стали «вовлекать женщину в политику», и связано это не в последнюю очередь именно с «women powers» – со сферой женского влияния через социальные связи. Именно в 1920-е гг. сформировались фундаментальные предпосылки таких современных тенденций, как радикальная ломка традиционной половой стратификации, ослабление половых различий в поведении, переход во взаимоотношения между мужчинами и женщинами от иерархического соподчинения к равноправию, изменение культурных стереотипов маскулинности-феминности. Вовлечение женщин в политику стало одним из направлений «раскрепощения женщины». Большевики, применяя в том числе и карательные меры против нетрудящихся женщин, осознав силу женской власти через систему социальных сетей, решили и смогли использовать ее в своих политических интересах.

¹⁵⁷ Бендас, Т.В. Гендерная психология. – СПб., 2008. – С. 203.

Трегубов Н.А.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

В современной политической науке термин «политическая система» является одним из классических и наиболее популярных. Вместе с тем, характер его употребления в научной литературе не всегда является однозначным, а различные трактовки термина «политическая система» нередко по ряду аспектов прямо противоречат друг другу. Это обстоятельство зачастую снижает уровень прозрачности теоретических конструкций, построенных на системном понимании политической жизни, что может порождать проблемы смысловой коммуникации в исследовательской среде. В настоящей статье представлена попытка анализа поля научного дискурса понятия «политическая система» путем инвентаризации наиболее актуальных подходов к его изучению и выявления возможных перспектив дальнейшего теоретического развития политико-системных исследований.

Первые труды по теории политической системы появились в 30–50-е гг. XX в. практически одновременно с соответствующими исследованиями по общей теории систем (работы Л. фон Берталанфи, А. Раппопорта, К. Боулинга, Р. Акоффа, О. Ланге, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина и других ученых)¹⁵⁸. Наиболее актуальными в то время были исследования Т. Парсонса и Д. Истона, которые заложили основу понимания политической жизни с точки зрения системного подхода.

В теории социального действия Т. Парсонса политическая система рассматривается как подсистема общества в целом, выполняющая в системе социальных отношений функцию целедостижения (постановки и реализации коллективных целей)¹⁵⁹. При этом под понятием «коллективные цели» исследователь подразумевает цели любых «коллективов», входящих в общество (например, таких, как деловая кампания, университет, церковь и т.п.). Соответственно, термины «политика», «политическая система» трактуются Т. Парсонсом довольно

¹⁵⁸ См.: Исследования по общей теории систем. – М.: Издательство «Прогресс», 1969; Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Система // Философская энциклопедия. В 5т. / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – Т. 5. – М.: «Советская энциклопедия», 1970. – С. 18; Блауберг И. Часть и целое // Философская энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – Т. 5. – М.: «Советская энциклопедия», 1970. – С. 474–477; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. – М.: «Наука», 1974 и др.

¹⁵⁹ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланского. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 565–566, 569, 599.

широко¹⁶⁰. Ядром политической системы общества, с точки зрения исследователя, является государство, берущее на себя ответственность за поддержание целостности социального сообщества, а также организующее коллективные действия в «общественных» интересах¹⁶¹. В качестве главного механизма реализации политической системой своей функциональной роли в обществе Т. Парсонс рассматривает власть – способность воздействовать на размещение ресурсов, благоприятствующее достижению коллективных целей, через обращение к институционализированным обязанностям членов коллектива и через применение соответствующих этим обязанностям санкций¹⁶².

Теоретические построения Т. Парсонса развивает и конкретизирует Д. Истон. В своих трудах он рассматривает политическую систему как открытую систему поведения, способную адаптироваться к изменяющимся условиям. Основной единицей анализа политической системы исследователь считает политическое взаимодействие, то есть такое поведение индивидов, посредством которого ценности авторитарным способом привносятся в общество. Совокупность подобных взаимодействий Д. Истон и определяет в качестве политической системы, выделяя в ней «существенные переменные» – предложение определенных ценностей и степень их признания обществом¹⁶³. Источником возмущающих воздействий для политической системы, с точки зрения Д. Истона, являются компоненты ее среды (полного окружения): интрасоциетальный (экономика, культура, социальная структура, межличностные отношения) и эктрасоциетальный (все системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу)¹⁶⁴. Взаимодействие системы с окружением анализируется исследователем через понятия «входы» (суммарный эффект действия условий среды на политическую систему) и «выходы» (все множество следствий поведе-

¹⁶⁰ В одном из своих произведений границы политической системы исследователь определяет следующим образом: «Мы рассматриваем какое-то явление как политическое в той мере, в какой оно связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей». См.: Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 30.

¹⁶¹ Там же. – С. 31.

¹⁶² Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланского. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 600, 603–604.

¹⁶³ Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. – М.: Мысль, 1997. – С. 630–642.

¹⁶⁴ Истон Д. Указ. соч. – С. 634–635.

ния политической системы для ее окружения). При этом под «входами» подразумеваются требования среды к политической системе (обращенные к властям мнения по поводу желательного или нежелательного распределения в обществе таких ценностей, как безопасность, самостоятельность личности, потребительские блага, статус, престиж и т.д.), а также поддержка данной системы со стороны среды (настроения приверженности данной политической системе, толерантность, патриотизм, практические действия на стороне системы)¹⁶⁵. В качестве «выходов» политической системы Д. Истон рассматривает решения и действия властей. По мнению исследователя, сигналы на «входе» политической системы могут способствовать стрессу ее существенных переменных – частичному или полному выходу этих переменных за пределы своих критических значений. Вместе с тем, Д. Истон считает, что политическая система способна справляться со стрессами, корректируя сигналы на «выходе» и преобразуя тем самым конфигурацию «входов» системы – уровень требований и поддержки¹⁶⁶.

В целом, особенностями теоретического осмысления политикосистемных объектов в работах Т. Парсонса и Д. Исто́на было рассмотрение политической системы в качестве «черного ящика», погруженного в среду. При этом исключительное внимание уделялось той роли, которую политическая система выполняет в общественной жизни, а также «внешним» (связанным с процессом взаимодействия «система-среда») условиям ее стабильного функционирования.

Переход от рассмотрения политической системы «в целом» к анализу внутрисистемных политических взаимодействий был совершен благодаря структурно-функциональной и кибернетической теориям политической системы, которые начали разрабатываться с 60-х гг. XX в. в трудах Г. Алмонда, К. Дойча и ряда других исследователей.

Структурно-функциональная концепция политической системы была разработана, прежде всего, представителями научной школы Г. Алмонда. Согласно данной теоретической модели, политическая система представляет собой совокупность институтов, формулирующих и воплощающих в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп¹⁶⁷. С точки зрения исследователей, для реализации по-

¹⁶⁵ Истон Д. Указ. соч. – С. 637–640; Политология: Учебник / Под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М.: Юрайт-Издат, 2005. – С. 225–226.

¹⁶⁶ Истон Д. Указ. соч. – С. 635–637, 640–642.

¹⁶⁷ Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 37–38.

литической системой своего предназначения в обществе в ней должны выполняться несколько специфических функций – функции политического процесса (артикуляция и агрегирование интересов на «входе», определение политического курса и осуществление политического курса на «выходе» системы), а также собственно системные функции, обеспечивающие сохранение или изменение политической системы как единого целого (политическая социализация, политическое рекрутирование и политическая коммуникация). За выполнение каждой из перечисленных функций (в особенности, функций политического процесса), по мысли авторов, отвечает определенный вид политических структур (политических институтов). Так, артикуляция интересов населения страны преимущественно осуществляется группами интересов (группами давления), агрегация интересов – политическими партиями, определение политического курса – правительством, его осуществление – законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти¹⁶⁸. Приверженцы структурно-функционального подхода к анализу политических систем исходят из того, что политическая система и ее институты оказывают заметное влияние на поведение политических субъектов, существенно ограничивая диапазон политических курсов, которым могут следовать в рамках системы политические лидеры и активисты¹⁶⁹.

Традиции системного рассмотрения политической реальности в зарубежной науке продолжили представители кибернетического подхода к анализу политических систем. Следует отметить, что элементы кибернетического понимания системной политической организации присутствовали уже в трудах основателей теории политической системы – Т. Парсонса (включение политической системы в кибернетическую и энергетическую иерархии подсистем общества, изучение взаимодействия между этими подсистемами по схеме «затраты»-«выпуск»)¹⁷⁰ и Д. Истона (рассмотрение политической системы в качестве «черного ящика», погруженного в среду и обменивающегося с ней определенными сигналами)¹⁷¹. Однако как самостоятельное на-

¹⁶⁸ Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 82–83, 129–140, 187–222.

¹⁶⁹ Алмонд Г. и др. Указ. соч. – С. 78–80.

¹⁷⁰ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланского. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 792–794, 826–829; Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. В 3-х частях. Ч. 1. – М., 1992. – С. 121.

¹⁷¹ Истон Д. Указ. соч. – С. 630–640; Шварценберг Р.-Ж. Указ. соч. Ч. 1. – С. 126–134.

правление кибернетический подход к изучению политико-системных отношений оформился в работах К. Дойча, М. Хеттиха и ряда их последователей. С точки зрения этих ученых, политическая система представляет собой процесс движения информации и принятия на ее основе политических решений. При этом принятие и осуществление политических решений отождествляется приверженцами кибернетического подхода с управлением и рассматривается как процесс координации индивидуальных и групповых усилий для достижения определенных целей¹⁷². Информационно-кибернетическая модель политической системы включает ряд блоков, связанных с различными фазами прохождения информационно-коммуникативных потоков: внешние и внутренние рецепторы (СМИ, центры изучения общественного мнения и пр.), через которые осуществляется получение и отбор информации на «входе» системы; блок обработки данных; центр принятия решений (правительство), куда информация поступает как непосредственно из блока обработки данных, так и после дополнительных преобразований в блоке «памяти и ценностей»; эффекторы системы (исполнительные органы), реализующие те или иные решения, выработанные в рамках политической системы. Данная модель традиционно дополняется контуром обратной связи, через который, по мысли исследователей, информация о результатах деятельности эффекторов вновь попадает на «вход» системы¹⁷³.

В целом, в рамках структурно-функциональной и кибернетической теорий были предприняты вполне успешные попытки «заглянуть внутрь» политической системы, раскрыть «механику» ее функционирования. В этой связи были созданы необходимые теоретические условия для начала сравнительных исследований политических систем, несходных по своим структурам и набору выполняемых функций¹⁷⁴. Вместе с тем, сторонники структурно-функционального и кибернетического подходов продолжали уделять преимущественное внимание

¹⁷² Борисов В.К. Теория политической системы. – М.: Общество «Знание» РСФСР, 1991. – С. 16; Савенков Р.В. Политическая система постсоветской России (тенденции, противоречия, пути стабилизации). Дисс.: к.п.н. – Воронеж, 2003. – С. 38.

¹⁷³ Шварценберг Р.-Ж. Указ. соч. Ч. I. – С. 171–172; Савенков Р.В. Указ. соч. – С. 38, 47–48; Политология: Учебник / Под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М.: Юрайт-Издат, 2005. – С. 228–229; Гончаров П.К. Транзитивная политическая система: основы теории и методологии исследования. – М.: Издательство Национального института бизнеса, 2004. – С. 138–139.

¹⁷⁴ Некоторые результаты таких исследований см., напр., Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002.

анализу стабильных состояний политической системы, практически не исследуя природу системной политической нестабильности, процесс трансформации политической системы, а также роль конкретных субъектов в функционировании и изменении политической системы. Кроме того, кибернетический подход при его последовательном применении, довольно существенно ограничивал возможности системного политического анализа, так как сводил все взаимодействия в рамках политической системы к инфо-обмену между ее элементами.

В советской социальной и политической науке долгое время господствующей являлась трактовка политической системы как совокупности политических институтов, взаимодействие которых регулируется с помощью формальных правовых норм (институциональный или теоретико-правовой подход). В рамках данного подхода исследователями изучались юридические полномочия политических структур той или иной страны, на основе чего давалась формально-правовая характеристика конкретной политической системы. Лишь в 80-е гг. XX в. наряду с традиционными институциональными схемами в отечественном обществоведении начали разрабатываться новые теоретические подходы к изучению политической системы, получившие дальнейшее развитие уже в 1990–2000-е гг.¹⁷⁵

В современной политической науке, наряду с классическими моделями Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда и К. Дойча, признаваемыми в качестве исходной теоретической базы практически всех системных политических исследований, наибольшее распространение получили три основных теоретических интерпретации политической системы.

Во-первых, достаточно востребованным продолжает оставаться классический институциональный анализ сути политико-системных отношений. С одной стороны, формально-юридический подход в описании и исследовании политической системы довольно широко применяется в рамках учебно-методической литературы по политологии¹⁷⁶. С другой стороны, «конституционная» трактовка термина «по-

¹⁷⁵ См.: Основы теории политических систем. – М.: Наука, 1985; Очерки теории политической системы современного буржуазного общества / Марченко М.Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985; Ажгибкова Т.Н., Федорова Н.Н. Социальные основы политической системы. – М.: Философское общество СССР, 1991; Герасименко А.П. Полиструктурные и моноструктурные политические системы. Препринт АмурНЦ ДВО РАН, АмГУ. – Благовещенск, 1996. – С. 5–6.

¹⁷⁶ Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: Логос, 1998; Краснов Б.И. Политическая система // Социально-политический журнал. – 1995. – №5. – С. 67–80; Селезнев Л.И. Политические системы современности: сравнительный анализ. – СПб.:

литическая система» доминирует и в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей, специализирующихся на изучении политических процессов в современной России¹⁷⁷. В трудах этих авторов понятие «политическая система общества» в значительной степени противопоставляется понятию «политический режим» и, как правило, отождествляется с «формальными принципами, изложенными в Конституции и последующих законодательных актах»¹⁷⁸, с «совокупностью государственных институтов, обладающих относительной автономией и ответственных перед обществом за выполнение тех или иных функций»¹⁷⁹ и т.д.

Вполне очевидно, что применения той или иной разновидности теоретико-правового подхода к анализу политической системы явно недостаточно для выявления особенностей ее реального функционирования. Известно, что закрепленный в законодательстве той или иной страны характер взаимоотношения политических институтов далеко не всегда совпадает с реальной практикой политического взаимодействия, в связи с чем одни и те же структуры в разных странах могут играть весьма различную роль в политической жизни¹⁸⁰. Тем не менее, институциональный подход в анализе и описании политической системы занимает сегодня довольно прочные позиции в политической науке. Во многом, это объясняется доминированием такого толкования в современной юридической литературе, а также в пространстве отечественного публично-политического дискурса¹⁸¹.

ТОО ТК «Петрополис», 1995; Политическая система общества: институты, режимы функционирования, способы изменения. Учеб. пособие / Н.В. Ульченко, Т.П. Ерошенко, Г.В. Захарченко, С.В. Борисов. – Самара: Самарский гос. аэрокосм. Ун-тет, 1997; Политическая система общества. Учеб. пособие / С.В. Бирюков, С.В. Ивлев. – Кемерово: КТИПП, 2001. и др.

¹⁷⁷ См., напр.: Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис, 1997. №1. – С. 62; Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина / Московский Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 510–511; Клямзин И.М. Институциональные возможности «пакта Монклоа» в российских условиях // Полис. 1999. №4. – С. 70–73.

¹⁷⁸ Саква Р. Режим и система в посткоммунистической России / Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: Межрегиональный семинар, – Великий Новгород, март 2000: Сборник докладов. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000. – С. 39.

¹⁷⁹ Ильин М.В. Укоренять изменения в традиции // Полис. – 1999. – №4. – С. 77.

¹⁸⁰ См., напр.: Алмонд Г. и др. Указ. соч. – С. 81; Савенков Р.В. Указ. соч. – С. 37.

¹⁸¹ См., напр.: Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» и др.

Следующий вариант концептуального осмысления политико-системных объектов представляет собой попытку объединения кибернетического понимания политической системы (политическая система как способ политической организации и управления общественной жизнью) и ее структурно-функциональной трактовки (политическая система как совокупность подсистем, каждая из которых выполняет определенную функцию, обеспечивая функционирование системы как целого). При этом на основе данных теоретических посылок исследователями в большинстве случаев строятся довольно сложные модели политической системы, включающие наряду с институциональной подсистемой (подсистемой субъектов политики) нормативную (ценностную), функциональную, коммуникативную и ряд других подсистем¹⁸². Такой подход к формированию модели политической системы не всегда является оправданным, поскольку чрезмерное усложнение теоретической схемы анализа может создавать серьезные трудности при изучении конкретных форм политических отношений в рамках политической системы как «целостной совокупности взаимосвязанных элементов».

Наконец, особое внимание в современных исследованиях по теории политической системы уделено анализу ее стабильных и нестабильных состояний, изучению механизмов системных политических изменений. При этом теоретической базой анализа подобных процессов, как правило, служат те или иные положения синергетики. Наиболее последовательно и полно процесс системной политической трансформации описан в работах Д.Г. Красильникова и Г.В. Пушкаревой.

Д.Г. Красильников предлагает для исследования стабильных и нестабильных состояний общественно-политических систем использовать сочетание понятий «системность» и «несистемность». Системные политические ситуации, для которых характерно нормальное закономерное течение политических процессов в рамках данного системного качества, автор трактует как ситуации доминирования системных элементов. При этом развитие конкретной системы интерпретируется исследователем как процесс развития данного системного качества за счет выработки системой собственных (системных) элементов и посредством уничтожения или преобразования элементов, несоответст-

¹⁸² Философия политики. Книга 3. Властные факторы в политической системе общества. – М.: «Луч», 1993. – С. 54–61; Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. – М.: НОУ МЭЛИ, 1999. – С. 26–30; Гончаров П.К. Указ. соч. – С. 112–115; Савенков Р.В. Указ. соч. – С. 57–65.

вующих природе данной системы¹⁸³. Главным условием перехода политической системы в состояние «межсистемности» Д.Г. Красильников называет неспособность данной системы удовлетворить потребности общества, ведущую к латентному накоплению несистемных элементов, появлению и развитию «теневой системы». Межсистемные политические ситуации, с точки зрения исследователя, характеризуются отсутствием доминирования системных элементов, наличием относительного, неустойчивого и, как правило, непродолжительного равновесия системных и несистемных элементов и структур. К числу базовых параметров межсистемных политических ситуаций автор относит делегитимацию власти, легализацию политических сил несистемной ориентации, сосуществование старых и новых властных институтов (двоевластие), фрагментацию властных структур, ослабление политического принуждения, рост роли масс в политическом процессе, а также генезис и развитие межсистемного централизма – политики лавирования между системными и несистемными силами¹⁸⁴. Завершение межсистемной политической ситуации Д.Г. Красильников связывает с приходом к власти одной из противостоящих политических сил (системных или несистемных). Далее, по мысли автора, следует фаза становления нового системного качества – создания недостающих системных элементов и структур и т.д.¹⁸⁵.

В работе Г.В. Пушкаревой механизмы, обеспечивающие аутопойезис политической системы (ее «самовоспроизводство в изменении»), рассматриваются как особые коммуникативные процессы (социализация, институционализация и легитимация), действующие на трех иерархически соподчиненных уровнях данной системы. Так, практики политической социализации, с точки зрения исследователя, обеспечивают стабильность статусно-ролевого уровня политической системы через процесс обучения индивидов сложившимся нормам, правилам и принятым образцам политического поведения. Адекватное функционирование институционального уровня политической системы, на взгляд автора, становится возможным благодаря политической инсти-

¹⁸³ Красильников Д.Г. Формирование и развитие межсистемных политических ситуаций в России в XX в. Дисс.: д.п.н. – Краснодар, 2002. – С. 61–62, 152–175.

¹⁸⁴ Красильников Д.Г. Указ. соч. – С. 63–65, 175–200.

¹⁸⁵ Красильников Д.Г. Указ. соч. – С. 69–72; также см.: Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918, 1985–1993): опыт сравнительного анализа. – Пермь: Издательство Пермского Университета, 1998. – С. 273–288.

туционализации, т.е. путем создания необходимых системе институциональных образований и обеспечения защиты уже существующих институтов от последствий не предусмотренного системой поведения индивидов. Наконец, процессы политической легитимации рассматриваются Г.В. Пушкаревой с точки зрения обеспечения стабильности высшего системно-нормативного уровня политической системы через поддержку населением тех структурных образований, которые соответствуют сложившимся в обществе нормам и образцам политического поведения¹⁸⁶. Нарушение трех названных механизмов, по мысли автора, ведет к политической аномии – дезорганизации политической жизни, когда индивиды в своих действиях перестают ориентироваться на установленные ранее правила политического поведения. При этом, с точки зрения исследователя, политическая система утрачивает свойства линейности и превращается в нелинейную систему, в рамках которой люди стремятся к осуществлению политической власти или к реализации своих групповых интересов, но при этом не желают или неспособны ориентироваться на какие-либо общие правила и нормы¹⁸⁷. Действия людей, пытающихся в условиях нестабильности решить свои проблемы путем объединения, автор рассматривает как флуктуации нелинейной системы, локальные всплески политической самоорганизации. Прохождение же нелинейной системой точки бифуркации Г.В. Пушкарева интерпретирует как превращение какой-либо политической организации в диссипативную структуру, которая вытесняет все другие альтернативные структуры, становясь системообразующей. В соответствии с основным постулатом синергетики исследователь утверждает, что в условиях политического хаоса предсказать, какая организация станет диссипативной структурой, принципиально невозможно¹⁸⁸.

Ряд авторов в своих трудах рассматривают системные изменения политической жизни с точки зрения эволюционного усложнения политических систем. Наиболее фундаментальное исследование в этой области принадлежит М.В. Ильину. Этот исследователь предлагает считать критериями эволюционного усложнения политических систем (политий) такие качественные характеристики, как системная сложность, коммуникативно-организаторская объемность и плотность,

¹⁸⁶ Пушкарева Г.В. Политическая система: синергетический подход // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2001. – №6. – С. 36–42.

¹⁸⁷ Пушкарева Г.В. Указ. соч. – С. 43–46.

¹⁸⁸ Пушкарева Г.В. Указ. соч. – С. 46–49.

функциональная дифференцированность. Автор разрабатывает два базовых принципа ароморфного (поступательного) развития политических систем – «все есть во всем» (явное и латентное наличие в каждой развивающейся политической системе всех структурно-функциональных возможностей достигнутого уровня сложности) и «закон вечности» (в ходе политического развития старые параметры и схемы организации не утрачиваются, а морфологически вживляются во все более усложняющуюся политическую систему). В соответствии с данными принципами М.В. Ильин формулирует ряд рекомендаций, выполнение которых, по мнению исследователя, обеспечит политическим системам нужное направление развития¹⁸⁹. Исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин, в свою очередь, связывают эволюционное усложнение политических систем со специализацией их структур и институтов, обеспечивающей более эффективное использование системной ресурсных потоков как материального, так и идеального характера¹⁹⁰. Чаще же всего под эволюционным развитием политических систем прямо или косвенно подразумевается утверждение в политической жизни демократических принципов и норм (переход «от тоталитаризма/авторитаризма к демократии»)¹⁹¹.

Анализ основных подходов к изучению системных характеристик политической жизни позволяет утверждать, что на сегодняшний день в рамках научного дискурса предлагается множество разнообразных способов толкования понятия «политическая система». Каждый из этих способов ориентирован на отражение определенных свойств политико-системных объектов. Безусловно, выбор из имеющегося теоретического арсенала всегда индивидуален и должен осуществляться исходя из целей и задач конкретного исследования. Тем не менее, представляется, что наиболее актуальными сегодня являются теоретические конструкции, сочетающие классические принципы теории политической системы с новейшими идеями политической синергетики. Такие модели во многом позволяют избавиться от излишне объективистского уклона многих системно-ориентированных политологических исследований, более полно включив в поле системного анализа

¹⁸⁹ Ильин М.В. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Дисс. в виде научного доклада: д.п.н. – М., 1996. – 78 с.

¹⁹⁰ Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии исследования // Полис. 2002. – №4. – С. 6–19.

¹⁹¹ См., например: Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. – М.: Онега, 1994. – 224 с.; Гончаров П.К. Указ. соч. – С. 128–175.

политики волевые устремления и активность индивидов, взаимодействующих друг с другом по поводу политической власти.

Зорин В.А.

СЦЕНАРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Институциональный дизайн российской политической системы. Современная российская политическая система формируется в процессе взаимодействия и взаимовлияния значительного числа институтов. Политические институты обладают различными потенциалами влияния, которые в нашем исследовании определены как возможности формировать ключевые решения.

Эксперты ранжировали степень влиятельности институтов по пятибалльной системе, в таблице представлены средние показатели по каждому институту.

На следующей диаграмме отражена динамика изменения предполагаемой экспертами степени влиятельности отдельных институтов. Наибольший прогресс приписан Общественной палате, Государственной Думе, Совету Федерации и политическим партиям; наиболее значительное сокращение потенциала влияния – институту полномочного представителя Президента в федеральном округе и администрации Президента.

Институт	2008 г.	2015–2020 гг.	Динамика роста (2008 –2020)
Президент	5	4,75	-0,25
Государственная Дума	3,15	3,75	0,6
Правительство	3,75	4,1	0,35
Совет Федерации	2,45	2,95	0,5
Администрация Президента	4,4	4	-0,4
Губернатор	3,35	3,1	-0,25
Политические партии	2,65	3,2	0,55
Полпред Президента	2,8	2,25	-0,55
ЗС региона	1,6	2,05	0,45
Органы местного самоуправления	1,55	1,95	0,4
СМИ	2,75	3,15	0,4

Силловые ведомства	3,1	2,85	-0,25
Крупный частный бизнес	3,5	3,6	0,1
Крупные государственные компании	3,85	3,75	-0,1
Духовенство	2,1	2,35	0,25
Общественная палата	1,45	2,3	0,85

На региональном уровне существует иная структура распределения потенциалов влияния между политическими и институтами:

Как и на федеральном уровне, в оценке динамики изменения степени влияния отдельных институтов эксперты предполагают усиление роли представительных органов власти (Законодательного Собрания и связанных с ним политических партий), средств массовой информации и местного самоуправления. В то же время сокращается влияние полномочного представителя Президента и «силовиков».

Институт	2008 г.	2015–2020 гг.	Динамика роста
Президент РФ	4,65	4,4	-0,25
Правительство РФ	4,1	4,1	0
Полпред Президента	3,65	3	-0,65
Губернатор	4,85	4,65	-0,2
Политические партии	2,4	3,3	0,9
Главный федер. инспектор	1,95	2,1	0,15
ЗС региона	3,25	3,8	0,55
Органы местного СУправ-я	2,75	3,1	0,35
СМИ	2,95	3,5	0,55
Бизнес-группы (федерал-е)	3,25	3,4	0,15
Бизнес-группы (регионал-е)	3,5	3,75	0,25
Предст-ли силовых стр-р	3	2,65	-0,35

Основные тенденции в оценке институционального дизайна современной российской политической системы заключаются в следующем:

во-первых в краткосрочной перспективе сохранится доминирование центральных институтов исполнительной власти (Президента и Губернатора) над органами гражданского представительства,

во-вторых, в более длительной перспективе намечается ослабление их роли, которое произойдет, главным образом, благодаря усилению роли политических партий и Общественных палат.

Эти тенденции агрегированы в предложенных экспертам на рассмотрение возможных альтернативах развития России в среднесрочной перспективе. Как видно из представленной ниже диаграммы, наиболее вероятный вариант – «управляемая демократия», которая предполагает сохранение доминирующей роли исполнительных органов власти. При этом в плане желаемого эксперты в равной степени допускают формирование модели «развитой демократии», которая в первую очередь предполагает прогресс гражданского общества и самоуправления.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что тенденции, выявленные при ранжировании степени влиятельности институтов, в ходе выбора альтернатив проявились уже не как «вероятные», а как «желательные», что может быть связано как с оптимизмом экспертов, так и с объективными ограничениями сценарирования (восприятие демократического транзита как наиболее достоверной основы политического курса, в пределах которого формируется образ желаемого будущего).

Альтернативы	вероятные	желательные
Управляемая демократия	90	55
Острая конкуренция	30	15
Жесткий авторитаризм	20	5
Автономизация России	10	0
Развитая демократия	30	55

2. Политическая элита. Рекрутирование политической элиты осуществляется путем привлечения к занятию важнейших управленческих позиций индивидов, имеющих опыт деятельности того или иного рода.

Кроме того, важнейшим фактором рекрутирования элиты являются личностные «стандарты» – требования, предъявляемые к потенциальным претендентам на обладание доступом к ключевым управленческим позициям.

Управленческие позиции	2008 г.	2015–20 гг.
Работа в политических партиях и общественных организациях	30	50
Государственная служба	65	50
Работа в органах местного самоуправления	5	10
Армия и спецслужбы	30	0
Бизнес	65	75
Деятельность в сфере науки, образования, культуры	0	0

Эксперты считают, что на формирование политических партий решающее влияние будет оказывать государство, в то время, как в жизни общественных организаций политического характера главная роль будет принадлежать институтам гражданского общества и бизнес-структурам.

Несмотря на то, что главным фактором возможной политической дестабилизации эксперты рассматривают раскол внутри правящей элиты, степень ее консолидации на региональном уровне характеризуется как средняя.

Важнейший капитал правящей элиты – поддержка со стороны населения. Степень поддержки населением высшего руководства страны рассматривается экспертами как высокая; руководства региона – как средняя.

Одна из тенденций политического развития России – формирование прозрачных оснований деятельности крупнейших политических акторов. Так, большинство экспертов полагает, что роль теневых процессов в ближайшее десятилетие уменьшится как в общероссийском, так и в региональном масштабе.

3. Политико-географический образ будущей России. Изменение территориальных границ России к 2015 г. маловероятно. Возможность расширения границ допускают только два эксперта из 20 опрошенных. Один из них считает, что предполагаемой расширение произойдет путем образования нового государственного образования, в которое нынешняя Россия войдет в качестве субъекта федеративных отношений (наряду с Казахстаном, Беларусью и Украиной); по мнению другого – расширение произойдет путем интеграции новых территорий в струк-

туру ныне существующей Российской Федерации (Южной Осетии, Абхазии и, желательнo, Крыма).

Наиболее актуальный вопрос, связанный с эволюцией территориально-политической структуры России, – сохранение федерализма как принципа взаимодействия центра и регионов.

80% экспертов уверены, что к 2015–2020 гг. Россия останется федеративным государством. При этом произойдет существенное изменение принципа организации федеральной системы – она должна приобрести симметричный характер, то есть полномочия субъектов будут унифицированы.

Укрепление федерализма можно рассматривать как важнейший фактор сохранения национального единства. Эксперты ранжировали по пятибалльной системе роль следующих сил и факторов в поддержании единства страны:

Наиболее важный фактор сохранения единства страны – наличие сильной центральной власти, которое в среднесрочной перспективе нуждается в подкреплении – экономическом росте и связанном с ним росте благосостояния населения. Сепаратистские движения являются достаточно слабыми для того, что противодействовать политическому курсу федерального правительства (и усиление их роли не предвидится).

В целом, всего лишь 20% экспертов считают существующую модель отношений «центр-регионы» оптимальной; по мнению 35% – на данный момент сложился вариант «чрезмерной централизации». Также популярно мнение, согласно которому российский федерализм еще не обрел законченной формы и переживает переходный этап в своем развитии.

Территориальная организация современной Российской Федерации, скорее всего, претерпит ряд изменений:

- произойдет переход к практике назначения глав муниципалитетов,
- главы муниципалитетов станут наемными служащими (так называемыми «сити-менеджерами»), а не выборными должностными лицами,
- система выборов депутатов региональных legislатур по партийным спискам распространится повсеместно,
- должность губернатора будет упразднена,
- произойдет укрупнение регионов.

4. Массовое сознание и политические ценности. В массовом сознании россиян в настоящее время существует и в среднесрочной перспективе сохранится основной ценностный раскол – противопоставление богатых и бедных, связанное с острым восприятием классовых, экономических, имущественных и потребительских различий. Эволюция представлений видится в ослаблении противоречий между центром и регионами и в углублении поколенческих конфликтов.

Разновидности противоречий	Настоящее время	2015–2020
Между богатыми и бедными	85	80
Между центром и регионами	50	20
Между этническими группами	40	35
Между религиозными группами	10	5
Между группами регионов (Сибирь, Дальний Восток, Юг и т.д.)	0	0
Ориентация на Запад – собственный путь развития	15	20
Между «государственниками» и «либералами»	15	20
По отношению к историческому прошлому России	0	0
Между сторонниками светской культуры и сторонниками расширения роли церкви и религии в обществе	5	5
Между поколенческими группами	15	45

Относительно идеологических ориентаций граждан эксперты высказывают мнение об отсутствии четкой системы координат, разделяющей политические позиции конкретных партий и лидеров. 40% экспертов полагают, что массовое сознание безразлично к вопросам идеологии, столько же рассматривают противостояние различных слоев общества как столкновение сторонников и противников «партии власти». Последнее разграничение так же в сущности носит неидеологический (инструментальный) характер. Один из экспертов охарактеризовал ситуацию в современной России как *«идеологический вакуум»*.

Если говорить собственно о структуре системы политических ценностей в современном российском обществе, то необходимо отме-

тить, что на процесс ее формирования наибольшее влияние оказывает противостояние либералов (сторонников усиления гражданских свобод и политических прав) и этатистов (сторонников «сильной руки», укрепления роли государства в жизни общества и ограничения автономии социальных групп).

Одна из возможных тенденций эволюции системы социально-политических ценностей россиян предполагает рост радикальных настроений и усиление потенциала внесистемных (экстремистских) оппозиционных групп. Мнения экспертов относительно значимости этих тенденций делятся на три основные категории:

- **радикальная оппозиция как реальная угроза**¹⁹². *Движение по пути демократизации может привести к росту влияния радикальных сил, которые прикрываясь демократическими правами будут в большей степени ориентироваться на подрыв существующего политического статус-кво. Но Свердловская область наименее подвержена таким тенденциям из-за относительного благополучия населения.*

Потенциал радикальных политических группировок низок. А вот рост радикализации будет обязательно, но обусловлен он будет только социальной дифференциацией

Потенциал националистических настроений высок. Только демократические процессы, повышение доверия к власти могут остановить эти настроения.

Когда людям некуда податься для защиты своих интересов, происходит повышение радикальных, протестных настроений. Этими проблемами людей могут воспользоваться радикальные политики,

- **радикальная оппозиция невлиятельна.** *В Свердловской области такие группы слабы. Однако люди не довольны нелегальными мигрантами. Именно на этой почве может произойти рост недовольства и радикализация.*

Эти силы есть, они представляют угрозу, но вероятность радикализации населения крайне низка. Уровень жизни населения постепенно повышается, что препятствует росту протестных настроений,

- **радикальной оппозиции в Свердловской области нет.** *Таких групп нет. Протестные настроения есть и будут всегда, но радикализации не будет. Население области, которое отличается большей степенью демократичности, любит высказывать открыто свою позицию, любит покричать на митингах. Но не более.*

¹⁹² Здесь и далее курсивом выделена прямая речь респондентов.

Ярко выраженные националистические, ксенофобские, экстремистские настроения в регионе отсутствуют. Возобладать эти настроения могут в результате непродуманной национальной политики, как на федеральном, так и на местном уровне.

Отдельно стоит обратить внимание на оценки, в которых подчеркнута роль:

- **молодежи в усилении влияния внесистемной оппозиции.** Социальная разобщенность вызывает к жизни радикализм, особенно молодежный экстремизм. Пока в области нет большого потенциала внесистемных сил, но социальная дифференциация и разобщенность общества есть.

Подобные группы есть. Иногда их голос слышится, но получить поддержку большого числа населения они не смогут. В будущем радикализация может быть связана только с протестом молодого поколения, точнее, его части, которая не сможет устроиться по жизни. Нам стоит учитывать недавний опыт Франции,

- **этномиграционных процессов.** Очень низок потенциал внесистемных, радикальных сил. Радикализация населения, рост протестных и ксенофобских настроений возможен в будущем только в ситуации, когда настанет необходимость легализации трудовых мигрантов из стран СНГ и Азии,

- **социально-психологических факторов в сглаживании конфликтного потенциала.** Победит разум. Люди поймут, что все эти течения, экстремистские организации разрушают общество, демократию. Роль и количество этих течений сократится: часть будет сидеть в тюрьмах, часть самоликвидируется из-за отсутствия поддержки масс.

Отличием Свердловской области является относительная толерантность, которая проявляется жителями к властям и представителям других национальностей. Это обусловлено многонациональным и поликонфессиональным статусом самой области. Однако некоторую остроту придают нелегальные трудовые мигранты. Но резких столкновений не будет.

В классических теориях демократического транзита важное место уделяется формированию зрелого гражданского общества. Среди экспертов выделяются две примерно равные по размерам группы:

- **«оптимистов».** Потенциал огромен. Институты гражданского общества (Общественные палаты, общественные организации) в будущем будут играть в несколько раз большую роль. Будут налажен

прямой диалог и взаимная ответственность между властью и гражданским обществом.

У гражданских институтов перспектива есть, и она очевидна. Многое будет зависеть от успешности опыта Общественной палаты России.

Коррупция, фальсификация и другие подобного рода проблемы сейчас пытаются решить путем обновления силового блока. Но в будущем резко возрастет роль именно граждан, гражданского общества. Именно оно будет осуществлять контроль над всеми проявлениями беззакония. Возрастет сознательность самих граждан.

Потенциал гражданских объединений огромен. Существующая власть себя изживает, растет социальная дифференциация, что приводит к усилению различных интересов и заинтересованных групп. В этой связи повышается активность граждан.

Потенциал огромен. Население все более осознает свой вес, свои права. При сохранении такой тенденции и при грамотной, адекватной политике властей всех уровней российское общество может к 2020 году явить собой пример развитого и активного гражданского общества,

- «пессимистов». Потенциал низок. Перспективы становления гражданского общества в России не видны, и с большей долей уверенности можно утверждать, что гражданского общества в России в обозримом будущем не предвидится.

Потенциала у гражданского общества нет и не предвидится. По-прежнему в стране ключевым институтом является президент и его чиновники.

Институты гражданского общества находятся в зачаточном состоянии, не факт, что им удастся достичь зрелости к 2020 году.

На сегодняшний день потенциал низок только потому, что нет еще осознания большинством населения своих прав. В этой ситуации государство вынуждено самостоятельно компенсировать неразвитость гражданского общества. Но в будущем, есть надежда, гражданское самосознание возрастет и перспектив формирования подлинного гражданского общества прибавится.

Очень низок потенциал гражданского общества. В будущем, однако, большую роль будут играть партии (КПРФ, Единая Россия, Патриоты России, ЛДПР) и национальные объединения.

Важнейшие факторы становления гражданского общества в современной России делятся на следующие группы:

- **социально-психологические.** Перспективы у гражданского общества минимальны. Все зависит от менталитета самих людей. К тому же в России не очень то любят активистов.

Тенденция последних лет – снижение общей активности граждан в общественно-политической жизни. Одной из причин этого является деятельность государства по построению гражданского общества. Есть, однако, надежда, что это лишь временный спад.

На сегодняшний день потенциал крайне низок. Общество погружено в свои частные проблемы. Как только будет расти уровень материальной обеспеченности населения, тогда будет появляться желание заниматься активной общественной жизнью. Многое зависит от малого бизнеса,

- **финансовые.** Общественные организации не умеют зарабатывать деньги. А для эффективной деятельности им необходима экономическая независимость. Организации, которые могут стать самостоятельными в России есть, но их крайне мало,

- **политические.** Потенциал огромен. Однако возможности не используются. Власть не уделяет этому вопросу достаточного внимания,

- **системные (обусловленные незавершенностью глобального процесса демократической трансформации).** Пока потенциал гражданских организаций невысок. Многие общественные организации существуют под чьим-то давлением. В будущем при переходе к демократическому обществу, к принципу приоритета законодательной власти, возникнут свободные гражданские организации

Становление развитого, сильного гражданского общества возможно, но при нескольких условиях: если будут четко прописаны все права, правовые механизмы реализации этих прав; если граждане превратятся, наконец, в законопослушных налогоплательщиков, которые свободно пользуются своими правами; если при этом будет ответственность чиновников перед гражданами. А те эксперименты по насаждению гражданского общества сверху, которые власть проводит, только снижают доверие граждан к этим институтам. А самым простым показателем развития гражданского общества является субботник, когда на субботники добровольно будут выходить все граждане – это расцвет гражданского общества.

5. Сценарии политического развития Свердловской области.
Общие оценки перспектив развития Свердловской области в средне-

срочной перспективе обобщаются в сценарии. *Индуктивным* путем сценарии сформулированы в результате группировки сходных по вектору и качественному содержанию тенденций.

Таким образом, возникают шесть сценариев:

- **устойчивый экономический рост.** *Богатый регион, развитая экономика. Политическая стабильность. Выстроенная вертикаль власти – это порядок, а порядок – это не плохо. Социальная направленность политики региональной власти. Через активное развитие экономики в области будет достигнут высокий уровень жизни населения.*

Будущее Свердловской области зависит от мировой конъюнктуры; будет происходить переход промышленных предприятий на более современное и высокотехнологичное производство; стартовый ресурс для этого есть; важно отметить транспортную составляющую; Екатеринбург должен стать транспортным центром России; в этом случае бизнес будет летать через Екатеринбург, что приведет к появлению новых зарубежных представительств в городе.

Свердловская область растет и хорошеет. Губернатора «приземлили»: теперь он перестал заниматься «мировой политикой». Ему осталась только экономика региона, что естественно положительно сказалось на развитии области.

В экономическом плане область будет развиваться. Основа экономики области – металлургия, а этот рынок достаточно стабилен. Основа налоговой базы области – налоги этих предприятий. В этом плане будет стабильный рост. Область станет евразийским транспортным центром.

Свердловская область превращается в крупный международный транспортный центр. Развивается торговля. Привлекательность области возрастает. Открываются новые филиалы и представительства японских, китайских и немецких фирм. Пройдя через период диктатуры и волнений, страна и область развиваются стабильно в рамках демократического курса. Победу одерживают правые партии. Возрастает доля малого бизнеса (около 50% общего объема производства).

- **демократическая консолидация.** *Свердловская область не будет переживать существенных изменений до 2008 года. Но к 2020 году естественным образом обновится политическая элита. Изменится сама Россия. В целом это будет по-прежнему динамично развивающаяся область, с активным населением, с реальными демократическими традициями. То есть прогноз в целом оптимистичный.*

В политическом плане все будет в целом так, как и во всей стране. Однако, учитывая то, что Свердловская область исторически была среди зачинателей демократических преобразований, даже если в стране в целом будет прослеживаться тенденция к уменьшению плюрализма, то область останется на позициях демократических свобод,

- автономизация политического развития региона. Стремление к большей автономизации, основанное на экономической силе и самостоятельности региона. В целом на развитие Свердловской области будут оказывать влияние общероссийские политические процессы,

- стабильность при руководящей роли центра в региональных политических процессах. В ближайшем будущем кардинальных изменений быть не может. Руководящая элита сохраняет свой вес. Изменение ситуации возможно лишь при условии смены руководителя области, когда действующий губернатор покинет свой пост. Этот вариант неизбежен в отдаленном будущем. Вслед за Росселем уйдет и большая часть его команды.

Тогда можно будет говорить о каких-либо изменениях. Но, скорее всего, резких колебаний не будет, так как центр сохранит свой контроль над региональными политическими процессами,

- стабильность при резких кадровых перестановках в элите. До 2008 года будет происходить стабилизация системы, даже ее окостенение. Незначительное обновление муниципальной элиты будет, но оно будет контролироваться. Руководство не будет меняться (первое лицо в регионе будут прежним). В будущем возможна резкая смена элиты, так как сегодняшние преемники действующей власти сами люди в возрасте. Возможен приход элиты из Москвы, а также представителей крупного регионального бизнеса, прошедшие «школу» в законодательных органах власти.

Никаких существенных изменений к 2008 году не произойдет. Властная команда останется прежней. Что касается отдаленного будущего, то обновление элиты может двояко отразиться на развитии области. С одной стороны, обновление под контролем центра не должно выделить область из ряда других регионов. Все будет складываться как и в целом по стране. С другой стороны, новая элита может оказаться не столь послушной. Задатки к этому есть.

Преодоление конфликта между областным руководством и руководством областного центра (г. Екатеринбург), что позволит области и городу конструктивно развиваться. Но такой сценарий

возможен только при условии прихода новых команд, абсолютно «свежих» политиков.

С постепенным ростом благосостояния населения и общим ростом экономики региона будет расти политическая компетентность граждан. В результате неизбежно произойдет существенное обновление политической элиты.

Можно лишь точно сказать, что в будущем произойдет масштабное обновление областной политической элиты. Именно от того, каким будет состав новой элиты, и будет зависеть будущее развитие области,

- **кризис автономии региона.** По мере усиления роли федерального центра, будет происходить и усиление партии власти. Эта же тенденция будет и в регионе. Партия власти станет средоточием групп влияния. Больше не будет команды губернатора. Будет подконтрольная центру группа элиты.

В области естественным образом произойдет смена элиты. В зависимости от того, кто встанет во главе области, будет осуществляться выбор приоритетов. Скорее всего область будет терять свой высокий статус, оставаясь донором.

Другой вариант написания сценария развития политической системы Свердловской области носит *дедуктивный* характер. Предполагается, что возможные варианты могут иметь оптимистический, пессимистический, либо нейтральный (инерционный) характер. Далее обобщены факторы и основное содержание каждого из описанных выше трех разновидностей сценариев:

1. «Оптимистический» - переход к развитой демократии:

- усиление роли институтов гражданского общества, политических партий,
- расширение влияния органов законодательной власти, в том числе благодаря утверждению принципа «ответственного правительства»,
- повышение доверия общества к институту демократических выборов,
- политическая элита формируется на базе политических партий и независимых от государства общественных организаций,
- решающую роль в процессе рекрутирования политической элиты играют профессиональная компетентность, ориентация на общегосударственные интересы и личностная принципиальность,

- стабильный экономический рост как гарантия политической и социальной стабильности,
 - реформируется система взаимоотношений центра и регионов с помощью унификации статусов всех субъектов федерации, вследствие чего экономически развитые регионы получают значительные полномочия в хозяйственно-экономической сфере, при этом, лишаясь права осуществлять независимый политический курс при решении проблем как национального, так и регионального характера,
 - рост толерантности населения и укрепление демократической легитимности правящих элит как следствие роста доверия к власти,
- 2. «Пессимистический» – дестабилизация политической системы:**
- раскол внутри правящей элиты,
 - рост межэтнической напряженности,
 - углубление социальной дифференциации,
 - рост террористической угрозы,
 - вмешательство зарубежных стран с целью нанесения ущерба национальным интересам России,
 - радикализация политического поведения молодежных субкультур,
 - повышение конфликтности политического процесса в результате обострения противоречий между коренным населением регионов и иммигрантами, между «богатыми» и «бедными»,
 - распад национальной идентичности, возникший в результате роста межпоколенческой напряженности.
- 3. «Инерционный» – укрепление «управляемой демократии»:**
- укрепление доминирующей роли Президента в национальном политическом процессе и губернаторов – в региональных,
 - участие представителей крупных бизнес-структур в формировании органов законодательной власти в регионах,
 - усиление зависимости законодательных органов власти от исполнительных на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном),
 - переход к пропорциональной системе выборов депутатов региональных legislatures,
 - распространение «вертикали власти» на уровень местного самоуправления,

- консолидация федеральной и региональных политических элит с сохранением важности следующих каналов их рекрутирования: родственных связей, поддержки клановых, государственных и финансово-экономических структур,
- решающую роль в деятельности партий и институтов гражданского общества играет государство,
- политические партии носят «всеохватный» характер, то есть имеют размытую социальную базу, аморфную идеологию, программы популистского плана и являются, по сути, машинами для мобилизации голосов избирателей,
- массовое сознание безразлично к идеологии, политические представления не развиты и носят примитивный характер,
- гражданская активность населения находится на низком уровне.

Герман В.А.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ДИСКУРС И РЕАЛЬНОСТЬ

Семейная политика является составной частью единой государственной политики. Сегодня уже очевидно, что если тенденция к уменьшению народонаселения России сохранится, то через несколько десятилетий «большую» политику будет проводить просто не с кем. За 15 перестроечных лет, в течение которых мы занимались решением более насущных, как тогда казалось, экономических задач, советский опыт осуществления семейной политики был полностью утрачен, государственная поддержка семье практически сошла на нет, не было стимулов для повышения рождаемости, на улицах российских городов появились беспризорники, забытые со времен гражданской войны. Все это в конечном итоге и дало толчок к тому, чтобы власти задумались о том, что делать и как жить дальше, чтобы сохранить основы государственности. Причем, меры нужно было предпринимать как на федеральном, так и на региональном уровне. Невозможно решить, например, ту же демографическую задачу исключительно на региональном уровне, не имея законодательной и финансовой поддержки центра. Да и само словосочетание «семейная политика» предполагает целостную систему мер, направленных на поддержку семьи, и создание

такой системы может быть результатом только совместных усилий представителей федеральной и региональной властей¹⁹³.

Все мы знаем, как велико значение семьи в жизни каждого человека, общества и государства. Именно семья для каждого человека – неисчерпаемый источник любви, преданности и поддержки. В семье закладываются основы нравственности, духовности и терпимости. Здоровая, крепкая семья – залог стабильности и процветания любого общества. Семья – это та общественная структура, в которой, прежде всего, происходит воспроизводство человека как члена общества. Именно в семье первоначально складывается мировосприятие человека, формируются его социальные качества. Семья призвана играть исключительную роль в жизни общества, его стабилизации, преодолении социальной напряженности. По своей природе и предназначению она является союзником общества в решении коренных проблем: преодолении депопуляции, утверждении нравственных устоев в обществе, социализации детей, развитии культуры и экономики, семейного предпринимательства. Однако потенциал семьи реализуется неэффективно. Важнейшей задачей семейной политики должна стать разработка механизмов и технологий, позволяющих активно использовать возможности семьи как общественного института в решении сложных проблем развития нашего общества.

Дискурсу основных методов и механизмов, изложенных, в концепции семейной политики, на примере города Челябинска, посвящена эта статья.

Концепция представляет собой систему принципов, целей, задач и приоритетов в реализации семейной политики города Челябинска, направленных на создание условий для семейного благополучия и улучшение демографической ситуации, на сохранение и развитие семьи как базового социального института общества.

Концепция разработана в соответствии с Конституцией Российской Федерации, на основе Указа Президента РФ № 712 от 14.05.96 г. (в редакции Указа президента РФ от 05.10.2002 № 1129), Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года и Стратегии развития муниципального образования «Челябинский городской округ» на 2005–2010 годы¹⁹⁴.

¹⁹³ Мякуш В.В. О семейной политике. Интервью «Челябинскому рабочему». Семейный спикер.

¹⁹⁴ Концепция демографического развития РФ на период до 2015 года. Распоряжение Правительства РФ 1270-р от 24.09.01.

Концепция утверждает семейно ориентированную политику развития города Челябинска, представляющую собой целостную систему мер экономического, идеологического, правового, организационно-управленческого, научного, информационно-просветительского, кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни челябинской семьи, а значит и всех горожан.

Семейная политика определяется как скоординированная деятельность семьи, институтов власти и общества по повышению уровня семейного благополучия. Особым объектом такой политики является социально благополучная семья, а предметом и основным содержанием – всестороннее стимулирование повышения доли таких семей. Основопологающим принципом семейной политики является принцип социального партнерства семьи, институтов власти и общества в рамках местного самоуправления¹⁹⁵.

С целью целостного представления картины рассмотрим состояние проблемы и обоснование необходимости ее решения на материалах ученых исследователей по городу Челябинску.

К началу 2001 года численность населения города Челябинска составляла 1109,5 тысяч человек. За 2001–2005 годы численность населения сократилась на 15,5 тысяч человек. Коэффициент смертности в Челябинске на 1000 человек преобладает над коэффициентом рождаемости на 4,44¹⁹⁶.

Одной из причин сокращения численности населения является низкая рождаемость. Современные параметры рождаемости в два раза меньше, чем требуется для замещения поколений: в среднем на одну женщину приходится 1,2 рождения при необходимых 2,15 для простого воспроизводства. Характер рождаемости в Челябинске определяется массовым распространением малодетности (1–2 ребенка), откладыванием рождения первого ребенка, ростом внебрачной рождаемости¹⁹⁷.

В городе Челябинске за данный период число зарегистрированных браков уменьшилось на 245, а число зарегистрированных разводов увеличилось на 247. Таким образом, общий коэффициент брачности на

¹⁹⁵ Докучаева Л.Н. Семья, государство, общество: социальное партнерство. – Материалы Второго Российского Конгресса «Мир Семьи». – Москва, 2001.

¹⁹⁶ Демографический ежегодник России 2005. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) - www.gks.ru.

¹⁹⁷ Антонов А.И. Судьба семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. – 2000.

1000 человек составляет 7,1, а общий коэффициент рождаемости составляет 5,7.

Одновременно со снижением рождаемости отмечается высокая смертность. Общая тенденция динамики смертности населения города Челябинска характеризуется сверхсмертностью людей трудоспособного возраста, среди которых около 80% составляют мужчины. Уровень смертности среди мужчин в 4 раза выше, чем уровень смертности среди женщин, и в 2–4 раза выше аналогичного показателя в развитых странах.

Снижение рождаемости и сокращение доли детей в общей численности населения ведет к старению общества. В соответствии с данными ООН население считается старым, если доля лиц в возрасте 60 лет больше или равна 12% населения. В Челябинске показатель старения населения составляет 17,9%, то есть демографическое старение населения увеличивает экономическую нагрузку на общество. Численность занятых в экономике под влиянием демографического фактора сократилась с 571,4 тыс. человек в 2004 году до 569,4 в 2005¹⁹⁸.

Приведенные показатели позволяют говорить о депопуляции, а состояние института семьи, обеспечивающего воспроизводство и развитие общественной структуры, не дает оснований для положительных прогнозов в обозримой перспективе.

Отмеченные негативные явления остро ставят вопрос о целенаправленной семейной и демографической политике на всех уровнях власти и общества. Проблема состоит в том, что сегодня государственная семейная политика ориентирована, в основном, на семьи, нуждающиеся в социальной защите, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации, в зоне социального риска. А семья, выполняющая или способная выполнять институциональные функции воспроизводства и социализации, оказалась вне поля зрения государства и органов местного самоуправления. Такая практика социальной поддержки неблагополучных семей привела к обратному результату – увеличению числа таких семей¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Современная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт». Аналитическое управление аппарата Совета Федерации. Аналитический вестник. № 25 (277), 2004.

¹⁹⁹ Дармодехин С.В. О состоянии и неотложных мерах по развитию государственной семейной политики. Аналитическое управление аппарата Совета Федерации. Аналитический вестник. № 4 (224), 2004.

Сложившаяся ситуация сегодня имеет ряд причин:

- длительный период антисемейной советской истории, приведший к практическому уничтожению культуры семейной жизни (активная критика буржуазной семьи в советских идеологических посланиях, физическое истребление миллионов ответственных мужчин в годы гражданской войны, сталинских репрессий и второй мировой войны, разрыв межпоколенных связей в период «великих новостроек»),
- игнорирование советской и российской семейной политикой «нормальной» семьи, обеспечивающей воспроизводство и социализацию в обществе, ее ориентация только на проблемы неблагополучной семьи,
- агрессивная и массированная пропаганда в СМИ и на практике индивидуального образа жизни и индивидуального успеха.

Снижение качества населения и наличие беспризорности ставит задачу не только стимулирования рождаемости, но и создание условий для рождения здоровых детей с их последующей социализацией. Появление таких детей возможно только в благополучных семьях²⁰⁰.

По данным социологического исследования, проведенного Челябинским государственным университетом в 2006 году, всего в городе Челябинске около 300 тыс. семей. Из них 30% (около 100 тыс.) составляют благополучные семьи. Эти данные означают, что в городе есть необходимая социальная база для развития семейного благополучия и решения демографических проблем. Те же исследования показали, что культура семейного благополучия и неблагополучия передается от поколения к поколению²⁰¹.

Таким образом, для комплексного решения демографических и социальных проблем необходимо и достаточно создать условия для расширения в обществе семейного благополучия. Саморасширяющееся семейное благополучие создаст устойчивую базу для появления социального благополучия как фактора гармоничных социальных отношений.

Такая постановка вопроса означает смену целевых ориентиров, как в самой семейной политике, так и в социальной политике в целом.

²⁰⁰ Докучаева Л.Н. Семейная политика как направление социальной политики государства. Аналитический вестник № 17 (129) Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики. – Москва, 2000.

²⁰¹ Социологическое исследование семейного благополучия в г.Челябинске. Отчет о НИИ, ЧелГУ, 2006.

Целью семейной политики является создание условий для стимулирования семейного благополучия, увеличения количества благополучных семей и на этой основе улучшение демографической ситуации в г. Челябинске.

Основным фактором развития и укрепления семейного благополучия является социальное наследование супругами благополучия родительской семьи и подкрепление его социальными гарантиями и перспективами. Отсюда следует и основной принцип управления процессами семейного благополучия: стимулирование количественного роста семейного благополучия через стимулирование роста количества членов отдельно взятой благополучной семьи (рождаемость и усыновление) и стимулирование роста количества социально благополучных семей через развитие социальных гарантий и перспектив (всесторонняя пропаганда и поддержка социально благополучного семейного образа жизни).

Для достижения представленной цели необходимо решить следующие основные задачи:

- переориентация критериев муниципальной политики на повышение качества жизни семьи и семейного благополучия,
- реформирование нормативно-правовой базы семейной политики,
- стимулирование рождаемости, в первую очередь, в социально благополучных семьях для увеличения численности и доли населения, проживающего в условиях семейного благополучия,
- создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания двух и более детей в семье,
- формирование позитивного «просемейного» общественного мнения, пропаганда семейного образа жизни, повышение престижа социально благополучной семьи,
- создание условий для развития семейного предпринимательства,
- содействие развитию культуры семьи, в том числе родовой культуры семьи,
- оказание адресной социальной помощи и поддержка семей, оказавшихся в критической ситуации,
- поддержка коммерческих и общественных организаций, занимающихся вопросами семьи и детства,
- развитие различных форм самоорганизации и объединения семей,
- развитие семейного образования,
- проведение научно-исследовательских работ по вопросам семьи и семейного благополучия,

- организация подготовки и переподготовки специалистов по работе с семьей²⁰².

Основные направления реализации семейной политики

Семейная политика представляет собой комплекс целенаправленных мер политического, экономического, правового, социального, информационно-просветительского и организационно-управленческого характера, реализуемых федеральными, региональными органами государственной власти, местного самоуправления и другими субъектами семейной политики (предпринимательский сектор, политические, религиозные, общественные организации) в отношении семьи как важнейшего института общества.

Главным направлением в реализации Концепции семейной политики является переориентация муниципальной политики на социально благополучную семью. Формирование и проведение такой политики актуально в силу того, что сегодня необходимо смещение акцентов с последствий социального неблагополучия на устранение их причин. Укрепление семьи и поддержка семейного благополучия представляет начало развития данной стратегии²⁰³.

При этом «просемейная» политика становится основой муниципальной политики.

Для этого требуется внести соответствующие коррективы в Стратегию развития муниципального образования «Челябинский городской округ» на 2005–2010 годы. Это не просто дополнительный раздел по семье, это признание того, что все мероприятия по реализации Стратегии развития г. Челябинска ориентированы, прежде всего, на семью, на стимулирование семейного благополучия и увеличение количества социально благополучных семей, в которых заинтересовано местное сообщество для решения острых социально-демографических проблем²⁰⁴.

Основные направления реализации семейной политики определены в данной Концепции на основе общепринятых сфер общественной жизни: политической, экономической, духовной, социальной.

²⁰² Тараданов А.А. Семейное благополучие: теория, методология, социальные параметры, программа управления развитием. – Челябинск, 2002, – 640 с.

²⁰³ Государственная семейная политика (научная школа профессора Г.И. Климантовой). Серия: научные школы МГСУ – М., 2004. – 205 с.

²⁰⁴ Логинова Н.Н. Проблемы семейной политики в РФ // Регионология. – 2004. – № 3. – С. 166–177.

Содержанием направлений деятельности является создание благоприятных условий для осуществления жизнедеятельности семей и для оптимального взаимодействия социальных институтов:

1. Политическое/идеологическое:

- разработка и пропаганда идеологии семейного благополучия,
- разработка семейно ориентированной муниципальной политики,
- разработка механизма управления процессами семейного благополучия,
 - формирование общественного мнения и поддержка гражданских инициатив, направленных на реализацию семейной политики,
 - изменение нормативно-правовой базы семейной политики в соответствии с идеологией семейного благополучия,
 - разработка положения по организации фамилистической экспертизы управленческих решений нормативно-правовых актов органов местного самоуправления (экспертное установление соответствия деятельности муниципального образования интересам семьи и условиям ее успешного функционирования),
 - разработка программ поддержки и развития различных типов семей с позиции семейного благополучия,
 - разработка нормативно-правовых актов для создания режима наибольшего благоприятствования для семейного бизнеса, семейного подряда и семейно ориентированной социальной работы,
 - разработка концепции и механизма социального партнерства, гражданского договора между семьей и муниципалитетом,
 - нормативное обеспечение различных форм самоорганизации семей,
 - формирование системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на благополучную семью с двумя и более детей,
 - пропаганда семейного образа жизни, системы семейных и родовых ценностей, ответственного родительства, семейного благополучия средствами массовой информации,
 - формирование семейных установок на здоровый образ жизни и рождение здоровых детей,
 - разработка критериев здоровья и потенциала развития при рождении ребенка,
 - разработка программ развития и передачи семейной и родовой культуры,

- организация экспертизы социальных и общественных проектов, СМИ по критериям семейного благополучия,
- осуществление постоянного мониторинга семейного благополучия, подготовка ежегодных докладов по положению семьи.

2. Экономическое:

- повышение материального благосостояния, уровня и качества жизни семьи,
- создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, обеспечения и воспитания двух и более детей,
- осуществление налоговой политики с учетом целей и задач семейной политики,
- использование механизма льготного кредитования и безвозмездных субсидий в зависимости от числа детей в семье,
- развитие рынка жилья и жилищно-бытовых услуг с учетом целей семейной политики города,
- распространение опыта использования в архитектурно-проектировочных решениях результатов прогноза семейной структуры населения,
- поддержание социальных гарантий в сфере труда и занятости для членов семей,
- обеспечение работникам, имеющим детей, условий, благоприятствующих сочетанию трудовой деятельности и выполнению семейных обязанностей,
- определение оптимальных сфер и технологий семейного бизнеса и семейного подряда на предприятии,
- проведение маркетинговых исследований рынков товаров и услуг, оптимальных для семейного бизнеса,
- стимулирование компаний, содействующих расширению семейного благополучия и корпоративно поддерживающих семейные ценности,
- создание системы экономического и профессионального семейного обучения,
- организация семейных бирж труда,
- создание Союза семейного бизнеса – Гильдии успешных семей,
- организация профессиональных семейных союзов,
- формирование материальной базы реализации проектов семейного благополучия,

- создание Фонда семейного благополучия,
- разработка и реализация механизмов поддержки общественных организаций, участвующих в реализации семейной политики.

Духовное (научное, образовательное, культурное):

- организация научно-исследовательских работ в сфере семейного благополучия,
- разработка и внедрение социальных технологий развития семейного благополучия,
- восстановление, формирование и развитие семейной и родовой культуры,
- создание системы семейного образования,
- разработка и реализация образовательных и просветительских программ по вопросам семейной и родовой культуры, семейного благополучия,
- разработка и внедрение системы подготовки кадров по работе с семьей на основе идеологии семейного благополучия,
- организация информационных, просветительских, учебно-методических, пропагандистских мероприятий по вопросам семьи,
- издание литературы по вопросам культуры семьи и семейного благополучия,
- формирование образа семейного благополучия, ценности семьи и рода средствами искусства,
- организация исследований по оценке эффективности социальных программ с позиции семейного благополучия²⁰⁵.

4. Социальное:

- создание механизма межведомственной координации, информационного, методического и организационного взаимодействия всех ведомств, учреждений и организаций, ведущих работу с семьей и детьми на всех уровнях,
- формирование исполнительных органов по реализации семейной политики,
- разработка регламента ежегодных мероприятий реализации семейной политики по всем ее направлениям,

²⁰⁵ О концепции региональной семейной политики: рекомендации от 22.09.2005 // Официальные документы в образовании. –2005. – Т 32. – С. 57–59.

- проведение «паспортизации» семей и создание единой базы данных семей г. Челябинска²⁰⁶,
- стимулирование рождаемости, в первую очередь, в социально благополучных семьях для увеличения численности и доли населения, проживающего в условиях семейного благополучия,
- развитие системы услуг и социальной комплексной помощи семье,
- развитие сети специализированных учреждений и служб социального обслуживания семьи и детей,
- развитие системы профилактических и лечебно-диагностических мероприятий, направленных на улучшение здоровья населения,
- развитие сети секций и кружков,
- сохранение и развитие материально-технической базы учреждений отдыха, оздоровления, развитие семейных форм отдыха, досуга и творчества,
- поддержка различных форм самоорганизации семей,
- расширение спектра возможностей семейного благополучия для детей, находящихся в условиях социального (семейного) неблагополучия,
- переход к преимущественному воспитанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семейной среде, поддержка семейных форм воспитания,
- организация муниципального целевого заказа и системы муниципальных грантов по реализации семейной и демографической политики,
- организация надзора за исполнением социальных программ, оценка их эффективности с регламентом ежегодного обновления.

Таким образом, новая стратегия семейной политики, изложенная в концепции, требует взвешенного системного подхода, где главными объектами регулирования являются человек, гражданин, семья. Концепция предлагает алгоритм действия для всех институтов конструктивно включиться в процесс создания и реализации государственных и политических программ в социальной сфере. Надо учесть и тот факт, что концепция, в условиях активно меняющегося мира, также может и должна меняться. И поэтому, на мой взгляд, дискурс, изложенных выше предложений представляет для ученых, занимающихся исследованиями в области социальной политики большой интерес.

²⁰⁶ Исаенко А.Н., Денискин С.А. Фрактальность живого. От клетки до национальной идеи. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2003.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ

С распространением современных средств связи значительная доля человеческого общения перемещается в сеть Интернет. «Оцифровываются» многие виды деятельности людей, в том числе трудовая и досуговая. Соответственно этим процессам, и пространство политического на сегодняшний день в заметной своей части является «виртуальным» пространством. Виртуальность Интернет существенно отличается от виртуальности традиционных средств массовой информации: здесь одностороннее информирование СМИ с ограниченными возможностями обратной связи заменяются «живым» полноценным общением; поле для активности субъектов значительно расширяется, а, следовательно, умножаются результаты этой активности.

Поскольку Интернет рассматривается главным образом как глобальное коммуникационное пространство, то можно выделить следующие формы политической активности в этом пространстве: сообщение информации, поиск информации, ее интерпретация, собственно коммуникация (дискуссия, различные формы обратной связи) по поводу интерпретируемой информации. Все эти отдельные акты активности субъектов, накладываясь друг на друга, конструируют определенные дискурсы. Таким образом, можно констатировать, что основным результатом политической активности в пространстве Интернет является как раз конструирование дискурсов, которые впоследствии влияют на реальные политические процессы.

Являются ли эти политические дискурсы целиком молодежными? Очевидно, что нет. Однако, данные опроса, проводившегося в феврале 2008 года компанией Burst Media среди взрослого населения, говорят о том, что 76% пользователей Интернета 18–24 лет и 73,9% пользователей 25–34 лет считают информацию, содержащуюся в сети, ориентированной именно на их возрастную группу. Доля представителей зрелого возраста, воспринимающих информацию в Интернете как ориентированную на них, значительно меньше. Поэтому с определенной долей условности мы будем рассматривать политические Интернет-дискурсы как преимущественно молодежные – хотя бы потому, что они воспринимаются молодежью как «свои». Далее, анализируя различные виды дискурсов, мы будем уточнять, в какой мере они конструируются молодежной аудиторией.

Как было сказано выше, в Интернет-пространстве формируется множество различных политических дискурсов. Многие из них достойны отдельного исследования (например, конструирование либерального дискурса в блогах активистов молодежных отделений правых партий или дискурс национал-патриотизма на Интернет-форумах). Однако, в данной статье мы остановимся на выделении определенных общих групп дискурсов и рассмотрим некоторые особенности их формирования.

Первая группа – это дискурсы, конструируемые институционализированными политическими субъектами: политическими партиями, общественно-политическими движениями, органами государственной и муниципальной власти. Как правило, площадками для формирования таких дискурсов являются соответствующие Интернет-сайты данных институтов. Для примера можно заглянуть на сайт Президента России²⁰⁷, Коммунистической партии РФ²⁰⁸ или «Молодой Гвардии Единой России»²⁰⁹. Среди особенностей этой группы дискурсов выделяются следующие:

- высокая компетентность источников информации,
- достаточно большие объемы сообщаемой информации об этом институте и ее позитивная подача,
- лояльность политическим институтам – инициаторам данного дискурса (характерна для большей части аудитории сайтов),
- жесткий контроль над процессом конструирования дискурса – осуществляется путем модерации всех текстов (включая комментарии посетителей), публикуемых на сайте.

Данная группа наиболее близка дискурсам, создаваемым традиционными СМИ. Процесс конструирования дискурсов носит преимущественно односторонний характер, активность субъектов (за исключением института – хозяина сайта) исчерпывается возможностью запрашивать и получать информацию, возможности публичной интерпретации ограничены модерационной политикой.

Вторая группа – это дискурсы, конструируемые отдельными персонами. Организационной формой конструирования таких дискурсов являются блоги²¹⁰ – своего рода «он-лайн» дневники. Эти дискур-

²⁰⁷<http://kremlin.ru/>.

²⁰⁸<http://kprf.ru/>.

²⁰⁹<http://www.molgvardia.ru/>.

²¹⁰ Блог (англ. blog, от «web log», «сетевой журнал или дневник событий») – это личный сайт пользователя, доступный общественному просмотру и состоящий из регу-

сы можно разделить на две больших группы: дискурсы, конструируемые авторитетными личностями, имеющими вес в политике и публичную известность, и дискурсы, конструируемые рядовыми гражданами. В первом случае читательская аудитория блога обычно превышает 1000 человек (так называемые «тысячники»), что позволяет говорить о значимости и широких перспективах дальнейшей трансляции формируемого дискурса. Сами блоггеры²¹¹ выступают экспертами в политической сфере и, как правило, обладают четким пониманием собственных интересов в политике, что влияет на особенности конструируемых дискурсов. В качестве примера можно привести «живой журнал»²¹² лидера молодежного «Яблока» Ильи Яшина²¹³, активистки (ныне не существующей партии) СПС Маши Гайдар²¹⁴ или члена федерального Политсовета «Молодой Гвардии Единой России» Владимира Бурматова²¹⁵. Несмотря на то, что среди блоггеров попадаются люди зрелого возраста (например, в сентябре 2008 года завел свой блог Первый заместитель Губернатора Челябинской области по вопросам агропромышленного комплекса Андрей Косилов²¹⁶ – правда, он далеко не тысячник, пока у него около 50 постоянных читателей), все же блогосфера – в основном, молодежное пространство. Представители молодого поколения активно проявляют себя и в создании дневников, в их информационном наполнении, и в дискуссиях по поводу блогговых записей.

Во втором случае авторы блогов не являются значимыми политическими акторами, их представления о политике основаны не на артикуляции собственных интересов, а на эмоциональном восприятии мира политического. Их читательская аудитория состоит, в основном, из таких же рядовых граждан, в большей мере – из личных знакомых автора. Такие персонально конструируемые дискурсы имеют малый ареал распространения и не оказывают значительного воздействия на формирование и усвоение дискурсов широкими массами.

Рассматривая первую, «экспертную» часть блогов, можно выделить у нее ряд особенностей:

- как и в случае с сайтами политических институтов, высокая

лярно обновляемых записей, изображений и мультимедиа. Предполагает полемику читателя с автором. Совокупность всех блогов Сети принято называть блогосферой.

²¹¹ Блоггер – владелец, автор Интернет-блога.

²¹² «Живой журнал», или ЖЖ – блог на сайте www.livejournal.com.

²¹³ <http://yashin.livejournal.com/>.

²¹⁴ <http://m-gaidar.livejournal.com/>.

²¹⁵ <http://gattarov.livejournal.com/>.

²¹⁶ <http://andrejkosilov.livejournal.com/>.

информированность авторов блогов и позиционирование себя в качестве экспертов,

- как правило, высокий эмоциональный фон дневниковых записей, насыщенность личными впечатлениями, смешение фактов и мнений,

- вытекающая из предыдущего пункта неполиткорректность записей, что временами ведет к судебным искам²¹⁷,

- аудитория блогов включает в себя не только личных знакомых и лояльных читателей. Зачастую политические оппоненты читают и комментируют дневники друг друга.

Отсюда следует интенсивная дискуссия в обсуждениях записей, которая способна качественно повлиять на конструирование дискурса и даже существенно изменить его. Хотя автор блога обладает модераторскими правами, как правило, политические активисты редко ими пользуются и предпочитают не уходить от дискуссии. В целом, дискурс, конструируемый на основе блога, более гибок и склонен подвергаться трансформации и реинтерпретации, нежели дискурсивные структуры, создаваемые на основе сайтов.

При том, что каждый из описанных выше двух способов конструирования дискурсов в Интернет-пространстве – с помощью сайтов и блогов – имеет свои уникальные черты, есть у них и общие характеристики. Основная – это целенаправленность коммуникационной активности, источником которой является один субъект. Интерпретаторы создаваемого дискурса имеют возможность вступать в коммуникацию, оставляя комментарии к текстам, включаясь в дискуссию и задавая вопросы. Естественно, своим участием они оказывают определенное воздействие на конструирование дискурса. Однако, учитывая, что большую часть информационного пространства отдельно взятого сайта или блога контролирует автор (политический институт или политическую личность), можно говорить о том, что данные способы конструирования дискурса моносубъектны. Очевидно, что подобным образом создаваемые дискурсы призваны обеспечить получение автором определенных политических бонусов – повышения собственного статуса, привлечение электоральной аудитории, вовлечение читателей в

²¹⁷Так, например, члены челябинского отделения «Молодой Гвардии Единая Россия» осенью 2008 г. грозили судом лидеру Молодежного «Яблока» Илье Яшину за то, что он в своем блоге описал пикет «молодогвардейцев» в выражениях типа «ликующая гопота», которая салютовала «в фашистском приветствии» <http://yashin.livejournal.com/670059.html>.

определенные политические акции (коллективные или индивидуальные действия) и т.д.

Третья группа политических Интернет-дискурсов основана на функционировании различных форумов. В данном случае мы исключаем форумы, которые являются частью сайтов политических институтов, и рассматриваем форумы, размещаемые на сайтах неполитической направленности (например, форум на информационном портале 74.ru²¹⁸ или на портале Копейского городского округа²¹⁹). Зачастую на таких форумах создаются разделы или заводятся темы, где пользователи обсуждают различные вопросы политической жизни страны или города. В результате подобного общения формируется определенный дискурс. Особенностью таких дискурсов является то, что их конструирование происходит стихийно, равными общими усилиями. Здесь, как правило, нет субъекта, изначально ориентированного на создание определенного дискурса и целенаправленно воздействующего на его конструирование в большей степени, нежели остальные участники дискуссии. Среди особенностей подобных дискурсов также можно отметить относительно низкую политическую компетентность конструирующих их лиц, отсутствие четкой структуры и целей дискурсов, общую их аморфность и рыхлость, а также преобладание эмоционального способа осмысления политики над рациональным.

Следует иметь в виду, что конструирование дискурсивных структур не является основной функцией политических форумов. Как правило, они выполняют роль площадки для обмена мнениями людей, не имеющих цели повлиять на чье-либо поведение или политические взгляды. Важная функция форумов – это возможность сублимации рядовыми гражданами своей политической активности, перевод энергии в вербальную форму с целью исключить ее насильственные проявления и устранить из политического пространства «уличную», «площадную» политику. С этой точки зрения становится неважным, в каком ключе ведется дискуссия на форуме – позитивном, негативном или нейтральном; важен лишь факт самой дискуссии. Учитывая, что наибольшая активность (в том числе, вербальная) и эмоциональность присуща представителям молодежной аудитории, констатируем «молодежный» характер данной формы коммуникации и конструирования политических дискурсов.

²¹⁸<http://74.ru/forum/view.php?id=1002759>.

²¹⁹<http://kopeysk.info/forum/index.php?s=823b1097b5d3dd1fab5739807db5e660&showforum=25>.

Уникальным по своей сложности образованием является политический дискурс, конструируемый в рамках института электронного правительства. Представляющий собой систему взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и гражданского общества, опосредованную сетью Интернет, организационно электронное правительство выступает как интегрированная в единый портал совокупность сайтов всех участников политического процесса. Таким образом, мы изначально, объединяя электронные ресурсы политических акторов, помещаем в единое информационное пространство отдельные дискурсы, создаваемые на базе каждого из этих сайтов. Очевидно, что дискурсы очень подвижны, и дискурсивные структуры способны меняться, одновременно изменяя окружающее пространство. Поэтому очевидно, что дискурс электронного правительства – это не простая сумма дискурсов каждого из субъектов этой коммуникационной системы, а нечто качественно иное. Конструирование дискурса электронного правительства напрямую зависит от политического веса его участников, от соотношения их сил, от их способности создавать устойчивые и внятные дискурсивные структуры. Дискурс электронного правительства (любого из региональных²²⁰ либо общедофедерального) в значительной степени зависит от того, кто из субъектов политической активности сумеет занять доминирующее положение в информационно-коммуникационном пространстве. В случае, если ни один из субъектов не способен (либо не имеет на то политической воли) добиться доминирования своего дискурса, то он конструируется совместными усилиями участников, как это происходит в случае с форумом. Однако на сегодняшний день чаще всего встречается вариант, когда дискурсы участников электронного правительства в основном своем содержании совпадают, и тогда вопрос о доминировании устраняется сам собой.

Относительно аудитории электронного правительства можно сказать, что она в меньшей степени является молодежной, нежели рассматриваемые нами выше формы Интернет-коммуникации. Во-первых, включенные в формирование дискурсивных структур в процессе коммуникации представители органов государственной и муниципальной власти, как правило, представляют возрастную группу от 25 лет и старше. Во-вторых, пользователями сайтов и порталов властных органов являются люди совершенно разных возрастов; и моло-

²²⁰ Например, электронные правительства: Тюменской области <http://www.admtymen.ru>, Ханты-мансийского автономного округа <http://www.admhmao.ru/>, Курганской области <http://kurganobl.ru/>.

дежь, и люди старшей возрастной группы зачастую обращаются к подобным сайтам с целью найти определенную информацию, нормативно-правовые акты, написать обращение или задать вопрос представителям учреждения. Поэтому дискурс электронного правительства мы не станем относить преимущественно к молодежным дискурсам, и определим его как универсальный политический Интернет-дискурс, не имеющий возрастной специфики.

Впрочем, сама суть пространства Интернет как коммуникационной системы, основанной на динамичном непрерывном взаимодействии субъектов политической активности с различными интересами и целями, исключает формирование устойчивого дискурса. Постоянная его трансформация – имманентное свойство данного пространства, отражающее динамику развития политических отношений в обществе.

На данный момент многие представители отечественной научно-исследовательской среды обращают внимание на отсутствие нормативных механизмов прямого влияния на принятие политических решений со стороны «Интернет-субъектов» (групп граждан на форумах, сетевых сообществах). Утверждение о том, что «через Интернет на политику не повлияешь» обуславливает недооценку исследователями виртуального пространства. Действительно, пока в нашей стране не существует даже механизма Интернет-голосования на выборах. Однако, недооценить новое политическое пространство сейчас – значит, столкнуться с неизвестным и неисследованным через несколько лет. В этой связи конструируемые Интернет-дискурсы представляются на данном этапе развития виртуального пространства наиболее важной формой политической активности.

С одной стороны, конструируемые дискурсы являются результатом политической активности реальных субъектов, выраженной в виртуальном пространстве. С другой стороны, формируемые дискурсивные структуры способны, в свою очередь, существенным образом влиять на сознание и поведение политических субъектов как в виртуальном, так и в реальном пространстве. Именно дискурсивные структуры, усваиваемые субъектами посредством разных каналов (в том числе, через Интернет), служат основой для формирования политической и правовой культуры, политических ориентаций и взглядов, влияют на персональную и групповую идентификацию. Таким образом, конструируемые в виртуальном пространстве, Интернет-дискурсы имеют впоследствии прямое выражение в реальном политическом поле. Такова диалектика дискурса, присущая Интернет-

пространству, и именно она определяет важность изучения Интернета для анализа политического дискурса в целом.

Воробьев И.В.

КАТЕГОРИЯ «ИМИДЖ РЕГИОНА» В ДИСКУРСЕ КОНЦЕПЦИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В отечественных и зарубежных исследованиях наблюдается перманентное расширение предмета дискурс-исследований. В рамки дискурс-анализа включается широкий спектр социальных и политических феноменов. Исследования в пространстве дискурса универсальных, междисциплинарных категорий, к числу которых можно с полным правом отнести категорию «имидж региона», свидетельствуют о методологическом расширении предмета дискурс-исследований.

На сегодняшний день категория «имидж региона» изучается как социально-гуманитарными, так и естественными науками. Исследования имиджа проводятся в рамках широкого спектра дисциплин: от социальной философии до географии. С нашей точки зрения сложившийся плюрализм подходов и многогранность категории «имидж региона» позволяют говорить о научном дискурсе категории.

Формат статьи не позволяет провести всесторонний анализ феномена «имидж», поэтому остановимся на одном из ключевых аспектов – анализе концепций виртуальной реальности в контексте исследования категории «имидж региона».

Очевидно, что феномен «имиджа», и в частности имидж территорий является продуктом общества постмодерна. Виртуальная реальность, рожденная современными медиатехнологиями, производит поток виртуальных образов. Образы, транслируемые медиа, конденсируются в метальном пространстве человека, формируя имидж.

Сложность и многообразие современного мира, отсутствие жесткой детерминированности бытия, многовекторность политических процессов и их следствий порождает методологические сложности поиска устойчивого онтологического единства мира, выработки универсального определения реальности.

На сегодняшний день не существует единой концепции состояния общества постмодерна. Можно выделить ряд авторских трактовок²²¹,

²²¹ Информационного общества (Д. Балл), супериндустриального общества (А. Тоффлер), посткапиталистического (Р. Дарендорф), постиндустриального (А. Турен) и др.

отражающих влияние современных информационных (виртуальных) технологий на структуру общества, его содержание, социальные связи, производственные, экономические процессы и т.д.

Виртуальная реальность приобретает доминирующее значение в структуре современного бытия. Чаще всего анализ виртуальной реальности проводится в дихотомии с пространством объективной (эмпирической) реальности.

Различные уровни современной реальности находятся в процессе перманентного взаимодействия и взаимовлияния. Информационные потоки, пронизывая пространства, трансформируют реальность, меняют соотношение значимости ее проявлений. Большинство исследователей отмечают отход на второй план реальностей, построенных не на принципах массовой коммуникации и выдвигают на главную роль виртуальной реальности.

В частности **Жан Бодрийяр** развивая категорию «симулякр»²²², полагает, что уровень развития современных технологий позволяет конструировать принципиально новый объект реальности не обладающий собственной, подлинной бытийностью – образ (имидж).

По мысли философа симулякр в силу своей природы обладает большей реальностью, чем объекты эмпирического мира. Следовательно, он представляет угрозу для «подлинной» реальности, которую способен не только замещать, имитировать, но и вытеснить. В этом свойстве образа кроется его «дьявольская сущность».

Ключевым положением теории Ж. Бодрийяра является тезис о симуляции реальности виртуальной реальностью, которая не обладает бытием, референтным объективированному миру. Симуляция размывает господствовавшее положение «вещи в себе» как онтологии бытийного мира, независимого от человека. Феномен имиджа подорвал эмпирическую реальность, выдвинув на первый план, вещь, которая не имеет воплощения, а конструируется посредством системы масс-медиа в коллективном сознании.

В этой связи категорию «имидж региона» можно рассматривать как негативное явление современной действительности, призванное манипулировать массовым сознанием. Имидж-симулякр реализует подмену бытия социума, погружая его в мир несуществующих отношений, осуществляя отчуждение человека, превращая его в социаль-

²²² См. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. – 1992. № 10. – С. 64–70, Рекивем по масс-медиа <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/82> и др.

ный конструкт, в рамках которого индивид утрачивает свою сущность и становится пассивной массой²²³.

Поль Вирильо полагает, что виртуальная реальность не поглощает, не симулирует реальность бытийную, а замещает ее.

Онтология процесса замещения, по мысли П. Вирильо, обусловлена качественными изменениями пространственно-временных координат. Вся природа земного шара ускоряется, нивелируются протяженности прежних пространств, выдвигая реальность «искусственного горизонта экрана или монитора, свидетельства приоритета медийной перспективы, где на первом плане находится «телеприсутствующее» событие, а не наличествующие здесь ландшафт и трехмерные объекты»²²⁴.

Горизонты и границы эмпирического мира замещаются виртуальным пространством, ограниченным искусственными рамками экрана, который формирует новое пространство бытийного мира. Соотношение значимости объективного и виртуального меняется в пользу последнего. Эмпирический мир теряет устойчивость, присутствует в жизни человека, но не замечается. Виртуальная реальность становится объемней физической реальности. «Складывается впечатление, что исчезновение линии географического горизонта неотвратимо приводит к введению замещающего горизонта. «Искусственный горизонт» экрана или монитора свидетельствует о превосходстве медийной перспективы над непосредственной пространственной перспективой. Объемность «телеприсутствующего» события становится более значимой, чем наличные трехмерные предметы и их расположения...»²²⁵.

Наблюдается процесс, который П. Вирильо обозначил как «полномасштабная оптика замещения», которая в отличие от концепции «симулякра», рефлексруется социумом и, следовательно, сознательно принимается как неизбежность, как данность.

В современном мире обязательное присутствие в мире физической реальности замещено присутствием в пространстве виртуальной реальности. «Обязательное телеприсутствие полностью замещает чье-либо непосредственное присутствие (на работе, в торговле..., телевидение уже не может оставаться тем, чем оно было последние пятьдесят лет: средством развлечения и культурного развития; прежде всего, оно

²²³ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. Или конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 95 с.

²²⁴ Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана. – М.: Гнозис, 2002.

²²⁵ Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана

должно явить на свет мировое время информационных обменов, виртуальный мир, замещающий окружающий нас мир реальный»²²⁶.

Таким образом, П. Вирильо делает вывод, что современная реальность по своей сути представляет «стереореальность». С одной стороны, наличествует «действительная реальность непосредственных видимостей» – эмпирическая реальность. С другой стороны, появляется новый уровень реальности – «виртуальная реальность медийных проявлений» (transapparences).

Эмпирическая реальность больше не представляет интерес для человека, не является препятствием на пути познания. «Уже братья Люмьер в конце XIX века, отправляя кинематографистов-репортеров во все стороны света, продемонстрировали, что кинематограф замещает человеческое видение и легко воспроизводит не только реальное время (благодаря инерции сетчатки), но и расстояния и измерения реального пространства»²²⁷.

Таким образом, виртуальная реальность, заместившая бытийную реальность, открывает широкие перспективы для конструирования новой социально-политической реальности, в том числе и на уровне региона посредством создания и проецирования виртуальных образов. Игнорирование и недостаточное внимание к присутствию в виртуальной реальности привет к «исчезновению» региона из бытийного мира, поскольку роль современного бытия выполняет виртуальное пространство экрана.

Славой Жижек определяет виртуальную реальность, как реальность лишенную собственной бытийной субстанции. В современной повседневной реальности человека окружает большое количество феноменов лишенных внутренней сущности. «На современном рынке мы находим множество продуктов, лишенных своих злокачественных свойств: кофе без кофеина, сливки без жира, безалкогольное пиво... И список можно продолжить: как насчет виртуального секса как секса без секса, доктрины войны без потерь (с нашей стороны, конечно) Колина Пауэлла как войны без войны, современного переопределения политики в качестве искусства квалифицированного управления как политики без политики»²²⁸.

²²⁶ Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана.

²²⁷ Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана.

²²⁸ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». – 159 с. – С. 17.

Виртуальная реальность, по мысли С. Жижека, генерализирует процесс утраты реальностью внутренней субстанции до рамок глобального феномена. Индивид воспринимает виртуальную реальность как подлинную. По аналогии с продуктами лишенными вредных свойств, но сохраняющими вкусовые ощущения оригинала, виртуальная реальность воспринимается как подлинная, таковой не являясь.

Наблюдается дихотомия, с одной стороны, человек воспринимает продукты виртуальной реальности (образы) как подлинно реальные. С другой стороны, «подлинная реальность», чтобы войти в бытийный мир человека, субъективно восприниматься как подлинная должна воплотиться в форму «ирреального фантома».

В конечном результате подлинная реальность начинает переживаться индивидом как виртуальная. «Реальное для того, чтобы оно могло существовать, должно восприниматься как кошмарный ирреальный фантом. Обычно мы говорим, что нельзя принимать вымысел за реальность – вспомним постмодернистскую догму, согласно которой «реальность» – это дискурсивный продукт, символический вымысел, ошибочно принимаемый нами за автономную материальную сущность. Психоанализ учит обратному: нельзя принимать реальность за вымысел – нужно уметь различать в том, что мы переживаем как вымысел, твердое ядро Реального, которое мы сможем вынести, только если выдумаем его»²²⁹.

Таким образом, ученый полагает, что в своем повседневном существовании западная цивилизация погружена в реальность, конструируемую и поддерживаемую «фантазмом», который в своей сущности есть имидж, субъективное отражение реальности виртуального пространства в коллективном сознании социума.

Славой Жижек, делая вывод относительно онтологии феномена «виртуальная реальность» полагает, что она «обеспечивает саму реальность, лишенную своей субстанции, сопротивляющуюся твердому ядру Реального – точно так же, как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является, виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой. Однако в конце этого процесса виртуализации мы начинаем переживать саму «реальную действительность» как виртуальную»²³⁰.

²²⁹ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». – 159 с. – С. 27.

²³⁰ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». – 159 с. – С. 17.

Таким образом, мы полагаем, что феномен «имидж региона» репрезентирует территорию, воплощает в себе сущностные черты своего эмпирического прототипа «подлинного» региона, не являясь таковым. Имидж – бессубстанциональная категория, внешний фасад, скрывающий отсутствующее бытие, призванный казаться, но не быть. Однако, выполняя роль субстрата региона, имидж позволяет эффективно решать ряд задач, в частности формировать региональную идентичность, привлекать необходимые региону ресурсы, добиваться принятия нужных решений на федеральном уровне и т.д.

Джани Ваттимо характеризует состояние общества постмодерна категорией «дереализация», которая равнозначна по объему концепту «эстетизация». Современные технологии коммуникации определяют человеческое существование в эпоху поздней современности. Согласно постмодернистским концепциям «мир – это не более, чем «игра интерпретаций» – и более ничто; различается лишь степень осознания»²³¹. Это положение характеризует рождение феномена виртуальной реальности.

Дереализация отражает совокупность феноменов современного мира, общей направляющей которых является преобладание символического статуса над употреблением. На первый план выходит эстетическая экзистенция объектов мира, вытесняющая внутреннее содержание вещи «все это только результат процесса, тождественного самой современности, когда происходящее именно в эстетической сфере предвосхищает трансформации, которые происходят в социальной жизни в целом или, по крайней мере, становится их символическим выражением»²³².

В частности, массовая реклама товаров вытеснила внутреннее содержание вещи, элиминировала функциональные свойства, выдвинув на первый план символическую полезность стиля жизни, образа потребления и т.д. Следовательно, образ региона, конструируемый в массовом сознании в форме имиджа, представляет собой конечный продукт дереализации, предельную степень эстетизации эмпирического мира и наполняющих его сущностей.

По мнению Дж. Ваттимо у человечества нет другого пути, кроме усиления степени дереализации, доведения ее до абсолюта и тотальности. Общество не должно противостоять «дереализации во имя утраченной реальности, которую мы хотели бы вернуть». Возврат к объек-

²³¹ Ваттимо Дж. Прозрачное общество. – М.: Издательство «Логос», 2002. – 128 с. – С. 92.

²³² Ваттимо Дж. Прозрачное общество. – М.: Издательство «Логос», 2002. – 128 с. – С. 93.

тивистской метафизике в полной мере уже не возможен. Однако и дереализация не может проявиться полностью. Ее окончательному воплощению мешают границы, которые создает «реальный мир», еще не до конца утраченная реальность, которая диктует свои условия и во многом определяет содержание процесса дереализации.

Таким образом, с одной стороны можно констатировать, что в современном мире объективная реальность значительно утратила свои позиции. Как минимум заняла место в ряду множества реальностей. Виртуальная реальность во многом заместила собой эмпирическую бытийность мира.

С другой стороны, виртуальная реальность, являясь продуктом системы масс-медиа, обладает крайне пластичной подвижной структурой. Она легко поддается конструированию, переформатированию смыслов и категорий. Следовательно, открываются широкие возможности для манипулирования. На первый план выходят технологии политического управления, основанные на феномене виртуальной реальности, в частности создание и продвижение имиджа региона.

Современная реальность человека во многом искусственная, сконструированная посредством образов виртуальной реальности, которая пронизывает все сферы человеческого бытия.

Имидж как категория, в основании которой лежит образ, онтология существования которого не предполагает двусмысленности и противоречивого толкования. Образы виртуальной реальности воспринимается человеком в готовом виде, не оставляя возможности для осмысления, и предполагают запрограммированную рефлексия. Следовательно, современные технологии возвращают человечество к дописьменной эпохе визуального наблюдения мира. Однако этот возврат детерминирован принципиально новыми условиями бытия, в которых реальность окончательно обрела искусственный, сконструированный характер.

«Одним из источников формирования реальности выступает телевидение, а точнее его образы. Именно телевизионные образы задают социальное пространство и социальное время, именно они моделируют реальность, выступая в качестве одного из важнейших инструментов идентификации личности и формируют портреты «героев нашего времени»²³³.

²³³ Прилукова Е.Г. Теле-виртуальная реальность: гносеологический аспект: Монография / ЧГАКИ. – Челябинск, 2004. – 139 с. – С. 35.

Таким образом, мы полагаем, что реальность, окружающая человека, определяющая его бытие, сконденсированная в ментальном пространстве является искусственной и, следовательно, сконструированной реальностью.

В современном мире виртуальная реальность, прочно утвердилось в пространстве других реальностей, во многом определяя их содержание, посредством имиджа жестко канализируя социальное и политическое бытие. Сведя бесконечное разнообразие жизни индивида к четким институциональным ролям в рамках социального взаимодействия, в том числе и на региональном уровне – генерализованное отчуждение.

Следовательно, эффективное развитие региона, управление социальными, экономическими, политическими и прочими процессами невозможно без конструирования имиджа региона в пространстве виртуальной реальности.

Таким образом, виртуальная реальность независимо от оценочных характеристик авторских концепций, бесспорно, является порождающей средой феномена «имидж региона».

Бельчич Д.Ю.

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Современная эпоха порождает новые принципы взаимодействия власти, индивида и общества. Общемировая тенденция интенсивного развития средств массовой информации и создание в России единого информационного пространства обусловили функционирование масс-медиа как своеобразного катализатора многих социально-политических процессов. Культура постепенно превращается в доминирующий источник формирования политического пространства, а медиакultura превращается в важный фактор политических преобразований современной России.

Термин «медиакultura», который происходит от латинского «медиа» (media – средство, посредник) зародился в рамках культурологической теории современности истории СМК. Один из ведущих отечественных специалистов в области медиакультуры Н.Б.Кириллова определяет ее как «совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в процессе

исторического развития»²³⁴. Что не менее важно, медиакультура – это также комплекс материальных и интеллектуальных ценностей, каким-либо образом связанный с передачей и восприятием информации и способствующий формированию общественного сознания и социализации личности. Таким образом, сегодня медиа – это не только средство для передачи информации, это целая среда, в которой производится, эстетизируются и транслируются культурные коды, это знаковая система.

Специфика современной медиакультуры состоит в том, что наиболее сильное воздействие на человека оказывают аудиовизуальные образы экранных медиа (кино, телевидение, интернет). Ключевым в наступившую эпоху является власть образа. Власть слова в полной мере проявилась после Гуттенберга (изобретателя первого печатного станка) и была связана с возникновением определенного абстрагированного мира символов письменной культуры. Власть образа, как утверждает А. Генис, «вернула нас на три тысячи лет назад, в дописьменный мир, построенный на визуально-акустических метафорах»²³⁵. Следовательно, «под мощным воздействием новой коммуникационной системы, опосредованным социальными интересами, политикой правительств и стратегиями бизнеса, рождается новая культура: культура реальной виртуальности»²³⁶. Экран как средство электронных масс-медиа погружает нас в определенные типы существования, навязывая их нам. Он создает совершенно особое пространство, похожее на реальное. Жизнь без экрана постепенно становится, для многих людей, неполноценной, мы привыкли к всемогуществу экранного языка. Экран создает виртуальную реальность – новый тип аудиовизуальной реальности, отличающийся от реальности актуальной тем, что объекты в ней лишены своей онтологической (бытийственной) основы, которая видоизменяет естественную реальность. Образы, в которые погружают нас медиа, согласно Бодрийяру обладают «дьявольской сущностью», поскольку они только лишь симулякры (от лат. *simulacrum* – подобие, видимость)²³⁷. «Симулякр – это фантом сознания, кажимость, то, что воспроизводит образ объекта

²³⁴Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. – М: Академический проект, 2005. – С. 23.

²³⁵Генис А. Глаз и слово // Иностранная литература, 1995. – № 4. – С. 226.

²³⁶См. Прилукова Е.Г. Теле-виртуальная реальность: гносеологический аспект: Монография / ЧГАКИ. – Челябинск, 2004. – С. 31.

²³⁷См. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино, 1992. – № 10. – С. 64–70.

вне его субстанциональных свойств»²³⁸. Симулякры – это искусственно созданные ценности и ориентиры, которые «предпочтительны для человека толпы именно этим: они не включают идеи трудоемкого и длительного совершенствования»²³⁹. Согласно Бодрийяру, симулякр оказывает решающее воздействие на сознание. В отличие от него Маршалл Маклюэн считал, что на сознание влияет само средство. По его мнению «...средство коммуникации в информационную эпоху само есть содержание. Сообщением любого средства коммуникации, любой технологии становится изменение масштаба, ритма, модели, привнесенное этим средством в человеческую деятельность»²⁴⁰. Средство сообщения – само есть сообщение (*medium is messeg*). Мозаичная, эклектичная форма медиа предполагает не отстраненную «точку зрения», а участие в процессе, поэтому медиакультура неотделима от демократического процесса. Несмотря на различия Бодрийяр и Маклюэн сходятся во мнении: медиа всегда присущ мнимый, фиктивный характер. Именно они (медиа) формируют медиакультуру как явление полифункциональное.

Мы попытались выделить социальные функции медиакультуры, проранжировав их, исходя из важности во взаимодействии по линии «общество – власть»: 1) информационная функция; 2) коммуникационная функция; 3) посредническая функция; 4) политическая (управленческая) функция; 5) нормативная (идеологическая) функция; 6) интегративная функция; 7) технологическая функция; 8) креативная функция; 9) этикетная функция; 10) релаксационная функция.

Следует отметить, что усиление социальных функций масс-медиа началось с первого экранного медиа-кинематографа. В середине 20-го века на основе кинотехнологии появилось телевидение, обращающееся к ассоциативному мышлению. Постепенно посредством электронных медиа коммуникационный процесс как бы эмансипируется, все меньше становится необходимым живое присутствие. Трудно не согласиться с А. Генисом, что за сто лет кино вместе с другими порожденными им электронными медиа изменило не только геометрию и

²³⁸ Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2000, – С. 41.

²³⁹ Русаков В.М. От дискурса антропологического поворота к дискурсу антропологической катастрофы // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Второй Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра. – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2008, – С. 50.

²⁴⁰ Маклюэн М. Осмысляя средства коммуникации: новые измерения человека // Искусство кино, 1994. – № 2. – С. 71.

оптику нашего мира, но и метафорическую и метафизическую ориентацию человека в нем. Компьютеризация мирового пространства усилила тенденцию к тому, что «вселенная изменила свою конфигурацию – из реки с сильным течением нас пересадили в бассейн, из царства линейной перспективы, навязанной нам письменностью, мы попали в сферу устной, дописьменной культуры»²⁴¹. Телекоммуникация сводит на нет существующие пространственные и временные ограничения. Медиа двадцатого столетия еще раз существенно расширили планетарно-масштабные возможности коммуникации. Возможно, общество достигает некой границы, на которой уже ничто не является некоммуницируемым.

Следовательно, медиакультура существенно влияет на массовое сознание, воздействует на мировоззрение различных социокультурных групп. Сегодня она становится одним из инструментов управления обществом, активно воздействуя на политические ценности (установки), формируя политическое сознание, а также, влияя на коллективное бессознательное. Таким образом, можно констатировать факт существования политической медиакультуры как элемента медиакультуры в целом.

Важно подчеркнуть, что вереница телевизионных образов начинает формировать не только ценности и образцы поведения, но и стандарты мышления, которые унифицируют человека, превращая его в часть массы. Образы отрицают необходимость рациональной интерпретации информации, начинает формироваться современная толпа, о которой говорит С. Московичи: она «представляет из себя публику телезрителей, получающих одновременно одни и те же изображения, одну и ту же информацию, а значит одни и те же идеи»²⁴². Поэтому, чтобы управлять обществом совершенно необязательно, чтобы образ политической медиакультуры нес прямой политический смысл. Захват прессы, радио и, особенно, телевидения становится одной из целей политической борьбы. Справедливо или нет, но каждая правящая группа – правительство или оппозиция – считает, что тот, кто получит к ним доступ, тот одновременно получит решающее влияние на общественное мнение. «Современные вожди для создания своей публики и управления должны располагать медиа и обла-

²⁴¹ См.: Генис А. Глаз и слово// Иностранная литература, 1995. – № 4. – С. 227.

²⁴² Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психиатрии, 1998. – С. 260.

дать необходимыми талантами, чтобы ими пользоваться»²⁴³. Это связано и с тем, что существует «манипуляционная» особенность восприятия аудиовизуальных образов политической медиакультуры: если это показано всем, следовательно, так есть и так должно быть. «Успех телевидения – есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории»²⁴⁴. Синдром минимальных усилий, а так же недостаток альтернатив личностного и культурного включения в общение объясняют быстроту и широту распространения экранных медиа: «лишь немногие люди выбирают заранее программу, которую они хотели бы посмотреть. Как правило, первое решение – посмотреть телевизор, а затем программы переключаются до тех пор, пока не выбирается наиболее привлекательная, либо, что гораздо чаще наименее скучная»²⁴⁵. Следуя логике нашего анализа, мы считаем, что аудиовизуальные образы политической медиакультуры задают обществу определенные социальные структуры (ценностные ориентации, поведенческие нормы, установки), социальное пространство и социальное время. Они моделируют реальность, выступая в качестве одного из важнейших инструментов идентификации личности. Сегодня в рамках небывалой интеграции культур, происходит распространение во всемирном масштабе, регулируемой Западом информации и средств развлечения, которые оказывают соответствующий эффект на ценности тех мест, куда эта информация проникает. По данным российских социологов, всего 10 западных телекоммуникационных компаний владеют 86% мирового рынка телекоммуникаций (этот рынок оценивается экспертами в 262 млрд. долл.)²⁴⁶. Посредством художественного метода по миру распространяются некие идеальные структуры, связанные с национальной этикой и преимущественно американским образом жизни. Голливуд создает изысканные мечты, мифы и при этом то, что делает Голливуд, становится способом жизни для миллионов людей, вероятно, то, что Голливуд производит, распространяет и экспортирует нечто большее, чем фильмы. Люди заимствуют философию, стиль одежды, манеры,

²⁴³ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психиатрии, 1998. – С. 260.

²⁴⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 317.

²⁴⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 317.

²⁴⁶ См.: Карпунин О.И., Макаревич Э.Ф. Национальная культура – основа национальной идентичности в «глобализирующемся мире» // Социально-гуманитарные знания, 2006. – № 2. – С. 33.

походку, разговоры, знания о мире из того, что они смотрят. Сегодня Голливуд – это орудие экспансии американского видения мира. Привлекательные социальные мифы Голливуда – одновременно являются и некой формой терапии (успокаивающей, развлекающей и т.д.) для большинства стран мира и виртуальной реальностью, которая может размывать национальную идентичность, а идентификация является основой культурной самобытности. В глобальном усиливающемся влиянии проявляется мощь американской массовой культуры. В то же время ценности данной культуры могут нести и негативные свойства: крайний индивидуализм, коллективный эгоцентризм, примитивизм, насилие. Э. Тоффлер придерживается несколько иной позиции: страх того, что масс-медиа, охватив земной шар, сделают наш мир гомогенным, преувеличен, т.к. с процессом глобализации уменьшается значение отдельного канала информации и увеличивается разнообразие дискурсов²⁴⁷. Это изменение имеет революционное значение (как культурное, так и политическое) и характеризуется как переход от масс-медиа с малым выбором к масс-медиа с огромным выбором. Мы считаем, что существует глубочайший водораздел между «информационно богатыми» («электронным поколением», «экранным поколением») и «информационно бедными». Такая тенденция закладывает риск политического взрыва. Следовательно, власть, чтобы сохранить устойчивое развитие общественной системы, должна способствовать вовлечению в современное информационное пространство тех, кто не имеет такой возможности. Необходимы усилия международных организаций, чтобы информация в современном мире становилась доступной все большему количеству людей в разных странах и, таким образом сглаживалось информационное неравенство.

Телевидение с его осязательностью стало разросшейся нервной системой человека: изображение на экране не зафиксировано камерой, но воспринято (осмотрено, ошупано) нашими органами чувств. Экран уже не позволяет задаваться вопросами, он сам задает вопросы в «прямом изображении». «Именно в этом смысле современные средства массовой информации, по Маклюэну, требуют от зрителя более непосредственной сопричастности, непрерывных ответов, абсолютной пластичности»²⁴⁸. Семантический процесс регулируется самим средством информации, способом осуществляемого им монтажа, раскадровки, опроса, требования. Этот процесс скорее ближе к тактильной ком-

²⁴⁷ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: Издательство АСТ, 2004. – С. 414.

²⁴⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 135.

муникации, чем к визуальной. Осязание утрачивает для нас свою сенсорную, чувственную значимость.

Н. Луман связывает растущее значение информации для современного человека не с некими изменениями в природе восприятия информации (нам легче воспринимать информацию через аудиовизуальный образ), а с взрывным ростом роли решений²⁴⁹. Современное общество постольку «информационно», поскольку в огромной степени зависит от определенных решений (политических в том числе), которые необходимо обосновывать. Обращаясь к телевизионной информации, ищем ответа: почему принято то или иное решение. Нам нужны доводы в пользу принятого или предполагаемого решения, потому что от этих решений зависит наше настоящее и будущее. Поэтому, политическая медиакультура неотделима от демократического процесса.

Ведущим форматом современного российского телевидения выступают телесериалы, игровые шоу и юмористические передачи. Эти программы рассчитаны в основном на молодое поколение, и соответственно влияют на ценности молодежи. Следует отметить, что вопрос ценностей, циркулируемых в пространстве медиа, остается чрезвычайно важным. Основные идеи игровых программ: вопросы борьбы за существование как необходимый закон жизни современного общества²⁵⁰. Рост количества развлекательных и юмористических передач говорит о том, что политика не интересна массовому зрителю. Бесконечные рассказы о личной жизни «звезд» пользуются сегодня куда большей популярностью, чем дискуссии об актуальных социальных проблемах. Согласно М. Маклюэну, фривольность, склонность к групповым разоблачениям, коллективное перемывание костей неотделимы от природы формы электронной медиа. Жизнеспособность масс-медиа нуждается в открытии некоей неприглядности. Рождается образ героя нашего времени – образ Митрофанушки: «зачем работать и учиться, когда можно выиграть, а в Сети все есть». Политическая жизнь превращается в один нескончаемый сериал. Телевизионные новости показывают те события, которые наиболее значимы с точки зрения власти. Тем самым выстраивается иерархия образов, которая отражает существующую социальную иерархию.

²⁴⁹ См. Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: «Логос», 2005. – 280 с.

²⁵⁰ См. Прилукова Е.Г. Безопасность личности в контексте нашего времени // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Второй Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийера. – Екатеринбург, Челябинск: Дискурс-Пи, 2008. – С. 88.

Сама «политика все больше превращается в игровое шоу («К барьеру» В. Соловьева). Гражданин перестает быть активным участником событий, он всего лишь зритель»²⁵¹. Зритель привыкает наблюдать за политикой со стороны. При этом создается симуляция участия в виде различных «звонков в студию», «SMS-голосования», «прямого голосования в студии». Возможно, интенсификация массовой культуры нейтрализует избытки человеческой активности (в том числе и политической активности). Тем не менее, индивиды не становятся активными, их действия зависят от символической политики медиа. Политика ныне творится в телестудиях. Следовательно, дискурсы политической медиакультуры формируют отношение к политике, представления о политическом участии и воздействуют на политическую активность.

Возникает вопрос, может ли в демократичном обществе существовать масс-медиа, которые не манипулируют общественным сознанием. Так М. Маклюэн анализируя рекламу, полагает, что аудиовизуальные образы политической медиакультуры всегда манипулируют, поскольку сама природа образов СМИ «манипулятивна» и является формой «платного обучения» или «оплачиваемой занятости». «В целом телевидение предлагает не расстраиваться по поводу демократии, а заняться шопингом или прикладной зоологией. Маклюэн утверждает, что именно такие интересы граждан указывают на подлинную демократию, ибо опасно, когда проблемы политики становятся важнее карьеры и толстых бедер»²⁵². Освещение и анализ политически значимых событий телевидением будет в коммерческих интересах рекламодателей. Здесь информация выступает как товар, который нужно произвести и продать, чтобы получить прибыль. В противовес этому тезису Маклюэна о неизбежном манипулировании общественного сознания со стороны масс-медиа, можно предложить концепцию «публичной сферы» Юргена Хабермаса. Публичная сфера – сфера независимая не только от государства (хотя и финансируемая им), но и от основных экономических сил; сфера, позволяющая рационально обсудить проблему, т.е. провести дискуссию, в которой участники не будут подта-

²⁵¹ Прилукова Е.Г. Безопасность личности в контексте нашего времени // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Второй Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийера. – Екатеринбург, Челябинск: Дискурс-Пи, 2008. – С. 88.

²⁵² Лапина-Кратосюк Е.Г. Фигура зрителя в новостных программах современного телевидения // Медиакультура новой России. Материалы международной научной конференции. / Под редакцией Н.Б.Кирилловой. – Екатеринбург-Москва: Академический проект, 2007. – С. 153.

совывать ее результатов. Она требует, чтобы участники дискуссий ясно изложили свои позиции, а широкая публика с ними ознакомится и будет в курсе происходящего. На наш взгляд, публичная сфера Хабермаса – идеальная модель, привлекательная для сторонников демократии т.к. надежная информация предоставляется всем без каких-либо условий, является гарантией открытости и доступности демократических процедур, которая дает возможность доступа к фактам, люди их могут спокойно проанализировать. Масс-медиа, превращаясь в монополистические организации, в меньшей мере выполняют свою важнейшую функцию – доводить до общественности достоверную информацию. «Коммуникация – писал Хабермас – это и механизм распространения информации с помощью технических средств, инструмент воздействия на общественное сознание, но это и способ осуществления связи и взаимодействия людей в социокультурной среде»²⁵³. Чем больше СМИ монополизируются (капиталистами, государственной властью), тем более они формируют общественное мнение, и, тем более приходит в упадок публичная сфера. Медиа становятся средством рекламы и/или берут на себя функции пропаганды. В таком случае самодеятельность, активность индивида сведена к минимуму, ограничены возможности критической мысли, создаются лишь разные виды развлекательной продукции, пустая болтовня, сплетни о личной жизни знаменитостей, юмористические передачи. Ценной информации в сфере медиа ничтожно мало. Гибнет публичная сфера, политическая жизнь превращается в шоу. Хабермас с глубокой тревогой размышляет о сегодняшнем положении вещей: «мнение масс возобладали над разумной аргументацией... Какой смысл, что люди голосуют, если они не могут понять за что они голосуют»²⁵⁴. Как видно из вышесказанного, Хабермас не считает «манипулятивность» масс-медиа инвариантной, и уповает на создание публичной сферы. Воплощается публичная сфера Ю. Хабермаса в общественном телерадиовещании, которое предполагает формирование общественного мнения в результате открытого обсуждения, предполагает высокое качество политического дискурса (дискуссионный характер), доступность качественной информации.

Таким образом, современные масс-медиа являются эффективным механизмом формирования общественного мнения. Политическая медиакультура задает обществу определенные социальные структуры (ценностные ориентации, поведенческие нормы, установки). Наиболее

²⁵³ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 83.

²⁵⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 226.

сильное воздействие на современного человека оказывают аудиовизуальные образы, распространяемые электронными медиа (кино, телевидение, Интернет). «Манипулятивность» образов политической медиакультуры значительно сокращается в публичной сфере (в том числе в общественном телерадиовещании). Необходимо формирование политической медиакультуры как эффективного механизма самопознания общества, ибо жизнеспособность общества находится в прямой зависимости от степени самопознания.

Глухарев Д.С.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК БУДУЩЕЙ ЭЛИТЫ

В научный язык достаточно прочно вошло понятие региональной элиты. Ее структура, степень влияния на принятие решений, способы рекрутирования, остаются дискуссионными и по сей день, но наличие в регионах таких элит не оспаривается. Так же неоспорим тот факт, что получение высшего образования, является одним из ключевых факторов вхождения в элиту. Конечно, наличие диплома не говорит о принадлежности индивидуума к элите, но наличие высшего образования для членов элитарного круга практически обязательно. Поэтому, можно говорить о том, что исследования студенческой среды, может показать мировоззрение будущей элиты.

В 2008 году в крупнейшем вузе Южного Урала прошел опрос студентов по всем позициям общественной, политической, социальной и научной жизни. Всего в опроснике было свыше 150 вопросов. Опрошено 3500 студентов разных факультетов. В данной статье анализируется лишь часть этих вопросов, посвященных политическим взглядам молодежи.

Прежде всего, можно отметить значительный рост патриотизма. Как известно, нынешнее среднее поколение, пережившее и развал СССР, и дефолт, и антитеррористическую кампанию, отличается значительной степенью негативизма и нигилизма. Патриотизм для них, это либо ностальгия по временам нравственно-патриотического воспитания существовавшего в СССР, либо метод манипуляции общественным сознанием. Патриотами Родины, такие люди, пережившие 1990-е годы, назовут себя вряд ли. Молодое поколение более позитивно относится к этому элементу пропаганды. 35% студентов

считают себя патриотами и еще 37% опрошенных ответили что они, скорее патриоты, чем нет.

Однако, большинство студентов, несмотря на высказанный ими патриотизм, в патриотических мероприятиях участия не принимают. Доля тех, кто регулярно посещает их, ничтожно мала, около 5%. Еще треть посещает такие мероприятия от случая к случаю. Данный факт, на взгляд автора, говорит о том, что во многом студенческий патриотизм является показным.

Интересно распределение ответов на вопрос о влиянии патриотизма на работу. На первый взгляд взаимосвязи здесь быть не должно, так как патриотические чувства, это индивидуальная позиция личности, не оказывающая влияния на профессиональные качества. Тем не менее, студенты так не считают. Оценивая влияние патриотизма на отношение к работе, студенты разделились на два равных лагеря. Одни, считают, что патриотизм оказывает достаточно сильное влияние, другие считают, что никакого влияния не существует. Необходимо учесть, что многие из них станут в будущем руководителями предприятий, и соответственно работодателями. И при приеме на работу и в ходе трудовой деятельности, данный фактор ими может учитываться. С точки зрения юриспруденции здесь есть потенциальная опасность ограничения гражданских прав и свобод. Другими словами, часть будущей элиты, считает, что гражданская позиция человека мешает работе а, следовательно, ее необходимо контролировать.

Анализируя степень участия студентов в деятельности каких-либо общественных организаций, следует сказать, что реальной деятельностью занимаются лишь 6% студентов, а желание участвовать в работе общественных организаций высказались лишь 17%. С другой стороны, студенты просто не знают, какие общественные организации существуют и в каких из них они могут принять участие.

Деятельность молодежных организаций студенты естественно в подавляющей массе оценивают положительно. Однако, большая часть студентов(45%) считает, что влияние этих молодежных организаций на принятие политических решений незначительно. Часть студентов настроено менее пессимистично и признает наличие определенного влияния(37%). Тем не менее, это распределение показывает одну из причин низкого участия молодежи в деятельности общественных организаций. Существенная часть студенчества, считает, что молодежные и общественные организации не могут оказывать существенного

влияния на жизнь в обществе, а соответственно не видят смысла в активном участии в их работе.

Тем не менее, треть студентов верят, что их деятельность может оказать влияние на политическую ситуацию в стране. С одной стороны, учитывая нигилизм старшего поколения, это радует, с другой стороны столь яркое желание, хоть что-то изменить уже сейчас, может привести значительную массу студентов в радикальные политические организации. С этой точки зрения централизованное создание молодежных политических организаций, играют, несомненно, положительную роль, так как сокращают приток политически активной молодежи в ряды НБП или националистических партий.

Несмотря на то, что опрос проводился в докризисный период, большинство студентов оценивает политическую ситуацию как нестабильную. В молодежной среде, несмотря на несколько лет стабильного развития, твердой уверенности в будущем нет. Есть также определенная неуверенность в правильности действий государственной власти. Полностью такую деятельность поддерживают лишь 10%. В явной оппозиции к государственной власти находятся 15% студентов. Другими словами ярых противников власти больше, чем ее сторонников. Остальные 70% студентов, в зависимости от хода внешних событий переметнутся в тот или иной лагерь. С другой стороны, 10% явных сторонников действующей власти, это очень хороший показатель.

Опрос показал, что 2% студентов уже состоят в партии, причем все они состоят в партии «Единая Россия». Если вести речь о сторонниках партий, то примерно треть студентов, проявляют политическую активность и поддерживают ту или иную партию. Наибольшую поддержку в среде студенчества имеет партия «Единая Россия». Достаточно большое количество студентов, особенно мужчин, поддерживают ЛДПР. Остальные партии, не имеют существенной поддержки. Стоит отметить, наличие в среде студенчества сторонников ряда экстремистских партий, таких например как НБП.

Основная масса политически активных студентов(16%) видят свою будущую политическую деятельность в структуре Государственной Думы. Именно данный орган ими рассматривается, как основной элемент в принятии важных государственных решений. Доля тех, кто хотел бы работать в структуре правительства и стать государственным чиновником значительно ниже.

С учетом складывающейся международной обстановке достаточно интересно посмотреть список государств, которых студенты считают

врагами России. Стоит отметить, что опрос проведен до известных событий в Осетии. Большинство студентов (70%), оценивая роль России на международной арене, не выделяет враждебно настроенных стран. Однако треть студентов, считает, что некоторые государства настроены, по отношению к России, враждебно. Лидером, среди таких стран, является США(16%). Агрессивная внешняя политика американской администрации, вызвала негативную реакцию у части молодежи. Среди других государств, можно выделить Грузию(5%), Китай(2%) и Украину (1,5%).

Подводя итоги, следует сказать, о возросшей политической активности молодежи, росте национального самосознания. В студенческой среде возникает новая политическая сила. С этой точки зрения деятельность молодежного крыла партии «Единая Россия», становится социально значимой. Создание аналога комсомольской организации способствовало переходу активной части молодежи в политику уже сейчас и тем самым снижению уровня радикальных настроений, свойственных этой возрастной категории граждан. Возникает необходимость в более масштабных научных исследованиях этой среды, по крайней мере, в масштабах регионов.

Булаева О.И.

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Изучение студенческой молодежи, тенденций её развития, активности как особой социально-демографической группы общества, всегда связывалось с формированием будущего обществ. Этот факт обусловлен позиционированием её как самой «свежей», интеллектуальной и восприимчивой к новым идеям среди других возрастных групп.

Наряду со всем, студенческая молодёжь во все времена, являлась носителем определённых ценностей и норм окружающей действительности, стереотипов, по-разному реагировала на условия своего существования. Безусловно, что в формировании ценностей и норм огромную роль играют представления и жизненные установки старшего поколения. Однако это лишь фундамент, на который в процессе взросления и социализации молодого человека накладываются отпечатки реальных условий, с которыми он сталкивается. В связи с этим, совершенно справедливо суждение Локовой М.Ю. о том, что «моло-

дежь глубже всех улавливает «дух времени», острее переживает и точнее различает в нем подлинность и фальшь»²⁵⁵.

Огромное значение в процессе социализации молодого человека играют молодёжные и студенческие организации. Они дают возможность самоутвердиться личности, самореализоваться, способствуют формированию гражданской и политической активности, повышению политической культуры. Этот факт имеет большой вес в социализации студентов, как наиболее сознательной части молодёжи. Именно на студенчество возлагаются надежды сегодняшних правителей и представителей разных уровней власти, так как из их среды будут в будущем рекрутироваться научная и политическая элита. Отсюда, возникает необходимость анализа дискурсивного²⁵⁶ момента политической активности²⁵⁷ студенческой молодёжи. С одной стороны это позиция отрицания какой-либо активности молодого поколения, признание его аполитичности, вседозволенности и распушенности. С другой стороны – это протестность молодёжи, репрезентативность своей активности, позиций через другие формы проявления, чаще революционные, протестные.

Когда речь идет об активности студенческой молодёжи, безусловно, необходимо рассматривать этот феномен в конкретных исторических условиях, в контексте социально-политической действительности и властных отношений. Для большей убедительности спорности феномена политической активности студенческой молодёжи, и полного осознания значимости проблемы в современных условиях (особенно для России), совершим краткий экскурс в мировую историю и советское прошлое.

Так, 60-е годы XX века ознаменовались подъемом студенческих движений в развитых капиталистических странах. Огромное значение

²⁵⁵ Локова М.Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизующемся российском социуме (социально-философский аспект). Автореф. дис...канд. филос.н. – М.: МГУ, 2007. – http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/abstract/Lokova_MU/.

²⁵⁶ Под дискурсом будем понимать постоянную конкурентную борьбу за способы означивания феноменов реальности и истории, между агентами символического пространства. [Цит. по Русаковой О.Ф. Актуальный ретро-дискурс: борьба за означивание. Доклады Второй Международной Научно-практической конференции, посвящённой памяти Жана Бодриера, «Дискурсология: методология, теория, практика»/ Под общей ред. В.Е.Хвощёва. 4 декабря 2007г. Том 3. Серия «Дискурсология». Выпуск 7. – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-ПИ», Изд-во Юго-Восточного института геополитики, 2008. – С. 19.]

²⁵⁷ Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощёв – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. – С. 95.

и масштабы выступлений пришлось на рубеж 60–70-х гг. Объективными причинами всплеска недовольств в студенческой среде стали: обострение социальных противоречий, снижение престижа интеллигенции в обществе, опасность после окончания высшей школы пополнить ряды пролетариата и безработных. В связи с этими обстоятельствами, накаляется обстановка в ведущих высших образовательных учреждениях капиталистических стран. Студенчество подвергает резкой критике буржуазную систему образования, её устаревшую структуру; социальную дискриминацию при поступлении в вузы; подчинение образования интересам монополий и военно-промышленного комплекса; высокую стоимость обучения при ограниченном числе стипендий, вынуждающую многих студентов бросать учёбу или работать для того, чтобы иметь средства на её продолжение; растущие трудности при устройстве на работу.

Все эти объективно сложившиеся исторические условия порождают бурные студенческие выступления, охватившие в 1968–71 университеты США, Франции, ФРГ, Италии, Испании, Японии и др. развитых капиталистических стран. Требования, с которыми студенты выходили к «власти», включали широкий круг не только социальных насущных вопросов, но и политических: в ФРГ (в Кельне, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Ганновере, Бонне и др.) и Западном Берлине студенты и молодёжь выступали за отмену так называемых чрезвычайных законов, против неонацизма и «жёлтой прессы» Шпрингера; в США (в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Бостоне, Чикаго и др.) сотни тысяч студентов участвовали в антивоенных маршах протеста против американской агрессии в Индокитае, в защиту гражданских прав негритянского населения и др. угнетённых национальных меньшинств; во Франции майские выступления студенчества в 1968 г. явились одним из важных факторов мощного подъёма борьбы трудящихся против монополий и голлистского режима, высшим проявлением которого была всеобщая забастовка (май–июнь 1968), охватившая около 10 млн. человек²⁵⁸.

Так, налицо политическая активность молодого поколения капиталистических стран в историческом контексте, выразившаяся в революционных формах борьбы с реально сложившимися обстоятельствами тогдашней действительности. Дискурсивные битвы и по сей день возникают вокруг этих событий, не существует точной качественной и

²⁵⁸ Грачёв А.С. Студенческое движение. – <http://www.bse.info-spravka.ru/bse/id-75910>.

количественной их оценки. Однако неоспорим момент появления новых форм активности молодёжи (уличные демонстрации и марши протеста, занятия университетов и студенческих обществ, дискуссионные собрания).

В социалистических государствах в это время молодое поколение строило всеобщий социализм. Объединенное идеей светлого будущего, студенчество направляло свою активность в мирное русло – это была борьба за подъём социалистической экономики и культуры, за мир и социальный прогресс во всём мире.

Студенческая молодёжь в социалистических странах сочетала учёбу с участием в созидательном труде, научно-исследовательскую работу и общественно-политическую жизнь. В СССР и др. социалистических странах студенты принимали непосредственное участие в управлении учебными заведениями, входили в состав научных, культурных, спортивных и др. общественных организаций, которые занимались решением вопросов учёбы, быта, труда и отдыха студенческой молодёжи²⁵⁹. И, казалось бы, политическая активность молодого поколения переживает бурный рост в позитивном контексте, каждый молодой человек востребован в таком обществе. Однако научные круги и в таком проявлении студенческой активности видят неоднозначность. Дискурсивные войны и по такому способу проявления молодежной активности имеют место быть, ведь и эта система себя изжила, посредством чего породила новые проблемы, которые на себе мы и сегодня очень хорошо ощущаем.

В-первую очередь, речь сейчас идет о напряженных дискурсивных баталиях, разворачивающихся вокруг позиционирования и участия современной российской студенческой молодёжи в политико-социальной системе отношений общества.

На сегодня убеждение об аполитичности и незаинтересованности студенческой молодёжи принимают большинство политических деятелей и большая часть российского общества. Основными аргументами в подтверждение своей позиции представители этого лагеря приводят низкую электоральную активность, малую долю представителей молодёжи в органах государственной власти всех уровней, низкий уровень политической, а также правовой культуры молодого поколения, малое количество общественных молодёжных организаций и т.д.

²⁵⁹Грачёв А.С. Студенческое движение. – <http://www.bse.info-spravka.ru/bse/id-75910>.

Другая часть, склоняется к убеждениям о том, что студенческая молодёжь давно сформировала «своё», «другое» отношение к «власти» и находится в протестном состоянии, другими словами в оппозиции к ней. Аргументами в своё оправдание приводят примеры существования и деятельности неформальных молодежных организаций и их численность, большой процент протестного голосования на выборах различного уровня, неоднозначное отношение представителей молодёжи к устоявшимся ценностям и политическим приоритетам. И та и другая точки зрения достаточно актуальны и имеют своё обоснование, однако наиболее важным является вопрос: а почему современная студенческая молодёжь себя так ведет? Какие механизмы необходимо использовать, чтобы изменить ситуацию и привлечь молодёжь к активному участию в политической жизни страны, в формировании своего же будущего?

Для решения этой проблемы необходимо проведение целого комплекса мер.

В первую очередь необходимо проанализировать и изменить взаимное позиционирование власти (государства, СМИ, политических партий, политических деятелей, в целом гражданского общества) – к молодёжи и молодёжным организациям. Другими словами изменить роль молодёжи в политическом процессе, представлять её не только как «помощника» и «дилетанта», а как полноправного субъекта властных отношений.

Во-вторых, необходима разработка «правильной» федеральной программы по эффективной поддержке молодого поколения, т.е. разработка системы социальных льгот, гарантий и защиты.

В-третьих, сформировать идеологически подкрепленную государственную структуру молодёжного самоуправления (пример ВЛКСМ). Чтобы молодые люди, имея идеологическую основу, принимали непосредственное участие в формировании молодёжной политики государства.

Так, только в результате правильной, взвешенной и ориентированной политической программы можно приобщить молодёжь – будущее государства к активной общественной позиции и политической активности. Сегодня ситуация такова, что остаётся только спорить и дискутировать о возможных вариантах развития событий: ждать революционных потрясений и последующего после, бурного развития, как в капиталистических странах XX в. либо наблюдать за дальнейшей деградацией молодёжи и ожидать апокалипсиса.

Гоглева В.А., Лукина Ю.А.
**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
МОЛОДЕЖИ: РАЗНОВИДНОСТЬ ДИСКУРСА**

На сегодняшний день дискурс политического развития молодого поколения становятся все более актуальным, проводятся различные семинары и конференции по данной проблеме, создаются целые программы по поддержке молодежи. Все это свидетельствует о повышенном внимании к молодому поколению, которое понимается как потенциал и будущее страны, который необходимо развивать и стимулировать.

Что же такое молодежь? Большая Советская Энциклопедия дает такое толкование данного понятия: «Молодёжь, социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств»²⁶⁰. Молодежь это особая категория населения, отвечающая возрастным критериям. На сегодня в категорию молодежи попадают люди в возрасте 14–30 лет, но в различных странах верхняя планка возраста повышена или понижены, например, в некоторых европейских странах возраст причисления к категории молодежи заканчивается в 35 лет. В России молодежная политика распространяется на граждан от 14 до 25 лет²⁶¹, то есть категория молодежи существенно сужена. Возможно, такое сужение возрастных рамок, по сравнению с Западными странами, связано с тем, что в России, где социализация и «взросление» происходят значительно быстрее, чем, например, в Европе и США, есть смысл ставить знак равенства между понятиями «студенчество» и «молодежь», так как, за редким исключением, после получения высшего образования (в 21–23 года) молодые люди стараются устроить свою жизнь, получить стабильное рабочее место, создать семью, и таким образом, становятся гораздо менее мобильными, в том числе и в политическом плане.

Особую роль при изучении молодежи уделяют факторам ее политической активности. Под политической активностью понимают «совокупность отдельных действий, акций или интеракций, то есть взаимодействий индивидов в политике, направленных на достижение ка-

²⁶⁰ Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 16. – М.: Советская Энциклопедия, 1974. – С. 478.

²⁶¹ Департамент молодежной политики Минобрнауки РФ. Стратегия государственной молодежной политики и развитие РФ // Общероссийский Союз общественных объединений, работающих в интересах детей России «Гражданское общество – детям России», <http://detirossii.ru/12643.php>.

ких-либо целей»²⁶². Политическая активность понимается как конкретные действия субъектов в отношении политики, в отличие от бездействия или пассивности, так и потенциальная возможность совершения каких-либо действий, внутренние побуждающие мотивы к деятельности или бездеятельности.

Под политической активностью понимается участие в политике, реализуемое как активное или пассивное избирательное право. Под пассивным избирательным правом понимается возможность быть избранным. В принципе для реализации данного права существуют возможности, так как Конституция РФ устанавливает минимальный возраст для избрания в Государственную Думу в 21 год. Однако же молодые люди, как правило, не могут быть избраны в силу их неподготовленности к такой политической деятельности, кроме того, у них отсутствуют необходимые ресурсы для борьбы за власти: политические связи, доступ к СМИ, финансовые возможности.

Выделяют следующие формы активного участия в политической жизни общества:

1. Участие в выборах в органы власти разных уровней;
2. Участие в проведении избирательных кампаний;
3. Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, населенного пункта;
4. Участие в местном самоуправлении;
5. Участие в деятельности политических партий, движений, профсоюзных организаций;
6. Участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу жизни в стране, регионе, населенном пункте;
7. Участие в деятельности общественных организаций;
8. Участие в забастовках.

Такие формы участия в политике выделили исследователи Института Социологии Российской Академии Наук в исследовании «Молодежь новой России: ценностные приоритеты». Данное исследование показало, что в целом уровень политической активности довольно низок, на выборы ходит, по данным этого исследования, только 36% молодых людей²⁶³. В целом уровень политической активности населения

²⁶² Политология: учеб./А.Ю. Мельвиль [и др.]; – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 580.

²⁶³ Молодежь новой России: ценностные приоритеты (Аналитический доклад), – М.: Институт социологии Российской Академии Наук, 2007.

в стране низок, и это относится не только к молодежи, люди среднего возраста также не очень интересуются политикой, меньше половины ходит на выборы. Поэтому можно сделать вывод, что политическая апатия молодежи это явление закономерное. Но исследователи выделяют и другие причины низкой активности молодежи. Авторы проекта «Молодежь новой России: ценностные приоритеты» считают, что аполитичность молодежи это закономерное явление современной России, они выделяют такие причины отсутствия интереса к политике:

1. «Спектр жизненных интересов, особенно подростков и юношества, локализован на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями. Но по мере увеличения социальных связей (институт, армия, работа и т.д.) происходит перераспределение жизненных интересов в сторону общественного и политического участия»²⁶⁴,

2. «Тенденция деидеологизации как населения в целом, так и молодежи. С 1997 по 2007 год сократилось число приверженцев всех основных идейно-политических течений современной России – «левых», «правых», «центристов», «национал-патриотов». В наибольшей степени в глазах молодежи потускнела идеология «центризма»²⁶⁵. Общая деидеологизация привела в итоге к идеологической толерантности или «идеологической всеядности».

Американский политолог и общественный деятель Джед Ипсен выделил три основных причины отказа молодых людей от участия в политическом процессе:

1. Мало кто из кандидатов напрямую обращается к молодежной аудитории;

2. Молодые люди не голосуют и/или не участвуют в политическом процессе, ощущая свою неподготовленность и слабую информированность;

3. Многие молодые люди не видят в политическом процессе таких же результатов в смысле их непосредственного влияния на жизнь, что в свою очередь заставляет их делать вывод, будто политика не является

http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_2.html.

²⁶⁴ Молодежь новой России: ценностные приоритеты (Аналитический доклад) – М.: Институт социологии Российской Академии Наук, 2007.

http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_2.html.

²⁶⁵ Молодежь новой России: ценностные приоритеты (Аналитический доклад) – М.: Институт социологии Российской Академии Наук, 2007.

http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_2.html.

инструментом положительных перемен»²⁶⁶. Именно преобладание последней причины и характерно для современной российской молодежи.

Несмотря на то, что политическая активность населения низка, в последнее время отмечается бум политических организаций молодежи, в последние годы появляются различные организации, с абсолютно разными политическими воззрениями. «Идущие вместе» и «Идущие без Путина», «Наши» и «Пора», «За Родину» и Евразийский союз молодежи, молодежные отделения СПС и «Яблока», «Единой России» и КПРФ, НБП Эдуарда Лимонова и партия «Новые правые», Российский союз молодежи и Российский коммунистический союз молодежи. Все эти организации малочисленны и, как отмечают политологи, недолговечны. Политолог Алексей Кара-Мурза причиной недолговечного существования молодежных политических организаций называет следующую: «Они поколенческие. Люди перебесятся и уступают место молодым. Идет обычная смена поколений. Какая-то организация закрывается, появляется другая»²⁶⁷. Исследователи говорят о моде на политические воззрения.

В современной России каждая уважающая себя партия стремится создать молодежное крыло, наиболее известны молодежное «Яблоко», «Наши», но наиболее активной и многочисленной молодежной организацией на сегодня стало молодежное крыло Единой России – «Молодая гвардия». Данная организация была образована в 2005 году из движения «Молодежное Единство». Это молодежное отделение партии власти. Целью данной организации является привлечение молодежи во власть. Однако роль большинства членов данной организации сводится лишь к участию в массовых мероприятиях, таких как митинги, шествия, различные акции. То есть по большей части значение Молодой гвардии сводится к роли массовки в акциях Единой России. Лишь небольшая часть Молодой Гвардии участвует в реальной политике. Хотя по исследованию Института Социологии РАН большая часть молодых людей и не желает активной политической деятельности, предпочитая массовые, зрелищные мероприятия: «Студентов ВУЗов и техникумов меньше всего привлекает голосование на выборах, зато среди них самый высокий уровень участия в митингах и демонстрациях, деятельности общественных организаций, политических пар-

²⁶⁶ Дж. Ипсен. Молодежь и политика // Журнал «Индекс/Досье на цензуру», №23 / 2006. <http://www.index.org.ru/journal/23/ipsen23.html>.

²⁶⁷ Политическая активность молодежи растет // Деловая пресса № 19 (303) от 19. 05. 2005. http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mld_40_ald_340480.html.

тий и профсоюзов»²⁶⁸. Таким образом получается, что если молодые люди и участвуют в общественно-политических организациях, то есть проявляют свою политическую активность, однако в реальной политике они не участвуют.

Еще одним способом вовлечения молодого поколения в политику является участие в различных молодежных палатах при законодательных органах власти различных уровней, речь идет об Общественных молодежных палатах. На примере такой организации в Челябинской области видно, что данный орган не дает реального представительства молодежи в политике. Как следует из первого пункта Положения об Общественной молодежной палате при Законодательном Собрании Челябинской области, то Молодежная палата является всего лишь консультативным органом, который может давать только советы или консультации, при том только в сфере молодежной политики. При этом никто не определил четко вопросы, относящиеся к сфере молодежной политики, то есть область ведения Молодежной палаты. Кроме того, вопросы вызывает порядок формирования: «В состав Молодежной палаты имеют право избрать по одному представителю:

- молодежные и детские общественные объединения, включенные в областной реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой,
- политические партии, представленные в Законодательном Собрании Челябинской области,
- общественные молодежные палаты при представительных органах городских округов и муниципальных районов Челябинской области,
- студенческие организации в высших учебных заведениях, имеющие наибольшую численность»²⁶⁹. Согласно данному пункту члены Молодежной палаты это представители молодежных организаций, имеющих государственную поддержку, это может подразумевать ограничение для негосударственных организаций, а, следовательно, препятствие для некоторой части молодежи. В Молодежную палату

²⁶⁸ Молодежь новой России: ценностные приоритеты (Аналитический доклад), – М.: Институт социологии Российской Академии Наук, 2007.
http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_2.html.

²⁶⁹ Постановление законодательного собрания Челябинской области от 27 апреля 2006 г. №114 «Об утверждении Положения об Общественной молодежной палате при Законодательном Собрании Челябинской области».
http://www.zs74.ru/consultative_agency/molodezhnaja_palata.html.

входят представители политических партий и за скобками остаются те партии, которые не прошли в Законодательное Собрание, то есть большая часть молодежных организаций. Кроме того, в пункте о студенческих организациях не указано, сколько таких организаций наибольшей численности будет в Молодежной палате, к тому же исключаются и организации средне-специальных учреждений. Все это может свидетельствовать о несовершенстве данного Постановления и необходимости его дальнейшего обсуждения и доработки.

На сегодня стало понятно, что молодое поколение не интересуется политикой, причинами этого можно называть самые различные факторы. Многие политический силы стараются привлечь на свою сторону молодежь, однако на сегодня нет молодежной силы, которая бы привлекала большое количество молодых людей и давала бы возможность реально влиять на политику. В подтверждение этих слов можно привести статистику, согласно которой 66% населения не может назвать ни одной молодежной политической организации²⁷⁰. Попытки со стороны власти привлечь молодежь в политику также оказались не достаточно эффективными – это так называемые, формы «навязанной» политической активности. Неэффективность данного механизма заключается в том, что, привлекая в политику молодежь, власть, однако, не хочет поделиться даже частью своих полномочий, получается, что существуют органы, призванные только для обсуждения, за которым не последует реальных действий. В этом видится опасность для дальнейшего развития российского государства, так как будущая элита привыкает только к формальному обсуждению проблем, а не к реальным действиям по их решению.

Таким образом, дискурс молодежной активности на сегодняшний день остается открытым. И если исследователи пришли к относительному консенсусу относительно причин политического нигилизма современной молодежи, то методика выработки мер по его преодолению остается неосвоенной, и, прежде всего потому, что пока не существует реальных форм участие молодежи в политике.

²⁷⁰ Политическая активность молодежи растет // Деловая пресса №19 (303) от 19.05.2005. http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mfId_40_ald_340480.html.

Екатеринин Е.И.

ДИСКУРС МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Человек включен в сложную социальную систему и поэтому его существование зависит от сложных процессов, происходящих в обществе, и в частности от политической системы. Следовательно, его положение в окружающем мире требует определенного минимума знаний о социально-политической действительности, которые оказывают значительное влияние на формирование политического сознания. В связи с этим в политической науке широко применяется понятие политического сознания, как одной из составляющих общественного сознания, позволяющей не только понимать политическую реальность, но и выступать мощным мотивационным фактором формирования политического поведения, политической деятельности различных политических сил и акторов. Политическое сознание достаточно сложное и многоуровневое явление, прежде всего, в его структуре принято выделять теоретический (научный) и обыденный уровни. Именно обыденный уровень, по нашему мнению, формируется из восприятия политики на уровне мироощущений, непосредственного жизненного опыта, элементарных политических знаний и социально-психологических установок. В связи с этим, обыденному политическому сознанию свойственны ошибки, которые могут препятствовать научному познанию мира, способствуя сохранению укоренившихся предрассудков. Вместе с тем фиксация многократно повторяющихся связей между вещами и людьми (народная мудрость), характерная для обыденного сознания, дает возможность делать правильные выводы, что проверяется практикой повседневной жизни.

Молодежное политическое сознание как часть общественного сознания состоит из трех уровней: политическое личное сознательное, политическое личное бессознательное и политическое коллективное бессознательное. Следовательно, в его формировании принимают участие как научные знания, личный опыт и социально одобряемые/неодобряемые образцы политического поведения. Важную роль в современном информационном мире в формировании молодежного политического сознания играют электронные средства массовой информации, что объясняется, во-первых, социально-демографическими и психологическими особенностями молодежи – стремлением к новому и, во-вторых, массовостью, демократичностью и доступностью самих электронных СМИ. По данным различных исследований, наибо-

лее доступен Интернет в России для молодежи. Самые активные пользователи – молодежь в возрасте от 20 до 35 лет. Самая многочисленная возрастная группа интернет-аудитории – от 25 до 34 лет (27%). Средний возраст максимальной аудитории – 31 год²⁷¹. Таким образом, молодежь и активный пользователь Интернета, и аудитория, подверженная наибольшему влиянию сообщений Сети.

Кроме того, следует отметить, что язык электронных масс-медиа является новой формой презентации актуальной информации, в том числе и политической. Электронное пространство характеризуется *мультимедийностью* (единое представление графических, аудио- и видеоматериалов), *интерактивностью*, *виртуальностью* и *нелинейным* способом представления материала (*гипертекстовыми характеристиками*). Поэтому наряду с функциями информирования, политические тексты электронных СМИ обладают таким качеством, как аргументативность, что выражается в выдвижении положения и подкрепляющих его доказательств, по-разному представленных в текстах различных жанров²⁷², что позволяет им взять на себя роль некоторого конструктора политической реальности и специфики ее осознания. Как следствие, человеку труднее оторваться от хода предлагаемых мыслей, подняться на метауровень и попытаться получить критическую оценку высказываемого. Коммуникация идет сразу по всем каналам, что не дает возможности отклониться в сторону, она как структурно оформившаяся сфера жизни современного общества, с одной стороны, является его частью, а с другой – имеет над ним определенную власть²⁷³. Таким образом, электронные СМИ выступают в качестве важнейшего источника формирования представлений о политике, политической деятельности и политических акторах.

Следует отметить, что обыденное политическое сознание может участвовать в двух видах практик. Первый вид связан с познавательной деятельностью (познание политики, ее структуры, субъектов), второй – с практической (участие или не участие в политической жизни). Чаще всего формирование представлений обыденного политиче-

²⁷¹ См.: Залесский П. Российский Интернет на пороге 2000 года: переход количества в качество // Планета Интернет. 2008. №10. С.54-57; Кан Г. Интернет в России // – СПб: Бизнес Омнибус. <http://www.gallup.spb.ru/journal/index.htm>; Чесноков С. Аудитория российского Интернета: измерения и реальность. <http://www.socio.ru/public/chesnokov/doc>.

²⁷² См.: Белякова О.В. Особенности аргументированного дискурса в сфере политической полемики (на материале электронных публикаций о выборах в бундестаг ФРГ 2005 г.) // Автореф. дис. канд. филологич. наук. – Самара, 2007. – С. 3.

²⁷³ См.: McLuhan M. Understanding Media: the Extension of man. – N.Y., 1964. – P. 139.

ского сознания, конструирование политической реальности происходит в дискурсивных практиках, совокупность которых составляет некий политический дискурс. Это объясняется тем, что высказывания – это не просто слова или речевые акты, это «кирпичики», из которых складываются социальные отношения, образы «себя» и «других», различные аспекты личности, воссоздаваемые и порождаемые в каждом коммуникативном акте.

Дискурсивные практики можно условно разделить на формальные (профессиональный политический дискурс акторов, научный дискурс) и неформальные (повседневные). В разрезе нашего интереса изучение неформальных дискурсивных практик, конструирующих знания о политике и политиках в обыденном сознании молодежи, представляется актуальным.

Мы рассмотрели политический событийный ряд, представленный в электронных СМИ. Прежде всего, рассматривается вопрос о власти, не в смысле того, в чьих руках она сосредоточена, а с точки зрения того, как она (власть) выглядит в глазах граждан. Анализ материалов обсуждений политических материалов (непосредственно статей на политическую тематику, обсуждение политических событий и публикаций) позволил нам условно выделить границы политического сознания, т.е. выделить слова и фразы, описывающие именно политику²⁷⁴. Самыми распространенными среди них являются: «политика», «политическая система», «власть», «чиновник», «бюрократ», «политический лидер», «политическая жизнь», «депутат», «партия», «дума», «демократия», «ветви власти», «градоначальник», «коррупция», «бесконтрольность» и т.д. Именно они отличают политический дискурс от других дискурсов.

Анализ высказываний о настоящем показал, что больше половины респондентов безразлично («Я хожу на выборы, что еще», «Политика – это всего лишь разговор») или негативно относятся к политике («Я в большинстве случаев не доверяю нашей власти», «Поговорят и забудут о своих обещаниях», «Все хороши только в период предвыборной кампании»). Только одна четверть высказалась положительно («Хотелось бы самому принять участие в политической деятельности», «Верю нашим политикам»). Говоря же о будущем доля оптимистично настроенных респондентов составляет примерно одну треть («Я всегда верю в лучшее»). Тем не менее, отношение к выборам неоднозначно и

²⁷⁴ Мы просматривали публикации в течение сентября – октября 2008 г. Всего просмотрено 120 статей и обсуждений текущих политических событий.

чаще безразлично-негативное («Все равно выборы уже предрешены», «Выборы – это всего лишь игра»).

Таким образом, в целом, сконструированная политическая реальность в обыденном политическом сознании респондентов имеет негативную либо нейтральную эмоциональную окраску, порождает в ряде случаев тревожность и недоверие к переменам в политической жизни, неуверенность, безразличие к происходящим событиям.

Можно предположить, что негативное оценивание политической жизни и власти свидетельствует в целом о непонимании политической реальности. Поскольку политические события и в целом политическая жизнь в стране не принимается респондентами, вызывает негативные эмоции и переживания, возникает потребность некоторого «ухода» от нее. Это подтверждается и тем, что респонденты не определяют в обыденном политическом сознании собственной позиции, минимизируют свое участие в политической жизни («Все уже решено и без нас»).

Тем не менее, важно подчеркнуть, что так размышляет не вся молодежная аудитория электронных СМИ. В процессе рефлексии политических процессов, в обыденном сознании, постепенно оформляются, по нашему мнению, и адекватные представления и оценки по поводу развития мира политического. Поэтому и не оказывается очевидных препятствий политическим процессам, в тоже время, с другой стороны, не наблюдается и их явной поддержки. Анализ материалов на политическую тему показал, что сегодня в электронных масс-медиа недостаточно серьезных аналитических материалов по политической проблематике, публикации носят преимущественно публицистический характер. Именно появление аналитических материалов будет способствовать осмыслению политической жизни и формированию представлений о реальной политике, как о сложном процессе даже на уровне обыденного сознания.

Иванов В.С.

ДИСКУРС О МОЛОДЕЖИ КАК АВАНГАРДЕ РЕВОЛЮЦИЙ

Необходимым элементом в технологии «цветных переворотов» является создание сетевых молодежных движений, «зараженных идеей революции и сменой власти». До сих пор значение молодежи в избира-

тельных кампаниях в целом и участие в голосовании в частности недооценивалось. Она считалась политически пассивной группой населения. Между тем во всех трех переворотах последних лет (Украина, Грузия, Киргизия) молодежные политические организации сыграли важнейшую роль. Во-первых, все массовые акции с привлечением населения проводились с помощью именно молодежи, в большей части студентов. Во-вторых, молодежные организации выводили на улицы десятки тысяч человек, способных противостоять силовым подразделениям. В-третьих, именно массовое участие молодежи создавало вокруг происходивших событий ореол «подлинной революционности», позволяло выдавать движение за общенародное.

Почему в авангарде современной политической борьбы, в организации массовых акций ведущая роль отводится молодежи? Здесь расчет оппозиции строился на том, что молодые – энтузиасты, они смелы, и власть мало может воздействовать на них: у них нет ни детей, ни работы, ни богатства, им нечем дорожить. Есть еще одна причина, более прагматичная, даже циничная. Каждый раз, по мнению идеологов переворотов, «когда режим принимается за безоружную молодежь, избивает молодых и бросает их в тюрьмы, он поворачивается спиной к старшему поколению».

Очень важно зафиксировать типологическое сходство всех трех молодежных организаций, участвовавших в «революциях». Они позиционировались как широкие гражданские кампании. По своей идеологии, структуре, содержанию и методам деятельности эти организации идентичны. Схожесть движений может быть объяснена только тем, что их создание инициировалось, организовывалось и финансировалось фактически из одного центра. Активисты организаций проходили обучение на зарубежных семинарах с участием иностранных специалистов. В свою очередь, снабженные знаниями и методической литературой, самые видные активисты уже у себя в стране проводили стандартные тренинги по тактике борьбы с режимом «ненасильственными методами» для других членов организации.

Для вывода марки (бренда) на политический рынок молодежные движения использовали короткое, хлесткое название, чтобы легко было скандировать, и к тому же имеющее лозунговый характер – «Отпор», «Кмара!» («Хватит!»), «Пора!». Содержательно и наступательно, побоевому формулируются их слоганы: в Югославии – «gotov je» («конец ему!»), который в 2000 году можно было видеть там повсюду, на Украине – «Так!», «Разом нас багато! Нас не подолати!» («Вместе нас

много – нас не победить!»). Эти слоганы становились чуть ли не главным оружием оппозиции. Например, в Югославии за три месяца до выборов миллионы «Gotov je» на наклейках были напечатаны на 80 тоннах импортной бумага и клея – оплаченных USD и поставленных через Вашингтонскую консалтинговую корпорацию Ropco – и наклеены по всей Сербии на стенах, лифтах и поперек плакатов кампании Милошевича. Напечатанные в черно-белом исполнении с эмблемой «Отпора» – сжатым кулаком, они стали символом кампании, завершив мастерски продуманную маркетинговую стратегию. Украинская «Пора» использовала в качестве своих символов восходящее солнце и стилизованные часы, отсчитывающие последние минуты существования кучмизма (так емко и пренебрежительно обозначался существующий режим). «Цветные перевороты» стали фестивалем для молодого поколения. Стилю постсоветской бюрократии была противопоставлена новая эстетика европейского типа.

В ходе организации «цветных переворотов» молодежные движения «Отпор», «Кмара!», «Пора» создавали модели будущего поведения населения. Это можно выразить в виде технологической цепи организации протестного поведения.

Провоцируемая социальная неудовлетворенность коррумпированностью и аморальностью власти, нечестностью выборов, нелегкое имущественное положение были поставлены ими во главу угла, позволяя моделировать и управлять протестом населения. В свою очередь, когда жители, прежде всего, столиц и крупных городов увидели движение в действии, они сами решались на более активные формы протеста. Молодежные движения, организуя массовые акции, запустили механизм широкого общественного действия.

Лынова А.А.

ДИСКУРС МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

(на примере г. Снежинска)

На исходе Советского Союза действующие руководители озаботились проблемами молодёжи. Комсомол был в глубочайшем кризисе и необходимо было решать проблемы молодого поколения вне общественной структуры. Так, в 1990 году появилась должность Уполномоченного при Президенте СССР по делам молодёжи, которую тогда

предложили занять Андрею Шаронову. Летом 1991 года после выборов Президента России в новом российском Правительстве был создан госкомитет РСФСР по делам молодежи, который возглавил тот же Андрей Шаронов. В конце 1991 года он стал полномочным представителем правительства по делам молодежи. 16 сентября 1992 года появился комитет по делам молодежи при правительстве РФ, который вновь возглавил Андрей Шаронов. 23 декабря 1996 года после ухода Шаронова в Минэкономики России госкомитет возглавила Татьяна Новикова. 24 июня 1998 года вместо Госкомитета возник Департамент по делам молодёжи в Министерстве труда и социального развития. Но 22 сентября 1998 года госкомитет по делам молодежи был вновь возрождён, его возглавил Виктор Иванович Деникин. С 25 мая 1999 года по 17 мая 2000 года он носил название Госкомитета РФ по молодежной политике. С 2000 по 2004 год он снова был упразднён, и его функции были переданы департаменту по молодежной политике Министерства образования Российской Федерации, который возглавила Галина Куприянова. Курировал Департамент заместитель министра Юрий Васильевич Коврижных. С 1 июня 2004 года, в результате административной реформы, в рамках вновь образованного Министерства образования и науки возник Департамент государственной молодёжной политики, воспитания и социальной защиты детей (с 2005 года в названии было убрано слово «государственной»), его возглавил Сергей Николаевич Апатенко. с ноября 2006 года – Алина Афакоевна Левитская. В Федеральном агентстве по образованию в 2004 году было создано Управление по делам молодёжи.

Указом Президента Российской Федерации от 14 сентября 2007 года № 1274 создан Государственный комитет Российской Федерации по делам молодёжи, руководителем которого распоряжением Правительства Российской Федерации назначен Василий Якеменко.

Просмотрев всю эту историческую цепь смены руководства, можно сделать соответствующий вывод о том, что после развала комсомола, молодёжи необходима была профессиональная организация для участия в политической жизни. И это действовало! Стали появляться разного рода молодёжные движения и организации, которые активно стали проявлять себя в политической сфере.

В целом, для анализа существующих сегодня в России молодежных организаций, можно использовать специальную систему координат, где учитываются два фактора: отношение к власти и политическая «окраска». Всего получается четыре вида молодежных организаций:

работающие в интересах власти, среди которых, условно говоря, консервативные движения – «Молодая гвардия», «Наши», «Россия молодая», работающие в интересах власти «патриоты», чья идеология национал-патриотическая или левая. Вторая категория – оппозиционные молодежные организации – левые (СКМ, АКМ) и правые «Оборона», «Да!» и множество других. Особняком здесь стоят организации, которые создаются как бизнес-проекты («Пора», московское отделение «Идущих без Путина», «Мы»).

Молодежная Общественная Палата (МОП) – это негосударственная общественная организация, призванная объединить молодежных лидеров в возрасте от 18 до 35 лет, представляющих различные сегменты гражданского общества. Основная задача Палаты – отражение позиции молодежи по вопросам государственной политики, формулирование молодежной проблематики, представляющей общественный интерес, а также деятельность, направленная на решение этих задач.

Молодежная палата действует на общественных началах, имея статус совещательного и консультативного органа при областном парламенте. Именно ей уже «предписано» стать школой молодых политиков, дать возможность проявить себя интересным, ярким личностям, которые в будущем определяют лицо Челябинской области, Уральского федерального округа, всей Российской Федерации. Молодежную палату рассматривают и как инструмент, с помощью которого комитет Законодательного собрания по делам молодежи будет формировать молодежную политику в Челябинской области. И, наконец, палате отводят роль официальной «трибуны», с которой молодежь сможет высказать свое мнение.

В составе молодежной палаты при ЗСО будут работать делегированные представители создаваемых молодежных палат городов и районов, молодежных и детских общественных организаций, внесенных в государственный реестр, а также политических партий, представленных в Законодательном собрании, – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Родина». Представители других партий тоже могут подать заявление в молодежную палату, решение по их рекомендации примет комитет ЗСО по молодежной политике. Кроме того, каждый вуз области направит в палату по одному представителю от общественной организации студентов.

Избирательная комиссия Челябинской области сотрудничала с Молодежной палатой в период подготовки и проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации четвёртого созыва, Президента Российской Федерации по вопросам повышения политической активности молодёжи, побуждения их участия в выборах.

Данные социологического исследования, проведённого перед муниципальными выборами в марте этого года показали, что данная работа дала определённый эффект и более 36% избирателей в возрасте от 18 до 30 лет изъявили готовность участвовать в выборах.

В городе Снежинске существует множество молодёжных движений и организаций, которые, так или иначе, проявляются периодически. Например, одна из самых известных молодёжных организаций, «Молодая гвардия» проявляет в основном себя на различных мероприятиях, поддерживая интересы только партии «Единая Россия». Это конечно, с одной стороны неплохо, потому что поддерживать «партию власти» молодежи поддерживать необходимо. Но, с другой стороны, существует аполитичная молодёжь или, молодёжь, которая склоняется к интересам других партий. Её нельзя игнорировать! В нашей стране, хоть и представительная демократия, но всё-таки демократия и должны учитываться интересы каждого гражданина Российской Федерации, разумеется, в рамках закона. Такого рода молодёжная организация, которая учитывает мнения молодых людей, не зависимо от своей идеологии, в городе Снежинске существует. Эта организация – Молодёжная палата при Собрании депутатов города Снежинска.

Молодежная палата – это негосударственная общественная организация, призванная объединить молодежных лидеров в возрасте от 18 до 35 лет, представляющих различные сегменты гражданского общества. Основная задача палаты – отражение позиции молодежи по вопросам государственной политики, формулирование молодежной проблематики, представляющей общественный интерес, а также деятельность, направленная на решение этих задач.

Молодежная палата действует на общественных началах, имея статус совещательного и консультативного органа при Собрании депутатов. Именно ей уже «предписано» стать школой молодых политиков, дать возможность проявить себя интересным, ярким личностям. Молодежную палату рассматривают и как инструмент, с помощью которого Комитет по делам семьи и молодёжи и Собрание депутатов формируют молодежную политику в городе Снежинске. И, наконец, палате отводят роль официальной «трибуны», с которой молодежь сможет высказать свое мнение.

В составе Молодежной палаты работают делегированные представители всех учебных заведений города, молодежных и детских общественных организаций.

Молодёжная палата в городе Снежинске начала работу 01.02.2007 года и продолжает вести свою активную деятельность и в настоящий момент. Работу Молодёжной палаты города Снежинска осуществляют 4 комиссии: по социальным вопросам, по культуре и досугу, по спорту и по развитию самоуправления. Вкратце расскажу о работе Молодёжной палаты при Собрании депутатов города Снежинска. Молодёжная палата активно сотрудничает с главой города, Собранием депутатов, городской администрацией, «Молодой гвардией» и другими общественными организациями и молодёжью города. Члены Молодёжной палаты входят в состав рабочей группы по разработке стратегии развития города, а также в состав координационного совета по патриотическому воспитанию в городе. Члены Молодёжной палаты принимают участие в работе социальной комиссии Собрания депутатов, в работе заседаний Собрания депутатов по вопросам молодёжной политики, сотрудничают с комиссией Собрания депутатов по организационным вопросам и бюджетной комиссией. За всё время работы был проведён целый ряд акций и мероприятий, разработан ряд положений и проектов, направлен целый ряд Обращений в Собрание депутатов и администрацию, внесены инициативы по увеличению финансирования и уменьшению мероприятий по реализации молодёжной политике в городе. Члены Молодёжной палаты провели анкетирование среди жителей города в рамках разработки Стратегии развития города, внесли свои предложения в разработку Стратегии. Инициировали и организовали акцию «Чистый город», привлекли разную молодёжь. Провели конкурс социальной рекламы, который в данное время достаточно актуальный, подвели результаты. Молодёжная палата приняла активное участие в подготовке и проведении мероприятий в День выборов депутатов в Государственную думу РФ. Активисты организовали и провели акцию в поддержку Снежика, как кандидата на символ Олимпиады «Сочи-2014». Молодёжная палата поддерживает и помогает процветать движению КВН-а и интеллектуального клуба «Что? Где? Когда?» в городе Снежинске. И это ещё не всё, что сделала Молодёжная палата за время её существования! И сколько ещё сделает.

А все результаты, которые достигла Молодёжная палата, были и будут получены благодаря инициативной молодёжи, у которой раз-

личные интересы и взгляды, но цели практически одинаковые. А основная цель активизировать и заинтересовать молодёжь города Снежинска оставаться жить в своём родном городе, а не уезжать из него! И мы медленно, но ровно движемся к достижению этой цели. В итоге, могу сказать, что Молодёжная палата – самая оптимальная молодёжная организация, потому что ей охватывается вся активная молодёжь, а не какая-то часть со своими интересами.

Макурина Е.А.

ДИСКУРС О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ МОЛОДЕЖИ

С позиции современных подходов, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, которые необходимы для понимания текста).

Политика является коммуникативным сетевым пространством, в котором функционирует дискурс. «Дискурс – с одной стороны, это речевая практика, то есть интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержания контакта, эмоциональный информационный обмен, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их воплощений в практике общения; с другой стороны, дискурс представляется как сложное коммуникативное явление, которое еще и отражает зависимость создаваемого текста от значительного количества обстоятельств и целей говорящего»²⁷⁵. В рамках данного понятия рассмотрим реализацию политических прав молодыми людьми.

«Права человека – это определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни с обществом и государством. Права человека органично вплетены в социальную деятельность людей, их общественные отношения, способы бытия индивида»²⁷⁶.

Политические права и свободы непосредственно реализуют политические интересы человека. В отличие от личных, политические права и свободы нацелены на активное включение каждого индивида в жизнь страны, в управление ее делами. Эти права и свободы создают

²⁷⁵ Дейк ван Т. К определению дискурса [http:// www.hum.uva . nl /~ teun](http://www.hum.uva.nl/~teun).

²⁷⁶ Мальцева Н.И. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2007. – С 130.

условия для закрепления связей между человеком и обществом, гражданами и государством. От того, как реализуются политические права, и свободы во многом зависит прочность устоев конституционного строя, реальность его демократизма, уровень политической культуры у населения.

К политическим правам и свободам относятся: право на участие и ведение государственных дел как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранным, право равного доступа к государственной службе и т. д. Политические права граждан составляют основу демократии именно с помощью их власть ограничивает себя во взаимоотношениях с гражданами.

Реализация политических прав и свобод – это проявление политического участия. Политическое участие ставит своей целью: выражение и согласование различных политических интересов, влияние на формирование и функционирование государственного аппарата, на процесс принятия управленческих решений, преодоление отчуждения личности и общества от политики и государства. Возможности практической реализации каждым человеком своих прав и свобод различны и зависят от многих факторов. Некоторые причины, влияющие на политическое участие или не участие, носят объективный характер. Это материальные условия жизни, специфика окружающей среды, открытость, гласность, развитие культуры. Другие причины из области субъективного – наличие или отсутствие свободного времени, уровень образования, доступность информации, бюрократизм, коррупция, неверие в закон и т.д.²⁷⁷

В Послании президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию говорилось о ценностях. «Наши ценности формируют и наше представление о будущем. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей». «Основу политики должна составить идеология, в центре которой – человек. Как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех, которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности»²⁷⁸. Отсюда следует, что не только государство, но так же люди должны проявлять свою политическую активность для развития нашей страны, а государство должно предпринимать меры для обеспечения включенности граждан в политический процесс. Особое вни-

²⁷⁷ Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. – М.: МЗ Пресс, 2005. – С. 97.

²⁷⁸ Послание президента Федеральному Собранию РФ, 5.10.2008. // [www@ntv.ru](http://www.ntv.ru).

мание государство должно уделить молодому поколению Молодое поколение несет ответственность за настоящее и будущее своего государства. Ответственность молодого поколения реализуется на основе освоения и преобразования им системы ценностей и норм и реализации их в деятельности, содействующей возрождению России.

Молодежь – важнейший социальный и электоральный ресурс общества – привлекает сегодня особое внимание политиков и лидеров общественного мнения. Все они хотят знать, какую роль готова (или не готова) играть молодежь в развитии демократии, рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. Молодежь различается: по возрасту, по социальному статусу, по образованию, по виду деятельности, по идейным взглядам и т. д.

Говорить об участии молодежи в общественной жизни на первый взгляд просто. «Левые» твердят о потерянном поколении, нравственном и физическом вырождении нации, волне проституции, наркомании, алкоголизме, захлестнувших молодежь, о росте молодежной преступности и т. д. «Правые» – о том, что новая Россия – для молодых, они активнее, мобильнее, лучше приспособились к рыночным условиям, усвоили и осознали новые ценности. Прежде всего – те свободы, которые предоставлены им сегодня, и хотят жить в свободном обществе, не впадая в политические крайности.

Опросив 1 875 молодых людей и используя богатейшую базу исследований прошлых лет, социологи Научно-исследовательского центра при Институте молодежи выделили десять главных проблем российской молодежи. Это преступность, деньги, безработица, образование, досуг, здоровье, наркотики, проституция, права и Родина. Анализ проблем показывает, что они расположены в нескольких основных «измерениях» и сопряжены в первую очередь с возможностью реализации молодежью своих прав: человека, гражданина, члена общества. От реализации этих прав зависят перспективы развития и будущее России.

На сегодняшний день российская молодежь в целом довольно аполитична, что неизменно подтверждают любые выборы – молодые избиратели участвуют в них гораздо реже, чем представители старших поколений. Об аполитичности молодежи с таким же постоянством свидетельствуют и опросы. Вот и в ходе последнего исследования лишь 33% молодых респондентов (до 35 лет) заявили, что интересуются политикой, тогда как среди граждан среднего возраста – 40%, а среди тех, кто старше 55–45%.

С начала 90-х годов исследователи отмечают тенденцию к деполитизации и деидеализации подростками людей старшего поколения²⁷⁹. Молодежь не хочет участвовать в общественно-политической жизни, искать кумиров среди политических лидеров, героев книг и кино, деятелей культуры и спорта. Большинство не желает походить даже на близких родственников: даже отец и мать не являются для них примером. В 1996 году молодые люди стали отождествлять социальный успех с предпринимательством и свободой «жить как хочу». При этом участие в общественной жизни и политике заняли последние места в списке их ценностей, а в интервью они продемонстрировали желание «отгородиться» от российского общества, которое в силу своей непредсказуемости только мешает осуществлению личных планов.

Сравнительно невысокий интерес молодежи к политике понятен и во многом объективно обусловлен. Прежде всего, тем, что спектр жизненных интересов, особенно подростков и юношества, локализован на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями. Но по мере увеличения социальных связей (институт, армия, работа и т.д.) происходит перераспределение жизненных интересов в сторону общественного и политического участия.

Что касается молодежи, то особого интереса к выборам, особенно к парламентским, она не проявляла. Уже отмечалось, что число «голосующей» молодежи на выборах разного уровня чуть выше трети (36%). На прямой вопрос «За какую партию Вы проголосовали на выборах в Государственную Думу?» каждый второй молодой россиянин однозначного ответа не дал. Из них 22% скорее всего не пошли на выборы, а 27% затруднились определить партию, которой они отдали бы сразу свое предпочтение на парламентских выборах. Голоса политически активной части молодежи в основном распределились между двумя партиями – «Единая Россия» и ЛДПР (32,7 % и 7,2%). Обращает на себя внимание, во-первых, то, что уровень электоральной поддержки «Единой России» среди молодежи заметно выше, чем среди старшего поколения (32,7% и 25,5%), во-вторых, что молодежь достаточно прохладно относится как к праволиберальным партиям (СПС и «Яблоко», которые «на двоих» набирают лишь 3%, что меньше, чем у россиян старшего возраста), так и к левым партиям КПРФ и «Справедливая Россия». За них готовы голосовать 1,7% и 3,6%, в то время как в стар-

²⁷⁹ Молодежь новой России: ценностные приоритеты, <http://www.isras.ru/>.

ших когортах уровень электоральной поддержки этих партий достаточно весом – 9,0% и 6,7%. Высокий уровень поддержки «Единой России» обусловлен, прежде всего, тем, что значительную часть молодежи в целом устраивает то, как идут дела в стране. В первую очередь это относится к той части молодежи, которая полностью удовлетворена своей жизнью и материальным положением. Среди представителей этой группы электоральная популярность «Единой России» превышает 40%. Характерно и то, что среди благополучной молодежи самый низкий уровень абсентеизма (19%). В то время как среди тех, кто не удовлетворен своим материальным положением не голосовал на парламентских выборах почти каждый третий (29%)²⁸⁰.

Механизм участия молодежи в управлении государством сегодня несовершенен. Как показывают исследования, по-прежнему низки ожидания молодежи от государства, вызывают недоверие органы власти; остается общественной проблемой то, что четверть молодых россиян не находит того, чем могли бы гордиться граждане России, многие из них хотели бы родиться в другой стране. Именно этим объясняется массовое неучастие молодежи в избирательных кампаниях любого уровня, в органах самоуправления, как на местном уровне, так и на российском. Отсутствие веры в конечный результат и возможностей решения серьезных проблем на уровне государственной власти удерживает их от проявления активности и работы в общественных организациях, политических партиях и органах власти. Доля молодых граждан в органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления все еще крайне мала. Одновременно с этим существует проблема отсутствия комплексных программ, обеспечивающих организованное и последовательное привлечение наиболее подготовленных молодых людей на государственную и муниципальную службу. Кадры молодежных организаций нередко недооцениваются.²⁸¹

Если в 90-е годы молодежь была предоставлена сама себе, то в последнее время появилось множество самых разных молодежных объединений, в том числе и политических. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что среди них крайне мало объединений, созданных самой молодежью для реализации собственных интересов. Подавляющее большинство из них, либо молодежные отделения ведущих политических партий, либо политические проекты, созданные

²⁸⁰ Молодежь новой России: ценностные приоритеты, <http://www.isras.ru/>.

²⁸¹ Мухин А. Поколение 2008 года: «наши и не наши». – М.: МЗ Пресс, 2008. – С 87.

старшим поколением для решения каких-то конкретных политических задач. Неслучайно, большинство опрошенной молодежи демонстрируют индифферентное отношение ко многим из них. Лишь 18% что-то знают или слышали о деятельности молодежных организаций и движений, в то время как более половины опрошенных (51%) ничего о них не знают, а еще 30% затруднились с ответом.

Ровно половина опрошенной молодежи (50%) не смогла или не захотела выразить свои симпатии какому-либо из существующих в современной России молодежному объединению. Остальные заявили в основном о своих симпатиях к «Молодой гвардии» (11,9%) и движению «Наши» (6,3%). Демократические молодежные организации (СПС, «Яблоко») пользуются поддержкой чуть более 3% молодежи. Левые молодежные организации вызывают несколько большую поддержку (4%–5%). Примерно столько же симпатизирует национал-патриотическим молодежным движениям. Поскольку в названиях многих молодежных движений присутствует указание на их принадлежность к той или иной политической партии, то можно предположить, что при ответе на вопрос о своих симпатиях многие молодые респонденты ориентировались не столько на «молодежные крылья» этих партий, сколько на сами эти партии²⁸².

Исследования лишь отчасти подтверждают существующее в обществе убеждение, что симпатии и антипатии к тем или иным молодежным организациям напрямую связаны со степенью адаптивности молодежи к окружающей реальности. Действительно, «лоялистская» часть молодежи, поддерживающая «Молодую гвардию» и движение «Наши» выше оценивают уровень своего материального положения, а также ситуацию в стране, чем молодые россияне, симпатизирующие либеральным, национал-патриотическим и, особенно, левым молодежным объединениям. Тем не менее даже среди симпатизирующих радикально левым молодежным организациям, больше тех, кому сегодня жизнь в России в целом нравится чем тех, кого она не устраивает (53% против 41%). Поэтому не следует искать рациональную мотивацию там, где преобладают эмоции, интерес к лидерам, идеологии, атрибутике, символике и т.п.

Что касается радикальных молодежных организаций (НБП, Скинхеды, АКМ и некоторых других), то на первый взгляд число симпатизирующих им молодых россиян невелико (на уровне 4%–5%). Однако

²⁸² Молодежь новой России: ценностные приоритеты, <http://www.istas.ru/>.

практика последних лет показывает, что такого рода организации, особенно в условиях роста протестных настроений, действуют весьма напористо и изобретательно. Серьезную опасность представляет также и то, что в последнее время многие молодежные организации как «провластные» так и оппозиционные радикализируются. В частности, и «лимоновцы» и «Наши», судя по последним событиям в стране, активно используют жесткие методы уличной борьбы, зачастую заимствуя их друг у друга. Это неизбежно приведет, и уже отчасти приводит к «ползучей» легитимации насилия как способа политической борьбы. Возможно, то, что большинство молодежи не испытывают особых симпатий к существующим молодежным объединениям как раз и связано с тем, что они излишне «заточены» на «уличную активность», в то время как интересы молодежи гораздо шире и многообразнее, чем просто беготня по улицам с флагами и выкрикивание речевок²⁸³.

По сравнению с населением в целом, уровень ожидания протестных выступлений в молодежной среде заметно ниже, так же, как и собственная готовность к участию в них. Наименьший уровень готовности принять участие в такого рода акциях у столичной молодежи: среди москвичей готовность принять участие в акциях протеста выразили вдвое меньше респондентов, чем по России в целом (14% против 26%). Доля российской молодежи, допускающей для себя участие в разного рода протестных выступлениях за прошедший год либо сократилась, либо осталась неизменной (в зависимости от конкретных форм протестных выступлений). Однако когда речь идет о степени востребованности конкретных форм протестной активности среди различных групп молодежи и, прежде всего, оппозиционной, то здесь выявляется несколько иная картина. За последний год предрасположенность оппозиционно настроенной молодежи к легальным формам политической борьбы, таким как сбор подписей и петиций, участие в санкционированных властями митингам и манифестациях, снизилась. И наоборот, несколько выросла доля респондентов, готовых к бойкоту властей, а также захвату зданий, блокаде транспортных магистралей. Главным мотивирующим фактором молодежного радикализма является бедность и отсутствие каких бы то ни было перспектив на будущее. Не случайно большую предрасположенность к радикальным методам борьбы демонстрируют респонденты, которые по самооценкам «еле

²⁸³ Омельченко Е. Культурные молодежные сцены России: между активностью и пассивностью / Правозащитное движение в России: Коллективный портрет: Сборник. – М.: ОГИ, 2006. – С. 107–117.

сводят концы с концами». Причем, молодые радикалы концентрируются в основном в провинции, их там больше, чем в Москве. Таким образом, можно констатировать, что общий уровень протестного потенциала за год не вырос. В то же время, сформировались, хотя и не многочисленные, но «боевитые» анклавы молодежного радикализма, который локализуется в основном на социальном дне.

Молодое поколение несет ответственность за настоящее и будущее своего государства. Ответственность молодого поколения реализуется на основе освоения и преобразования им системы ценностей и норм и реализации их в деятельности, содействующей возрождению России. Условиями формирования ответственности молодежи за будущее государства являются: искоренение нищеты и значительного социально-экономического неравенств расширение политического участия молодежи в развитии общества; обеспечение представительства молодежи на всех уровнях принятия решений.

В любую историческую эпоху молодежи приходится нелегко в силу специфики ее социального положения. Сегодняшние молодые россияне поставлены в вдвойне экстремальные условия: переворот в социально-экономическом укладе сопровождается обвальным кризисом ценностного сознания. В настоящее время мировоззрение молодежи формируется под влиянием новых социальных явлений и процессов. Социологические исследования показывают, что разброс мнений в молодежной среде весьма велик, но в то же время ценности образования культуры, высокой квалификации, человеческих отношений не утрачивают лидирующего положения. Вместе с тем у молодежи появился большой прагматизм, утилитарность. Помочь молодежи обрести будущее может, во-первых, она сама, активно действующая, во-вторых, государство, способное создать ей необходимые условия для самореализации, и, наконец, близкое взрослое окружение, которое в гражданах новой России будет воспитывать необходимые для жизни в новом обществе личностные качества, прививать любовь и привычку к самообразованию, подлинной культуре, традиционным ценностям.

Но только государство, но и молодежь должна активно участвовать в политической жизни общества и соблюдать свои права и свободы тогда мы только придем к демократическому сильному государству.

Проблемам источников права, формам его образования, их структуре и содержанию, соотношению источников права с его формами, классификации и системно-иерархическому построению, их юридической природе и характеру соотношения другими источниками права всегда уделялось повышенное внимание исследователей-теоретиков²⁸⁴.

Приступая к решению любых теоретических и практических проблем, связанных с бытием любого источника права, будь-то нормативный правовой акт, правовой обычай или судебный прецедент нужно, прежде определить понятие источника права как такового. Общая теория права гласит по этому поводу следующее: «объективированный в документальном виде акт правотворчества является юридическим источником соответствующих норм и одновременно формой их юридически официального бытия, существования»²⁸⁵. При этом, В.С. Нерсесянц, говоря о бытии права, выделяет и описывает три типа онтологии права, которые соответствуют одноименным типам правопонимания: легистскую, естественно-правовую и либертарно-юридическую²⁸⁶. Согласно легизму, отрицающему объективную сущность права в виде формального равенства, всё бытие права сводится к закону, как эмпирически-реальному явлению, феномену «официально-властного характера»²⁸⁷. При этом естественно-правовая онтология предлагает рассматривать бытие права в двух противоположенных формах: в форме подлинного бытия права (это бытие естественного права) и форме неподлинного бытия (это существование позитивного права). Бытие права, согласно либертарно-юридической онтологии, – это «реальное, наличное бытие *правового* (курсив мой – П.З.) закона, то есть позитивно-правового явления, выражающего объективную сущность права (свойства и требования формального равенства)»²⁸⁸.

Если взять за основу либертарно-юридическую онтологию как концепцию, на наш взгляд, наиболее соответствующую принципам

²⁸⁴ См.: Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права – М., 2002; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003; Марченко М.Н. Источники права: учеб. Пособие – М., 2005.

²⁸⁵ Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 2008. – С. 231.

²⁸⁶ Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2006. – С. 58–78.

²⁸⁷ Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2000. – С. 41.

²⁸⁸ Там же. – С. 43.

правового демократического государства, то приведенное выше понимание источника права нуждается в дополнении с точки зрения сущностной характеристики права в виде формального равенства, то есть такой важнейшей характеристики источника права как, именно, правовой характер его сущности. Без указанной характеристики источник права может стать источником произвола, что с точки зрения юснатурализма может выразиться в том виде, когда форма права (в виде закона) не соответствует его источнику права (в виде объективной сущности). В связи с изложенным нельзя не согласиться с мнением М.Н. Марченко, который утверждает, что «решение вопросов касающихся понятия формы права и его соотношения с понятием источника права, является производным от решения проблем правопонимания и определения самого понятия права»²⁸⁹.

Однако, кроме указанных выше концепций правопонимания существуют и иные. Так, «статический подход к праву в сочетании с инъекциями лошадиных доз естественно-правовой идеологии, – замечает А.В. Поляков, – не сулит российской теоретико-правовой мысли ничего хорошего». По нашему мнению, заключает автор, «более плодотворным может быть обращение к реалистическим концепциям правопонимания, сложившимся в дореволюционной российской юридической науке. Особого внимания заслуживает феноменологическое направление в теории права...»²⁹⁰. В связи с изложенным, нужно отметить, что весьма затруднительно дать квалифицированную оценку взглядам и представлениям о формах и источниках права, вырабатываемых в пределах различных правовых теорий, включая концепцию легизма (юридического позитивизма) и теорию юснатурализма (естественного права).

Изучение форм права, как оправданно отмечает Д.А. Керимов, «имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение не только потому, что организует и выражает вовне сущность и содержание права, но также и потому, что от их особенностей зависят многие факторы правовой жизни: общеобязательность нормативность, степень юридической силы правовых актов, методы и способы правового регулирования общественных отношений и так далее. Многообразие форм права предполагает определение их общего понятия, на

²⁸⁹ Марченко М.Н. Источники права. – М., 2005. – С. 29.

²⁹⁰ Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 12. – С. 13.

основе которого окажется возможным вскрыть особенности и назначение каждого из них»²⁹¹.

Исходя из изложенного, при рассмотрении конкретных форм и источников права представляется целесообразным в начале обратить внимание на их общее понятие, а затем рассмотреть сложившиеся представления о формах и источниках права в рамках наиболее распространенных правовых теорий и различных правовых семей.

Решая вопрос, связанный с выработкой понятия источника права, которое соответствовало особенностям любой правовой семьи, необходимо как представляется исходить из следующих проверенных практикой постулатов:

Во-первых, необходимо иметь в виду, что форма (источник) права, как и само право, весьма многогранна и многозначна. Так, каждая форма права кроме философского аспекта, имеет также социологический аспект, который отражает в себе сложившиеся в данном обществе социальные реалии. Каждой из них присущ, одновременно также определённый формально-юридический, «филологический» и другие, выражающиеся, в частности, во внешнем выражении той или иной формы права.

Во-вторых, следует исходить из того, что форма права, также как и форма любого иного явления или процесса, не существует сама по себе, в отрыве от её социально-классовой сущности.

В-третьих, в процессе определения понятия формы права важно учитывать, что, будучи в методологическом плане тесно связанной, «производной» от «формы» как философской категории, в теоретическом и практическом плане выступают в качестве парной категории по отношению к «содержанию»²⁹².

В-четвертых, при рассмотрении источника права весьма важным представляется иметь в виду, что источник права, также как и все иные его компоненты, не исключая содержания, являются постоянно развивающимся, динамичным явлением.

При этом, необходимо четко разграничивать такие явления, как источник (форма) права с «источниками правоведения», или «источниками нашего познания о праве»²⁹³.

Кроме того, существует точка зрения²⁹⁴, согласно которой «понятие источник права» употребляется в различных смыслах:

²⁹¹ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М., 2000. – С. 113.

²⁹² Марченко М.Н. Указ. соч. – С. 29.

²⁹³ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права – СПб., 1998. – С. 76.

- материальном – условия, которые обусловили существование и содержание права (экономическое развитие государства, отношения собственности, господствующий тип производства и др.);
- идеальном – правовая культура, правосознание, правовая практика, что определило возникновение нормативных предписаний;
- формально-юридическом – «официальная форма закрепления содержания права»²⁹⁵.

Исходя из вышеизложенного, и не претендуя на истину в последней «инстанции», можно сформулировать следующее определение понятия источника права. Итак, источник права – это формально выраженная система общеобязательных правил выражающих формальное равенство (сущность права), являющееся одновременно истоком этих правил и формой их существования, детерминированная особенностями правовой системы и исторического периода существования.

Однако в науке существует и такая точка зрения, согласно которой термин «источник» вообще не применим в рамках науки теории государства и права. Так, профессор А.В. Васильев, отмечает, что в философии существуют понятия сущности и явления, формы и содержания, но отсутствует понятие «источник»²⁹⁶. Словарь же русского языка предлагает понимать под источником следующее: «1) Струя жидкости, вытекающая из земли. Например, источник минеральной воды, нефтяной источник. 2) То, что даёт начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь. Например, Солнце – источник света, источник всех зол. Письменный памятник документ, на основе которого строится исследование. Например, для исследования края следует использовать все доступные источники»²⁹⁷. На основании изложенного А.В. Васильев делает вывод о том, что понимание термина «источник» «не может быть вообще применено к праву, поскольку оно не является струёй, вытекающей из земли. Право также не имеет какого-либо начала, из которого оно исходит. Что касается нормативных правовых актов, судебных и административных прецедентов,

²⁹⁴ См.: Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 329–330; Теория государства и права / Под. ред. В.К. Бабаева. – М., 1999. – С. 267–268 и др.

²⁹⁵ Васильев А.В. «Источники и формы» как научная категория // Источники права: проблемы теории и практики / Материалы конференции. – М.: РАП, 2008. – С. 36.

²⁹⁶ Там же. – С. 40.

²⁹⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. 1975. – С. 237.

других письменных документов, содержащих право, они выступают в качестве источников знания права, а не источников самого права»²⁹⁸. Согласившись с общим ходом данной мысли, следует отметить, что употребление термина «источник» в правовой науке можно признать условным и учитывая неопределенность²⁹⁹, существующую в науке по вопросу соотношения категорий «форма права» и «источник права» следует признать, что устранение одного из данных понятий может снять вопрос, но нужно будет привести адекватную замену, для того, чтобы обозначить явления, подпадающие под понятие источника права в материальном и идеальном смысле.

Моясеенко А.А.

ОСОБЕННОСТИ КОНСЕРВАТИВНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С распадом СССР в России обозначилась проблема поиска новой идеологии. На смену всеобъемлющей коммунистической идее пришел кризис ценностей³⁰⁰. Нечеткие границы убеждений, переориентация морально-нравственных установок в обществе были следствием не только социальной поляризации, но и отсутствием идеологического ориентира. Кризис ценностей в обществе порождает идеологический вакуум, который может быть заполнен неожиданно и не всегда адекватными силами. В этой ситуации актуальным для страны стал вопрос выбора идеологии.

Поиск методологических обоснований и подходов к объяснению современных явлений в нормативно-символической сфере в академических кругах и идеологическая самоидентификация политических субъектов являются особенностью современного политического процесса. Дискурс идеологии в современной России активен как на символическом, так и на существующем реально-политическом пространстве.

²⁹⁸ Васильев А.В. Указ. соч. – С. 42.

²⁹⁹ Карташов В.Н. Традиционные и современные подходы к пониманию источников права // Источники права: проблемы теории и практики / Материалы конференции. – М.: РАП, 2008. – С. 55.

³⁰⁰ Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России, – М., 2000.

Определяя дискурс³⁰¹ как социальную формацию, исследователь сталкивается с проблемой отнесения коммуникативного действия к конкретному историческому периоду, культуре, социальной общности. Это делает понятие дискурса еще более абстрактным. Определить его конкретные рамки возможно, исследуя понятия макро- и микроуровней во взаимодействии. Так, дискурс является феноменом микросоциального уровня. Феноменом макросоциального уровня является идеология. Которая, в свою очередь, как коллективная репрезентация действительности воспроизводится в дискурсе (на микросоциальном уровне)³⁰². Таким образом, *идеологический дискурс* – это феномен перманентной связи и обратной реакции акторов, производящих политические идеи и идеологии или «реальное сосуществование и постоянное взаимодействие разнообразных идеологических течений»³⁰³.

Говоря о *консервативном дискурсе*, необходимо означить понимание консерватизма и консервативной идеологии 1) в научной литературе, 2) понимание этого явления официальными властями и широкими слоями населения и 3) развитие идеологии со времени.

Существует масса подходов к определению консерватизма.³⁰⁴ Выделяют различные его виды: левый консерватизм, правый консерватизм и т.д. С. Хантингтон определяет консерватизм как «*идеологию позиции*», а его цель – «оградить, предохранить и защитить» существ-

³⁰¹ В данной статье понятие «дискурс» будет трактоваться в широком смысле как коммуникативное событие/действие. См, например: Ван Дейк Т.А. (1998). К определению дискурса. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.

³⁰² Ван Дейк Т.А. (1998). К определению дискурса. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.

³⁰³ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Издание третье, переработанное и дополненное АСПЕКТ ПРЕСС. – М., 2000 – 378 с. <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/25993/26064/>.

³⁰⁴ Например, Гарбузов В.Н., исследуя различные формы консерватизма и подходы к нему, отмечал: «Одни видят в консерватизме определенный образ мышления, умонастроение, другие – стиль поведения, третьи – форму идеологии. Но чаще всего под консерватизмом понимают политическую философию, тип политики, ориентированные на защиту традиционных устоев общественной жизни, незыблемых ценностей и противостоящие резкому обновлению, радикальным новациям. Дать же универсальное определение понятия «консерватизм» очень трудно, поскольку «для каждой социально-культурной и политико-экономической традиции объектом сохранения оказываются совершенно различные, а зачастую противоположные и враждующие комплексы идей, ценностей, идеалов». На протяжении десятилетий «консервативными» назывались самые несхожие идеологические и политические течения». Гарбузов В.Н. Консерватизм. Понятие и типология (историографический обзор) // Полис, №4 1995.

вующие социальные, экономические и политические институты и культуру»³⁰⁵. С точки зрения К.Мангейма, консерватизм представляет собой «*сознательный традиционализм*»³⁰⁶, сознательное следование традиции. Это положение, находящееся на вершине иерархии консервативных ценностей, определяет в свою очередь два других принципа консервативной идеологии: антирационализм (подсознательное принятие традиций) и антииндивидуализм (традиция как общность и ответственность всего общества или государства).

Становление *российского консерватизма* как идейно-политического течения происходило в конце XVIII – начале XIX вв. Появление идеологии было связано с влиянием идей Великой французской революции, которые, несмотря на охранительные меры российского правительства, находили отклик среди российской интеллигенции.

И хотя единой консервативной теории в России в XIX веке так и не сложилось, можно говорить об отчетливом наборе признаков и идей, присущих консервативному мировосприятию: стремление к укреплению существующей власти; цель – сохранение в обществе стабильности; отрицание революционных скачков, резких перемен; религиозное содержание идеологии.

Сформировалось ценностное ядро российского консерватизма, включающее:

1. *Сохранение идентичности.* Идентичность России понимается в цивилизационном смысле. Основой здесь является уникальность культуры и местоположения России³⁰⁷. Сохранение идентичности – ключевое положение, вокруг которого формируются консервативные программы. Способность самоидентифицировать себя в мировом пространстве, обозначить себя как российского гражданина, человека русской культуры и традиций является важным положением русского консерватизма. В плане международных отношений и внешней политики идентичность можно определить как отстаивание собственной позиции и нахождение на нейтральной стороне. Русский консерватизм рассматривал тему взаимоотношений России и Запада не с позиций «догоняющей модели», а с позиции диалога двух равнозначных субъектов,

2. *Понимание развития.* Заблуждением является точка зрения о том, что консерваторы в принципе отрицали развитие. Развитие как

³⁰⁵ Сэмюэл Ф. Хантингтон. <http://old.russ.ru/politics/20011108-hun.html>.

³⁰⁶ Mannheim C. *Essay on Sociology and Social Psychology*. N.Y. 1953, p.95.

³⁰⁷ «Консерватизм – это осторожное и опасливое отношение к прогрессу» // Коммерсант-Власть, № 33 [687], 21 августа 2006 г., с. 25.

процесс перехода из одного состояния в другое, всегда был предметом консервативной критики. К.Н. Леонтьев, критикуя «развитие», как процесс, которому «подчинены и государственные органы, и целые культурные миры», выделяет стадии развития:

- а) первичной пустоты,
- б) цветущей сложности,
- в) вторичного смесительного упрощения³⁰⁸.

По мысли консерваторов, смена состояний развития несет в себе положительные черты, что наиболее ярко выражено в кульминационный период. Однако с необходимостью наступает конец, так как развитие не предполагает постоянства. Поэтому консервация положительных результатов развития является наиболее оптимальным выходом из положения, не допуская извращения и изменения в худшую сторону,

3. *Православная вера.* Россия консервативна постольку, поскольку является носительницей православной религии. Православие не только как христианская религия, но как культурный пласт консервативно. Россия позиционирует себя как православную цивилизацию, уникальную в своем роде.

После ликвидации монархии в России перестали существовать партии консервативной ориентации (монархисты, октябристы) и значительно ослабели идейные позиции консервативного течения. «Консервативная мысль» переместилась за пределы России и функционировала за рубежом. Таким образом, практически исчезла консервативная политическая традиция.

Это обстоятельство объясняет сложность пути развития консерватизма в России в 20 веке. Консерватизм фактически не существовал как самостоятельное политическое течение. Существование консерватизма в СССР было в принципе невозможно, т.к. для консерватора 20 века, без ссылки на национальные особенности, важно невмешательство государства в экономику и недопущение усиления власти бюрократии. Наличие этих факторов свидетельствует о прогрессе, с критикой которого всегда выступают консерваторы.

Сегодня только у 4% россиян термин «консерватизм» вызывает положительные эмоции³⁰⁹. Консерватизм в представлении большинства

³⁰⁸ Леонтьев К.Н. Что такое процесс развития? / Из истории мировой гуманистической мысли: Хрестоматия / Сост. авт. вступ. ст. и примеч. А.Ф. Мальшевский и др. – М.: Просвещение, 1995. – С. 424.

– явление, отвергающее прогресс, стремящееся построить «закрытое общество» и вернуть старые порядки (в большинстве случаев мыслится советский период). Штампы в массовом сознании ассоциируют консерватизм с ретроградами и жестко настроенными реакционерами.

Таким образом, в общественном сознании сформированы две тенденции: стереотип о негативной роли консерваторов вообще и размытость границ и содержания понятия «консерватизм».

Незнание истории страны в купе с размытыми установками порождает ошибочное представление или его отсутствие вообще. Многие называют консервативными политическими силами коммунистов, либеральных демократов, центристов. Определения данного рода являются спорными и неоднозначными. Может ли коммунистическая партия быть носителем консервативной идеологии? – по-видимому, нет, так как будет искажена суть её идеологической базы. КПРФ консервативна, если в это определение не вкладывать смысла, а ассоциировать, например, с возвратом «светлых дней коммунизма». Важно понимать, что консерватизм не имеет четкой привязки к определенному периоду и не является идеологией-ностальгией.

Кроме того, нередко понятие политического «центра» ассоциируют с консерватизмом. Происходит это по причине наличия крайних вариантов – «левых» и «правых». В этом смысле, «Единую Россию», позиционирующую себя как «центр», можно назвать консервативной. Однако, это весьма спорно, так как для определения сущности консервативной идеологии в России сегодня необходимо установить, что является консерватизмом как типом политического мышления, а что заигрыванием с консервативной риторикой.

С началом постсоветского периода и развитием парламентаризма предпринимались попытки создания консервативной политической силы. Например, Партия Российского Единства и Согласия (Сергей Шахрай), Консервативная партия России (Лев Убожко) участвовали и пытались участвовать в парламентских выборах 1990-х годов, имели некоторое количество сторонников. Однако вскоре последовала их ликвидация, означающая «политическую смерть» данных структур и *отсутствие консервативной традиции*. Традиция предполагает преемственность, которой в России нет.

³⁰⁹ «Консерватизм – это осторожное и опасливое отношение к прогрессу» // Коммерсант-Власть, № 33 [687], 21 августа 2006 г.

Особенностью современной политической действительности является примат конкретных личностей, а не партий и, тем более, идей. Недостаток идей, отчасти, и порождает такое состояние.

Консерватизма как политической, а тем более, парламентской силы в России сегодня не существует. Можно выделить, например, ранее образованные партии «Родина» и «Народная воля», позиционировавшие себя как консервативную политическую силу. Однако эти структуры с национально-державными акцентами своей риторики, по сути, являлись носителями охранительно-патриотического мышления, абсолютно лояльного к действующей власти. Вопрос о степени консервативности официальной России поднимался ранее в вопросе о консерватизме «правящей партии».

Массовое сознание оперирует образами. Поэтому, чтобы сформировать четкое понимание и представление, необходимо словесное оформление, которое могут дать населению консерваторы-интеллектуалы.

По мнению некоторых исследователей, начиная с 2003 года в России последовательно формируется консервативный дискурс. Себя начали проявлять общественные объединения и консервативно-настроенная интеллектуальная элита: «Серафимовский клуб» (А. Привалов, М. Леонтьев, С. Сельянов, А. Балабанов), проект «Русский журнал», «Консервативный пресс-клуб», Интернет-проекты «Агентство политических новостей» и «Правая.Ру», журнал «Эксперт» (В. Фадеев), газета «Завтра», «Консерватор», ежемесячник «Спецназ России», движение неоевразийцев и другие.

Сегодня важным направлением консервативного дискурса является идеология либерального консерватизма, представленная такими именами как М. Леонтьев, М. Соколов, В. Фадеев, журналами «Эксперт» и «Главная тема», «Серафимовским клубом», преобразованным в клуб «4 ноября». Однако в 2000-е годы происходит ослабление в либеральном консерватизме его либеральной составляющей, в отсутствие которой многие либерал-консерваторы постепенно переходят на позиции близкие к национал-консерваторам. Наиболее характерными чертами, выделяющими именно либеральных консерваторов, остаются апелляция к ценности свободы и ориентация даже уже не на ценности свободного рынка, а на понятие экономической эффективности.

Также нужно отметить роль Русской Православной Церкви в формировании консервативной мысли. Яркий представитель – идеолог митрополит Кирилл, возглавляющий отдел внешних связей Московской Патриархии. Возможно, только в церкви сегодня можно уви-

деть пример институционализировавшегося российского консерватизма, действующего на постоянной основе и апеллирующего к традициям и приверженности ценностям. Связь церкви (по определению носительницы консервативных ценностей) и государства всегда имела большое значение. Одной из особенностей является легитимация существующей власти. Поэтому важно заручиться поддержкой этого института, одновременно централизуя власть, стараясь следовать национальной традиции и угождая патриотическим чувствам населения.

Однако, являясь носителями идеологии, вышеперечисленные личности и структуры не являются, по большей части, политическими акторами, проводящими полноценный консервативный курс. Актуальным является вопрос – сможет ли консервативная мысль *институционализироваться* и создать консервативную политическую силу?

В основном, сегодня консерватизм используют для продвижения каких-либо проектов и получения электоральной поддержки. Например, партия «Единая Россия» определяет одно из направлений своей деятельности как социальный консерватизм³¹⁰. Что это: «консервативная риторика» или «поиски себя» в идеологическом спектре?

По определению Михаила Ремизова в России существует тенденция «*ситуационного консерватизма*»³¹¹. Основой здесь являются не столько носители консервативной политической идеологии, сколько атмосфера понимания консерватизма в обществе и прибежание к нему для стабилизации обстановки в стране.

Сегодня в России консерватизм – это даже не прикладная идеология, идущая в связке с властными идеями и необходимая для обеспечения уровня доверия населения, а набор идей, из которого можно в разное время для конкретной ситуации взять необходимый элемент. Возможно также, что консерватизма нет, так как нет предмета критики – прогресса. Политическая стагнация не может вызвать охранительные тенденции.

Основной особенностью консервативной среды в 2000-е годы является превращение отдельных точек пространства консервативной идеологии и политики в самоактуализирующееся сетевое сообщество с высоким потенциалом организации. Несмотря на любые внутренние

³¹⁰ Кто такие российские социальные консерваторы? Интервью начальника Управления аппарата Государственной Думы по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ Ю.Е. Шувалова газете «Единая Россия» 15.02.2006. <http://pda.cskp.ru/clauses/5/c/1072/>.

³¹¹ Михаил Ремизов Консерватизм сегодня. <http://www.pravaya.ru/leftright/472/6934>.

конфликты, фактически все консерваторы так или иначе связаны с остальными и консервативные клубы и издания взаимодействуют весьма интенсивно. В этом смысле консервативное движение представляет собой противоположность современному российскому либерализму, у которого есть средства и организационные возможности, но который неоднороден и разрознен.

Вопрос о роли и месте консервативной идеологии в современной России остается открытым как для исследователей, так и для активных структур и субъектов реальной политики. Очевидно, что есть потенциал и база в лице конкретных носителей идеологии для становления этого идейного течения на современном этапе, однако вместе с тем, существует и ряд проблем, препятствующих его активному развитию. Остаются открытыми для самого консерватизма вопросы институционализации, слома стереотипов в общественном сознании и поиска социальной базы, без которой любая идеология не может эффективно функционировать.

Гатов Д.В.

МОЛОДЕЖЬ И МАЛЫЙ БИЗНЕС

Мировая практика убедительно свидетельствует, что в странах с развитой рыночной экономикой малый бизнес оказывает существенное влияние на развитие экономики, решение социальных проблем, увеличение численности занятой молодежи. В России, к сожалению, малый бизнес часто не воспринимается всерьез, эта форма деловой активности не является механизмом,двигающим экономику вперед. В научной литературе малый бизнес относится к числу сложных общественных явлений, требующих междисциплинарного анализа. Он формируется и функционирует под влиянием множества взаимосвязанных и взаимодействующих объективных и субъективных факторов. Сегодня малый бизнес является одним из значимых средств в реализации курса социально-экономических реформ, решения комплекса политических, экономических и социальных проблем, остро стоящих перед государством. Поэтому темпы и направления его развития во многом предопределяются тем, насколько активно государственная, и, прежде всего региональная, власть осуществляет поддержку малого бизнеса.

Опыт подавляющего большинства зарубежных стран показывает, что государственная политика в отношении малого бизнеса является

важным самостоятельным системным направлением социально-экономической политики государства в соответствии с основными национальными интересами. Данная политика строится на принципе создания наибольшего благоприятствования развитию сектора малого бизнеса, особенно в тех направлениях деятельности, которые дают максимальный социально-экономический эффект в стране или в регионе.

В силу своей специфики малый бизнес имеет ярко выраженную региональную ориентацию и в условиях развития хозяйственной самостоятельности регионов выступает важным средством оптимизации структуры региональной экономики. В свою очередь, региональные власти имеют достаточно широкие возможности влияния на развитие предпринимательских структур.

Малый бизнес, на наш взгляд, должен быть в центре интересов российского общества, потому что он представляет собой один из эффективных способов решения экономических и фискальных задач, а также и решение социальных проблем: создание рабочих мест, повышение благосостояния населения, обеспечение многоукладности экономики и возможности реализовать свою частную инициативу. Немногие сектора экономики могли бы функционировать без малого бизнеса. Именно деятельность малого бизнеса, как показывают исследования, создает условия для изобретательской и инновационной деятельности.

Более того, малый бизнес может стать важнейшим инструментом адаптации молодых людей, прежде всего, не обладающей достаточно высокой степенью квалификации молодежи, лиц, не завершивших учебу в школе, а также и для молодежи без профессии. Молодежь привлекает в современных условиях в малом бизнесе не столько трудности с устройством на работу в крупных фирмах, а те возможности, которые предоставляет рыночная экономика, новые ниши, которые открываются в малом бизнесе, что дает возможность для дальнейшего профессионального роста и самосовершенствования. Поэтому существенным сегментом малого предпринимательства становится молодежный бизнес.

Молодежь является наиболее значимым звеном в предпринимательской среде. Ведь именно сегодняшняя молодежь, молодежное предпринимательство будут определять облик нашей страны уже через 10 лет, от развития сегодняшнего молодежного бизнеса будут зависеть темпы экономического роста и развития нашей страны завтра.

Хорошо известно, что молодежь в силу своих социально-демографических и социально-психологических особенностей самая активная часть общества, которая быстро реагирует на любые измене-

ния в жизни и воспринимает, как позитивные, так и негативные их последствия. Следовательно, молодежь будет обладать большим потенциалом и способностью к предпринимательской деятельности, чем другие возрастные группы.

Однако субъектам молодежного малого бизнеса свойственны определенные недостатки, среди которых следует выделить самые существенные: более высок уровень риска, поэтому высокая степень неустойчивости положения на рынке; зависимость от крупных компаний; недостатки в управлении делом; слабая компетентность руководителей; повышенная чувствительность к изменениям условий хозяйствования; трудности в привлечении дополнительных финансовых средств и получения кредитов и др. Конечно недостатки и неудачи субъектов малого бизнеса связаны как с внутренними, так и с внешними причинами, а также с условиями формирования. Как показывает опыт, большинство неудач малых фирм связано и с неопытностью или профессиональной некомпетентностью собственников малых предприятий: одного предпринимательского опыта и хватки явно недостаточно. В современном малом бизнесе крайне необходимы специальные знания. В связи с этим молодежное предпринимательство – очень сложный сектор, который требует серьезного внимания со стороны государственных органов. Его правильно построенная, целенаправленная поддержка обеспечит развитие малого предпринимательства в регионе, что, в свою очередь, приведет к экономическому росту, к повышению инвестиционной привлекательности региона и к решению социальных проблем. Молодежь встречается с огромными трудностями на пути создания молодежных предприятий. Эти проблемы связаны как с финансовыми трудностями (невозможность получения инвестиционных, бюджетных и кредитных ресурсов), так и с недостаточной образованностью самих молодых людей. Кроме того, при организации малого бизнеса молодые люди сталкиваются и с такими проблемами как отсутствие законодательных, правовых нормативных документов по решению проблем самозанятости молодежи. Вместе с тем эти проблемы находятся в непосредственной связи с проблемами социально-структурного воспроизводства предпринимательства и процессами общественного воспроизводства. В результате смены поколений осуществляется не только простое, но и расширенное воспроизводство общества в целом, а также отдельных его слоев и групп, в том числе и предпринимательства.

Молодежь желает не просто «играть» в предпринимательство, а реально работать в нем. Поэтому вовлечение молодежи в бизнес – это острая проблема. Сейчас решение стать предпринимателем принимают не от безысходности или безальтернативности – молодые люди этот выбор делают, исходя, прежде всего из своих амбиций и возможностей. В условиях сегодняшней конкуренции такой выбор уже не может быть обусловлен только интуицией или эмоциональными предпочтениями. Если в начале 90-х можно было успешно стартовать практически в любом секторе, то сегодня это сделать довольно сложно. Успешный старт требует еще и ясного понимания того, какие направления бизнеса, исходя из уровня конкуренции и возможностей рынков сбыта, являются перспективными. Сегодня очень сложно строить бизнес без основательной подготовки и без поддержки его на начальном этапе.

Взаимоотношения молодежи и малого бизнеса гораздо сложнее, чем часто это видится. Молодому человеку сложно не только начать собственное дело, но даже наемным работником устроиться очень трудно. Войти в бизнес молодым очень сложно.

За годы реформ в России выработалась определенная система подготовки учащейся, студенческой и рабочей молодежи к предпринимательской деятельности, которая позволяет получать пусть не очень высокий, но конкретный практический результат. Важнейшее звено этой системы – механизм организации и проведения ежегодных открытых конкурсов предпринимательских проектов учащейся и студенческой молодежи. Система поддержки молодежного предпринимательства на основе проводимых конкурсов молодежных проектов позволяет активизировать творчество молодежи, получить гранты в виде денежных средств либо возможности дополнительного обучения. Организуя участие молодежи в конкурсах, необходимо обеспечить реализацию на практике этих проектов. Однако далеко не все проблемы решены в этом направлении. Сами молодые предприниматели остро нуждаются в обучении основам предпринимательской деятельности.

Кроме того, следует помнить, что интересы социальной защищенности молодежи в малом бизнесе должны получить отражение в государственной и региональной молодежной политике.

Таким образом, меры в области поддержки молодежи на рынке труда вполне могли бы быть «встроены» в систему поддержки как через традиционные формы обучения для малого предпринимательства, так и – что более предпочтительно – целевым образом через системы профессионального образования молодежи

Руденкин Д.В.

**ДИСКУРС МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
БОГАТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Последние пять лет сопровождались в России достаточно бурным всплеском активности различных политических движений, открыто говорящих о своем стремлении вовлечь молодежь в политическую жизнь страны. Само по себе это не удивительно: перепись населения 2002 года показала, что не менее четверти всего населения страны, которое может быть использовано в политической борьбе, — это люди в возрасте 18–29 лет. Закономерно, что за мнение этих людей началась борьба, в которую включились как оппозиционные силы, так и организации, декларирующие своей целью сохранение существующего режима. Однако возникает серьезный вопрос, насколько эффективной получается у них эта борьба. Социологические исследования продолжают показывать, что современная российская молодежь все равно не проявляет большой политической активности: неохотно вступает в какие-либо организации, не следит за информацией о политических процессах в России и в мире и зачастую даже не имеет четких политических симпатий.

Таким образом, интересным становится понять, какова реальная эффективность молодежных политических организаций в современной России. Не является ли определенной фикцией тот их успех, о котором периодически говорят аналитики? Имеют ли они реальную популярность в глазах молодежной аудитории? Готова ли в действительности молодежь пойти за этими организациями, участвовать в их акциях, голосовать за них на выборах, если это потребуется? В данной работе мы постараемся ответить на эти вопросы.

Сразу хочется отметить, что потенциал у политически ориентированных молодежных организаций в России представляется воистину огромным. Российской молодежи никогда не были свойственны аполитичность и желание демонстративно уклоняться от любых политических явлений в обществе, за которые ее порой критикуют политики и журналисты. Данные самых разных социологических опросов этого не подтверждают. Еще в середине 1990-х годов социологи говорили о наличии у молодых россиян серьезного порыва влиять на

ситуацию в стране своими силами³¹². В 2004 году был осуществлен опрос молодежи сразу в нескольких городах России. Большинство опрошенных уверенно ответило: опора страны и источник ее развития – именно молодежь³¹³. В 2008 году опросы показали, что больше трети молодых людей не исключают, что будут выполнять добровольную неоплачиваемую работу, направленную на достижение полезных для страны целей³¹⁴.

Поэтому та «аполитичность», которую часто приписывают российской молодежи, вероятнее всего, представляет собой не нежелание участвовать в политической жизни общества, а незнание способов, с помощью которых это можно сделать. Это незнание, в свою очередь, – закономерный плод кризиса развития страны, начавшегося в середине 1990-х годов и некоторыми явлениями напоминающего о себе до сих пор. Неспособность государства и семьи влиять на политическую социализацию молодежи, отмечаемая социологами как важное последствие этого кризиса, потребовала какого-то нового механизма по вовлечению молодежи страны в политические процессы. И именно таким механизмом могли бы стать различные молодежные политические организации.

Однако проблема состоит в том, что, имея хороший потенциал, такого рода движения крайне плохо справляются с его реализацией. Первое, что говорит в пользу подобного вывода, – это более чем скромное количество организаций, ставящих своей целью полноценную работу с молодежью как основной целевой группой. Так, простой анализ статистических реестров некоммерческих организаций, действующих в Свердловской области, показывает, что на непосредственную работу с молодежью ориентировано лишь 8,6% из них. Безусловно, надо принимать во внимание и то, что молодежь могут рассматривать как косвенный объект и другие организации, и то, что реестр этот постоянно обновляется. Но, тем не менее, цифра достаточно красноречиво говорит о том, что интерес к молодежи и ее про-

³¹²См.: Коротаева Е.В. Роль молодежи в социально-экономическом и политическом развитии общества // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. В 3-х частях. Ч. III. – Екатеринбург, 2001. – С. 195–196.

³¹³См.: Официальный сайт Всероссийского Центра Изучения Общественного мнения <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1286.html>.

³¹⁴Черненко Е. Совет да нелюбовь // Русский Newsweek №21, 2008. – С. 49.

блемам среди существующих движений не так велик, как этого можно было бы ожидать³¹⁵.

Другая проблема, возможно, еще более важная, чем малая численность ориентированных на молодежь политических организаций, заключается в их определенной идейной оторванности, изолированности от собственно молодежи. Причем важно, что свойственна она как тем организациям, которые заявляют о себе как об оппозиции, так и тем, которые открыто говорят о своем стремлении любыми силами сохранить существующий режим. Серия опросов под руководством социолога Б.А. Ручкина в свое время четко показала: в глазах самой российской молодежи идеальная политическая организация ориентирована на решение не системных идеологических задач, а вполне практических, конкретных³¹⁶. Иными словами, сами молодые россияне хотят видеть в таких организациях не своеобразных борцов за или против существующего общественно-политического устройства, а обычных выразителей их собственных интересов и потребностей. Вместе с тем, трудно поспорить с О.Ф. Русаковой, которая в 2006 году, анализируя основную направленность действий молодежных политических организаций Свердловской области, писала, что им свойственна как раз борьба за власть, а не артикуляция интересов молодежи³¹⁷. Получается достаточно заметное расхождение.

Наконец, большой проблемой становится негативная окраска большей части акций, которые проводятся молодежными политическими движениями. Причем эта негативная окраска присуща действиям, как оппозиционных молодежных организаций, так и тем, кто заявляет своей целью сохранение существующего в стране режима. Так называемые «марши несогласных», которые проводили оппозиционно настроенные молодежные организации в разных городах страны в 2007 году, российским обществом оценивались достаточно негативно

³¹⁵ См.: Казаков Е.С. Институциональный аспект формирования культуры гражданственности молодежи: роль общественных организаций // Гражданская культура современного студенчества / Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию ССА-РОС (Екатеринбург, 14 ноября 2007 г.). Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. – С. 117–121.

³¹⁶ См. Молодежь-97: надежды и разочарования / Б.А. Ручкин (рук.) и др. – М., 1997. – С. 219.

³¹⁷ См.: Русакова О.Ф. Политический дискурс новых молодежных движений России // Политические процессы и политические институты: тренды и локализация. Ч. 3. – Екатеринбург, 2006. – С. 21–23.

и особенного понимания не вызывали³¹⁸. Однако точно так же вызывали неодобрение и действия их идейных оппонентов – движений, отстаивающих существующий политический режим. Среди наиболее обсуждавшихся действий движения «Наши», к примеру, значилось нападение на активистов одной из левых организаций в Москве. Нападение, судя по всему, было спланировано заранее – об этом говорит и то, что при нападении были использованы бейсбольные биты, и то, что нападавшие хорошо ориентировались в районе нападения и милиция задержала их с большим трудом³¹⁹. Последней же получившей резонанс акцией тех же «Наших» была осада эстонского посольства в Москве в знак протеста против переноса из центра Талина памятника советскому солдату. Активисты движения неделю вели осаду посольства и требовали от Эстонии извинений за «госфашизм». Нет ничего удивительного, что эти полукриминальные действия тоже особых симпатий в обществе не вызвали.

Насколько такая идейная направленность и способы действий способствуют популярности указанных организаций, понять достаточно просто, если взглянуть на результаты опросов молодежи, регулярно предпринимаемые различными социологическими службами страны. Так, Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения указывает: рейтинги молодежных политических организаций самой разной направленности стабильно колеблются в молодежной среде от 2% до 10–11%. Более половины молодых людей предпочтения среди такого рода организаций и вовсе не имеют³²⁰. Еще более красноречивы результаты, которые предоставляет фонд «Общественное мнение». Как следует из отчета исследователей, молодежные политические организации не слишком известны среди рядовых россиян. Отвечая на открытый вопрос, какие молодежные организации они знают, 13% респондентов вспомнили движение «Наши», 5% – «Молодую гвардию Единой России», 2% – скинхедов, и по 1% – «Идущих вместе», Национал-большевистскую партию, РНЕ, «Молодую Россию» и некоторые другие организации. Три четверти респондентов – 75% – затруд-

³¹⁸ См.: Раскин А., Фишман М. Ударные несогласные // Русский Newsweek, № 17, 2007. – С. 13–20.

³¹⁹ См.: Беккер В. Пассионарная арифметика // Политический журнал, №41, 2005. – С. 26–29.

³²⁰ См.: Шаронин О.С. Молодежь и политика: роль молодежных организаций в становлении политических институтов // Политические процессы и политические институты: тренды и локализация. Ч. 3. – Екатеринбург, 2006. – С. 20–21.

нились назвать какие бы то ни было молодежные организации, а 1% уверенно заявляют, что таковых нет вовсе³²¹.

В итоге складывается, прямо скажем, плачевная картина оторванности существующих молодежных политических организаций от собственно молодежи, интересы которой они берутся выражать. Таких организаций существует не много, а те из них, что все же ведут работу, не вызывают у своей целевой группы симпатии ни в целях, ни в средствах. Впрочем, самое удивительное в этом положении дел то, что оно несколько не ново для страны. В 1991 году во время одного из исследований молодежи социологи получили весьма любопытные данные. 37% молодых людей говорили о том, что не задумываясь снова вступили бы в комсомол, если бы он реально отражал их интересы и строил свою деятельность ближе к запросам молодежи, чем к своим собственным. Как видим, за прошедшие 17 лет в стране мало что изменилось³²².

Чердниченко А.В.

ДИСКУРС ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЫТНОСТИ РОССИИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ В КОНТЕКСТЕ ПРОШЕДШИХ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Выборы в Государственную Думу Российской Федерации являются важнейшим политическим событием. Для того чтобы был успех на выборах, партия ставит перед собой задачу поиска с помощью разнообразных исследований соответствующих электоральных ниш в идеологическом пространстве, где «обитает» как можно больше потенциальных избирателей непосредственно с такой идеологической позицией, которая максимально близка и никаким образом не противоречит идеологии данной партии.³²³ Поэтому взгляды, идеи политических партий, изложенные в предвыборных программах, презентуются в рамках тех установочных принципов идеологий, приверженцем которых является сама политическая партия.

³²¹ См.: Молодежь в политике. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». <http://bd.fom.ru/report/map/d082024>.

³²² См.: Российский комсомол: Проблемы и перспективы развития. – М., 1991. – С. 104.

³²³ Задорин И. Идеологическое пространство России: электоральные ниши и их потенциал // http://www.zircon.ru/russian/service/4_1.shtm/.

В данном докладе рассматривается проблема бытности страны, под которой понимается взгляд партий-победительниц на прошлое, настоящее и будущее России во время предвыборной гонки за думские кресла.

По поводу прошлого нашей страны «Единая Россия» высказывается следующим образом: «Перед лицом все новых вызовов мы обязаны реализовать конкурентные преимущества России, взяв на вооружение психологию победителей. Эта психология восходит к историческому опыту России, которой не раз удавалось в самых сложных ситуациях осуществить прорыв к новым рубежам»³²⁴. То есть, партия высказывает идею о России как победительнице и показывает мощь страны на протяжении всего исторического пути.

Современность же единороссы представляют в несколько темных тонах: «Не удалось переломить пагубную тенденцию к бюрократизации всех уровней исполнительной власти. Государственный аппарат продолжает разрастаться, остается малоэффективным». Получается, что партия выявляет пороки и провалы, которые были допущены во время своего же нахождения у власти. Здесь выдвигается тезис о слабости работы бюрократизированного государственного аппарата.

Своим потенциальным избирателям партия рисует будущее страны: «Информационная открытость власти, гражданский контроль над бюрократией, эффективность государственного управления, общественное доверие к институтам власти, независимый суд, правоохранительные органы». Это положение позволяет нарисовать картину возможного построения в России правового государства и гражданского общества.

Традиционно представителем коммунистической идеологии в современной России является Коммунистическая партия Российской Федерации.

Прошлое страны КПРФ характеризует весьма положительно: «Прорыв в будущее возможен. Для народов великой страны с уникальной культурой. С героической историей побед и свершений. С примерами жертвенного служения добру, правде и справедливости». В данном положении коммунисты восхваляют историческую пору своего правления, а так же высказывают идею о России как победительнице.

Коммунисты критикуют существующую власть и винят ее в нынешнем разоренном положении современной России: «Идет седьмой год третьего тысячелетия. Россия вступила в него с огромными человеческими потерями. С загубленной промышленностью и разоренным

³²⁴ Здесь и ниже в статье цитируется источник «Предвыборное тестирование» / <http://www.kommersant.ru/vlast.aspx?IssueID=36587>.

селом». В этом заявлении КПРФ подчеркивает свое недовольство проблемами в промышленности, сельском хозяйстве, высокой смертностью и низкой рождаемостью.

Будущее партия представляет своим избирателям как научный прорыв в стране, который обеспечит России твердые лидирующие позиции на международной арене. «Прорыв в цифровых и нанотехнологиях, в других отраслях фундаментальной и прикладной науки обеспечит разработку передовых технологий, выпуск конкурентоспособной продукции».

Несмотря на свое название, Либерально-демократическая партия России относится рядом исследователей в лагерь национал-державников.

Собственный вклад в прошлое страны партия видит в миссии смелы руководства России. «В 1999 году партия помогла скорейшему спокойному уходу Б. Ельцина и бескровной передаче власти новому руководителю страны, нынешнему Президенту В. Путину».

Нынешнюю ситуацию в России ЛДПР видит следующим образом: «Тотальная коррупция, разврат, безверие, высмеивание всего патриотического». То есть, партия раскрывает пороки современной системы в стране: бюрократизация и корруммирование неэффективно работающего государственного аппарата, попрание национально-патриотических чувств и т.д.

Либерал-демократы подчеркивают, что выборы в Государственную Думу 2007 года являются переломным моментом для всей России. «Сейчас у нас с вами шанс сделать Россию новой, доброй, радостной и процветающей». Именно после судьбоносного выбора граждан Российской Федерации жизнь в стране изменится только в лучшую сторону.

Новичком в предвыборной кампании 2007 года стала партия Справедливая Россия, построенная на объединении «Родины», «Российской партии Жизнь» и «Партии пенсионеров». Идеологические пристрастия партии позволяют ее отнести к социалистическому лагерю.

В прошлом страны партия отмечает плюсы советской системы. «Советская система образования считалась лучшей в мире».

В положении современной России акцент делается на провалы в миграционной политике. «Неконтролируемая миграция наносит ущерб экономике и интересам граждан России».

В ближайшем будущем Справедливая Россия рекомендует сделать упор на промышленность, внося в эту область некоторые корректировки. «Эффективная промышленная политика должна заключаться в долгосрочном проектировании экономики, государственном регулировании оборонно-промышленного комплекса и стратегических отраслей».

Таким образом, представленные «призерами» политической игры определения бытности нашей страны характеризуются индивидуальностью точки зрения в рамках идеологической окраски той или иной политической партии.

Радаев В.А.

ДИСКУРС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРОИТЕЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ

Вопросы, связанные с местом, ролью и функциями государства в экономике (в частности в строительстве) волновали умы различных ученых уже очень давно. В мировой экономической литературе прошлых столетий представлен довольно разнообразный спектр мнений относительно возможностей государственного регулирования рыночной экономики. При этом, взгляды ученых существенно менялись в зависимости от конкретных условий развития мирового хозяйства - был ли это период мира или войны, бурного экономического роста или затяжного циклического кризиса, галопирующей инфляции или дефляции и др.

С 2009 года в Российской Федерации вступает в силу закон о «Саморегулируемых организациях»³²⁵ в строительстве. Таким образом, весь строительный комплекс переходит на рельсы саморегулирования, за основу перехода на саморегулирования взята немецкая модель такой системы. Переход на саморегулирование строительный комплекс России встретил массовыми протестами и недовольством. Такое поведение объясняется рядом причин, во-первых, строители не хотят менять выработанную годами систему, во-вторых, им непонятны некоторые элементы в этой системе, в-третьих, они не согласны с рядом позиций новой системы, т. к., по их мнению, закон разрабатывался без привлечения тех, к кому он будет применяться.

Как известно, принятие закона и его исполнение предполагает появление в строительном комплексе еще одного активного субъекта, еще одного участника, который будет влиять на работу строительного комплекса. Следовательно, возникают вопросы относительно того, как повлияет деятельность саморегулируемых организаций на строительный комплекс и его участников. Каким образом будут

³²⁵ Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ.

происходить привычные для строительного комплекса процессы, как будут складываться новые экономические, правовые и другие взаимоотношения между участниками строительного комплекса, государства и саморегулируемыми организациями, а так же отношения внутри самих этих организаций и в итоге, какое место займет саморегулируемая организация в строительном комплексе или останется вне его. В связи с этим изучение проблемы влияния саморегулируемых организаций на деятельность строительного комплекса и его участников, приобретает особую актуальность на этапе трансформации строительного комплекса.

Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, создание саморегулируемых организаций (СРО) в сфере строительства является объективной необходимостью в связи с нарастанием опасности техногенных катастроф, обусловленных ухудшающимся качеством строительства и эксплуатации зданий и сооружений, отсутствием действенных механизмов ответственности участников строительного рынка за выполнение своих обязательств перед потребителями. Таким образом, принятие законопроекта позволит реализовать на практике эффективную модель сочетания государственного регулирования с саморегулированием субъектов в области строительной деятельности, что позволит не допустить на строительный рынок недобросовестных участников, и будет способствовать обеспечению безопасности строительства.

Однако стоит подчеркнуть, что в результате появления СРО строительный комплекс и его участники будут поставлены в новые правовые и экономические условия работы. Поэтому важно проанализировать, что такое «саморегулирование». Авторы закона под «саморегулированием» понимают самостоятельную и инициативную деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил³²⁶. Таким образом, СРО создает по сути правила «игры» участников строительного комплекса, а само государство дистанцируется от участия в управлении строительным комплексом.

В свою очередь, саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, созданные в целях саморегулирования,

³²⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Ст. 3 // Российская газета. 2007. 6 декабря.

основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида³²⁷. То есть возникает некое некоммерческое партнерство с обязательным участием в нем всех субъектов предпринимательской деятельности, которые хотят вести строительную деятельность на территории РФ, что уже противоречит статье 30 Конституции РФ³²⁸ о добровольном участии в любых некоммерческих объединениях.

Законопроект предполагает создать общероссийскую структуру строительного саморегулирования «по вертикали». Первый уровень – региональные строительные, проектные и изыскательские СРО. Количество таких организаций в одном регионе не ограничивается.

Второй ступенью предположительно станут Союзы саморегулируемых организаций. Они будут осуществлять координирующую деятельность по выработке единых стандартов, которые могут применяться ко всем трем направлениям строительного саморегулирования и являться своего рода посредником между представителями строительного бизнес-сообщества и властями.

Третья ступень – общероссийское объединение СРО, членство в котором для отдельных региональных саморегулируемых организаций обязательно, причем оно должно получить легитимность в лице представителей не менее 2/3. Только в этом случае общероссийская саморегулируемая организация сможет отражать мнение большинства регионов России.

Все саморегулируемые организации в сфере строительства, согласно рассматриваемому законопроекту, делятся на три типа – изыскательские, проектные и строительные саморегулируемые организации³²⁹. Каждой из этих организаций необходимо будет создать компенсационный фонд из взносов членов СРО для обеспечения материальной защиты инвесторов и заказчиков.

Количество членов саморегулируемой строительной организации установлено в 50 не аффилированных между собой компаний. Минимальная сумма компенсационного фонда строительной СРО предполагается 13 млн. рублей. Для СРО в сфере инженерных изысканий ми-

³²⁷ Там же.

³²⁸ Конституция Российской Федерации – М., 1993.

³²⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Ст. 3 // Российская газета 2007. 6. декабря.

нимальное количество членов должно быть не менее 10, компенсационный фонд – 2,6 млн. рублей, а для проектировщиков – 20 членов СРО при 5,2 млн. рублей в компенсационном фонде. Взносы на вступление в СРО должны быть уплачены из чистой прибыли и их нельзя списать на расходы.

В соответствии с законом, СРО вправе устанавливать стандарты и правила деятельности участников СРО, создавать органы управления, требовать отчетность от участников СРО, нести карательные функции, относительно членов СРО и т.д.

Таким образом, чтобы понять, кто будет вовлечен из участников строительного комплекса в процесс саморегулирования, необходимо понять какие правоотношения возникнут в результате появления СРО. Следуя логике закона, перечень этих взаимоотношений будет выглядеть следующим образом:

- между СРО и государством и органами муниципального управления;
- между СРО и её членами;
- между СРО и потребителями услуг её членов;
- между членами СРО;
- между различными СРО одноименной отрасли (профессии);
- между СРО и средствами массовой информации.

Из этого возникает перечень задач, которые надо исследовать для понимания того, как СРО повлияют на строительный комплекс и его участников:

1. Исследовать внутренние связи в саморегулируемой организации, между всеми участниками организации. Рассмотреть взаимосвязи с точки зрения отношений компаний различной величины (малый, средний, крупный бизнес),

2. Исследовать влияние создания саморегулируемых организаций на численность строительных организаций различного масштаба (малый, средний, крупный) бизнес и определить по каким причинам происходит это влияние,

3. Определить как создание и функционирование саморегулируемых организаций может сказаться на конкуренции в самом строительном комплексе и на конкурентоспособность отдельной строительной организации,

4. Определить положение саморегулируемой организации и ее взаимосвязь со строительным комплексом,

5. Определить механизм влияния деятельности саморегулируемых организаций на деятельность строительного комплекса,

6. Оценить влияние деятельности саморегулируемых организаций на объем строительно-монтажных работ,

7. Определить механизм функционирования строительного комплекса в условиях развития института саморегулирования,

8. Выработать модель адаптации строительного комплекса к изменившимся условиям,

9. Проанализировать вопрос влияния саморегулируемых организаций на качество строительной продукции,

10. Проанализировать реакцию саморегулируемых организаций на инновации в строительном комплексе,

11. Проанализировать влияние саморегулируемых организаций на инвестиционную деятельность в строительном комплексе.

Одним из основных вопросов деятельности СРО, является вопрос участия государства в деятельности строительного комплекса в целом и деятельности СРО в частности. Переход на СРО позволяет упразднить многие государственные институты, регулирующие тем или иным образом строительную деятельность. Для того, чтобы выяснить степень участия государства в саморегулировании рассмотрим истоки появления СРО и различные концепции участия государства в экономике.

В процессе эволюции взглядов ученых на вопросы регулирования экономических процессов в прошлом столетии в западной науке сформировались две альтернативные концепции макроэкономического регулирования, получившие название «кейнсианство» и «монетаризм».

Последователи кейнсианства исходили из того, что система свободного рынка лишена внутреннего механизма, обеспечивающего макроэкономическое равновесие. Поэтому поощряется активное вмешательство государства в экономику посредством бюджетной, структурной, кредитно-денежной и социальной политики.

В основе концепции монетаризма лежит положение о том, что априори рынки конкурентны и рыночная система в состоянии автоматически достигать макроэкономического равновесия.

После разразившегося кризиса 2008 года, стало ясно, что необходимы несколько иные модели взаимодействия государства и свободных рыночных экономических отношений. Кризис показал, что то или иное вмешательство государства в экономику необходимо. Таким образом, сама модель саморегулирования может представлять собой

именно ту систему, которая сможет вытянуть экономику из кризиса и не дать ей прийти к нему снова.

Из этого следует, что закон о саморегулировании и в частности о саморегулировании в строительстве (отрасль, которая является одной из системообразующих отраслей в экономике) предполагает создание неких экономических агентов в виде саморегулируемых организаций, которые осуществляют регулирование определенных рынка строительства и сферы строительного бизнеса без определенного вмешательства государства. Но все же возможны несколько вариантов соотношений СРО и государства в вопросах регулирования строительным комплексом:

1. Государства частично отдает некоторые свои функции саморегулируемым организациям,
2. Государство действует наравне с профессиональными сообществами в лице саморегулируемых организаций,
3. Смешанный вариант: государство признает стандарты и правила, устанавливаемые для членов СРО – участников строительного комплекса и придает им статус государственных.

Вопрос перераспределения различных функций между государством и СРО остается открытым по настоящее время. Абсолютно непонятен механизм участия, как государства, так и самих СРО в управлении строительным комплексом и их месте в строительном комплексе. Можно рассмотреть опыт других стран в вопросах саморегулирования строительной деятельности и увидеть, что в разных странах саморегулирование и государственное регулирование строительным комплексом идут наравне, но в основном выполняют различные функции, различным образом влияют на него и участвуют в нем.

Наряду с вопросами участия государства в управлении строительным комплексом и взаимоотношений с СРО остается неясным механизм перехода и адаптации строительного комплекса к институту саморегулирования. И процесс будет идти именно в этом направлении: адаптация строительного комплекса к саморегулированию, а не наоборот, потому что в нашем случае принят закон и установлены нормы, которым будут следовать все участники строительного комплекса. То есть у нас не подводят строительный комплекс к саморегулированию, а устанавливают новые условия (в виде появления СРО), по которым, начиная с определенного момента должны работать участники строительного комплекса.

Таким образом, получается, что в результате принятия закона возникает много вопросов и неясностей для участников строительного комплекса; актуальным становится вопрос исследования влияния вновь созданного института на привычные условия работы и взаимодействия, исследования влияния на эффективность работы строительного комплекса. Глубокое исследование поставленных в работе вопросов и задач позволит пройти процесс перехода и адаптации таким образом, чтобы мы не получили кризис и застой строительного комплекса, от которого будут страдать не только все его участники, но так же все государства в целом.

5. ФРАГМЕНТЫ РАБОТ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ДИСКУРСОЛОГИИ

Русакова О.Ф.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Критический дискурс-анализ (КДА) сегодня является одним из эффективных методологических инструментариев для диагностики экстремизма, включая его молодежные варианты. Посредством КДА, к примеру, можно проанализировать многочисленные сайты ультраправых молодежных организаций и выявить при этом целый ряд характерных черт экстремизма. С позиции данной методологии нами были исследованы сайты НДПР (Национально-Державная Партия России) и его региональных подразделений, а также текст книги лидера экстремистской организации «Спас» Н.Королева «Библия скинхеда. Новый Завет» (2008 г.). В итоге были выделены следующие специфические черты дискурсивного комплекса современного молодежного экстремизма: 1) присутствие в символической атрибутике элементов сексуальной брутальной привлекательности; 2) ярко-выраженная военно-спортивная стилистика; 3) агрессивно-истерическая лексика; 4) мотивы жертвенности и возмездия, обязательная процедура инициации через участие в насильственных акциях, в столкновениях с представителями власти (опыт ареста, тюремного заключения); 5) оптика манихейского дуализма (друзья/враги, свои/чужие, наши/ненаши, лучшие/худшие и т.п.) и логоцентризма (жесткий мировоззренческий иерархизм или «жесть»); 6) притязание на радикальную переоценку

ценностей, введение в оборот собственного толкового словаря, в котором переинтерпретируются уже известные понятия и предлагается новая терминология; 7) правовой нигилизм, культ силы (принцип «сила выше права»); 8) азарт риска, социальный экстрим; 9) пафосность и фанатизм; 10) отчужденность от легитимных социальных и политических институтов; 11) мессианство, идея избранничества.

Дискурс избранничества следующим образом репрезентируется идеологом и лидером НДПР А.Н.Севастьяновым: «Только мы обладаем выверенной идеологией национального освобождения, национального строительства и национального прогресса. Только мы способны пойти до конца и повести за собой все слои населения по пути слома инородческо-олигархической диктатуры и передачи украденных ею у нации богатств в руки государства и национальных предпринимателей. Только мы способны за счет национализации природных ресурсов восстановить в полном объеме социальные гарантии населению. Только мы способны предложить национальной интеллигенции и национальной молодежи достойные ее творческие задачи и достойную оплату ее труда. Только мы сможем восстановить русскую национальную культурную элиту, которая вновь, как когда-то, возожжет светоч миру».

Любой вид политического экстремизма опасен своей пропагандой и практикой физического насилия по отношению к тем, кто попал в категорию «врагов», «чужеродных элементов», «ненаших» и т.п. В последние годы наблюдается усиление фашиствующих настроений в молодежной среде. Наиболее полно симптомы и проявления фашизма в современной среде были перечислены и описаны У.Эко в его эссе «Вечный фашизм»³³⁰. Отмеченные Эко симптомы фашизма можно рассматривать как инструментарий для диагностики дискурса молодежных и иных объединений на предмет их право-экстремистской интенциональности. Рассмотренные Эко признаки фашизма можно обнаружить в дискурсе МО НДПР, РНЕ, Славянского Союза, скинхедов и фанов. Вот только некоторые из них: 1) Культ традиции. Любая фашистская идеология замешана на поиске корней. Так, к примеру, в книге Н.Королева присутствуют исторические вставки, которые, якобы, доказывают, что предками русских были племена арийцев, т.е. представителей высшей расы. При этом называется древнее поселение Аркаим, открытое на территории Челябинской области. 2) Ненависть к инородному и инородцам, а также к различным меньшинствам. Ра-

³³⁰ См.: Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб., 2000. – С. 67–78.

сизм. Ксенофобия. 3) Популистский элитаризм. «Фашисты постоянно стараются внушить простым людям, что они составляют самый лучший народ на свете, а сами они, разумеется лучшие из лучших, и поэтому имеют право управлять». Культ молодости. 4) Апелляция к среднему классу, оказавшемуся в состоянии фрустрации в результате политико-экономического кризиса. 5) Жизнь трактуется как вечная борьба с Мировым Злом. 6) Культ мужественности, переходящий в мачизм и сексизм. 7) Использование Новояза. Всего Эко выделяет 14 черт фашизоидного дискурса.

Отмеченные черты молодежного экстремизма, в том числе фашистского типа, следует рассматривать в комплексе, поскольку каждая из них выступает не только дополнением, но и продолжением других перечисленных черт. В совокупности выделенные черты образуют семиосферу молодежного экстремизма. Под семиосферой в данном случае понимается семиотико-коммуникативная система, представляющая собой подвижное символическо-смысловое поле публичного самовыражения разнообразных видов молодежного экстремизма. При этом следует отделять действенный экстремизм, связанный с практическим проведением прямых акций неповиновения и насилия, от культурно-дискурсивной формы экстремизма, проявляющихся в специфической риторике. Семиосфера экстремизма выполняет следующие коммуникативные функции: 1) функция идентификации (объединение в особую общность «своих»); 2) функция позиционирования (отстройка от конкурентов); 3) функция репрезентации (самопредъявление, заявление о себе как о суверенном субъекте идейно-политического пространства); 4) функция рекрутингового соблазна (привлечение сторонников); 5) функция переинтерпретации знаковых фигур и общепринятых символов.

Любой вид молодежного экстремизма – это всегда радикальный вызов сложившимся иерархиям, идеологемам и системам ценностей. Это всегда притязание не просто на иное, а на совершенно иное видение действительности.

С нашей точки зрения молодежный экстремизм не имеет однозначно негативного смысла. Не всякий экстремизм столь опасен, как он описывается в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.02. Следует отделять «негативный» экстремизм, а именно, экстремизм, ведущий к грубому физическому насилию, а также такую крайнюю форму негативного экстремизма как терроризм от экстремизма «культурологического», то есть такого, который направ-

лен на культивирование экстремальных форм ценностных ориентаций и риторики. Последний сродни экстриму – спортивному, туристическому, музыкальному, сексуальному (например, квир-культуре).

Присутствие элементов риска придает экстремизму особый шарм, психологически привлекательный для молодежной аудитории. Привлекательным являются также сексуально-брутальные элементы экстремистской символики, формирующие своеобразный гламур. Не случайно в современном лексиконе появилось понятие «фашистский гламур».

Действительно, молодежный экстремизм сегодня выступает поставщиком новой разновидности гламура-шика. Назовем данный вид термином «гламур-экстрим». Его атрибутивными элементами выступают: 1) провокативные татуировки (изображения на теле табуированных символов); 2) нарочито маргинализированный стиль одежды в духе «детей подземелья» или «рыцарей песчаных карьеров»; 3) демонстративный пофигизм; 4) сочетание приблатненности с эксклюзивностью, тюремного и околонаучного жаргона.

Гламур-экстрим может быть как правого, так и левого толка. Если в правом гламур-экстриме отчетливо присутствуют элементы садомазохистской и фашистской стилистики, то в левом гламур-экстриме выделяются атрибуты шарма, присущие духу студенческой революции 1968 года и движения антиглобалистов, шарма, где в качестве главных революционных брендов выступают образы команданте Че Гевары и субкоманданте Маркоса.

Дискурс молодежного экстремизма многообразен. Он соединяет в себе агрессивность, новизну и вызов обществу. Особо следует отметить такую черту, как трансгрессивность молодежного дискурса, то есть содержащуюся в нем интенцию выхода за пределы привычного, обыденного, рутинного. Экстремистский молодежный дискурс амбивалентен: он одновременно носит празднично-игровой характер в духе «праздника непослушания» и «религиозно-спасательный» – в духе идеи спасения от неверных.

Характерным историческим примером амбивалентности дискурса молодежного экстремизма является дискурс народничества в России, получивший широкое распространение в 60–70-х гг. XIX века. Известно, что народнические кружки состояли главным образом из радикально настроенной молодежи. Одержимые революционными идеями освобождения народа, народники создали свою особую субкультуру, в которой, как верно подметили в свое время Н. Бердяев, С. Булгаков, С.

Франк, П. Струве и другие авторы сборника «Вехи» (1909 г.), интеллигентский атеистический радикализм (своеобразный гедонизм) соединялись с монашеской религиозностью, культом служения и спасения. Струве особо подчеркивал такую черту народничества как отщепенство. Отщепенство понималось как отчужденность от государственных институтов и институализированной политической деятельности. Находясь в тотальной конфронтации к окружающему миру, за исключением народных низов (к ним народники питали коленопреклонные полумистические чувства) русская радикальная интеллигенция выработала свой собственный стиль жизни, свою особую мораль, свой тип мировосприятия.

В большевизме, который в российском революционном движении пришел на смену народничеству, Бердяев увидел новый антропологический тип, представляющий новую версию российского молодежного экстремизма и дискурса. В своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он отмечает такие новые атрибуты русского радикала, как милитаристская символика, агрессивная риторика, макиавеллевский аморализм.

Несколько слов следует сказать о речевой и символической агрессии как свойствах дискурса молодежного экстремизма. Речевая агрессия, как отмечают специалисты³³¹, «характеризуется императивной, эмоционально напряженной, психологически сдвинутой позицией автора речи, в том числе автора коллективного, настойчивым стремлением к достижению коммуникативного результата с помощью суггестивных вербальных и паралингвистических средств, среди которых могут быть и непозволительные с точки зрения системно-языковых, стилистических, этических, жанровых норм и правил». Речевая агрессия сопровождается вторжением в личностное пространство адресата, коммуникативной конфронтацией и эпатажем. Типичным жанром речевой агрессии выступают инвективы – комбинации текстов оскорбительного, обличительного и табуированного характера.

В ходе дискурс-анализа агрессивной риторики экстремистских молодежных объединений можно выделить следующие моменты речевой агрессии: 1) констатация фактов социального неблагополучия; 2) название главного врага с использованием нелицеприятных эпитетов; 3) угрозы в адрес виновников; 4) прямой выпад, призыв к ликвидации про-

³³¹ Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации». – Екатеринбург, 1997. – С. 26.

тивника; 4) иронично-уничижительные высказывания относительно враждебных сил и их союзников; 5) дискриминационный уклон (отделение «достойных» от «недостойных», «верных» от «неверных» и т.п.).

Представители критического дискурса-анализа (Т.А. Ван Дейк, П. Чилтон, Р. Водак и др.) выявляют латентный (скрытый) агрессивно-дискриминационный контекст, содержащийся во внешне благопристойных текстах и публичных выступлениях. Провокационные элементы, содержащие идеи дискриминации и насилия, могут содержаться во внешне безобидных заголовках газет или в вопросах разнообразных анкет. Например, в СМИ практикуются вопросы следующего характера: «Кто, по Вашему мнению, является главным врагом России?»; «Жителей каких регионов страны вы больше всего не любите?». В одном из печатных СМИ недавно констатировались результаты опросов подобного рода. Отмечалось, к примеру, что сегодня жители российских регионов гораздо больше не любят москвичей, чем представителей «Кавказа». В высказываниях такого сорта содержащийся дискриминационный уклон уже сеет зерна экстремистской агрессии, хотя дискурс СМИ внешне кажется вполне пристойным.

Выявление латентных очагов негативного экстремизма, на наш взгляд, сегодня должно стать одним из ключевых направлений исследования различных форм и видов экстремизма. И здесь ведущим теоретико-методологическим инструментарием должен стать адаптированный к российским реалиям критический дискурс-анализ.

Фаденчева М.А.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ

Политическая наука, отражая актуальные социально-политические проблемы, не может не рефлексировать по поводу самой себя, статуса политической науки, ее состояния, модной проблематики, актуальных направлений, которые в ней сложились. «Передний край» политической науки можно обнаружить, подвергнув анализу тематику научно-квалификационных работ, представленных на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по политическим наукам. Именно в работах такого рода исследователь особое внимание уделяет обоснованию актуальности темы исследования, выявлению

научной новизны своей работы. Диссертационное исследование не может быть неактуальным, то есть не имеющим значения для политической науки и политической практики. Диссертации, защищенные учеными-политологами это – квинтэссенция их исследовательской деятельности.

Анализ тематики диссертационных работ по политическим наукам позволяет сделать вывод, что в авангарде уральских политологических исследований находится четыре проблемных блока, которые можно условно обозначить: «Власть», «Государство и общество», «Человек и гражданин в политике», «Политические идеологии». Кроме них можно обнаружить более десятка разнообразных тем, не укладывающихся ни в один из этих выше названных блоков. Однако все они могут быть объединены под названием «Феномены политики и политической науки». Такой анализ позволяет высветить динамику тематики во времени, свидетельствующую об изменении исследовательских предпочтений. Интересно, что проблематика политологических исследований чаще всего оказывается «сквозной», не дифференцируется по месту проведения исследований. Однако одна и та же проблема рассматривается с двух сторон: часть работ тяготеет к вопросам теории и методологии политической науки, другая часть стремится к изучению политических институтов, процессов и технологий.

Первый проблемный блок «Власть» тематически «распадается» еще на два. Один из них обращен к сущности и природе власти. Другой тематический суб-блок составляет целый ряд работ, исследующих особенности, взаимодействие местной и государственной власти. Второй исследовательский блок «Государство и общество» также тематически делится на две части. К первой части тяготеют темы, связанные с анализом состояния и особенностей постсоветского общества. Ко второй части можно отнести работы, посвященные теоретическим и методологическим проблемам, отражающим сущность государства и гражданского общества, их взаимоотношений. Третий блок проблем «Человек и гражданин в политике» представляется особенно значимым, адекватным потребностям политической практики. Четвертый исследовательский блок «Политические идеологии» включает в себя работы, относящиеся к их различным типам: это и работы, посвященные большевизму, и анализ либерализма в России, а также целому ряду зарубежных идеологических течений. Пятый блок «Феномены политики и политической науки» явно сложился не за условных пятнадцать лет развития политической науки, а за последнюю пятилетку.

Объективно это – новейшая проблематика, относящаяся к XXI веку. При всем многообразии тем последней «пятилетки», большинство из них явно отражают современные тренды политической науки и практики. Здесь можно обнаружить почти однозначное соответствие тематики политологических исследований потребностям политической практики. Последние годы поражают разнообразием тем, что служит симптомом актуализации новых направлений в региональной политологии. Однако политической науке не чужд феномен научной моды. Целые проблемные ряды свернулись, как «шагреновая кожа», хотя находящиеся за ними реальные проблемы нельзя признать решенными в полной мере.

Тимофеева Л.Н.

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ

Сегодня коммуникация – это определяющий механизм, посредством которого реализуется власть. В рамках коммуникативного подхода политическая власть интерпретируется не только и не столько как ограниченная во времени и пространстве некоторая субстанция влияния, подчинения, силы или отношения. Скорее это особая разновидность социального взаимодействия политических субъектов, а также специфическая форма социальной коммуникации между субъектами и объектами политической деятельности по поводу получения, хранения, воспроизводства и трансформации политической информации с целью выработки адекватных или неадекватных политическим ценностям общества решений.

Родившиеся в XX веке различные коммуникативные концепции власти привнесли много нового в понимание современной власти по сравнению с подходами силовой концепции власти К. Маркса – М. Вебера. Правда, и коммуникативные концепции также содержат размышления о коммуникативном насилии власти и о возможности предоставления ею обществу альтернативных решений, что характерно для демократии.

Согласно онтологическому подходу к власти Х.Аренд в современном цивилизованном обществе политическая власть не только несовместима с насилием, но, напротив, выступает результатом и прямым следствием процессов непосредственного взаимодействия людей, живущих в согласии и поддерживающих существующие политические институты всенародно и публично. Свободные и равные участники

творят власть совместно, сообщая именно благодаря своим коммуникативным действиям, способности к взаимопониманию и взаимодействию. Поэтому и сам институт власти соответствует человеческой способности действовать совместно, сообщая и в согласии друг с другом. Власть возникает тогда, когда у индивидов появляется потребность объединиться вместе, жить и действовать в единении и согласии. По ее мнению, власть не собственность или свойство отдельного субъекта, а многостороннее институциональное общение. Власть нельзя накопить как силу, она нуждается в постоянной актуализации. Демократически избранный представитель должен поддерживать основу своей власти в постоянных общественных дискуссиях и в контакте со своими товарищами по политическим убеждениям. Общественное мнение является хоть и труднодоступной, но неотъемлемой основой власти, которая не сегодня, так завтра может быть утрачена.

Концепция коммуникативной рациональности власти Ю. Хабермаса основана на утверждении, что человеческое общество создано ради рационализации действий людей, ради их общения и интеракции. Члены каждого конкретного общества как участники процесса коммуникации пытаются достичь взаимопонимания и рационального согласия. Хабермас оперирует понятием «жизненного мира». Он рассматривает два типа власти: коммуникативную и административную, т.е. власть, рождающуюся в процессе коммуникации и административно применяемую власть. Хабермас исходит в анализе человека из идеала свободной коммуникации. В этом случае ни один из участников не подвергается ограничениям со стороны властных структур и нормативных правил. Он различает *инструментальное* и *коммуникативное поведение*. Первое направлено на реализацию определенного интереса, а не на достижение взаимопонимания и ведет к сознательному или бессознательному обману партнера. В этом случае мы сталкиваемся с извращением коммуникации, либо при сознательном обмане – манипулировании. Второе направлено на создание упорядоченной нормативной системы устойчивых межличностных отношений и устойчивой структуры личности способной к самоосуществлению. Общественная интеграция обеспечивается именно на путях коммуникативного поведения, которое представляет собой интерсубъективную связь между субъектами, обладающими языковой компетентностью. Требования к коммуникативному поведению таковы: понятность выражения, истинность пропозициональных составных частей, нормативная правиль-

ность в передаче смысла и правдивость говорящего. Отсюда его требование истинного дискурса между властью и обществом.

По его мнению, политическая власть является ядром (жизненным центром) любой политической системы, а политическая система, в свою очередь, интегрируется в общество при помощи коммуникации, которая *организует* функционирование политической власти.

Политическая власть, по Луману, это не просто коммуникация, а «важнейшее средство коммуникации в обществе», которое зиждется на таких имманентных свойствах коммуникации, как избирательность и информативность. Вместе с тем власть – это социальный феномен, который имеет собственные атрибутивные качества: специализацию, символичность, обобщенность и легитимность.

Природа информационных процессов, обеспечивающих работу политической власти, заключается в том, что в ходе взаимодействия и общения субъектов политических отношений во времени и пространстве происходит процесс воспроизводства и трансформации информации, кодированной в определенном языке.

К языку информационного взаимодействия в сфере политических отношений относят не только знаки, символы и атрибуты конкретных политических объединений (политических групп и партий), но и всякого рода тексты, документы (указы, законы и постановления властных структур, манифесты и т.п.), а также идеологические мифы и психологические стереотипы, другие разновидности средств политической коммуникации.

Согласно Н.Луману, политическая власть опредмечивается (материализуется) и распредмечивается в языке. Именно язык обеспечивает самостоятельное существование коммуникации и сознания. Сознание принимает выбор власть имущего, транслируя этот выбор дальше, говоря «да» тому, кто обладает властью, пусть даже начальные условия изменились или совсем сошли на нет. Власть, таким образом, определяется как «временная генерализация», поскольку устранены инициировавшие ее события. Властитель нужен подчиненному лишь для того, чтобы через него проводить свои решения.

Отличие позиции Лумана во взгляде на власть, скажем, от традиционной модели Маркса, Вебера заключается в том, что власть не лишает подвластного права выбора, она только сужает перспективы выбора, производит символическую генерализацию его действий. Управляет процессом передачи результатов селекции код генерализированных символов. Процесс властвования – это процесс постоянного пере-

хода от производства неопределенности к ее устранению. «Власть предлагает результаты предпринятого ею отбора и благодаря этому обладает способностью оказывать влияние на селекцию действий (или бездействия) подчиненных перед лицом других возможностей. Власть становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается. Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять селективностью партнера. По мере осуществления принуждения практикующий его возлагает на себя бремя селекции и принятия решений. В большинстве случаев можно говорить о том, что к насилию прибегают ввиду недостатка власти»³³².

П. Бурдьё ввел в научный оборот понятия «символической власти» и «габитуса» или системы приобретенных схем восприятия и оценивания, сложившейся на практике и позволяющей обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе. Чтобы быть способным к символической коммуникации, индивиды должны располагать общими для них культурно организованными кодами, которые одновременно интегрированы и в системы их социальных взаимодействий. Габитус у Бурдьё и выполняет эту роль³³³. *Достаточно сформировать у индивидов представление об определенном порядке вещей в обществе, как люди начинают воспринимать мир «как само собой разумеющееся».* Из всех видов скрытого внушения Бурдьё считает самым беспощадным такое, которое осуществляется просто через «порядок вещей». На этом основании он вводит понятия символического капитала, символического насилия и символической власти. *Символическая власть* – это возможность создавать и навязывать определенные социальные представления, модели желаемого устройства общества и государства, власть наименований и классификаций, которая в большинстве стран еще недавно была отделена от политической и экономической, а в настоящее время все более концентрируется в руках одних и тех же людей. Создается эта власть в поле масс-медиа, которое предстает как исторически сложившееся в социально-политическом пространстве игры, со специфическими, свойственными только данному простран-

³³² Луман Н. Власть. / Пер. с нем. – М., 2001. – С. 18–19.

³³³ См. подробнее: Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. 1. – 1998. – С. 60–70.

ству, интересами, целями, ставками, с собственными законами функционирования, где производится и распространяется информация.

Специфический капитал в поле масс-медиа – капитал известности и признания.

Концепция власти как политического текста присуща постструктуралистским концепциям (Р. Барт, Т. Ван Дейк и др.). Согласно им обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть ни что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания в социально-семиотический процесс – дискурсию. Р. Барту принадлежит мысль о том, что «любой политический режим располагает своим собственным письмом, чью историю еще предстоит написать... Письмо представляет всякую власть и как то, что есть, и как то, чем она кажется; оно раскрывает и то, какой эта власть является на самом деле, и то, какой бы она хотела выглядеть...»³³⁴. Действительно, власть проявляет себя не только через институт государства, аппарат принуждения, законы, но и через тексты. Т. Ван Дейк, понимал под дискурсом не просто связный текст, а «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (их характеристики), так и о процессах производства и восприятия»³³⁵. Это определение позволяет углубиться в структуру процессов, происходящих в уме носителя языка, принадлежащего к определенному направлению общественной мысли, при производстве им текста, а также процессов, обуславливающих понимание текста и зависимость восприятия от избранных форм речевого воздействия.

Любопытный взгляд на власть как коммуникацию привносит Джозеф Най в своей книге «Гибкая власть», под которой он понимает способность субъекта властвования получить то, что он хочет получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты». Он пишет: «Такая власть возникает из привлекательности культуры той или иной страны, ее политических идеалов и политики. Когда наша политика воспринимается как легитимная, наша гибкая власть усиливается».³³⁶ И дальше: «Соблазнение» всегда было более эффектив-

³³⁴ Барт Р. Нулевая степень письмо // Семиотика. – М., 1983. – С. 317.

³³⁵ Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 13.

³³⁶ Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: ФСПИ «Тренд», 2006. – С. 18.

ным, чем подавление»³³⁷. Автор утверждает, что «большая часть американской гибкой власти является результатом деятельности Голливуда, Гарварда, «Майкрософта» и Майкла Джордана». Все это, наверное, так, но особенно впечатляет иерархия выстроенных средств убеждения. На первом месте – самая эффективная на сегодня фабрика кинопропаганды США – Голливуд. И кто же будет сегодня сомневаться, что власть это коммуникация – убеждающая, соблазняющая, скрывающая недостатки и подчеркивающая достоинства, задающая образцы поведения и восприятия реальности.

Действительно, власть сегодня все менее материальна. Если информационная революция сохранится и продолжится, то «гибкая власть» или власть влияния станет наиболее важным ингредиентом среди военной и экономической власти.

Подводя общий итог, можно сказать, что ни одна власть не может реализоваться без коммуникации, которая собственно и порождает власть и может стать причиной ее упадка. С точки зрения коммуникативного подхода власть всегда стремится к монополии на информацию, обладанию правом на первоочередную номинацию, определение повестки дня дискурса, выбор языка общения. Вместе с тем в условиях демократии власть должна стремиться к истинному (ненасильственному) дискурсу и вырастать из авторитета рациональных доводов, а не лжи и обмана. Кроме того, она должна предоставлять обществу возможность выбора альтернативных решений по главным вопросам повестки дня, волнующих общество, в противном случае она теряет свой авторитет и право называться «демократической».

Москвин Д. Е.

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОЛОДЁЖНОГО СООБЩЕСТВА УРАЛА

Дискурс молодёжных движений и субкультур давно находится в сфере внимания социальных исследователей. Дважды в рамках Международной конференции по дискурсологии в 2006–07 гг. в Екатеринбурге проводились круглые столы и секционные заседания по молодёжной тематике. Ведутся активные исследования роли и места моло-

³³⁷ Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: ФСПИ «Тренды», 2006. – С. 19.

дэжи в общественно-политической жизни Урала, публикующиеся регулярно в местных научных и публицистических изданиях. За последние годы создано множество форматов молодежной деятельности, позволяющие говорить о действительно феномене молодёжной жизни и культуры. Более того, молодёжная тематика актуальна как политическая: в предыдущие пять лет, она выведена на глобальный уровень за счёт проведения различных молодёжных мероприятий мирового уровня, прежде всего, – молодёжный саммит G-8, проходящий параллельно с основными форумами «Большой восьмёрки». В конечном итоге всё это позволило начать формирование в рамках уральской школы дискурс-исследований новой дисциплины, условно именуемой *политическая ювенология*.

Важно проследить трансформацию дискурса молодёжи: как отмечает И. Кон, восприятие юности и молодости в разных обществах и исторических периодах различно. Он обращает внимание, что знаменитое произведение Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» по сути «изобрело» юность, сделав её объектом философского осмысления, а затем предметом изучения различных психологических и социологических субдисциплин. Возможно, в настоящее время мы имеем дело с «переизобретением» молодёжи, созданием в массовом сознании «воображаемого сообщества» молодых людей. Мы становимся свидетелями того, как на основе общественных наук конструируется новая социальная общность, призванная выполнять некую историческую роль. И возрастная стратификация не является более основой для её существования, эйджистские стереотипы не пройдут...

Подобно тому, как были сконструированы понятия «государство», «нация», «класс» и т.д., можно теоретизировать относительно концепта «молодёжь». Мы исходим из того, что *молодёжь* – это социальная общность, характеризующаяся вынужденным «скоплением» в различных сегментах общественной жизни (школа, вузы, армия, клубы и пр.) и наличием возможности самостоятельного выбора дальнейшей жизненной траектории. При этом молодёжь способна к самостоятельному конструированию социальных сегментов, а не только к включению в уже специально созданные для неё. Принципиальным является понимание молодёжи как социальной группы (т.е. занятие ею определённых социальных ролей в обществе) и её отличие от «молодых людей», т.е. возрастной группы, как правило, 16–30 лет. Не каждый «молодой человек» есть представитель молодёжи!

Важным условием является осознание молодёжью себя как *социального актора*. Когда перед системой образования чиновники ставят задачу воспитать из молодого человека гражданина, они должны понимать, что сам по себе этот гражданин ничего из себя не представляет, он обречён быть «винтиком» в холостую работающем механизме общественной жизни. Необходимо дать ему представление о том, к какой общности он относится и какие возможности она ему предоставляет, дать возможность вообразить себя частью дееспособного целого. И если это целое вообразается как нечто будущее (ребёнок как будущий гражданин государства), то подобная конструкция лишена смысла и есть лишь элемент большой игры. Молодёжь – это социальный конструкт, имеющий свои пределы, но являющийся актором общественного процесса.

Социальную активность современной молодёжи можно увидеть, прежде всего, на примере непрестанно обогащающихся социальных практик, формируемых посредством Интернета. В последние два года блогосфера стала основой для создания многочисленных сообществ, которые порой локализуются «офф-лайн» и поддерживают своё существование через непосредственное Сетью общение. Молодые люди легко вовлекаются во всевозможные инновационные форматы социальной жизни, апробируя их и выбирая наиболее адекватные их запросам и потребностям. Сегодня предрекаемая не так давно гибель социального уже не кажется столь очевидной. Именно благодаря феномену молодёжи и порождаемых её деятельностью практик можно говорить о перерождении социальных связей и переходе социума на новый виток развития.

Потребность в наращивании коммуникаций, в поиске единомышленников, создании команд кроется колоссальный политический потенциал молодёжи, недоступный, пожалуй, никакой другой социальной группе. На это накладывается необходимость думать о будущем, самостоятельно пытаться определить свою жизненную траекторию. Всё это приводит к тому, что *молодёжь обречена быть политическим феноменом, а политическая деятельность – её имманентная черта*. Молодёжь имеет потенциал для дифференцированной организации, создания сообществ различной ориентированности, что позволяет выстраивать содержательное общение и в ситуациях необходимости выработки общезначимого решения исходить из объективных альтернатив.

Но молодёжь помимо социально-политического потенциала обладает ещё и экспертным, как доказывает опыт некоторых существующих

форматов деятельности (молодёжные парламенты, общественные палаты, дискуссионные клубы). Молодёжь сегодня выступает фактором перехода России к информационному обществу, компенсируя витальный кризис, вызванный цивилизационным и экономическим разломами, когда страна одновременно пребывает в традиционном, индустриальном и постиндустриальном состояниях. В отношении российского общества в целом молодёжь находится в опережающей ситуации, что формирует у неё иное восприятие реальности и позволяет смотреть на неё как бы из будущего. Поэтому принципиальным является вовлечение молодёжи в различные экспертные процессы, формирование у неё экспертных компетенций. И тогда можно действительно говорить о новой формации молодёжи – *Homo Novus*, которая будет способна обеспечить инновационный прорыв страны в ближайшие годы.

Формированием экспертных компетенций следует заниматься целенаправленно через неформальное и информальное пространство, вовлечение в проектную деятельность (и не даром в России растёт количество конкурсов молодёжных проектов), через организацию интеллектуального и коммуникационного пространства. Молодёжь как социальная общность должна не только чувствовать свои возможности к действию во благо целого, но и реально действовать.

В Екатеринбурге есть позитивные примеры подобной работы с молодёжью. При Уральском государственном университете с весны 2007 г. функционирует Молодёжный Интеллектуальный Клуб, на заседаниях которого, в частности, обсуждаются локальные проблемы – региональное развитие, возможности брендинга уральской территории, формирование уральской идентичности и т.д. В ноябре 2007 г. Клуб организовал первую Большую политическую игру «Политический puzzle: собери Большой Урал», участие в которой приняли команды 4 регионов Урала. Результаты обсуждения летом 2008 года будут опубликованы отдельным сборником, который станет очередной публичной заявкой уральской молодёжи на особое место в экспертном сообществе.

Интерес представляет и осуществляющаяся с 2006 года на факультете политологии и социологии УрГУ программа по формированию интеллектуального пространства, направленная на создание необходимых компетенций у активной и креативной части студентов. Один из центров этого пространства – научный общественно-политический журнал <БЕЗ ТЕМЫ>. Журнал стремится сформировать молодёжную интеллектуальную среду, в которой позиция начинающего «мыслить глобально» молодого учёного претендует на создание

новых смыслов, свежих, неординарных идей, а не просто конкурирует с аргументами маститого профессора за право быть истиной. Кредо журнала: учёный XXI века – это, прежде всего, активный участник происходящего, имеющий живейший интерес не только к тому, что было, но и к тому, что будет.

Таким образом, сегодня у нас есть все основания говорить о возникновении формации *Ното Новус* по крайней мере на Урале. Это значит, что пора принаравливаться к молодёжи такой, какая она есть; пытаться составить портрет её представителя, избегая стереотипов о «неудавшемся поколении эпохи кризиса». Возможно, современный молодой человек станет основателем *неопостмодернизма* и доведёт до абсурда многие из тех установок, которые были выработаны до него; возможно, релятивизм, свойственный эпохе, заставит его искать новые, прочные, основания своего мировоззрения; возможно, он откажется от авторитетов или вернётся к ранее растоптаным... В любом случае, перед дискурс-исследованиями в этой сфере стоит задача – понять *Ното Новус*'а, определить его организацию мышления, дать ему возможность высказаться, попытаться реализовать себя.

Карымова Л.С.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Для такой многонациональной страны как Россия вопрос о взаимоотношениях этно-национальных общностей будет звучать актуально всегда. Это проблема не только национальных республик и «горячих точек», но и таких относительно «спокойных» полиэтничных регионов как Свердловская область, ведь стабильность социума в целом зависит от гармоничного сосуществования между собой его общностей, в том числе и этнических.

Угрозы стабильности в межнациональных отношениях носят двойной характер: с одной стороны, экономический спад и снижение уровня жизни населения ведет к росту социальной напряженности, повышению уровня конфликтности, прежде всего, на национальной почве, что было характерно для 90-ых годов. Так, Кох И.А. среди основных факторов влиявших на уровень социальной напряженности в стране в тот период называет радикальные изменения в экономике, связанные с переходом к рыночному хозяйству и вызвавшие резкое

снижение уровня удовлетворения материальных и духовных потребностей широких масс населения³³⁸.

Не случайно Указ Губернатора «Об утверждении основных направлений национальной политики в Свердловской области» был принят в 1996 г. (Указ Губернатора «Об утверждении основных направлений национальной политики в Свердловской области» от 03.09.1996, № 335 – УГ)

С другой стороны, экономическое благополучие, стабильное развитие региона способствует притоку мигрантов, в том числе и из других стран, что нарушает равновесие и привычное соотношение этнонациональных общностей.

Свердловской области, пережившей, как и другие регионы страны, тяжелый экономический спад в конце прошлого века, но сохранившей межнациональную стабильность, предстоит ощутить на себе последствия широкого притока мигрантов.

С каждым годом количество прибывающих в Свердловскую область увеличивается. В 2006 году миграционный прирост в регионе составил более 9 тысяч человек³³⁹.

Это может угрожать возникновению явления, называемого И.М. Кузнецовым мигрантофобия. «Мигрантофобия, усилившаяся в связи с массовыми иммиграционными потоками в крупные города России и порожденная боязнью утратить контроль над собственной локальной средой обитания, превращается постепенно в массовую ксенофобию, в общем-то, нехарактерную для страны, исторически сложившейся как многокультурная. Российское общество не готово к приему мигрантов»³⁴⁰. В этой связи, на мой взгляд, в национальной политике органов государственной власти стоит реализовывать два направления: в отношении «старых», традиционных этнических групп Урала, и «новых» этнических групп – выходцев из стран бывшего СССР и других государств.

Достаточно успешно действует политика, направленная на первую категорию общностей. Ее цель – не просто сохранение стабильности, мира и спокойствия (что уже достигнуто в Свердловской области), но и развитие уникальных черт группы, возможностей для сохранения и реализации индивидуальных культурных особенностей, что не ставит под угрозу

³³⁸ Кох И.А. Социальная напряженность как конфликтная среда // Социальные конфликты: роль органов власти в их регулировании. 1992. – С. 19.

³³⁹ Миграция населения по субъектам российской Федерации в динамике // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт // www.gks.ru.

³⁴⁰ Кузнецов И.М. Интеграционный потенциал мигрантов // Демоскоп Weekly № 271–272. 1–21 января 2007 // <http://www.demoscope.ru>.

единую культурную целостность. Национальная политика Свердловской области предполагает, что «в основу программ должна быть положена система мер, направленная на сохранение и развитие культур, языков, традиций народов, проживающих в области, сотрудничество и духовное взаимообогащение граждан всех национальностей»³⁴¹.

В этом направлении можно назвать ряд мероприятий. Министерством общего и профессионального образования Свердловской области организован конкурс среди учащихся образовательных учреждений «Урал многонациональный». В рамках фестиваля «Юные интеллектуалы Среднего Урала» проводятся олимпиады по татарскому, марийскому, башкирскому языкам и литературе.

В Министерстве социальной защиты населения проходит фестиваль-конкурс «Семья года» под девизом «Культурный диалог семей разных национальностей – условие создания многонациональной уральской семьи».

В рамках традиционной Уральской горно-промышленной декады в апреле 2007 года прошел Форум народов Среднего Урала.

Регулярно проходят Дни славянской письменности и культуры; областной фестиваль национальных культур; работа национальных воскресных школ; работа Центра поддержки национальных объединений области при Уральском горном университете; телевизионная программа «Измерение Н»; ежегодный турнир по футболу на кубок «Содружество».

Одним из важных результатов взаимодействия ОГВ области и национальных общностей, безусловно, является, созданный в целях повышения эффективной национальной политики Свердловской области по Указу Губернатора Свердловской области от 23 сентября 2002 года № 618-УГ «О мерах по реализации национальной политики Свердловской области» Консультативный совет по делам национальностей Свердловской области.

Целью второго направления, на мой взгляд, должна стать, прежде всего, адаптация как иммигрировавших групп населения к нормам и ценностям страны пребывания, так и принимающей стороны к складывающимся социальным условиям. Ситуация здесь осложняется тем, что мотивы и цели иммигрантов неоднородны. Этно-национальные общности, пребывающие на территории России можно разделить на тех, кто приезжает жить, и, соответственно, больше нацелен на инте-

³⁴¹ ст. 5 Указ Губернатора «Об утверждении основных направлений национальной политики в Свердловской области» от 03.09.1996, № 335 – УГ.

грацию в новое сообщество, и тех, кто приезжает зарабатывать. Причем вторая категория, по утверждению И.М. Кузнецова, в последнее время преобладает над первой. «Ранее изучавшиеся миграции были волнами именно переселений, а не временного пребывания на данной территории ради заработка. Сейчас, при столь же массовых и даже еще больших по масштабу миграционных потоках, мотив временного заработка, во всяком случае, для России, является преобладающим. Современные миграционные потоки – это не столько потоки оседающих на новом месте иммигрантов, сколько потоки *прокачки* людей разных культур через определенные, чаще всего наиболее благополучные в экономическом отношении территории»³⁴². С этой позиции необходима защита коренного населения страны от «стресса» постоянно пребывающих потоков иных этно-национальных групп.

В условиях глобализации и демократизации приток мигрантов разной этнической принадлежности в России усиливается, причем эта проблема обострена как завышенными ожиданиями прибывающих, так и малой готовностью принимающего населения. «Трудности восприятия и адаптации мигрантов наложились на сознание русского большинства, травмированное распадом Союза, национальными движениями и последствиями чеченских событий. Мигранты же из нового ближнего зарубежья нередко рассчитывали на благожелательный прием в силу прежнего общего согражданства. В результате взаимодействия этих негативных тенденций у жителей великорусских регионов, особенно в мегаполисах, в отношении представителей этнических диаспор формируется «образ врага»³⁴³.

Важно понять, что процесс миграции непрерывен, он не прекращается, а скорее перенаправляется на новые территории, когда данная территория перестает быть привлекательной для мигрантов.

Кроме того, «проявление национализма никак не связано с действиями представителей только «коренного» населения «большой» нации в отношении «малого» народа. К сожалению, этот процесс носит взаимный характер»³⁴⁴.

³⁴² Кузнецов И.М. Интеграционный потенциал мигрантов // Демоскоп Weekly № 271–272, 1–21 января 2007 // <http://www.demoscope.ru>.

³⁴³ Дробижева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (Что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность*, 2005, №2. – С. 25.)

³⁴⁴ Левашов В.К. Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов. – С. 97.

Благодаря отдельным средствам массовой коммуникации России в массовом сознании успешно лепится отрицательный образ «кавказца», «чужака». Формируется и негативный облик русского человека и т.п. Отсюда рукой подать до обоюдных оскорблений в обстановке, где отношения между людьми носят безличностный характер – улица, транспорт, базар и т.п.

Пока, выполнивший свою задачу по сохранению стабильности в регионе, Указ Губернатора, не вполне приспособлен к новым социальным реалиям.

Не случайно, в статье 1 Указа, анализирующей этнокультурную ситуацию в Свердловской области, речь идет в основном о «старых» этнических группах Урала, которые справедливо названы коренным населением региона и России в целом. «Этнический состав области тесно связан с историко-культурным наследием Урала и всей России. Многие народы, проживающие на Среднем Урале, на протяжении веков сложились как этнокультурные общности на территории России и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Благодаря объединяющей роли русского народа на территории Среднего Урала, как и во всей России, сохранились единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов. Область представлена народами, исторически связанными со средневековыми государствами Азии и Европы (татары, башкиры), относительно крупными народами, отличающимися большими культурно-хозяйственными связями с русскими (коми, марийцы, удмурты, чувашаи, мордва), малочисленными народами Севера (ханты, манси), представителями других народов, дисперсно расселенных по территории России (немцы, украинцы, евреи, поляки)»

Об этом свидетельствуют и слова губернатора, прозвучавшие на заседании Консультативного совета по делам национальностей Свердловской области. «В России, как ни в каком другом месте на земле, межконфессиональный и межрелигиозный мир традиционно является основой государственности, – процитировал Россель слова Путина. – И это в полной мере относится к Свердловской области. Мы с вами, представителями разных вероисповеданий и национальностей, дружно работаем уже 17 лет – с тех пор, как я стал руководить Свердловской областью. И мы не допустили в нашем регионе возникновения межнациональных конфликтов. Однако ситуация меняется»³⁴⁵.

³⁴⁵ Шелл А.В. Свердловской области утверждена концепция региональной национальной политики. «Новый Регион – Екатеринбург» 04.07.07 // <http://www.nr2.ru/ekb>.

Необходима корректировка национальной политики, не просто декларация равных прав и возможностей для всех, но и активные действия по предупреждению конфликтов на национальной почве. Разработка программ интеграции иммигрантов к традициям, нормам и ценностям российского общества, знакомство с русской культурой является неотъемлемым условием сохранения социальной стабильности.

Хотелось бы подчеркнуть, что важно уделить внимание и принимающей стороне – коренному народу России, который, как было сказано выше, не только формирует негативный собирательный образ «чужака», но и испытывает страх потери собственной культурной целостности, страх быть подавленным активным потоком приезжих. В этих условиях миграция не только не будет иметь положительного значения, но и поставит под угрозу социальную стабильность в регионе. Чтобы справиться с этим, необходимо разработать систему действий по адаптации населения к существующей ситуации, в том числе, проводить мероприятия, направленные на патриотическое воспитание собственных граждан в условиях толерантности, формирование чувства уважения к собственной истории и культуре, гордость за Отчизну. Только на основе чувства собственного достоинства может формироваться адекватный образ чужого, взаимодействие будет направлено на партнерство.

Таким образом, реализация национальной политики – сложный, многоаспектный процесс, даже в условиях отдельного региона, где необходимо учитывать все особенности складывающейся ситуации, действовать в разных направлениях, осуществлять постоянный контроль за социальной стабильностью. Ведь необходимо учитывать, что «нация – этнос наиболее чувствительный, иррациональный объект управления»³⁴⁶.

Сухоруков В.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВСТВЕННОСТИ, РЕЛИГИИ, ЭКСТРЕМИЗМА

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена не только возрастанием религиозности на постатеистическом этапе развития современной России, но и общим ростом религиозности в мире. Аналогично обстоят дела и с экстремизмом. Что же касается нравственности, то

³⁴⁶ Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. – М.: Славянский диалог, 2001. – С. 12.

поскольку она пересекается с религией, ее роль также возрастает (особенно в тех случаях, когда другие механизмы социального регулирования дают сбой, например, в случае юридической коллизии).

В дискурсивном поле существует множество определений каждого из рассматриваемых понятий. Даже простой анализ каждого из них может стать предметом изысканий как минимум дипломника-философа. Следовательно, в рамках настоящего доклада дать четкое их определение вряд ли возможно и целесообразно, будет иметься в виду смысл, которым эти понятия обладают в дискурсе.

Часть нравственности, не относимая к атеистической, агностической, светской и проч. (т.е. религиозная часть), является «оболочкой», в которой хранится «ядро» религии – догматическое вероучение. Данная часть в большей степени взаимодействует с внешней средой, чем ядро, что может проявляться в конфликтной форме. Конфликты могут разрешаться мирно или агрессивно. В зависимости от того, какую позицию занимают участники – умеренную или радикальную, следует характеризовать разрешение нравственного конфликта как неэкстремистское или экстремистское. Однако конфликт между нравственными нормами различных религий имеет тенденцию к экстремистскому разрешению, поскольку затрагивает глубоко интимные переживания верующих.

Таким образом, между религиозной нравственностью и экстремизмом прямая связь. Сдерживать рост экстремизма можно либо выхолостив религиозную нравственность, либо искусственно поставив «пределы роста» в виде юридических барьеров. К сожалению, оба этих пути реализованы в современной России недостаточно.

На девальвацию религиозной нравственности существует конституционный запрет отделенности государства от религиозных объединений, усиленный нормой ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» о невмешательстве государства в дела законопослушных религиозных объединений. Кроме того, поскольку нравственность связана с идеологией, то необходимо упомянуть, что конституция запрещает общеобязательную или государственную идеологию, и это практически сводит на нет возможность по уничтожению религиозной нравственности.

Что же касается юридических барьеров, то в них существует огромная «дыра» – возможность существования религиозного объединения в форме религиозной группы, которая не требует регистрации в качестве юридического лица. Она вообще может никак о себе не заявлять (уведомление органов местного самоуправления добровольное,

да и то лишь в случае намерения в последующем стать религиозной организацией). Между тем экстремистская деятельность непосредственно как раз и осуществляется в малых тайных группах.

В заключение необходимо отметить, что триумvirат нравственности, религии, экстремизма является устойчивым и может быть разрушен только долгосрочной государственной политикой при поддержке местного самоуправления и населения страны.

Бродский М.Ю.

TRAVEL BLOG КАК ТРАВЕЛОГ

Путешествия и путешественники всегда привлекали к себе повышенное внимание со стороны тех, кто путешествовать не мог или не хотел. Столетиями люди читали и перечитывали книги, повествующие о путешествиях Синдбада-морехода, Робинзона Крузо, Лемюэля *Гулливера*, Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, найдёныша Тома Джонса, капитана Немо и многих других героев. Красочные описания приключений и невиданных стран служили своего рода сублимацией для тех читателей, которые были лишены возможности путешествовать. Тяга к путешествиям так свойственна человеку, что метафора дороги прочно вошла во многие языки³⁴⁷.

Технологический и организационный переход к информационному обществу позволил гражданам «глобальной деревни» активно перемещаться в физическом и виртуальном пространстве. Возможность регулярно путешествовать воплощает не только свободу индивидуальную, но и, шире, культуру свободы, и стала признаком материального и общественного благополучия,

Романы-травелогги, т.е. романы о путешествиях, давно перестали быть диковинкой. Пользователь Интернета может быстро найти следующие книги: В. Соловьёв «Как я умер. Субъективный *травелог*», С. Ларич «Анталия от 300 у.е.: роман-*травелог*» и т.д. *Известный американский писатель Билл Брайсон специализируется на травелогах. Мировыми бестселлерами стали его книги путешествий по Америке «The Lost Continent» («Потерянный континент»), Европе «Neither Here Nor There» («Путешествия по Европе») и Австралии «In a Sunburned Country» («В стране вечного солнца»).*

³⁴⁷ См., напр. Дейнан Э. Метафоры: справочник по английскому языку. Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 226–232.

Благодаря Интернету сегодня каждый может поделиться впечатлениями о новой для себя стране, рассказать о своих путешествиях, приключениях и злоключениях. Если иностранец поселился и живёт в другой стране, в блоге он рассказывает своим соотечественникам о своей новой природе (термин Г.Д. Гачева). Таких блогов-травелогов становится больше день ото дня, ибо Интернет, по мысли М.Кастельса, идеолога нового информационного общества, стал олицетворением свободы и творчества. Эту мысль в своих трудах автор проводит красной нитью от первой страницы до последней [Кастельс 2004 / Castells 2004]. Завести свой блог нетрудно. По данным на июнь 2008 г., сегодня в мире существует более ста миллионов (!) блогов (Teaching With Technology in the Information Age).

В данной работе мы не ставим своей задачей терминировать сам «дискурс». Многообразие подходов к трактовке дискурса исчерпывающе приводится в монографии [Алексеева, Мишланова 2002]. Принимая во внимание разнообразные, часто далёкие друг от друга, трактовки дискурса и пути его анализа, мы полагаем, что «дискурс травелога» соотносится, во-первых, с текстом как с макрознаком (совокупностью текстов-травелогов), а во-вторых, с процессом порождения текста (путевые заметки).

В сети Интернет можно найти понимание травелога как описания тура туроператором. В данной работе мы понимаем травелог по-другому: как «путешествие», «путевые заметки»; роман-травелог – это роман-путешествие, а блог-травелог – это блог, рассказывающий о поездках, путешествиях.

Мы предприняли попытку дать лингвистический анализ дискурса травелога, основываясь на анализе нескольких блогов-травелогов. Основные вехи анализа текстов, относящихся к дискурсу травелога, мы основываем на положениях фундаментальных трудов [Гальперин 2008] и [Левицкий 2006], в которых авторы анализировали текст. Мы считаем корректным экстраполировать некоторые категории текста на дискурс, поскольку дискурс – это актуализация текстов, это «текст, погружённый в жизнь» (Н.Д. Арутюнова).

1. Дискурс травелога относится к «**наивному дискурсу**» (в противопоставление «дискурсу научному» [Алексеева, Мишланова 2002: 105]). Автор блога-травелога разворачивает письменный монолог, основываясь на своей языковой интуиции и подстраиваясь к существующим прочитанным им текстам (блогам). Если же автор диссониру-

ет с корпусом текстов, относящихся к дискурсу тревелога, то делает это он сознательно, пытаясь расширить «границы дозволенного».

2. **Автор всегда определён.** Анонимность тревелогов поставила бы под сомнение всю информацию. Автор указывает себя или на первой странице блога (профиль), или в самом названии блога-тревелога, напр. From Russia, with Kirk. В ряде случаев достоверность информации подтверждается статусом блоггера в профиле:

Kirk Watson, a partner at Hughes & Luce, LLP, was Mayor of Austin from 1997 to 2001. He is a former chairman of the Greater Austin Chamber of Commerce, and is running for a seat in the Texas State Senate. He will be traveling through Russia from Aug. 22 through Sept. 6 as part of a lecture tour, organized through the U.S. State Department, on 21st Century economic development issues.

[Кирк Уотсон, партнёр компании Hughes & Luce, LLP, был мэром г. Остин {столица штата Техас} с 1997 по 2001. <...>].

3. Для блога-тревелога важна **графика текста**. На первой странице обычно приводится фотография автора и сведения о нём (пример см. выше). Обычно каждая заметка (англ. entry) также сопровождается одной или несколькими фотографиями. Автор подбирает фоновый цвет и другие графические варианты оформления, отвечающие его вкусу. Таким образом, читатель соприкасается с внутренним миром автора ещё до того, как приступает к чтению. Романы-тревелоги такой возможности лишены. Чёрно-белые фотографии в современном мире вряд ли будут пользоваться большим успехом, а цветные в несколько раз увеличат стоимость печати. В этом отношении блоги-тревелоги имеют преимущество перед своими бумажными отцами и братьями. (Также см. пример в п.10.).

4. **Гипертекст.** В блогах-тревелогах регулярны ссылки («линки») на другие блоги и сайты. Авторы приводят списки своих любимых сайтов, блогов, фильмов и др. информацию. Авторы романов-тревелогов такой возможности, разумеется, лишены. С особенностями гипертекста связана категория автосемантии (терминология И.Р. Гальперина) – относительная независимость частей по отношению к целому. В то время как ежедневные записи связаны друг с другом, прежде всего, «вертикально» (см. ниже), отдельные рубрики (списки, фотографии, ссылки) могут не меняться вовсе или обновляться с определённой регулярностью, независимо от появления новых путевых записей.

Путевой дневник монологичен, и всё же «любой дневник втайне ждёт своего читателя» (Д.А.Гранин). Читатели могут присылать свои

комментарии. Авторы романов-травелогов могут отвечать на письма после выхода романа или же только предугадывать возможную реакцию.

I mention this here <...> in hope of forestalling ten thousand or so letters from the readers pointing out that <...> (B.Bryson, *In a Sunburned Country*).

[Я пишу здесь об этом <...> надеясь предвосхитить десять тысяч или около того писем от читателей, которые укажут мне на то, что <...> (Б.Брайсон, «В стране вечного солнца»)].

5. Виды информации. Когнитивная информация сопоставима по объёму с информацией эмоциональной и эстетической. Автор начинает блог-травелог не для того, чтобы только поделиться когнитивной информацией в духе «Клуба кинопутешественников» или «National Geographic». Изученные нами блоги-травелогои весьма эмоциональны. Они содержат и эстетическую информацию: лирические отступления авторов, отрывки из художественных произведений, песни и стихи. Авторские отступления также служат примерами автосемантии (см. выше, Гипертекст).

There were quite a few people on streets. New York didn't sleep. One guy walked along the street with a cat on his head. The cat obviously didn't mind.

I realized I was humming a tune of Frank Sinatra's song all night until I finally got to bed in the morning. Hum along with me!; *Start spreading the news, I'm leaving today I want to be a part of it – New York, New York These vagabond shoes are longing to stray Right through the very heart of it – New York, New York <...>*

[На улицах было довольно много людей. Нью-Йорк не спал. Один мужик гулял по улице, а у него на голове сидел кот. Коту, похоже, было всё равно.

Я понял, что всю ночь, пока не лёг спать, я напевал песню Фрэнка Синатры. Пойте со мной:

*Расскажите об этом, я сегодня уезжаю,
Я хочу быть его частью – Нью-Йорк, Нью-Йорк.
Эти ботинки скитальца хотят бродить
По самому его центру Нью-Йорк, Нью-Йорк. <...>]*

6. Модальность. Авторы блогов-травелогов претендуют на объективность. Вместе с тем автор хочет, чтобы читатель принял его, авторскую, точку зрения. По этой причине модальность в дискурсе травелога своеобразна: оценки, претендующие на объективность, перемежаются с проявлениями субъективности, прежде всего в виде кон-

нотаций и presuppositions. Ассоциативное мышление часто ведёт мысль автора, как рифма ведёт мысль поэта.

Ural as the region and Yekat as the first big town in the middle of that region started in many ways like Australia – as an exile for criminals and outcasts of the empire.

[Урал как регион, и Екатеринбург как первый крупный город в этом регионе начинался во многом, как Австралия, – это была тюрьма для преступников и отбросов империи].

7. **Клишированность**, по нашим наблюдениям, не слишком высока, хотя во многом зависит от автора. Автор, начинающий блог-travelог, как раз стремится творчески выделиться. По этой причине и невелико количество «журналистских» штампов и клише.

8. **Количество и разнообразие стилистических приёмов зависят от авторов.** Вместе с тем авторы стараются разнообразить языковые средства. Частотны эпитеты и сравнения, гиперболы, нередки игры слов и ирония.

I felt like someone set my mouth and whole body on fire and had no desire to quench it! <...> I'm happy the fire extinguisher was not far from me! I felt not unlike a fire dragon or that Spartan boy who was hiding a fox under his cloak which ate up the boy's insides! <...> I finally breathed out with relief: phew! whew!. The American-Korean fly that was cruising above us, smitten by my breath, fainted and fell down, all but dead. We had to practice artificial respiration, mouth-to-mouth method, to bring it to its senses.

{О корейской еде} Мне показалось, будто кто-то поджёт всё у меня во рту и во всём моём теле и не собирался этот пожар тушить! <...> Хорошо, что огнетушитель был неподалёку! Я чувствовал себя как огнедышащий дракон или как тот спартанский мальчик, который прятал под одеждой лисёнка, а тот выел внутренности мальчика! <...> Наконец я с облегчением выдохнул: фу-у! Американско-корейская муха, курсировавшая подле нас, была сбита моим дыханием наповал, упала в обморок и была чуть жива. Нам пришлось делать ей искусственное дыхание методом рот-в-рот, чтобы привести её в чувство].

9. **Лексика.** В абсолютном большинстве изученных нами блог-travelогов авторы, причём даже старшего возраста, часто используют сниженную лексику: разговорную, сленг, вульгаризмы.

2007 was a tough year for the Lynn's. <...> Angst, chaos, unhappy relatives and realignments up the wazoo for our little clan of three.

[2007 год был трудным для семьи Линнов <...> Тревога, хаос, недовольные родственники и пертурбации – до хрена всего для нашего маленького клана из трёх человек].

10. Вертикальная организация макротекста блога-травелога. Вертикальная организация макротекста блога-травелога реализуется через последовательность сделанных путевых записей. Первая запись, запись-зачин, часто знакомит читателя с родным городом автора и/или объясняет причину создания блога-травелога, особенно если блог создаётся под конкретную поездку.

<...> We promise to place emotions, opinions and photos on our site. Have you become interested in it????

WELCOME!!!!

[<...> Мы обещаем делиться эмоциями, мнениями и помещать фотографии на нашем сайте {блог}. Уже интересно????

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!!!!]

Так же действуют, к слову, и авторы романов-травелогов:

I come from Des Moines. Somebody had to. <...> I wanted to go back to the magic places of my youth <...> I wanted to travel around. I wanted to see America. I wanted to come home. (B. Bryson, *The Lost Continent*)

[Я родом из Де Мойна {столицы штата Айова}. Кому-то ведь надо было там родиться. <...> Я хотел вернуться к сказочным местам, где прошла моя молодость <...> Я хотел путешествовать. Я хотел посмотреть Америку. Я хотел вернуться домой. (Б. Брайсон, «Потерянный континент»)].

Автор романа-травелога, как и автор любого романа, имеет некий план, согласно которому он разворачивает действие своего романа. В отличие от романов-травелогов, у создателей блогов-травелогов обычно не бывает такого плана, т.к. путевые записи делаются по мере разворачивания временного континуума. Автор и читатель переживают события практически одновременно. Конечно, блог может писаться и читаться «двадцать лет спустя». Однако обычно при первом написании автор всё-таки не знает, куда события заведут его. Поэтому записи могут быть регулярными или нерегулярными: от одной записи каждый день в течение нескольких недель до одной записи в месяц или несколько месяцев. Если записи делаются задним числом, тогда вертикальная организация обычно отличается большей чёткостью (как в романах-травелогах).

Когерентность текста (по И.Р. Гальперину – «интегративность») обеспечивается и заглавиями записей, их соотносённостью друг с другом и с названием самого блога.

From Russia, with Kirk

Moscow vs. Russia

In preparing for this trip, I discovered in my reading and in what some people told me that Moscow is like a giant magnet that is sucking the young people from all over the country to it. <...>

Something for us to keep watching as we move toward Moscow.

{название блога} **Из России с Кирком**

Москва в сравнении с Россией

Готовясь к поездке, я понял из литературы и из того, что люди рассказывали мне, что Москва подобна гигантскому магниту, который притягивает молодых людей со всей страны. <...>

Будет за чем понаблюдать, когда приедем в Москву].

11. **Горизонтальная организация макротекста блога-травелога.** Средства когезии более или менее привычны. Что касается когерентности в каждой записи, то следует отметить регулярность ретроспекции. Если записи делаются задним числом или если у автора есть план на ближайшие записи, возможна проспекция.

Sorry for being a slacker in making Blog entries but my new career has been very time consuming. Nadia and Sophie are fine and we are hoping to be back home to CO this summer.

More later.

[Извините за то, что лентяйничая, когда пишу блог, но новая моя работа отнимает очень много времени. Надя и Софи в порядке, и летом надеюсь приехать домой в Колорадо.

Об остальном позже].

12. **Глубинная структура макротекста блога-травелога.** Интертекстуальность не чужда данному дискурсу. Количество и разнообразие цитат и аллюзий зависит от конкретного автора, однако они встречаются с постоянством. В отдельных случаях «частные шутки», адресованные друзьям, остаются непонятыми. В других случаях, когда бло-травелог адресован массовому читателю, а не узкому кругу друзей, аллюзии более прозрачны. Пример цитации известной песни в исполнении Ф. Синатры приведён выше.

Так, упомянутый блог *From Russia, with Kirk* («Из России с Кирком {Уотсоном}») обыгрывает название фильма с участием агента 007 «From Russia with Love» («Из России с любовью»). На название рома-

на писателя-фантаста Р. Найнлайна *Have Spacesuit Will Travel* («Будет скафандр – будут и путешествия») намекает блог *Have Kid Will Travel* («Будут дети – будут и путешествия»).

Проведённый краткий анализ показывает, что тексты, относимые нами к дискурсу травелога, с точки зрения стилистики соотносимы с публицистическими текстами и, в некоторых случаях, с художественными. Вместе с тем блоги-травелоги имеют и целый ряд дистинктивных черт, обусловленных их пребыванием в виртуальном пространстве: гипертекстовая организация макротекста, индивидуальное графическое оформление, обилие фотографий, особенности когерентности и когезии.

Данное поверхностное исследование не исчерпало проблему, но наметило вехи дальнейшей её разработки. Блоги-травелоги, как дороги, продолжают манить исследователей.

Зайнетдинова Р.А.

Ю.М. ЛОТМАН

В СЕМИОТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 60-х–90-х

В своих исследованиях Ю.М. Лотман двигаясь между семиотической и литературоведческой ориентацией, определяет культуру как семиотический механизм, семиотическое пространство, уделяя особое внимание внутренней динамике семиотических механизмов, прослеженной в художественных текстах, в поведении, выработке новых сообщений индивидуальным и коллективным интеллектом. Культура в своем динамическом, но в то же время органическом, развитии изучается с точки зрения и анализа, и синтеза: посредством расчленения ее на отдельные знаковые элементы, Лотман демонстрирует ее фундаментальное знаковое единство. Лотман используя строгое определение структуры, через понятия вторичной моделирующей системы (открывающее интерструктурную перспективу) и семиосферы (пространства, в котором реализуется знаковая жизнь человека), доходит до утверждения значения непредсказуемости в механизме развития систем. Семиотика Лотмана – это всеобщая наука о человеке и культуре. Развитием исследований Лотмана явился и предложенный им в последних работах семиотический взгляд на историю. Возможности прогнозирования будущих путей и статических моделей обсуждались в последних работах Лотмана, в которых ощущалось воздействие концепций Пригожина, и в рамках Летней школы 1986 г. в Кязрику.

Область исследования, методология и личные связи ставят фигуру Лотмана в центр событий, происходящих в 1960-е годы в отечественной и зарубежной науке и философии. В Италии и Франции в это время выходят первые труды тартуских и московских семиотиков. Ю.М. Лотман исходил в своих работах из структуралистского подхода к феномену сигнификации и коммуникации (впервые в статье – «Точные методы в советской гуманитарной науке» – опубликованной в 1967 году в журнале «*Strumenti critici*»³⁴⁸, которая основывалась в основном на выводах теории информации, кибернетики, структурной лингвистики и предлагала взамен структуралистского догматизма комплексный подход). В 1968 году Юлия Кристева опубликовала в журнале *Tel quel* (№ 35) первый французский перевод работ тартуских семиотиков. Вместе они основали Международную Ассоциацию Семиотики; хотя Лотман не мог покинуть Советский Союз, чтобы присутствовать на учредительном конгрессе в Варшаве, он стал вице президентом Ассоциации в 1968 году³⁴⁹. Несколько лет спустя в Италии вышла книга «*La struttura del testo poetico*» – самое известное из всех произведений семиотики литературы, также повлиявшее на теоретическую постановку вопросов в отношении семиозиса художественного текста не только в России, но и на Западе – во Франции и Италии – Барт, Тодоров, Женетт, Кристева, понятие «имплицитного автора» Марии Корти (Италия), которая находилась под постоянным влиянием лотмановского анализа. Пространственность как принцип организации, произведение искусства как конечная модель бесконечного мира, событие в котором есть выход персонажа за границы семантической области Лотмана обнаруживали и созвучие с исследованиями Чезаре Сегре (Италия) – анализ сюжетной схемы как маршрута, повествовательного события как перехода из одной структуры в другую, персонажа как образца и совокупности всех противопоставлений его с другими персонажами. Они явились важнейшим вкладом в дискуссию об отношениях между литературой и действительностью, развернувшуюся в Италии в конце 60-х годов. Размышления Лотмана о многогранности произведения искусства, предусматривающей для критика плюрализм подходов и гибкость используемых приемов, эхом отозвались в тек-

³⁴⁸ См. М. Де Микел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. – М., 1995. – С. 294–306.

³⁴⁹ См. Julia Kristeva On Yury Lotman // Publications of the Modern Language Association (PMLA) 109(3). – С. 375–376 (1994).

стуальных теориях Умберто Эко: от книги «Opera aperta», в которой автор говорил о произведении искусства как об области вероятности и двойственном сообщении, где многообразие означающих воплощается в одно означаемое; через анализ сюжетной схемы в «La struttura assente» к пониманию текста как «презупционного устройства» в «Lector in fabula», в котором читатель как активный принцип истолкования является частью смыслопорождающего механизма самого текста, истолкование как семантическая актуализация того, что текст как стратегия призван выражать посредством сотрудничества со своим «Образцовым Читателем».

По Лотману основанное на естественном языке, искусство тем не менее феномен другого, «сверхструктурного» порядка: оно перераспределяет первичную логику языка согласно новым логическим правилам, даря человечеству новые когнитивные возможности, отличные принципы логики для реконструкции себя самого и мира. С этой точки зрения, семиотика была для Лотмана наукой, которая исследовала интеркоммуникацию и перестроение информации и структур как сущностных фактов культуры, как сущности культурной и социальной жизни. Он утверждал, что не может быть ни культуры, ни ее изучения без принятия в расчет *трансформационной сущности значения*. Так возникает понятие вторичной моделирующей системы, понятие созвучное «интертекстуальности» Юлии Кристевой. Хотя Ф. де Соссюр акцентировал важность отношений знаков друг к другу, одна из слабостей структуралистской семиотики – тенденция трактовать индивидуальные тексты как дискретные, отграниченные объекты и фокусироваться исключительно на их внутренних строениях. Первая аналитическая задача структуралиста часто описывается, как задача разграничить систему (что должно быть включено и что исключено), которая является логически понятной, но онтологически проблематичной. Даже в пределах парадигмы структурализма коды выходят за рамки структур. Семиотическое понятие интертекстуальности, введенное Юлией Кристевой, связано, прежде всего, с теоретиками-постструктуралистами³⁵⁰. Кристева рассматривает тексты в терминах двух параметров: горизонтальная ось, соединяющая автора и читателя текста, и вертикальная ось, которая соединяет текст с другими текстами. Объединение этих двух параметров используется кодами: каждый текст и каждое прочтение зависят от предшествующих кодов, каждый

³⁵⁰ Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // <http://www.aber.ac.uk>

текст находится под юрисдикцией других дискурсов, которые налагают на него универсум. Прежде чем рассматривать структуру текста, мы должны изучить его «структуриацию» (как строение возникло). Это подразумевает расположение его внутри всего множества предыдущих или синхронных текстов.

Введение термина «моделирующая» по отношению к «системе» в теоретическом смысле необычайно расширило определение семиотики, данное Соссюром. Лотман перестает говорить о «знаке»: искусство рассматривается им не как система знаков, а как моделирующая система, – иными словами, система, позволяющая построить «модель». Модель отличается от знака как такового не только тем, что занимает место денотата (референта), но и прекрасно заменяет его в гносеологическом и нормативном процессах. В среде итальянских ученых особое значение придается лотмановской мысли о неизбежности «двойной реальности» в культуре: культура как система-модель и культура как текстопорождающее устройство; как система памяти и динамический процесс запоминания; как язык и речь; как граница обозначения и как его отправная точка, а также анализу эвристических возможностей, которые представились с момента обращения семиотики к проблемам культурной типологии. Если любой текст может рассматриваться и как дискретный, и как континуальный, то художественный текст, в частности, представляет собой многослойный, семиотически разнородный объект. Благодаря своей способности сохранять информацию, он приобретает свойство памяти и совершает «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией: пользователь уже не «расшифровывает» текст, а «общается с ним». Это не лингвистическое общение, а семиотическая деятельность в широком смысле этого слова: значение выражения всегда есть переложение, перевод.

Внимание к акту прочтения, интерпретации, сотрудничеству или кооперации с адресатом в целом роднит Лотмана с его итальянскими коллегами. Чтобы текст функционировал как смыслопорождающий механизм, необходимо наличие собеседника. В действительности, текст в своем функционировании может быть описан (и может постигать самое себя) на основе различных культурных моделей. Ему присуща полисемическая природа, благодаря которой он никогда не перестает создаваться, но и не отрывается от своих корней: следовательно, он может быть декодирован разными способами, каждый из которых законен, если отличается последовательностью. Границы истолкования совпадают именно с правами текста, а не с правами его автора. В

сушности, речь идет об утверждении образа истолкования, подчиненного законам интертекстуальности. Изучение культуры как универсального единства и изучение отдельного текста – то есть культурология и литературная критика – выступают в качестве единой области исследований с применением одних и тех же методов. Тенденция к пересмотру отдельных произведений в свете предложенной Лотманом концепции семиосферы, то есть с точки зрения взаимосвязи, взаимодействия и единства всех звеньев в цепи, довольно близка к понятию «энциклопедии» как «семиотического постулата» (*postulato semiotico – tessuto rizomatico di proprietà culturali*) того же Эко. Анализ игры символических воспроизведений с интерпретирующими моделями, информации с общением, творения культуры с ее потреблением, приводит к лотмановской «*La cultura e l'esplosione*» (Культура и взрыв), где анализ многообразия потенциальных связей между элементами смысла позволяет выявить многомерное смысловое пространство как в синхронии и диахронии.

Коваленко Е.Н.

**«МЫ НЕ ХОТИМ ЖИТЬ В МИРЕ,
ГДЕ ЗА УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО НЕ ПОМРЁШЬ
С ГОЛОДУ, ПЛАТЯТ РИСКОМ ПОМЕРЕТЬ СО СКУКИ»**
(слоган 1968 г.)

Студенческие волнения 1968 года можно оценивать по-разному, однако, совершенно очевидно, что этот бунт имел в своей основе культурные предпосылки и был запрограммирован современной философией. «Революция в голове» оказалась, прежде всего, социальным экспериментом, хотя принесла некоторые изменения в систему социального обеспечения и в систему образования.

Студенческая революция 1968 года воспринимается как самостоятельное культурное явление. Как политическая, естественно, как социальная функция, как реакция на экономические и внешнеполитические решения государства – так выглядит большинство конфликтов между государством и отдельными социальными группами. Но в случае с революцией 1968 года мы имеем дело не просто с конфликтом, а с более многогранным и объемным явлением, которое не сводится к двум-трем характеристикам стандартного социального бунта – это была попытка освободить общество от государства, а человека от общества.

Культурного в этой революции больше, нежели экономического и политического (хотя и второе, и третье там присутствует в полной мере). Студенческие волнения 1968 выглядят как социальный эксперимент, который появился на свет благодаря работам Ленина, Троцкого, Мао, Сартра, Камю, де Бора, Маркузе – тем, кто писал о свободе человека, о революции, об эстетике и художественных формах, которые парадоксальным образом могут выглядеть совершенно непривлекательно и даже отталкивающе. Этот теоретический коктейль был основан на философских проблемах человеческого существования, власти и угнетения.

Политический контекст событий 1968 г. напрямую не свидетельствует о неизбежности революционных волнений. Правление де Голя оценивается как авторитарное, с четкой ориентацией на усиление Франции как национального государства. Довольно жесткий внешнеполитический курс, стремление к укреплению экономики страны с 1958 по 1968 год не вызывали открытого недовольства французов, которым приходилось работать по 45 часов в неделю (больше, чем во времена войны), жить в сложных бытовых условиях, на фоне растущего числа мигрантов и перенаселения городов. Однако, данная ситуация была скорее типичной для европейских стран эпохи 60-х гг., нежели шла вразрез с опытом других государств, поэтому рассматривать создавшиеся к 1968 г. во Франции условия как революционные в полной мере нельзя.

Студенты, подогреваемые левыми идеями и настроениями, пытались соединить марксизм, экзистенциализм, ленинизм, маоизм, творческие неформальные практики различных художественных кружков (леттристов, даданстов и проч.) в форме бунта. Немедленная революция – здесь и сейчас – перманентная революция как праздник, освобождение через разрушение прежней иерархии, системы подчинения – любой ценой и любыми средствами – стало главной целью французской молодежи. Студенты были возмущены, казалось бы, повседневными вещами, латентно присущими системе высшего образования – возрастом преподавателей (слишком стары и консервативны), программой учебных курсов (отсутствие ориентации на современность, неактуальность рассматриваемых проблем). Получается, молодежь была недовольна теми явлениями, которые оцениваются и переживаются субъективно, не являясь при этом формальным ограничением или помехой к получению образования, и разрешение заявленных проблем не могло сводиться к простому увольнению негодных преподавателей.

давателей, допуску студентов в органы университетского управления или простому пересмотру всех учебных программ. Таким образом, французские студенты предъявляли максимально радикальные требования к реформе высшего образования, которую они не отделяли от социальной реформы в целом. «Опрокинуть режим» на безальтернативной основе – главный вызов французских активистов 1968 г. голлистскому государству.

Пожалуй, впервые в истории на практике материализовалась идея превратить социальный бунт в эстетическое действие – акцию ради акции, посредством которой возможно временное освобождение от повседневности. «Это гегельянское отрицание отрицания»: сначала старый порядок отрицается своей же политико-идеологической формой; затем отрицанию должна подвергнуться сама эта форма. Те, кто колеблется, те, кто боится сделать следующий шаг, чтобы преодолеть саму эту форму, – это те, кто (повторяя слова Робеспьера) хочет «революции без революции»...»³⁵¹. Удивительно то, что эти стремления увенчались успехом, студенческие волнения были поддержаны профсоюзами, самими педагогами, деятелями культуры. 1968 г. стал настоящим испытанием для французской республики, государства, которое не подозревало о подобной активности и автономии общества.

С методологической точки зрения, марксистская идея классового антагонизма претерпела некоторые изменения. Социальная практика показала, что носителем революции является скорее не пролетариат, а молодежь, студенчество, которое становится движущей силой социальных волнений. Общество не раскалывается внутри себя на четко определенные классы, а отделяется от государства через противопоставление «рабочий-чиновник». Революционно настроенные студенты пытались совершить смену координат через противостояние системе органов правопорядка и бюрократии. В качестве методов использовались акции прямого действия, распространение листовок, захват зданий, столкновения с полицией на баррикадах, где главным оружием был бульжник – классическое «оружие пролетариата».

За всеми этими декорациями с разобранными на бульжники мостовыми латинского квартала, листовками на фонарных столбах с радикальными и эпатажными лозунгами, сценками из жизни рабочих, изображенными прямо на фасадах домов, скрывалась идея преодоления рутинности не только политического, но и культурного, социаль-

³⁵¹ Жижек С. Тринадцать опытов о Ленине. – М. – С. 12.

ного существования. Что самое удивительное, бунтующее французское общество, состоящее из рабочих, студентов и людей, поддержавших забастовки, пыталось самоорганизоваться на новых принципах, которые, тем не менее, потерпели фиаско. Были опробованы новые способы управления – студенческий комитет, руководивший революцией, менял состав практически ежедневно (в целях избежания коррупции, единовластия и бюрократии), на заводах и фабриках появилось самоуправление из рабочих, захвативших офисы менеджеров. В общем, хаоса не получилось, хотя эта новая система со временем обнаруживала все большие недостатки и сложности ее применения.

Еще одна несомненная уникальность французской пролетарской «революции» 1968 года состоит в очевидном желании дистанцироваться от официальных коммунистических сил, которые сложились в партию, имели собственные устойчивые структуры и были включены в политический процесс Французской республики наряду с остальными политическими силами. Это нежелание иметь ничего общего с официальными коммунистическими лидерами проявлялось как в отношении французских коммунистов, так и по отношению к системе, пропагандирующей коммунистическую идеологию в мировом масштабе. Таким образом, бунт 1968 г. выглядит как протест против глобального коммунизма, государственного, официального, обросшего бюрократическим аппаратом и формальными институтами, равно как и против капиталистической системы, угнетающей каждого конкретного человека, ограничивающей его желания и возможности.

«Одуроченные нацией, одуроченные классом, страдающие массы повсеместно вовлекаются в обостряющийся конфликт, в котором их единственными врагами являются хозяева, со знанием дела использующие мистификации промышленности и власти. Сговор промышленности и государственной власти является пороком с более глубокими корнями, нежели капиталистические и коммунистические институты и структуры, пороком, необходимость искоренения которого не предусмотрена диалектикой необходимости».

Картина, открывшаяся взорам «новых левых», требовала нестандартных решений и методов, среди которых были выбраны идеи «великого отказа», фантазии и воображения, творческого протеста. Таким образом, сформировался новый дискурс бунта, который сейчас существует сам по себе, как бы в вакууме, оторванный от реальности и предельно идеализированный. Он уже начал свое самостоятельное существование, что приводит к восприятию формы и содержания бун-

та как самостоятельных явлений. Возможен ли сегодня сценарий 1968 г.? Именно по причине популярности дискурса левого бунта как такового – нет. Может быть, существуют только фантомы социального протеста, несущего столь романтический настрой, а сам протест носит более прагматичный характер?

Коркунова О.В.

РАСШИРЕНИЕ ГРАНЕЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИСКУРСА ТУРИЗМА

Студенческая революция 1968 г. обострила интерес к проблеме свободы человека. Тема свободы человека оказалась в центре внимания, как теоретических исследований, так и социально-политических движений. За 40 лет изменилось многое. Формируется новая цивилизация, сложилось общество потребления. Изменился и сам человек, его образ жизни, ценностные ориентиры. Наиболее важную роль в этом сыграли информационные технологии и процесс глобализации. Благодаря первым изменился процесс коммуникации, доступ к информации и методы работы с ней. Глобализация разрушила национальные и региональные рамки жизни людей. Вследствие этих изменений свобода человека обрела новые грани. Выявить и раскрыть их можно через призму дискурса туризма. Такой подход обусловлен тем, что туризм стал сферой индустрии в современном обществе и неотъемлемой чертой жизни человека.

Современный туризм, прежде всего, расширяет пространственные границы свободы человека. Индустрия туризма стала настолько мощной, что позволяет человеку путешествовать практически по всему земному шару. Более того, уже развивается космический туризм. В итоге человек преодолевает пространственную локальность своей жизни и приобретает чрезвычайно большую свободу перемещения в пространстве.

В этой свободе появляются две важные грани. Первая – преодоление ограничений экономического характера. До того как у человека появится финансовая возможность совершить задуманное путешествие, и даже независимо от этого условия, он может осуществить его благодаря средствам массовой коммуникации и Интернету. С их помощью человек визуально знакомится с местами своего путешествия, устанавливает коммуникативные связи. Дискурс в этом случае позво-

ляет определить концепт путешествия, а также сконструировать систему образов – травелог. Причем дискурсивное пространство тура создается как до поездки, так и в ходе нее. В результате реальное путешествие оказывается узнаванием уже знакомого, подтверждением или проверкой уже пережитых впечатлений и эмоций. Благодаря этому складываются коммуникативные связи человека, расширяется их диапазон и выбор.

Человек вообще может ограничиться виртуальной формой путешествий. Раньше способ воображаемого путешествия был уделом отдельных интеллектуалов. Он требовал от человека обширных знаний и исключительных способностей. Это блестяще продемонстрировал в своих работах Г. Гачев. Будучи «невъездным» в советский период, и не имея возможности путешествовать реально, он путешествовал посредством интеллектуальных исследований, и блестяще описал быт, образ жизни и менталитет ряда европейских народов³⁵².

Вторая грань расширения свободы человека связана с ВИП – туризмом и экстремальным туризмом. Речь идет о том, что человек может заказать индивидуальный маршрут и путешествовать в одиночку или небольшой группой «своих» людей. Благодаря достижениям цивилизации степень риска минимизируется за счет постоянной связи и систем подстраховки. Это позволяет отправляться в одиночные путешествия через океан (Ф. Коцюхов), чаще совершать сложные восхождения альпинистам и т.д.

Именно дискурс обеспечивает расширение этих граней свободы. Потому что только благодаря нему человек формирует цепочку, коллаж образов, создавая из них целостную картину путешествия. Посредством интерпретации образов и картины в целом он создает контекст, в котором выражает всю гамму своих переживаний от путешествия.

Туризм расширяет грани свободы человека и возможностью путешествовать по временной оси. Нам представляется, что такая возможность обеспечивается исключительно благодаря дискурсу. Используя артефакты, человек получает возможность соединить образы и знания, полученные из истории, культурологии и т. д., с современным контекстом. В результате он может оживить прошлое. Например, можно взять тур в Венецию в период карнавалов. Это позволит погрузиться в атмосферу средневековой Европы, и испытать переживания человека того времени. Точно также путешествуя по Санкт-Петербургу, можно вы-

³⁵² Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995.

строить маршрут Пушкинского Петербурга и окунуться в атмосферу начала 19 века. А можно сформировать маршрут Блоковского Петербурга, тогда мы погрузимся в события начала 20 века.

Но дискурс дает и другой вариант путешествия по временной оси. Это те случаи, когда человек стремится вписать в свою реальную жизнь реконструкцию фрагментов истории. Так, восстанавливаются старинные усадьбы, памятники культуры, которые используются для современных мероприятий. Например, Манеж для вернисажей и выставок, усадьба в Царицыно для отдыха москвичей.

Овладевая благодаря дискурсу туризма пространством и временем, человек расширяет грани свободы посредством богатства выбора. 40 лет назад, особенно в нашей стране, в условиях дефицита и «железного занавеса», выбор туров был ограничен. Сама поездка за границу была большой удачей, и человек соглашался на то, что предлагали. Теперь он выбирает, куда именно поехать, в каких условиях путешествовать. Широкий диапазон от автобусных туров до VIP-маршрутов позволяет путешествовать всем слоям населения, включая студентов (молодежь). Причем внутри тура человек также имеет выбор: что посетить, куда съездить.

Говоря о свободе, мы всегда ставим вопрос: свобода от чего и для чего? В нашем случае вопрос будет звучать так: свободу от чего и для чего обеспечивает дискурс туризма?

Очевидно, что дискурс туризма обеспечивает свободу от погружения в повседневность. Действительно, отправляясь в тур, в путешествие мы вырываемся из повседневной жизни, быта, работы. Мы получаем возможность какое-то время посвятить свою жизнь отдыху, чаще всего в комфортных условиях. Мы можем позволить себе то, чего лишена повседневность. Жизнь в сфере отдыха, досуга приобретает черты праздника или праздности. Сценарий такой жизни также создается дискурсом. Более того, отдыхая вдвоем или в компании, человек получает несколько сценариев, потому что у каждого свое представление о празднике. Встает проблема выбора. И в этом случае дискурс помогает решить ее. Наличие сценариев, конструктов облегчает выбор. Более того, появляется элемент креативности, потому что посредством дискурса комбинировать фрагменты предлагаемых сценариев, осуществлять реконструкцию.

Свобода от бытовых забот и обязанностей повседневной жизни позволяет пожить «другой» жизнью. Это может быть жизнь, воплощающая ваши мечты, или реализующая фантазии, игру воображения.

Человек понимает, что этот образ жизни не навсегда. Но какое-то время он живет жизнью другого. Он может в этой жизни изменить свой социальный статус, профессию, имидж и т.д. Выбор, который он свободно осуществляет при этом, в том, чтобы изменить свою идентичность или напротив полнее глубже раскрыть ее.

Когда мы задаемся вопросом: свободу для чего мы получаем благодаря дискурсу туризма, то ответ теряет черты определенности. В самом общем виде он звучит так: чтобы расширить границы «своей вселенной», обрести новые горизонты, жить более полной и радостной жизнью. А дальше, как нам кажется, ответ конкретизируется посредством соотнесения цели и результатов. Если тур был с целью образования или культурного просвещения, то мы получаем свободу именно для этого. Экстремальный туризм повышает степень нашей внутренней свободы. Но в любом случае всегда есть «добавочный» продукт. Студенты, осуществляющие тур с образовательными целями, отмечают, что кроме погружения в западную систему образования, они приобрели опыт самостоятельной, взрослой жизни, общения, коммуникации в иной культуре, незнакомой среде. Их вывод: поездка не только способствовала языковой практике, но и позволила испытать себя, четче определиться с жизненными ориентирами.

Нельзя в связи с дискурсом туризма не затронуть тему «мнимой» свободы. Индустрия туризма создала мощную систему рекламы, в которой много симулякров. Под их влиянием очень многие осуществляют выбор тура. В результате создается множество иллюзий, которые подвергают человека опасности, что его надежды будут унесены ветром перемен. Иногда у человека формируется представление о том, что только благодаря туризму он получает свободу, тогда как в повседневной жизни ее нет.

Мигашкина Н.Б.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ТИПЫ

В традиционном социологическом дискурсе понятие «маргинальность» употребляется, как правило, в негативной интерпретации, хотя этимология слова не указывает на его оценочный характер. То есть буквально маргинальность (от лат. *margo* – граница, грань, край; *marginalis* – находящийся на краю, на границе) понимается как положение на границе, и в этом не просматривается то, что

могло бы охарактеризовать подобное положение как хорошее или плохое; изначально понятие маргинальности оценочно нейтральное.

В социологический дискурс термин «маргинальность» ввел в 1928 году американский социолог, один из основателей чикагской школы, Роберт Эзра Парк, употребив его в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек». Р. Парк трактовал маргинальность как положение индивидов, находящихся на границе двух культур, существенно различающихся и поэтому конфликтующих. То есть автор также не вкладывал в данное понятие негативной оценки.

Со временем термин «маргинальность» приобрел явно негативную окраску. По нашему мнению, это произошло под влиянием юридического дискурса, в рамках которого маргинальность понимается как девиация. Отсюда термин получил широкое распространение в обыденной разговорной сфере, опять же в качестве оценочного ярлыка.

На наш взгляд, исключительно негативная трактовка маргинальности мешает глубокому изучению данного явления и объяснению на его основе сущности многих социально-экономических, социокультурных и социально-психологических процессов. А в современных условиях ускорения и повышения интенсивности общественных процессов, между тем, все больший и больший интерес вызывают как раз различные трактовки маргинальности.

Отразить суть и все разнообразие столь сложного явления можно с помощью классификации, разработанной на основе изучения различных концепций маргинальности.

Итак, классификацию маргинальности по различным основаниям можно представить следующим образом:

- в зависимости от характера «пограничности»: культурная (человек оказывается на границе двух и более различных культур) и социальная (человек оказывается на границе социальных групп или вовсе за пределами общественно признанных, традиционных социальных групп),

- в зависимости от источника: извне (человек оказывается в маргинальной ситуации в силу объективных социальных изменений и трансформаций) и изнутри (в силу индивидуальных и социально-психологических особенностей личности – характера, нравственных черт, направленности личности),

- в зависимости от проявления: индивидуальная (проявляется исключительно «внутри» индивида, без каких-либо внешних проявле-

ний в его поведении) и социальная (если она находит проявления в общественном поведении индивида),

– в зависимости от способа занятия маргинальной позиции: вынужденная (в силу объективного отсутствия условий, причем как внешних, так и внутренних, для осуществления жизнедеятельности в соответствии с общепринятыми представлениями и стандартами) и целенаправленная, добровольная (сознательное занятие маргинальной позиции, как правило, в знак протеста против принятых общественных стандартов),

– в зависимости от самоидентификации индивида: приписываемая обществом (общество объявляет индивида маргинальным из-за его нестандартного, не «нормального» поведения), как результат самоидентификации (человек осознает свой статус и признает его маргинальным) и смешанная (и общество и сам индивид признают маргинальность его позиции),

– в зависимости от поведения индивида: пассивная (человек, попав в маргинальную ситуацию, не предпринимает никаких действий, он поглощается и подавляется ситуацией) и активная (человек чувствует свободу, иначе воспринимает реальность), которая в свою очередь делится на отрицательную (стремление к девиации, протесту) и положительную (стремление к созиданию, согласию и интеграции).

Рассмотрение различных подходов к определению маргинальности, а также ее причин и последствий, позволяет говорить о том, что маргинальность в социологическом смысле представляет собой «недосоциализацию», неполное принятие той или иной социальной роли, неполное вхождение в состав той или иной социальной группы, социального института.

В силу того, что основными признаками маргинальности являются ее протестность и альтернативность, она всегда относительна: другими словами, её нельзя рассматривать вне связи с какой-либо социальной ролью, социальной группой или социальным институтом.

Маргинальность вовсе не обязательно означает бедность, безответственность и нахождение на дне общества.

На наш взгляд, разумно вводить в современный социологический дискурс понятие маргинальности именно с учетом выделенных особенностей и характеристик.

В нашем представлении, в современных условиях исследование феномена маргинальности, по причине его комплексности и междис-

циплинарного характера, может быть полезным для более глубокого понимания многих социальных процессов.

Новоселова Е.В.

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИСКУРС В ПЕРЕВОДЕ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

(на примере святынь города Екатеринбурга,

В частности, Храма-на-Крови во имя всех святых,
в земле российской просиявших)

Раскрывая тему данной статьи, хотелось бы отметить, что еще несколько лет назад вопрос о переводе текстов на православную тематику не стоял так остро для города Екатеринбурга. В связи с тем, что поток туристов, посещающих родной город Екатеринбург, постоянно растет, изменяются и социальные заказы в сфере перевода. Известно, что Екатеринбург является историческим местом, где в ночь на 17 июля 1918 года была расстреляна царская семья Романовых. В память об этих мрачных событиях был возведен Храм-на-Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших. Речь идет не только об одном храме, к числу интересующих туристов святынь относятся и другие, но мы остановились на данном храме лишь в связи с тем, что он чаще всего привлекает туристов и является отправной точкой наших исследований. Вообще же этот вопрос не нашел широкого применения в городе Екатеринбурге, поэтому и является актуальным. Анализируя существующие на сегодняшний день переводы, приходишь к выводу, что зачастую они либо не предназначены для туристов (не учитываются лингвистические и экстралингвистические особенности их культуры; а перевод – это, прежде всего, перевод с культуры на культуру), либо существуют неточности в переводе, искажающие смысл текста оригинала. Например, до сих пор существуют переводы «Храма-на-Крови» как «Temple on the Blood», однако у английского слова «temple» присутствуют языческие коннотации.

Понятие «дискурс» трактуется разными авторами по-разному: можно встретить как самые простые так самые сложные толкования. Однако я бы остановилась лишь на одном из них: в толковом переводоведческом словаре Л.Л. Нелюбина «дискурс» трактуется следую-

щим образом³⁵³. Это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи». Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанными между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «несобытия», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями.

Таким образом, говоря о православном дискурсе, можно выделить две присущие ему характеристики: языковые средства и паралингвистические особенности. Языковые средства, непосредственно с учетом последних, рассматривали многие выдающиеся лингвисты: Д.И. Ермолович, В.В. Кабакчи и другие, но, тем не менее, даже у них есть расхождения во многих аспектах. Естественно, что эти расхождения обусловлены паралингвистическими аспектами данного направления. Как правило, целевую аудиторию, на которую ориентированы наши переводы, составляют неправославные люди: католики, протестанты, не говоря уже о религиях восточных стран, поэтому мы можем говорить о существующих между ними значительных и незначительных различиях. Последние создают языковые трудности при переводе. Целевой аудитории, состоящей, в основном, из католиков и протестантов будут не всегда понятны присущие православию реалии. Целью же любого перевода является такой результат, когда реакции продуцента и реципиента совпадают.

В рамках православного дискурса можно говорить о языковом посредничестве. А.А. Утробина понимает языковое посредничество как преобразование исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята рецептором. Как правило, роль языкового посредника выполняет переводчик. Задача перевода – обеспечить та-

³⁵³ Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики. – М.: РУССО, 2002. – 768 с.

кой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке рецептора мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться рецептором перевода с оригиналом. Коммуникативная равноценность оригинала и перевода предполагает высокую степень подобия соотнесенных единиц этих текстов. Возможность достижения такого подобия зависит от соотношения систем и правил функционирования исходного языка и переводящего языка. Поэтому перевод в большей мере, чем другие виды языкового посредничества, детерминирован лингвистическими факторами, а, значит, в данном случае мы можем говорить даже не столько о переводе, сколько об адаптивном транскодировании, поскольку его специфика определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу рецепторов перевода и заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале. В.Н. Комиссаров говорит о том, что на первом плане в процессе перевода находится не столько оригинал, сколько Рецептор перевода; поскольку реакция получателей сообщения зависит в значительной степени от характера, знаний и предыдущего опыта самих получателей, переводы одного и того же оригинала, предназначенные для разных типов Рецепторов, должны быть разными. А. Нойберт ввел понятие «прагматическая адаптация. При переводе брошюры о Храме-на-Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших, в целях прагматической адаптации были приняты следующие решения:

- оставлены лишь названия самых значимых икон без их подробного описания,
- видоизменен стиль самого текста, а книжные слова были заменены в некоторых случаях на нейтральные слова,
- иерархия священнослужителей сведена к минимуму,
- применялся дискриптивный прием для объяснения некоторых реалий.

Таким образом, непосредственно для перевода можно выделить целый ряд языковых трудностей:

- **антропонимы: имена святых, названия икон, имена собственные, названия культовых сооружений.** Имена святых: англизация имени нежелательна, хотя параллельная подача западного наименования и может быть ситуационно целесообразна.

Серафим Саровский (1760–1833) – формальная транслитерация этого имени с максимальной близостью к оригиналу наиболее полно сохраняет самобытность – Serafim Sarovsky, англизация типа Serafim of

Сагов представляется нежелательной. Однако в данном случае следует придерживаться традиционной передачи имен собственных³⁵⁴. При выборе передачи известных имен собственных не малую роль сыграли статистические данные Интернет-источников. При передаче других имен собственных были использованы таблицы Д.И. Ермоловича,

• **специальная терминология** (религиозная лексика): **иконы, предметы внутреннего убранства и т.д.** Внутреннее убранство культовых сооружений: Икона – icon (rarer: 'ikon') – a devotional painting or carving, use on wood, of Christ or another holy figure, esp. in the Eastern Church. Западные англоязычные христиане имеют слабое представление об иконах и иконостасе. Не случайно западные авторы, стремясь придать местный колорит описанию РПЦ, используют в качестве средства русификации букву К в этом слове – 'ikon'³⁵⁵.

Иконостас – Iconostasis; Хотя это английское слово фиксируется даже словарями среднего объема, оно мало известно в англоязычном мире за пределами круга специалистов и поэтому нуждается в пояснении.

E.g.: In every Orthodox Church the sanctuary is divided from the rest of the interior by the 'Iconostasis', a solid screen usually of wood, covered with panel icons.

The Iconostasis is an 'icon of the Church' in its growth, depicting in its various tiers the history of salvation from Adam to the Last Judgment³⁵⁶.

Не малую роль играет и происхождение слов: англоязычному населению больше понятны слова латинского происхождения, а не греческого. Например, русскому слову епархия соответствуют английские eparchy, diocese. Последнее имеет латинское происхождение и поэтому является более предпочтительным вариантом.

• **частичное несоответствие денотативных значений в английском и русском языках, несоответствие значений в английском и**

³⁵⁴ Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie) / Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 176 с. – С. 165.

³⁵⁵ Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie) / Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 176 с. – С. 154.

³⁵⁶ Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie) / Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 176 с. – С. 154.

русском языке (на примере культовых сооружений). Дефиниционный анализ:

church – a building for public (usu Christian) worship; [LDCE 2003 : 263] **церковь** – здания для богослужения, храм (ОСРЯ) (совпадение денотативных значений),

cathedral – the principal church of a diocese, containing the bishop's throne (OEED); **собор** – главная или большая церковь в городе, в монастыре (ОСРЯ) (совпадение денотативных значений),

chapel – a place for private Christian worship in a large church or esp. a cathedral, with its own altar and dedication (OEED); **часовня** – маленькое здание для молений, богослужений – с иконами и, в отличие от церкви, без алтаря (ОСРЯ) (неполное совпадение денотативных значений),

temple – a building where people go to worship, in the Jewish, Hindu, Buddhist, Sikh, and Mormon religions; [LDCE 2003: 1708] **храм** – здание для богослужения, церковь (ОСРЯ) (неполное совпадение денотативных значений),

monastery – a place where monks live in seclusion; **convent** – a building or set of buildings where nuns live, **nunnery**; **монастырь** – церковь (неполное совпадение денотативных значений). В принципе есть возможность использовать слово **Convent** для обозначения женского монастыря (e.g.: Smol'ny Convent). На практике, однако, под давлением русского термина-оригинала предпочтение обычно отдается слову **Monastery**³⁵⁷.

Исходя из того, что пресуппозиции не совпадают, не полностью совпадают и названия культовых сооружений.

Например, Храм-на-Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших, имеет английский эквивалент The Church on the Blood in Honor of All the Saints Radiating in the Land of Russia, поскольку temple имеет языческие коннотации, а примером собора в Екатеринбурге будет Свято-Троицкий кафедральный собор (The Holy Trinity Cathedral),

• **престол** – столик в алтаре христианского храма, располагающийся напротив царских врат и предназначенный для совершения некоторых религиозных таинств во время литургии; **the chancel table**; **Altar** – (in Christian churches) the communion table; **communion table** –

³⁵⁷ Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie) / Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 176 с. – С. 159.

the table used in the celebration of Communion, or the Lord's supper. (WEUDEL). Естественно, следует избегать явных «ложных друзей переводчика». Например, «алтарь»/altar. Алтарь в РПЦ – это восточная часть храма, отделенная иконостасом, а то, что в английском языке обозначается словом altar, в РПЦ называется «престол»³⁵⁸,

• *sanctuary* – a holy building or the part of it that is considered the most holy; the part of a church around the altar (WEUDEL)

chancel –the space about the altar of a church, usu enclosed, for the clergy and other officials (WEUDEL),

алтарная часть, алтарь – восточная часть храма, в которой находится престол. Изначально алтарем назывался собственно престол, впоследствии, когда восточная часть храма стала отделяться иконостасом, название алтарь распространилось на всю отделенную иконостасом часть храма. В алтаре находятся престол, жертвенник, епископская кафедра,

• *жертвенник* – стол в левой стороне алтаря православной церкви, на котором священнослужители готовят просфоры и вино для обряда причащения; **Table of oblation.**

Подводя итоги, следует отметить, что при выборе того или иного эквивалента нужно учитывать совпадают или не совпадают денотативные значения терминов, традиционное написание имен собственных, либо, если мы имеем дело с реалиями, то лучше прибегать к практической транскрипции с параллельным подключением или калькированию. В редакции текста перевода принимали непосредственное участие Патрик Гудман и Донна Томмарсон. Их внимание было сосредоточено на языковой стороне перевода с учетом экстралингвистических особенностей православных текстов.

Перевязко М.С. EVENT-дискурс

Тема Event-менеджмента сейчас активно затрагивается на всех уровнях личной и профессиональной деятельности современного человека, живущего в обществе потребления. Естественно, что осмысление этого понятия как особого вида деятельности приходит не сразу, да и не ко всем. Этот тот вид деятельности, с которым сталкивался ка-

³⁵⁸ Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie) / Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 176 с. – С. 20.

ждый член социума. Мы настаиваем на наличии понятия «общества» в определении event-менеджмента, так как частное непубличное мероприятие в жизни человека необходимо относить к иным категориям, например, таких как ритуал.

Как уже было сказано, управление тем или иным событием хоть раз в жизни брал на себя каждый индивид. С этим связан ряд проблем в вычленении event – менеджмента в отдельную профессиональную деятельность и дилетантство большинства действующих на рынке компании по организации event-ов. Мы обязательно затронем эти и другие проблемы event сферы предметно, а теперь хотелось бы обозначить вопросы, которые мы будем рассматривать в данной работе.

Хотелось бы обратить Ваше внимание и обосновать наличие такого понятия как event-дискурс. Дискурс как термин активно функционирует в научном обиходе таких дисциплин, как лингвистика и социология. В рамках социологии он связан, в первую очередь, с понятием идеологии. Идеология в последние годы становится и объектом мультидисциплинарных исследований. Ван Дей, активно придерживается этой позиции.

В данной работе дискурс представляется как жанр, основываясь на определениях, выведенных профессором Ван Дейком. Как бывает научный, политический, с чем уже согласилось мировое сообщество, так и в последние несколько лет упрочняет свои позиции, пока еще не получившее огласку понятие event-дискурс.

Таким образом, в данной работе мы хотели бы остановиться именно на информационно коммуникативной системе и определенном языке общения – дискурсе речи, процессах языковой деятельности и сопутствующих ей контекстах event деятельности. Дать представление об участниках, установках, особенностях event-сообщества, как на уровне коммуникации с артистами, так и на уровне дискурса подачи материалов об event-е в СМИ.

Использование всех видов коммуникации в случае event-менеджмента напрямую зависит от целевой аудитории мероприятия. Вербальный и невербальный обмен информацией разнятся в зависимости от охвата, профессиональной, социально принадлежности лица или группы лиц. В рамках данной мысли мы можем говорить о том, что с позиции семиотического подхода event-менеджмент схож с таким же подходом PR-дискурса – «это динамически активная знаковая система, формирующая единое смысловое поле в коммуникативном пространстве между организацией и группами общественности» (О.Ф.

Русакова). Только в отношении event-деятельности мы будем говорить не об организации, а о проекте.

В связи с этим, необходимо разобраться с какими аудиториями будет происходить контакт на всех этапах event-деятельности. Оговоримся сразу, под деятельностью, мы будем понимать работу над одним, конкретным проектом.

Аудитории event-менеджмента:

- invest relations (отношения с инвесторами),
- government relations (отношения с властными структурами),
- press relation (отношения со СМИ),
- employment relations (отношения с сотрудниками),
- community relations (отношения с обществом)/

В процессе event-деятельности формируются смысловые поля коммуникации, определенный продукт символического и утилитарного характера. Свойства такого продукта зависят от видов знаков, ценностей, установок, символов, которые транслирует event-дискурс по отношению к конкретной категории. Таким образом, мы можем утверждать, что event-дискурс понятие широкое и подлежащее делению, исходя из целевой аудитории. И первостепенное значение приобретает профессионализм, коммуникативные и «экологичные» с культурологической точки зрения навыки event-менеджера.

Исходя и всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в рамках event-дискурса есть возможность выявить основные закономерности движения информации в рамках коммуникативной ситуации связанной с event-деятельностью. Нас интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности в event-сфере, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д.

Предполагается, что коммуникация в данном случае, обусловлена предметной сферой event-дискурса, а также соответствующими ей социальными институтами. Подобного рода понимание, безусловно, также является в сильнейшей степени социологическим. В данной работе определение **какой** (event) дискурс будет рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, на то, как социальный агент «event-менеджер» проявляет себя в коммуникативных формах.

Смелянская И.А. БАНКОВСКИЙ ДИСКУРС

Важнейшим элементом современной экономической системы является банковское дело. Банк как важнейший социально-экономический институт играет значимую роль в широком контексте общественной жизни.

Основополагающими признаками выделения типов дискурса являются общественный институт, цель и участники общения. Каждый институт имеет свою упорядоченную, устойчивую и специфичную структуру, а базовыми участниками институционального дискурса являются институт или его представитель, с одной стороны, и его партнер по коммуникации в определенной сфере деятельности.

В основу исследования банковского дискурса была положена модель рассмотрения институционального дискурса, предложенная В.И. Карасиком.

Банковский дискурс определяется как вербализация интерактивного институционального общения в заданных рамках статусно-ролевых отношений «банк-клиент». Дискурс определяется рядом важнейших факторов, среди которых участники общения, хронотоп, концепты и ценности, цели и стратегии, прецедентные тексты, дискурсивные формулы и жанры текстов.

Определяя границы банковского дискурса, мы включаем в него различные институциональные формы общения, субъект и содержание которого относятся к сфере банковской деятельности, например, банковские документы, годовой отчет о деятельности банка, фирменный банковский проспект, консультация в банке, репортаж о спонсорском проекте банка, реклама банковских услуг и т.п. Таким образом, банковский дискурс представляет собой сложное многомерное образование, состоящее из множества элементов, находящихся в определенных взаимоотношениях друг с другом.

В соответствии с основными направлениями деятельности банковского учреждения (коммерческим и социокоммуникативным) в рамках банковского дискурса нами выделяются две сферы институционального общения: деловой и социально-информационный дискурс. Последний включает в себя PR-дискурс и рекламный дискурс, которые противопоставляются друг другу по ряду критериев: объекту, цели, адресату, стратегии, технике коммуникации и временному периоду воздействия.

PR-дискурс понимается нами как форма коммуникации между банком и общественностью с целью информирования о деятельности данного института, а также с целью формирования его положительной репутации и определенного стереотипа восприятия в массовом сознании и включает ряд PR-жанров. Рекламный дискурс в отличие от PR-дискурса представляет собой форму коммуникации банка и потребителя с целью продвижения рекламируемой услуги на рынке.

Участниками банковского дискурса являются банк как самостоятельный субъект в общественно-экономическом и коммуникативном плане и социопрагматически связанный с ним коммуникант, например, другой банк, реальный или потенциальный клиент, сотрудник банка, СМИ и т.д.

При этом ядро банковского дискурса составляет профессиональное общение участников коммуникации, реализующееся в следующих вариантах: банк ↔ банк, банк ↔ реальный клиент, банк ↔ сотрудник банка, банк ↔ акционер, банк ↔ инвестор.

На периферии банковского дискурса находится социально-информационное общение участников коммуникации, конкретизирующееся в его подвидах следующим образом:

1. PR-дискурс:

- банк ↔ внешняя общественность (банк ↔ общественные и государственные институты, банк ↔ финансовые круги, банк ↔ СМИ, банк ↔ акционеры, банк ↔ инвесторы, банк ↔ реальные клиенты, банк ↔ потенциальные клиенты, банк ↔ потенциальные сотрудники банка, банк ↔ местная общественность),

- банк ↔ внутренняя общественность (банк ↔ сотрудники банка),

2. Рекламный дискурс:

банк ↔ потенциальный потребитель банковских услуг, банк ↔ реальный потребитель банковских услуг.

Хронотопом банковского дискурса (или прототипным местом общения базовой пары его участников) является банк в рамках установленных дней и часов работы, однако активное использование современных технологий в банковском секторе сделало возможным круглосуточную и нелокализованную коммуникацию клиента с банком. Время и место общения периферийных участников банковского дискурса четко не очерчены, то есть коммуникация между банком и представителем внешней или внутренней общественности может состояться в

любой официально-деловой или повседневно-бытовой обстановке, подходящей для реализации целей и стратегий банковского дискурса.

На основании анализа тематики и содержания текстов специальной литературы по банковскому делу, публикаций в СМИ о банках и банковской деятельности, web-сайтов банков, а также рекламных и PR-публикаций банков были определены следующие ключевые концепты банковского дискурса: «банк», «клиент», «деньги», «банковские услуги».

Ценности банковского дискурса, которые определяются ценностями соответствующего общественно-экономического института, могут быть сформулированы в следующем виде: признание основных идей рыночной экономики; проведение денежно-кредитной политики в соответствии с приоритетами экономических и политических целей страны; осуществление эффективной хозяйственной деятельности; ответственность перед клиентами, акционерами, собственным персоналом; выполнение условий контрактов; соблюдение банковской тайны; уважительное отношение к клиентам.

Основная коммуникативная цель банковского дискурса заключается в установлении отношений определенного типа между банком и партнером по коммуникации. Другими словами, цель коммуникации в рамках банковского дискурса, как и в рамках любого институционального дискурса, состоит в регулировании поведения партнера и стремлении повлиять на его сознание.

Достижение главной стратегической цели банковского дискурса осуществляется путем реализации целого комплекса задач в рамках профессиональной и социокоммуникативной деятельности банка. В последней выделяются следующие задачи: информирование населения о деятельности банка и предлагаемых им услугах; формирование положительного стереотипа восприятия банковского учреждения в массовом сознании; установление и поддержание интерактивных коммуникативных отношений между банком и общественностью и др.

Классификация письменных жанров банковского дискурса включает следующие жанровые группы:

1. Официально-деловые жанры, корпус текстов которых реализует функции сообщения и предписания (различные документы, служащие для регулирования деловых отношений банка с клиентами),
2. PR-жанры, основная функция которых – информативная, тесно переплетающаяся с воздействующей функцией (разнообразные PR-сообщения, представляющие собой инструментальный социальный взаимодействие банка с общественностью с целью создания и управления

имиджем банка в массовом сознании, эмитентом которых является непосредственно сам банк, а также масс-медийные публикации, которые банк также использует для взаимодействия с общественностью),

3. Рекламные жанры, в которых реализуются воздействующая и информативная функции (разножанровые рекламные сообщения, являющиеся основным средством регулирования потребительского поведения партнера по коммуникации).

Соломатин Б.Б.

АНАЛОГОВЫЙ И ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС

Аналоговая и цифровая фотография прежде всего являются двумя ярко-выраженными этапами развития инструмента художника. В этом процессе можно проследить определенную цикличность, возврат к пройденному на новом уровне, примерами могут служить путь от элитарности к элитарности, путь из дома в дом.

Аналоговая фотография – это этап повышения образования, развитие художественного вкуса. Возникли семейных архивов, началось визуальное сохранение истории быта, истории временной атмосферы.

Цифровая фотография, прежде всего, это шаг развития технологий, результат научного прогресса. Как следствие – упрощение пользования, общедоступность, отражение понижения качества образования, культурных ценностей, понижение художественной ценности фотографии.

Если определить аналоговую и цифровую фотографию как два этапа развития некоего изобразительного инструмента, то на первом этапе относительная сложность получения снимка дает благотворительный эффект. Соблюдение определенных технических норм и требований, несовершенство конструкции не позволяют пользоваться инструментом, не пройдя определенного обучения, конечно, гораздо меньшего обучения, чем, скажем, пользование кистью, карандашом и т.д. Но все же обучения. Мало того, люди, занимающиеся фотографией, должны были, как правило, осуществлять весь процесс от постановки кадра до его печати. Этому способствовало (особенно в нашей стране) неразвитая сеть печатных салонов (их практически не было до 90-х годов прошлого века). В свою очередь все вышеперечисленное создавало довольно высокую ценность каждого кадра в отдельности. Все это в целом приносило определенные плоды в развитии общества как такового. Относительная строгость и дисциплина давали положи-

тельные плоды в других областях деятельности. Постепенный процесс улучшения и удешевления фотографических аналоговых камер (при сохранении всей цепочки производства снимка) способствовал доступности фотографии и проникновению ее в массы, что благотворно влияло на общество.

Конечно, у кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, не это важно. Важно то, что большая масса людей получила возможность создавать художественные произведения, не тратя на это произведение тех усилий, которые, скажем, тратил художник, изображая пейзаж, портрет. В то же время создание фотоснимка требовало приложения к этому неких усилий и технических знаний, что благотворно влияло как на отдельную фотографию, так и на отдельного фотографа в целом, как следствие повышения образованности и культуры в массе.

С началом эры цифровой фотографии наступил этап деградации масс. Цифровые технологии пришли к нам в дом. Фотография стала простой и доступной. Весь процесс стал на удивление простым и необременительным: не надо смешивать химикаты, не надо часами сидеть в темной ванной комнате. Достаточно нажать кнопку. На этом этапе уже некорректно говорить лишь о цифровой фотографии. Цифровая технология превратила фотографию из отдельного организма всего лишь в орган. Но это отдельная тема для разговора. Общедоступность плюс простота технологий дали в результате ощутимую, если не сказать катастрофическую, потерю в качестве. Появилось огромное количество неинтересных, безвкусных, да и просто бездарных кадров. Фотография из искусства стала превращаться в занятие сродни забиванию козла. Упрощение технологий, производства сведение до минимума ручного труда, все эти блага принесли довольно неприятный эффект – падение общего художественного уровня. Падение содержательности и ценности конечного продукта. Все это является отражением общих устрашающих тенденций общества: падение культурного и образовательного уровня, что приводит к еще большему разрыву между интеллектуальной элитой и основной массой населения. Таким образом, с вхождением в силу эры цифровой фотографии можно отметить завершение определенного витка развития общества. И действительно, мы видим некое замыкание в процессе.

Если в начале своего развития фотография была делом единиц профессионалов, затем она проникла в массы и вернулась к единицам, являющимися действительными мастерами своего дела. Так же изготовление конечного снимка из самодельной фотомастерской в ванной

комнате вернулось на письменный стол, в фотографический принтер. Плюс к этому цифровая фотография дала то, что называется «вера в чудо». Вера в то, что каждый индивид может купить цифровую камеру, сделать снимок, поместить его в интернет и «о чудо!», произойдут некие волшебные действия, которые приведут к счастливой и беззаботной жизни, а также ко всеобщему уважению и почету.

Сухогузова О.Е.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА

МОЛОДЕЖНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Современное российское общество оказалось перед лицом вызова со стороны идеологии и практики экстремизма, составными элементами которого выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм и фашизм.

Одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп является молодежь. Сегодня молодежный экстремизм выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам поведения, к закону в целом, появлении неформальных молодежных объединений противоправного характера. Экстремисты нетерпимы к тем гражданам России, которые принадлежат к другим социальным группам, этносам и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей.

Известно, что молодежи свойственна психология максимализма. Деструктивные силы используют эту возрастную особенность в экстремистских целях, нередко пытаясь под предлогом якобы патриотического воспитания навязать молодежи радикальные идеи. К сожалению, численность радикальных экстремистских объединений молодежи с каждым днем увеличивается. Растет и количество преступлений, порожденных социальной или этнической враждой.

Принятие в 2002 году Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» не только актуализирует проблему, но и заставляет рассматривать молодежные организации в новом ракурсе.

Законодательство Российской Федерации по противодействию экстремистской деятельности основывается на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права. Основным нормативным актом, определяющим правовые основы борьбы с экстремизмом, является Федеральный

закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года, которым определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также установлена ответственность за ее осуществление.

Понятие политического экстремизма тесно связано с понятием «политический радикализм». Существует тенденция к употреблению этих понятий просто как синонимов, что может привести к серьезным нарушениям прав и свобод граждан, когда радикальные идеи и экстремистские высказывания будут приравняться к терроризму.

Наиболее распространенным является определение политического экстремизма как приверженности к крайним формам и методам политической деятельности, признание насилия. Однако такое определение нельзя назвать полным, поскольку оно не объясняет, что такое «крайние» формы и методы.

Понятие экстремизма и экстремистской деятельности не принадлежит только политической науке, но и является ключевым юридическим понятием Федерального закона РФ от 25.07.02. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Терминологическая путаница «экстремизма» и «радикализма» возникает потому, что данные понятия находятся в логическом отношении вида и рода, если речь идет о субъекте политического процесса. Каждый политический экстремист является политическим радикалом, так как применяет решительные действия для достижения коренных изменений. Но не каждый политический радикал является при этом политическим экстремистом можно выдвигать самые смелые реформистские планы, но при этом не нарушать правовые и нравственные устои общества.

По мнению экспертов, тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена недостаточно эффективной реализацией государственной молодежной политики. В результате часть молодежи попадает под влияние чуждых нам идеологических установок, что приводит в ряде случаев к восприятию государственных органов как врага, а не партнера. На этом противодействии основана вся идеологическая работа с молодежью.

Ключевыми понятиями рассмотрения проблематики экстремизма в молодежной среде для современного российского общества являются: негативная этническая идентичность, межэтническая напряженность, нетерпимость, национализм, расизм, шовинизм, фашизм, ксенофобия.

Важным проявлением экстремизма как социокультурного феномена выступает нетерпимость (интолерантность). Экстремисты крайне бескомпромиссно проводят границы между «своими» и «чужими» в обществе. Экстремисты воинствующе нетерпимы к членам общества, принадлежащим к «чуждым» социальным группам, исповедующим иные политические взгляды, экономические, эстетические, моральные, религиозные идеи, имеющим другой цвет кожи или этническую принадлежность.

Дети и молодежь в силу своих психологических особенностей порой не способны объективно воспринимать подаваемую им информацию. Поэтому особенно высоки требования к уровню социальной ответственности специалистов, работающих в СМИ.

В распространении экстремистских идей и взглядов в современных условиях очень велика роль информационной среды.

Необходимо отметить, что решение проблем экстремизма в молодежной среде исключительно силами правоохранительных органов невозможно. Эта задача требует целого комплекса организационных, правовых, профилактических, воспитательных мероприятий, совершенствования взаимодействия государственных органов и общественных организаций.

Политический экстремизм является неотъемлемой частью и этапом развития радикальных политических идей. Экстремизм выражает политическую установку радикализма достижения цели методами, выходящими за рамки привычного. Экстремизм ставит под сомнение высшую ценность человека, как такового.

Приоритетом в борьбе с экстремизмом молодежи должно стать устранение причин и условий, способствующих девиантному поведению. К таким сегодня следует отнести в первую очередь снижение роли семьи, авторитета родителей, семейное неблагополучие и жестокое обращение с детьми.

Не меньшее значение имеет утрата обществом духовных ценностей и нравственных ориентиров. И, как следствие, пропаганда насилия, наркотиков и преступных способов обогащения, в том числе и через СМИ. Все это вызывает у несформировавшейся личности озлобленность, нетерпимость и порождает агрессию.

К сожалению, XXI век имеет все шансы стать веком экстремизма. Молодежный экстремизм – это асоциальное течение в молодежной среде. Оно основано на поведенческих стратегиях экстремального характера. А экстрим во многом определяется социально-психологическими особенностями молодежи. Поэтому, безусловно, огромную роль в про-

филактиве молодежного экстремизма призвано сыграть государство, а также учреждения образования и культуры.

Тарасова О.В.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ В СТРАТИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Термин «стратификация» пришел из геологии, где он обозначает расположение пластов Земли по вертикали. Соотнесение строения общества строению Земли разместило социальные слои (страты) также по вертикали. Основанием служит уровень доходов: бедняки занимают низшую ступеньку, зажиточные группы населения – среднюю, а богатые – верхнюю.

Доходы населения – это, безусловно, существенный признак социальной стратификации. Но существуют и другие индикаторы, позволяющие выстраивать стратификационные модели. В ходе радикальных социально-экономических трансформаций, происходящих в России в последнее десятилетие XX века, исчезли прежние классы, возникали и исчезали новые социальные группы. Этот период характеризуется повышенной социальной мобильностью, неустойчивостью групповых солидарностей. После катастрофического августа 1998-го года и оживления отечественной экономики, связанных с дефолтом и благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, социальная мобильность несколько снизилась. Появляются относительно устойчивые социальные группы, обладающие общностью интересов и социальных стратегий. Значительная часть этих групп определяет себя за рамками легальной структуры социальных институтов, в неформальной сфере. Использование для их фиксации и описания традиционных размерностей, характеризующих устойчивое состояние общества, зачастую не дает позитивного результата. Все более широкий круг исследователей приходит к выводу, что картину социального расслоения в трансформированном обществе можно получить только на основе косвенных индикаторов. Такие косвенные индикаторы и обнаруживаются в сфере туризма. Туристическая деятельность включается в контекст статусно-конвенциональной теории общества. Туризм здесь рассматривается как элемент престижного потребления. «Прямая» функция туризма – организация отдыха, восстановление сил и здоровья –

отстывает перед его социокультурной функцией. Приобретение «дорогого» тура для россиянина, прежде всего, демонстрация собственного социального статуса. Однако в силу существующего рассогласования социальных статусов речь идет не столько о реальном положении человека в социальном пространстве, сколько об его идеальном представлении, о последнем.

Туризм как самостоятельный феномен только складывается в России. Следует заметить, что отечественная туристическая деятельность имеет свою историю.

Наиболее массовой туристской организацией в дореволюционной России стал Русский тулинг-клуб в Петербурге, основанный в 1895 году и позже преобразованный в Российское общество туристов (РОТ). РОТ было членом международной туристской лиги.

В 1901 г. по инициативе директора Московско-Казанской железной дороги А.К. фон Мекка в Москве было создано «Русское горное общество» с отделениями в Пятигорске, Владикавказе, Сочи. Его основателями были В.И. Вернадский, П.П. Семенов Тян-Шанский.

Но основной массе населения России туристские поездки были недоступны. В нашей стране, где городское население было тесно связано с крестьянской культурой, сложились собственные традиции проведения отпусков. Отпуск устраивался на время сельскохозяйственных работ.

После первой русской революции в стране наступил период относительной стабильности и экономического роста. Появились общественные организации, занимающиеся социально-ориентированным туризмом. Земства предлагали познавательные поездки за границу представителям малооплачиваемых групп интеллигенции (учителям, земским врачам) по умеренной цене.

После 1917 года туристско-экскурсионная деятельность в стране была продолжена, но характерной чертой туризма стало подчинение его целям и задачам государства. Государство осуществляло полный контроль над международным туризмом. До конца 80-х годов XX века действовала распределительная система поездок за границу, при которой у людей не было выбора. В советские годы поездка за границу, даже при наличии мощнейшего концерна «Интурист», мало походила на «обычный» туризм. Это была политическая акция или форма вознаграждения гражданина за политически правильное поведение. Поскольку поездка за рубеж с легкостью окупалась привезенными «оттуда» предметами ширпотреба. Здесь содержался зародыш «шоп-

туризма», расцветшего в 90-е годы. Практически же население Советского Союза достаточно четко делилось на тех, кто мог выехать за рубеж и тех, кто к этому не был допущен.

В 90-е годы ситуация резко изменилась. Исчезает «железный занавес» и «простой советский человек» получает возможность побывать там, куда раньше допускалось лишь высокое партийное начальство. Однако с советских времен остался важнейший социальный смысл туризма, который отсутствует на Западе. Туризм – это элитное времяпрепровождения. Человек в ходе туристической поездки репрезентирует идеальное представление о себе, своем месте в мире, свою цель. Поэтому туризм является важнейшим средством самовыражения.

В последнее время объем туристических услуг в нашей стране упал. На долю нашего государства приходится менее 1% мировой туристской продукции. Около 80% населения реализует свой отдых, не прибегая к услугам этой сферы. Причины известны. Чтобы увеличить спрос, необходимо сделать туризм общедоступным.

На данный момент такой способ проведения досуга как туризм доступен лишь состоятельным гражданам. Эксклюзивность отдыха, материальные затраты на отдых – вот те опознавательные знаки, которые стратифицируют человека, без обнародования его состояния в рейтинге журнала «Форбс».

Сегодня появились новые критерии эксклюзивности туристического отдыха.

Во-первых, это территория, место, выбранное для времяпрепровождения; во-вторых, достопримечательности; в-третьих, особые виды транспорта; в-четвертых, рискованные развлечения; в-пятых, предельно индивидуализированный вид тура.

Богатые туристы обеспечивают четверть дохода туристических фирм, а выбор туров поражает своей изобретательностью.

Популярностью пользуется путешествие на Южный полюс – 33.000 евро. Есть желающие облететь вокруг Луны за 100 млн. долларов. Появились первые космические туристы: в 2007 году в космос слетали американец и представитель Малайзии, а в 2008 году планируется запустить в космос туриста из Кореи. В ОАЭ строится космодром в часе езды от Дубаи, с которого будут стартовать туристы для путешествия в верхних слоях атмосферы.

Помимо экзотики, есть маршруты, пользующиеся спросом уже много лет. Самые дорогие туры – это Франция, Монако, Мальдивы. Модно и представительно отдохнуть на Атлантическом побережье, где

стоимость номера в сутки 300–400 евро для самых скромных посетителей. Богатые россияне активно покупают путевки в Индонезию, на Бали, на Карибы, на Кубу, в Доминиканскую республику.

В последние годы Италия и Испания не сохранили своей популярности. Это объясняется тем, что многие состоятельные люди уже купили там недвижимость.

Для малоимущих слоев по-прежнему пределом возможностей остается Турция и Египет. Надо заметить, что в последние годы сервис и вопросы безопасности в этих странах оставляют желать лучшего.

Туризм есть косвенный показатель новой социальной стратификации общества. Туризм, как элемент престижного потребления, соотносится с представлениями человека о желаемом социальном статусе. Выбирая тур, социальный агент репрезентирует себя как члена определенной социальной группы, реализует свои статусные притязания путем осуществления акта демонстративного потребления.

Биктуганова М.Ю. РОЛЬ СИМВОЛА В СОЗДАНИИ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА

Туризм сегодня – это динамично развивающаяся отрасль экономики. Возрастание конкуренции, коммерциализация туристической деятельности привели к необходимости скорейшего внедрения основных элементов маркетинга в практику работы туристического предприятия. С точки зрения экономического подхода одним из компонентов маркетинга и механизмом конкурентной борьбы на рынке с избытком продукции является реклама. Она обеспечивает успех предприятия в конкурентной борьбе.

Стремление привлечения турфирмой большего числа клиентов – стратегический курс вхождения в глобальный туристический рынок с его специфическими законами и требует развития привлекательности фирмы для стратегических инвесторов. Фирма заинтересована в поиске таких услуг, которые будут выгодно отличать ее от конкурентов. Поэтому существует необходимость вырабатывать стратегию представления товара и его уникальности, что возможно благодаря созданию образа в сознании потребителей.

Визуализация является наиболее универсальным средством для создания рекламных образов и воздействия на массовое сознание.

Визуальный символ – это конкретный образ, предстающий перед потребителем с помощью различных средств и технологий современной рекламы в телевизионном клипе, наружной рекламе, объявлении в прессе и т.д. К примеру, использование логотипа формирует у потребителя интерес и акцентирует его внимание к торговой марке в целом, а узнаваемый логотип и притягательный имидж интересны с точки зрения экономической прибыли.

Логотип – (от греч. Logos – слово, typos – отпечаток) – специально разработанное оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы (или группы товаров данной фирмы), которое регистрируется и используется в строго определенных целях. Это один из классических видов товарного знака, элемент фирменного стиля, фирменная цифровая надпись, представляющая собой оригинальное начертание наименования рекламодателя. Логотип может иметь комбинацию из начальных букв, представляющую собой сокращенное название какого-либо учреждения или фирмы.

В логотипе-символе особенно ценна достоверность в передаче тончайших нюансов – от описания природы до жизненной ситуации в синтезе с видом предлагаемой туристической деятельности. Разработка логотипа требует серьезной работы: при сжатости формы предъявляются повышенные требования к глубине содержания.

Символика имеет важное коммуникационное значение. Туризм – форма межкультурной коммуникации, независимо от того осознает это путешественник или нет. Мотивы путешествий и содержание коммуникативной деятельности концентрируется вокруг различных феноменов культуры. Путешественник вступает в диалог со своим прошлым, пытаясь там узнать себя, достроить настоящее идеями и фрагментами культурных символов прошлого.

Реклама эксплуатирует многозначность символа, позволяющую выстраивать смысловые перспективы.

Обычно объектом современной рекламы является не столько продукт, сколько бренд – комплекс рациональных убеждения и эмоциональных восприятий, связанных в сознании потребителя с данным продуктом или услугой.

В связи с тем, что туристические фирмы предоставляют по сути одни и те же услуги, важной составляющей успешной работы туристического бизнеса является формирование собственных брендов.

В качестве обозначаемого в рекламном символе выступает не материальный продукт, а концепция его представления целевому потре-

бителю, заложенная в основу рекламного сообщения, составляющая его основное содержание и отличающая рекламируемый продукт от других аналогичных продуктов на рынке.

Символические построения обеспечивают устойчивые ассоциативные связи и создают уникальную систему метаязыка рекламы, определенного бренда. Удачно выстроенный и успешно декодированный аудиторией символ часто становится идентификацией бренда, обеспечивая ему оригинальную, ни на что не похожую форму, которую можно заполнять самым различным содержанием.

Символы способны наделять бренд новыми, не присущими ему свойствами. Именно они заставляют людей относиться к неодушевленным предметам как к живым существам.

С помощью символов, используемых в рекламе, может создаваться эффективная рекламная коммуникация. На уровне формы в рекламе выступают все визуальные, вербальные, звуковые, цветовые элементы, с помощью которых создается образ рекламируемого объекта.

В отличие от существования символа в жизни, рекламный символ существует не сам по себе, а во взаимосвязи формы и обозначаемого ею объекта. В рекламной коммуникации могут использоваться только формы, существующих символов, наделяемые новым содержанием, или целые комплексы смыслов, приспособляемые для достижения рекламных целей. Особенность любого рекламного символа – его конвенциональность. В рекламе конвенциональность символа играет важную роль. Знакомые символичные формы, приписанные конвенцией к определенному предмету в окружающей нас реальности, будучи включенными в рекламное сообщение, позволяют адресату рекламы быстро и уверенно интерпретировать ее значение.

Благодаря своей конвенциональности, символ не просто застывает в одном значении – он становится источником формы для рекламного символа.

В процессе создания рекламного образа туристического продукта важную роль играет символ, который углубляет и расширяет его содержание, открывает его новые горизонты, раскрывает новые возможности образа в сознании у потребителей. У М. Мерло-Понти можно встретить высказывание, что посредством образов человек «выходит» в мир, говоря о символе, можно добавить, что посредством символов человек «входит» в смыслы мира.

Символы не только усиливают важность объекта, но вызывают и поддерживают эмоции в целевой аудитории, позволяют установить

обратную связь с субъектом коммуникации, благодаря чему возможно сохранение и поддержание интереса к услугам, предлагаемым туристическими фирмами.

Никифорова Ю.В.

СОЗДАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ЕДИНОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ОСНОВЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

С изменением политической системы в России существенные перемены претерпела и деятельность органов власти. На нее значительное воздействие стала оказывать новая модель отношений государства и общества, новая система законодательства о средствах массовой информации, освободившая их от цензуры и предоставившая им широкие возможности для сбора и распространения информации. В стране начало активно формироваться гражданское общество: «в теории конституционного права, – это совокупность отношений в сфере экономики, культуры и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества...»³⁵⁹.

Помимо этого подверглось трансформации и само лицо власти, провозгласившей своим ведущим принципом в условиях демократии – принцип открытости.

Все эти процессы актуализировали проблему взаимопонимания, как между субъектами гражданского общества, так и непосредственно с государством. Вследствие этого также обострился вопрос принятия чужих позиций в ущерб своим.

Таким образом, возникла потребность в системе, которая обеспечивала бы взаимопонимание и нахождение консенсуса в случае возникающих разногласий между властью, общественными организациями и бизнесом (последние два взяты как представители в сферах, соответствующих их деятельности: социальной и экономической).

Эта система во многом основана на информационной политике перечисленных выше субъектов. В данном случае под информационной политикой понимается «особая сфера жизнедеятельности людей (политиков, ученых, аналитиков, журналистов, слушателей и читателей и т.д.), связанная с воспроизводством, распространением и по-

³⁵⁹ www.slovari.yandex.ru.

треблением информации, удовлетворяющая интересы государства и гражданского общества и направленная на обеспечение творческого, конструктивного диалога между ними»³⁶⁰.

Однако ту же систему можно представить в виде единого коммуникационного пространства, создание которого основано на дискурсе-анализе.

С точки зрения данного подхода три существующие субъекта (власть, общественные организации, и бизнес-структуры) обладают своими дискурсами. В процессе коммуникации субъектов друг с другом возникают еще три дискурса, основанных на интеграции индивидуальных дискурсов каждого: например, дискурса органов власти с дискурсом бизнес-структур. В итоге получается система, состоящая из функционирования нескольких разных по своей специфике дискурсов. При этом наличие индивидуальных особенностей каждого дискурса приводит к появлению противоречий, непониманий и т.д.

Таким образом, для их устранения необходимо создание единого дискурса на основе изучения специфики индивидуальных дискурсов каждого субъекта. И первым шагом в создании такого дискурса может быть анализ дискурса органов власти. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, наличие конституционного строя, согласно которому государство является основным гарантом соблюдения гражданских свобод. Во-вторых, выборность органов власти, зависящая от общественного мнения, носителями которого являются остальные субъекты гражданского общества.

Волкова Р.Г.

СУДЕБНОЕ ОСПАРИВАНИЕ ГРАЖДАНАМИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА КАЧЕСТВО РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Региональное законодательство формируется на основе полномочий, предоставленных субъекту Российской Федерации Конституцией Российской Федерации³⁶¹. Являясь элементом системы законодательства Российской Федерации, региональное законодательство оказывает

³⁶⁰ Попов В.Д. Информационная политика. – М., 2003. – С. 436.

³⁶¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.), (ред. 21.07.2007 г.). Ст. 5. // Российская газета, 25.12.1993 г.

непосредственное влияние на целостность и эффективность функционирования правового пространства государства, поэтому к качеству составляющих его нормативных правовых актов предъявляются высокие требования.

Начиная с 2000 года на федеральном уровне сформировалась и действует система контроля за качеством нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, проводится активная работа по приведению регионального законодательства в соответствие с законодательством федеральным. Особая роль в этом процессе принадлежит судам. Ни один суд не вправе возбудить дело об оспаривании регионального нормативного акта по собственной инициативе. Для этого суду необходимо получить соответствующее заявление. В качестве заявителей могут выступать как юридические, так и физические лица.

В последние годы в Российской Федерации активно применяется судебное оспаривание нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации – как реальный и наиболее доступный способ воздействия граждан на качество регионального законодательства.

Согласно ст.46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и обеспечивается возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц. Конституционные предписания детализируются в законах Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Правом на обращение в суд с оспариванием нормативных актов субъекта Российской Федерации обладает любой гражданин считающий, что оспариваемый акт противоречит нормативному акту более высокой юридической силы и нарушает его права и свободы, предусмотренные Конституцией и другими законодательными актами Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации» (п. 5 ст. 27)³⁶² граждане могут обжаловать в суд любые нормативные акты субъекта Российской Федерации, нарушающие их права и свободы.

³⁶² Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, №42, ст. 5005.

4. Гражданин вправе оспорить нормативный акт субъекта Российской Федерации в Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации, в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд.

В соответствии с п.4 ст. 125 Конституции Российской Федерации и п.3 ст.3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»³⁶³ Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод проверяет конституционность закона (в том числе субъекта Российской Федерации), примененного или подлежащего применению в конкретном деле.

Конституционный Суд Российской Федерации разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Граждане, чьи права нарушаются нормативным актом субъекта Российской Федерации примененным или подлежащим применению в конкретном деле вправе обратиться в конституционный (уставный) суд соответствующего субъекта Российской Федерации, в которых он есть, с заявлением о проверке соответствия такого акта его конституции (уставу). Механизм реализации этого права определяется каждым субъектом самостоятельно.

В соответствии со статьей 245 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суды общей юрисдикции проверяют законность нормативных актов во всех случаях, когда это не отнесено к компетенции иных судов³⁶⁴. При этом следует особо отметить, что законность конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, в силу их особого правового статуса, не может быть подтверждена никаким иным судом, кроме Конституционного Суда Российской Федерации, несмотря на то, что они являются региональными нормативными правовыми актами и действующее процессуальное законодательство не содержит исключений или прямого запрета про-

³⁶³ Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, №13, ст. 1447.

³⁶⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №30, ст. 3012.

верки их на соответствие федеральному законодательству судами общей юрисдикции³⁶⁵.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 года, предоставил арбитражным судам ранее отсутствовавшее право рассматривать дела об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда (п.1 ст.29).³⁶⁶ Заявителями при этом могут выступать не только организации, но и граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Во всех случаях право граждан, нарушенное изданием незаконного нормативного правового акта, подлежит восстановлению. Решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, или недействительными не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в предусмотренных федеральным законом случаях. Приведенные положения являются мощным стимулом для граждан, защищающих свои права, и способствующих тем самым выявлению незаконных нормативных правовых актов в системе регионального законодательства.

В настоящее время складывается тенденция повышения качества регионального законодательства, что подтверждается и данными Федерального регистра, свидетельствующими об уменьшении почти в два раза в 2007 году по сравнению с 2006 годом количества региональных нормативных актов, в отношении которых были приняты меры прокурорского реагирования, в том числе с обращениями в суд (1243 – в 2006 г. и 688 – в 2007 г.). Более чем в два раза за этот период времени уменьшилось и число нормативных актов, признанных судами общей юрисдикции и арбитражными судами не соответствующими федеральному законодательству и недействующими (250 – в 2006 г. и 100 – в 2007 г.)³⁶⁷.

³⁶⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2003 г. №13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, №30, ст. 3101.

³⁶⁶ Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №30, ст.3012.

³⁶⁷ Создан на основании Указа Президента Российской Федерации от 10.08.2000 г. №1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства российской федерации» // Собрание законодательства РФ, 2000, № 33, ст. 3356; <http://dostup.minjust.ru/search.asp>.

законодательству и недействующими (250 – в 2006 году и 100 – в 2007 году)³⁶⁷.

Приведенные данные позволяют сделать вывод об эффективности действующей системы контроля за качеством регионального законодательства и необходимости ее дальнейшего осуществления с использованием требующихся для этого средств и способов.

Сафинуллина Г.Д.
РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
КАЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ПЕРИОД ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ³⁶⁸

Исследуются проблемы характера участия прокуратуры в правотворческой деятельности органов государственной власти; определяются наиболее эффективные способы влияния на качество регионального законодательства из арсенала средств, содержащихся в законе о прокуратуре с практическими и научными выводами.

1. Законность и правопорядок являются основой стабильности любого современного государства, преследующего цели реализации, прежде всего, правовых начал в обществе. Существование в стране единой независимой системы органов, осуществляющей от имени государства надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов – показатель и гарантия обеспечения эффективности юридической деятельности в различных сферах общественной жизни. Особенно важно наличие законодательно предусмотренной возможности надзора за деятельностью самих государственных структур, осуществляющих властные полномочия. Такого рода функции осуществления государственного надзора за законностью в Российской Федерации принадлежат единственному органу –

³⁶⁷ Создан на основании Указа Президента Российской Федерации от 10.08.2000 г. №1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства российской федерации» // Собрание законодательства РФ, 2000, № 33, ст. 3356; <http://dostup.minjust.ru/search.asp>.

³⁶⁸ Статья подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом(проект РГНФ – «Урал 08-03-83311 а/У»).

прокуратуре³⁶⁹. Значимость функций, возложенных на прокуратуру, закрепляет ее статус как конституционного органа, что закреплено в главе 7 Конституции Российской Федерации «Судебная власть». В соответствии с пунктом 5 статьи 129 этой главы Конституции Российской Федерации полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются федеральным законом. Таким законом является федеральный закон от 17 января 1992 года № 168-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» (с последними изменениями от 24 июля 2007 года).

2. Наиболее весомая роль прокуратуры в обеспечении качества регионального законодательства в ее ведущей сфере «общего надзора» приходится на сферу опротестования нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в порядке, установленном для гражданского судопроизводства, то есть путем использования права обращения в суд с требованием о признании правового акта недействительным. Количество заявлений с участием прокурора, поданных в суд, остается выше количества протестов, принесенных прокуратурой непосредственно в представительные (законодательные) органы субъектов Российской Федерации. Однако эта статистическая информация не может служить основой для однозначного вывода. Дело в том, что в период с момента, когда в нашей стране началась административная реформа по сегодняшний день количество протестов, принесенных прокуратурой в органы государственной власти субъектов Российской Федерации резко возросло. Это говорит о том, что в России выявление нарушений на ранних стадиях надзора за законностью как результат реализации потенциала непосредственно прокурорского реагирования абсолютно является показателем эффективности мер, используемых государством в области обеспечения законности. Тому есть и политические, и юридические причины. Также необходимо подчеркнуть безусловную необходимость использования упредительных возможностей прокурорской системы на стадии

³⁶⁹ Отличие надзорных функций государственного органа от контрольных функций других государственных органов обсуждается в правовой литературе. Недавно изданная монография В.П. Беляева посвящена теоретическому анализу институтов контроля и надзора в современной России. В работе обосновывается уникальная природа надзора как способа воздействия на общественные отношения, основное предназначение которого не вмешиваться в оперативную деятельность поднадзорного объекта, добиваться его функционирования в рамках законодательства путем применения соответствующих мер по предупреждению и пресечению нарушений юридических норм // Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве. – М.: Проспект, 2005. – С. 126, 147.

нормотворчества, которая на практике, хотя и приносит не такие большие плоды, о чем не раз говорилось в научной литературе, тем не менее, является гарантом стремления и достижения в нашей стране единого конституционного пространства.

3. В связи с возрастанием и укреплением такой роли прокуратуры в обеспечении качества регионального законодательства можно смело сделать вывод о необходимости существования такой уникальной и независимой системы воздействия на юридическую сферу жизни в стране. Это во многом поможет дать верные ответы на вопросы, поставленные юридической наукой о необходимости или ее отсутствии наличия подобного контроля и его пределов за деятельностью законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации наряду с наличием судебного, административного и иных видов контроля за качеством применяемого права в России.

4. Особо следует подчеркнуть необходимость обеспечения качества регионального законодательства путем использования прокурорских проверок для целей гармоничного функционирования федеративного государства. Федеративное устройство России как государства и исторически сложившаяся особенность обилия нормативного творчества требуют эффективного государственного контроля за деятельностью властных органов для построения гармоничной системы нормативных правовых актов на федеральном и региональном уровнях.

Уфимцев В.В.

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Происхождение власти Мо-Цзы описывал следующим образом. Стремясь преодолеть социальный хаос (который делает людей похожими на диких зверей) и создать единую систему общественного правления, люди выбрали своим властителем самого мудрого и добродетельного человека Поднебесной, назвав его «Сыном Неба»³⁷⁰.

Из близкого Мо-Цзы взгляда на сущность политической власти исходил и Аристотель, утверждавший в своей работе «Политика», что

³⁷⁰ См.: более подробно: Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // ПОЛИС. 1996. – № 3. – С.109.

властный механизм необходим для организации и регулирования «общения между людьми», поскольку «верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления...»³⁷¹.

Но в раннюю эпоху истории политической мысли была замечена и обратная сторона феномена власти. Аристотель (а позднее Монтескье) указывал на опасность злоупотребления властью лиц, ею наделенных, использования ими властных возможностей для своей частной пользы, а не для общего блага. Рецепты преодоления властного отчуждения предлагались самые разные: от проектов «смешанной власти» (Полибий, Макиавелли), разделения властей (Локк, Монтескье), «сдержек и противовесов» (Джефферсон, Гамильтон) до идеи полной ликвидации системы государственно-публичной власти вместе с самим государством (Годвин и Штирнер, Бакунин и Кропоткин).

Но кроме официальной власти государства существуют и другие «полюса» силы, связанные с существующими параллельно иными источниками влияния: лоббистскими группами, партиями, корпорациями, масс-медиа и даже бандитскими мафиозными кланами.

Прежде чем рассматривать политические процессы и проблемы управления ими на региональном и муниципальном уровнях, дадим определение такому понятию как политический процесс. «Политический процесс – совокупная деятельность институционализированных и неинституционализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций в сфере власти, обуславливающих формирование и функционирование политической системы общества»³⁷².

Политический процесс имеет временные и пространственные параметры. Временные параметры представляют собой определенные циклы, каждый из которых воспроизводит лишь часть элементов и связей. Во всей полноте политическая система предстает лишь после совершения цикла своего самовоспроизводства.

Специфика категории «политический процесс» выражается, прежде всего, в том, что она сориентирована на отображении реальности, которая выстроена не в соответствии с теоретическими представлениями лидеров и предписаниями науки, а является совокупным результатом переплетения различных типов политического поведения групп и граждан и деятельности институтов

³⁷¹ Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 4, М., 1984. – С. 455.

³⁷² Политическая социология. Ростов н/Д, 1997. – С. 601.

власти³⁷³. В политическом процессе действуют живые люди, и действуют они не только рационально, а часто иррационально. Поэтому политический процесс не несет в себе какую-либо предопределенность, и часто не вписывается в какие-либо предписываемые ему заранее схемы.

В зависимости от объема применения политической воли, политические процессы подразделяются на внутривнутриполитические и внешнеполитические. Нас интересуют внутривнутриполитические процессы.

В своих конкретных проявлениях политические процессы выступают как революции, реформы, восстания, бунты, мятежи, путчи, политические кризисы, политические кампании, митинги, демонстрации, забастовки, политические конфликты, консенсусы, референдумы, выборы и так далее.

Поэтому в целом политический процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию политической системы, изменение ее состояний во времени и пространстве.

В соответствии с вышесказанным можно дать более точное и более полное определение политическому процессу. Политический процесс «представляет собой совокупность действий институализированных и неинституализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций в сфере власти, ведущих к изменению и развитию (или упадку) политической системы общества»³⁷⁴.

В условиях более полной фиксации динамики, эволюции политической системы, которую раскрывает категория «политический процесс», введем в оборот такую категорию как «политические образования». По аналогии с понятием «социальное образование», «политическое образование» мы будем характеризовать как сравнительно уравновешенное, кристаллизированное состояние, результат политического процесса. Это как бы сгусток, результат на какой-то определенный отрезок времени действия политического процесса. Введение такой категории как «политические образования» позволит лучше видеть, лучше «осознать» результативность, продуктивность или наоборот, разрушительность политического процесса.

Ход развития политических процессов в пореформенной России говорит об их крайней противоречивости и разнонаправленности.

³⁷³ См.: Основы политической науки. Учебное пособие. Часть II. – М., 1993. – С. 139.

³⁷⁴ Основы политической науки. Учебное пособие. Часть II. – М., 1993. – С. 140.

Политические реформы, направленные на демократизацию политической системы в начальный период их развития, стали затем сопровождаться центробежными тенденциями, стремлением к суверенизации республик и формированием и укреплением национальных кланов, национальных элит, стремящихся к своим корпоративным интересам, часто вразрез с коренными интересами народов, населяющих ту или иную республику.

Стремление к самоуправлению и демократизации, ниспровержению власти партийного аппарата, обернулось к концу 90-х гг. господством мафиозно-компрадорской плутократии, высочайшим уровнем коррумпированности чиновничьего аппарата.

Разрушение политических институтов авторитарной коммунистической политической системы с всевластным Политбюро и его генсеком и явно не полновластным Верховным Советом СССР, после ряда «хождений по кругу», обернулось созданием не менее централизованной политической системы во главе с Президентом, на фоне урезанных полномочий Федерального собрания как представительной власти.

Перераспределение государственной собственности и либерализация экономики и внешнеэкономической деятельности обернулись невиданным разграблением национальных богатств страны, рекордным спадом промышленного производства, гигантской криминализацией экономики.

Все это говорит о необходимости уделения внимания со стороны властных органов, социальных институтов проблемам управления социальными процессами, прогнозированию и направлению их в социально приемлемое русло.

Структура власти всегда, в конечном итоге, оказывается соответствующей традициям страны, ее национальной психологии, самосознанию, одним словом, менталитету как населения, так и самого управленческого аппарата.

Реформаторы же не зная Россию, не обращая внимания на ее традиции, самосознание, менталитет, предприняли очередную попытку поставить страну на западный путь развития, по западным же рецептам. Но из этого упрощенного подхода ничего не вышло и не могло выйти.

В результате того, что были отброшены вышеобозначенные составляющие, Россию, конечно, не удалось поставить на западный модернизационный путь развития. Власть временно в начале и середине 90-х годов XX века по существу перешла в руки мафиозно-

компрадорской плутократии.

Но опасна и другая крайность. Постепенно с начала 2000-х годов от капитализма олигархического российская политическая система стала переходить к капитализму бюрократическому. От олигархии плутократического типа страна идет к автократии с формально демократической легитимацией. Избирательные процедуры упорядочиваются. Роль «денежных мешков» на выборах сужается, повышается роль административной составляющей как более меньшего зла. Прозрачность демократических процедур переносится на некоторое отдаленное будущее. И не потому что такие плохие власти, а потому что такая социальная почва, представленная на российской политической сцене. Именно данной социальной почве все более и более начинает соответствовать властная структура. И это процесс – объективный.

Если взять качество избирательного процесса на местном уровне, оно не выдерживает никакой критики. Представители народных масс на выборах повсеместно проваливаются ввиду нехватки денежных средств. А ведь шли именно к этому – к возможности выбора не представителей номенклатуры или бизнеса, а представителей народа.

Другим дестабилизирующим фактором является следующий. В соответствии с политической системой у нас в стране сложилась форма не непосредственной демократии, что невозможно при всем желании (так как политическое управление обществом – это постоянная, компетентная работа), а форма опосредованной, представительной демократии. Народ делегировал свои властные права соответствующим органам власти (законодательным, исполнительным, судебным) и конкретным лицам (губернаторы, мэры городов, депутаты и так далее), чтобы данные органы и конкретные лица выражали волю народа. Но на самом деле в условиях нынешней избирательной системы и сегодняшних реалий данные органы и лица зачастую выполняют волю капитала, волю тех финансовых группировок, которые стоят за их избирательными компаниями (так как иного пути вхождения во власть ныне почти не существует). А интересы населения и интересы данных финансовых групп во многом расходятся. Это и есть тот дестабилизирующий фактор, который суживает возможности по координации процесса управления.

Поэтому, соответственно, важен вопрос о формировании и воспроизводстве так называемой политической элиты. Элита есть результат в большей степени естественного отбора лиц с

выдающимися качествами и способностями управлять обществом. Соответственно под элитой, в контексте проблематики нашего исследования, мы будем понимать «слой общества, наделенный высокими способностями к управлению»³⁷⁵.

Для современного состояния политического режима в России просматривается тенденция сужения доступа в политическую элиту свежих сил. Соответственно сужается социальная база ее формирования в России, приток же происходит за счет лиц из доминирующих на политической и экономической авансцене социальных слоев общества. Ограничен известными рамками и круг лиц (селекторат), осуществляющий отбор. Если в этом контексте говорить об общественных интересах, то данная тенденция приводит к застою, нарастанию кризисных явлений. Как пишут авторы учебного пособия: «Чем более замкнута политическая элита, тем менее она способна сохранить свое господство, утрачивая возможность эффективно управлять обществом»³⁷⁶.

Таким образом, в России стоит задача создания открытого механизма формирования политической элиты.

Исходя из вышесказанного, становимся на следующих проблемах, существующих и влияющих на свободный ход протекания социальных, и конкретно политических процессов на региональном и муниципальном уровнях и, в частности, обостряющихся в период проведения избирательных компаний:

1. Неравный доступ вопреки требованиям закона кандидатов к СМИ,
2. Отказ от дебатов основных кандидатов, несмотря на специально прописанную процедуру дебатов в местном законодательстве («Избирательный кодекс Свердловской области»),
3. Недобросовестная политическая конкуренция со стороны кандидатов, имеющих в своем активе административный ресурс,
4. Использование кандидатами, несмотря на запрет со стороны законодательства, преимуществ своего должностного и служебного положения,
5. Недобросовестная работа ряда государственных и муниципальных органов по отношению к оппозиционным кандидатам, кандидатам, представляющим гражданское общество,
6. Нарушение законодательных и морально-нравственных норм со стороны отдельных кандидатов,

³⁷⁵ Основы политической науки. Учебное пособие. Часть II. – М., 1993. – С. 103.

³⁷⁶ Основы политической науки. Учебное пособие. Часть II. – М., 1993. – С. 106.

7. «Подыгрывание» со стороны местных СМИ вполне определенным кандидатам,

8. Неоправданное, незаконное, «шокирующее» многих исследователей и наблюдателей от гражданского общества применение административного ресурса со стороны отдельных кандидатов,

9. Манипулирование общественным мнением населения с помощью применения недобросовестных манипулятивных технологий,

10. Введение в заблуждение населения по поводу того или иного кандидата с помощью предоставления недобросовестной информации, исходящей якобы от авторитетного органа.

Таким образом, функционирование современного модернизируемого общества каким является Россия – это процесс, который требует научного управления. Переход нашего общества из одного состояния в качественно новое невозможен на анархической основе. Но и вреден другой перекося – на региональном и муниципальном уровне все отдать во власть коррумпированного и несменяемого с помощью прозрачных демократических процедур чиновничества.

Действительно, механизм властвования имеет сложную, иерархическую структуру, в которой формальным первичным «субъектом» и источником власти выступает народ, передающий властные функции своему официальному представителю, то есть опосредующему их агенту – государству. Государство, в свою очередь, распределяет полномочия среди «носителей» по «горизонтали» (законодательная, исполнительная и судебная отрасли власти) и по «вертикали» (центральные, региональные и местные органы власти) с тем, чтобы управлять населением страны («объект» властвования) от имени всего общества («субъект» властвования).

Именно такой формально-юридический механизм заложен и в систему политической власти Российской Федерации, определенную статьей 3 ее новой Конституции. Статья эта звучит так: «1) Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2) Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»³⁷⁷.

³⁷⁷ Конституция Российской Федерации. – М., 1993. – С. 4.

Однако в действительности реальным носителем власти, как было сказано выше, нередко является элита и бюрократия, то есть чиновники и функционеры могущественной системы исполнительной власти, на разных ее уровнях и в разных стратах, а также различные группировки политической элиты и экономической элиты, между которыми распределяются «сферы» властных функций и полномочий и «зоны» контроля над ресурсами общества.

Следовательно, одностороннее сведение потенциала власти либо к ее формальным и официальным субъектам, либо к ее якобы истинным и реальным носителям – господствующим классам (К. Маркс) или правящей элите (Парето) – все-таки не отражает всю ситуацию властных взаимоотношений в обществе.

Таким образом, выявив противоречия и тенденции в разрешении проблем управления социальными процессами в рассматриваемый период, можно предложить некоторые практические рекомендации по устранению имеющихся противоречий. Что и позволит в определенной мере оптимизировать процесс данного вида управления.

Практические рекомендации по основным приемам оперативного управленческого воздействия, как на объект управления, так и на корректировку системы управления социальными и в частности политическими процессами, могут быть сведены к следующему:

- максимальное задействование гражданского общества в выработке долгосрочных задач,
- четкое, понятное рядовому россиянину формулирование новой задачи, стоящей перед обществом, регионом, муниципальным образованием на предстоящий период,
- коллективное формулирование путей достижения поставленной перед управленческими структурами и обществом в целом цели,
- расстановка людей (реформаторских команд) для практического выполнения задачи в соответствии с профессиональными навыками и индивидуальными склонностями, а не по принципу политической принадлежности и личной преданности,
- постоянная поддержка в обществе высокого морально-психологического климата,
- необходимость постоянного стремления субъекта управления к передаче части своих властных полномочий в процессе выполнения программы (задачи) на широкий круг нижестоящих звеньев

управления, заинтересованных в преобразованиях (региональный уровень, местное самоуправление),

- создание атмосферы открытости в обществе, свободы функционирования информации на цивилизованной, научной, корректной основе,

- представителям управленческих структур больше внимания уделять общению с людьми, рядовыми гражданами; управление – это общение с людьми,

- поддержка и создание условий для работы коллективам, работникам, склонным к творчеству (научному, художественному, техническому), путем целевого субсидирования из федерального и местного бюджетов, организации спонсорской помощи,

- применение критики как с одной, так и с другой стороны (со стороны власти в отношении оппозиции и наоборот) дифференцированно, в ограниченных дозах, без тотального задействования электронных средств массовой информации и без агитации широких народных масс,

- организация регулярного проведения форума всех политических сил по итогам работы властей за электоральный период,

- в законодательном порядке определить обязательные теледебаты кандидатов,

- на форуме основных политических сил страны и общественности выработать систему идеологического обеспечения реформирования, своего рода философию обновления, куда могли бы войти в систематизированном виде, адаптированные к нынешним условиям изложения принципов социального рыночного хозяйства во взаимодействии с принципами морали, нравственности, православных заповедей, принципами общечеловеческого и самоограничения,

- создание независимой эффективно действующей службы политического прогнозирования,

- создание наблюдательных аналитических консультативных советов на телевидении из представителей наиболее авторитетных деятелей культуры,

- проведение конкретных шагов по устранению с телеканалов, предназначенных для массового зрителя, демонстрации немотивированного насилия, начать с устранения в законодательном порядке с экранов телевидения рекламы,

тиражирующей элементы физического насилия человека над человеком,

- регулярная трансляция на основных каналах телевидения социальной рекламы.

Реализация всех возможностей, заложенных в практических рекомендациях, зависит уже от субъекта управления, от конкретных людей, конкретных реформаторских команд, их знаний, компетентности, квалификации, мотивации, способности решать проблемы, восприимчивости к обучению, морально-нравственной основы.

У современной российской политической власти периода 90-х годов (мы имеем в виду все ветви власти) было много недостатков. Но, безусловно, одним из самых больших недостатков является неумение управлять людьми, а, следовательно, социальными процессами демократически (хотя именно это было провозглашено как один из основных лозунгов). Удручало нежелание властей принимать критику, в том числе конструктивную, как информацию о состоянии управляемой системы. Есть надежда на то, что новый электоральный цикл пройдет на более демократическом уровне.

Эмих М.В.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Отправной точкой в муниципальной реформе стало провозглашение в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) местного самоуправления в качестве одной из основ конституционного строя. Согласно статье 12 Конституции РФ в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление, самостоятельное в пределах своих полномочий, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Такой особый обособленный статус муниципалитетов породил не прекращающуюся и сейчас дискуссию по вопросам о месте и роли органов местного самоуправления в системе публичной власти в Российской Федерации, а также характере их взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации. Однако следует согласиться с теми

авторами³⁷⁸, которые трактуют организационное обособление органов местного самоуправления от государственной власти не как установление отдельного от государства института власти, а на фиксацию многоуровневой системы публичной власти в Российской Федерации, частью которой является качественно особая система местного самоуправления.

В конституционном праве зарубежных стран принято классифицировать сложившиеся модели осуществления местного самоуправления по следующим критериям: по типу организации местного самоуправления³⁷⁹ и по характеру взаимоотношений местного самоуправления и государства³⁸⁰.

По типу организации местного самоуправления выделяют англосаксонскую (Великобритания, США, Канада, Австралия и другие государства англосаксонской правовой системы), континентальную (Бельгия, Испания, Италия, Франция и др.) и смешанную (Колумбия, Япония и др.) модели. Англосаксонской модели свойственно то, что объем полномочий органов местного самоуправления определяется посредством разрешительного типа правового регулирования³⁸¹, в соответствии с которым органы местного самоуправления вправе совершать только действия, предписанные законом. Причем важное значение играет такой традиционный источник права англосаксонской правовой системы как судебный прецедент³⁸², во многом конкретизирующий и чаще толкующий расширительно компетенцию местных органов. Специальные должностные лица, осуществляющие надзор за органами местного самоуправления не назначаются, но

³⁷⁸ Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. – М.: Статут, 2007. – С. 129; Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Государственная власть и (или) местное самоуправление в поиске оптимальной модели взаимоотношений // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 24. – С. 24.; Егорова Н.Е. Муниципальная реформа в Российской Федерации и структура органов местного самоуправления // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 110–117.

³⁷⁹ Емельянов А.М. Некоторые подходы к правовому регулированию муниципальных отношений в зарубежных государствах // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 6. – С. 21–23.

³⁸⁰ Яковлев В.В. Государство и местное самоуправление в зарубежных странах: отдельные аспекты их взаимоотношений // Сибирский юридический вестник. – 2000. – № 4. – С. 32–33.

³⁸¹ Теория государства и права: Учебник / Под ред. Корельского В.М., Первалова В.Д. – Екатеринбург, 1996. – С. 263–264.

³⁸² Емельянов А.М. Указ. соч. – С. 22.

осуществляется общий государственный контроль, предусматривающий, прежде всего, проверку законности решений органов местного самоуправления. Континентальной модели в свою очередь свойственно определение компетенции органов местного самоуправления посредством общедозволительного типа правового регулирования³⁸³, т.е. разрешены действия прямо не запрещенные законом. Однако органы местного самоуправления обладают более узкой автономией по сравнению с органами местного самоуправления в государствах англосаксонской модели, т.к. за их деятельностью осуществляют надзор в различных сферах хозяйствования специальные государственные должностные лица. Смешанная модель характеризуется смешением функций государственного управления и местного самоуправления. Так, «в некоторых государствах даже выборный орган местного самоуправления является одновременно и институтом местного самоуправления, и представителем «государственной администрации»³⁸⁴.

По характеру взаимоотношений местного самоуправления и государства выделяют «модель партнерства», «агентскую модель» и «концепцию взаимосвязи». В рамках первой модели отношения местных и центральных властей представлены как «отношения партнеров (по определенной аналогии с гражданским правом), преследующих общие цели и оказывающих определенные услуги населению. В рамках данной концепции местное самоуправление понимается, в первую очередь, как «органический элемент самовыражения соответствующего местного сообщества», благодаря которому местные жители имеют возможность «организовать в своих интересах необходимые им службы»³⁸⁵. За основу «модели партнерства» положена теория естественного права и тесно связанная с ней теория «естественных прав общины». Данная теория основана на «естественном» процессе формирования общин, возникающих независимо от государства и отдельно от него. Вследствие этого община является особым, отличным от государства субъектом, она

³⁸³ Теория государства и права: Учебник / Под ред. Корельского В.М., Перевалова В.Д. – Екатеринбург, 1996. – С. 264.

³⁸⁴ Емельянов А.М. Указ. соч. – С. 22.

³⁸⁵ Цит. по: Собянин С.С. Законодательные основы и механизмы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Право и государство: теория и практика. – М.: Право и государство, 2007. – № 1. – С. 130.

наделена «особыми», неотчуждаемыми правами³⁸⁶. В противоположность «модели партнерства» «агентская модель» основана на главенствующей роли государства, основным назначением местного самоуправления при которой является «предоставление услуг»³⁸⁷, а не обеспечение местного представительства населения. Органы местного самоуправления при этом выступают как представители государственного центра на местах, сочетающие функции осуществления государственной власти и решения вопросов местного значения. «Концепция взаимосвязи» исходит из определенной самостоятельности и независимости органов государственной власти и органов местного самоуправления по отношению друг к другу, а также наличием властных полномочий у каждой из сторон³⁸⁸.

Как видно из приведенного анализа, за основу положений Конституции РФ, закрепляющих положение местного самоуправления, положена «модель партнерства», предполагающая широкую автономию и независимость муниципалитетов. Однако, модель, которая органично вписывается в общественные отношения, сложившиеся в государствах, исторически строившихся «снизу вверх», основанных на объединении множества местных сообществ (Нидерланды, США, Швейцария), оказалась плохо приспособленной для российских реалий, когда отношения осуществления власти всегда строились «сверху вниз».

Федорова Д.Н.
БРИТАНСКИЕ КРАЙНЕ ПРАВЫЕ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: ОТВЕТ
НА ВЫЗОВ НОВОГО «ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ»

«Здоровая нация так же не замечает своей национальности, как здоровый человек – позвоночника. Но если вы подорвете ее

³⁸⁶ Лешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. – М.: Статут, 2007. – С. 14.

³⁸⁷ Черкасов А. Контроль центральных властей над местным управлением и его разновидности (сравнительный анализ зарубежной практики) // Муниципальное право. – 1998. – № 3. – С. 82.

³⁸⁸ Собянин С.С. Законодательные основы и механизмы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. – С. 131.

национальное достоинство, нация не будет думать ни о чем другом, кроме того, чтобы восстановить его. Она не станет слушать никаких реформаторов, никаких философов, никаких проповедников, пока не будут удовлетворены требования националистов», – сказал Б. Шоу³⁸⁹. И действительно, ситуация, сложившаяся в странах западной Европы в 1991–2002 гг. вполне подтверждает эту мысль. Волны миграций из стран т.н. «третьего мира» (в частности, Международная организация по миграции отмечает, что в 2000 году в Германии среди 82 млн. граждан постоянно проживало 7,3 млн. иностранцев, в большинстве своем из мусульманских стран, во Франции в 2003 году – 4–5 млн. мусульман из 123 стран мира, в основном из Африки, Турции, Ближнего Востока; и с течением времени ситуация все больше усложняется³⁹⁰) становятся одним из факторов усиления национализма и националистических настроений в европейском обществе. В том числе и в контексте данных процессов, в конце 1990-ых происходит активизация общеевропейского националистического движения, где базисным принципом национализма становится принцип совпадения национально-культурных и государственно-политических границ, т.е. национализм в контексте имперсональных процессов «глобальной экономики» и «глобальной культуры» предстает как попытка выработать гуманистическую альтернативу дегуманизации общественной жизни, которую несет с собой век глобализации и мультикультурализма.

Доктрина национализма по сути своей очень расплывчата и вариативна, и является, по сути, политико-идеологической конфигурацией, содержание которой в значительной степени определяется социально-историческими обстоятельствами конкретной страны. Современный британский национализм есть отражение этнического конфликта, в первую очередь между великобританцами, если можно говорить о них как о гомогенной этнической общности, и представителями совершенно иного культурного генотипа – индийцами, пакистанцами, мусульманами с ближневосточных стран. В основе антииммигрантской идеологии Британской Национальной Партии лежит социально-структурный блок причин национализма: здесь первостепенную важность играет

³⁸⁹ Нойман И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильшикова, предисл. А.И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 225.

³⁹⁰ Грановская С. Континент в движении – <http://www.wdi.ru/print.php?art=3773215>.

наличие материальных интересов у обеих сторон и экономическое соревнование, приводящие к политической мотивированности конфликта (инородная экономическая ячейка в лице мусульманских или индийских общин является конкурентом; в данном случае экономический конфликт первичен по отношению к этническому). Но в то же время в программных документах БНП декларируется невозможность сосуществования вышеуказанных сообществ в силу глубокой историчности конфликта двух типов цивилизаций – западной и восточной – и глубокой несовместимости ценностей, определяющих культуру как этнически определенную и образующую изначальную данность общественной жизни³⁹¹. Таким образом, БНП соединяет националистический романтизм и, выражаясь словами Т. Нейрона, этнопредпринимателизм с его «брокеризмом от культуры»³⁹², т.е. соединяет практически невозможное – марксистский (Д. Саул, М. Хэтчер) и примордиалистский (Д.С. Фарнвел, М.Г. Смит, К. Гирц) подходы.

Интересно, что крайне правые остаются одной из самых «чувствительных» ячеек общества, мгновенно реагирующих на общественные изменения, что можно проследить по динамике развития социально-экономических тезисов в программных документах БНП. В начале 90-х гг. экономическая иммиграция как угроза именно экономике Англии почти не рассматривалась, зато к концу 90-х гг., видимо, на фоне сбоя в экономической системе государства, Ник Гриффин (лидер партии) рассматривает проблему как одну из основных и видит в ней (а также в неправильной «экспансионистской и инклюзивной»³⁹³ политике государства вовлечения иммигрантов в экономику) прямую угрозу благосостоянию, а, значит, и величию английской нации. В конце 90-х серьезно ставится проблема существования этнических кварталов и городов-гетто. И тут популисты, верные своему принципу антимонодиализма во всем обвиняют политиков, сознательно проводящих так называемую «политику города» во имя своих коррупционистских интересов³⁹⁴ и т.д.

³⁹¹ What we stand for (the programm of BNP) – <http://bnp.org.uk/policies/policies.htm>.

³⁹² Nairn T. Faces of Nationalism: Jahus Revisted. L., 1997. – P. 12.

³⁹³ BNP plenge on British families // Voice of Freedom. – March 1992. – P.2. – <http://bnp.org.uk/freedom>.

³⁹⁴ Griffin N. Analysis of domestic and world political events and issues – <http://www.bnp.org.uk/columnists/chairman2.php?ngld=14>.

Если обратиться к феномену английского политического национализма, существование которого, без сомнения, имеет место быть (особенно на протяжении исследуемого периода), то национализм в Британии, именно общебританский, а не отдельно ирландский, уэльский или шотландский, является результатом эволюции, естественно развития сокрытых в прошлом сцеплений и единств, главным образом, основанных на европоцентристских воззрениях, получивших закрепление во времена колониального господства. Но нация великобританцев, англичан, к которой так уверенно апеллирует БНП, хоть и является продуктом развития древних наций англосаксов, кельтов и др., но не является естественной в том смысле, в каком естественна речь, пол или география; нация всегда существовала в исторических хрониках, и всегда существовал национализм, даже если это называлось другими именами – империализм, миссионизм и пр. И если говорить больше, то вполне естественно, что англичане начинают бить тревогу при появлении опасности «колониализма наоборот», когда количество выходцев из восточных стран, людей, во многом, с непонятной, другой, а значит, опасной культурой, достигают критической отметки (так, в 1999 г. БНП получила некоторое число голосов лондонском Ист-Энде, в 2002 г. на местных выборах кандидатам БНП досталось три места в Бернли, а в Олдеме им отдали свои голоса более 27% проголосовавших, что, по сути, для консервативной политической структуры Великобритании является нонсенсом). Кроме того, европейцы, как никто другой, знают, что одним из важнейших путей экономического подчинения стран является трансформирование культуры, попытка замещения ценностей, и как следствие, разрушение государственности. Однако резкость заявлений националистов, их близость к неонацистским организациям в плане выработки методов политической и «уличной» борьбы, глобалистские тенденции, стереотипы и страх перед любым национализмом (а для многих до сих пор термины «национализм» и «нацизм» тождественны) придают одиозность их репутации, и любые сколько-нибудь значительные победы на политической арене ведут к нарастанию противоборствующего движения, взрыву общественного недовольства, во многом стимулируемого другими политическими блоками, навешиванию ярлыков (таких как ксенофобия, антитолерантность, гитлеризм, геноцидизм и пр.), взыванию к подспудному страху населения перед националистическими

организациями, как крайне радикальным, даже революционным, структурам, что, в принципе, произошло во Франции в 2002 г. во время президентских выборов, когда во второй тур неожиданным образом вышел лидер Национального Фронта Жан-Мари Ле Пен.

Таким образом, проблема БНП и прочих крайне правых организаций – это, прежде всего, актуальная проблема социально-культурной обусловленности интеллектуальных явлений и одновременно интеллектуальная обусловленность социально-культурных явлений с вторичным привлечением экономических проблем. БНП-национализм – это особый способ обращения к культуре, т.е. стремление соединить культуру и политику, создать единую, в перспективе, государственную культуру, когда политические и национальные границы должны совпадать, а этнические меньшинства должны быть временной и незначительной структурой. Не повод ли это отойти от резко отграничительного отношения к проблематике национализма, а попутно и фашизма, тоталитаризма и экстремизма как особых форм проекции человеческого мышления и способа защиты и возобновить попытки целостного изучения данного явления? Кроме того, феномен английского национализма – это, действительно, парадигматичный случай для целого ряда государств: здесь национализм участвует в преодолении кризиса легитимности власти, возникающего вследствие ее десакрализации, которая произошла в Англии вследствие английской Реформации, что предопределило, по сути, потребность в поисках национальной идентичности, возникновение на рубеже XVI–XVII вв. возникновение британского политического национализма (что есть особый взгляд на мир, в котором нации принадлежит приоритет как объекту лояльности, основанию солидарности, источнику легитимности политического порядка) и обострение данных явлений в период 1992–2002 в связи с известными факторами. Да и в целом, вряд ли можно в обществе провести различие между реальными и идеальными факторами, так как в человеческой жизни верования и идеи – суть реальные силы.

Цели, утверждаемые британскими националистами, носят экзистенциальный характер, а не идеологический (идеологическое обрамление – это уже декоративный конструкт). В силу данного обстоятельства представляется объективной попытка отрицания в национализме видения социально действующей силы только и его оценивания, соотношения с демократией и пр. Полезнее в данном

случае будет попытка проследить глобальный, социальный и институциональный контекст, в котором различные группы соревнуются за право контроля над этим символом и его значениями, контекст, в котором и реализуется националистический, говоря словами В.С. Малахова «запрос на различие в Европе»³⁹⁵.

Гапонцев И.Л.

И. ВАЛЛЕРСТАЙН: ДИСКУРС О ПЕРСПЕКТИВАХ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В декабрьском номере за 2007 г. общественно-политического журнала «Без темы» была опубликована статья известного американского исследователя И. Валлерстайна «Новые восстания против системы». Строго говоря, данный текст не является для автора одним из последних, но для российской аудитории это достаточно свежая работа.

Статья посвящена центральной теме для валлерстайновской версии миросистемного анализа – развитию антисистемных движений в конце XX–начале XXI вв. и их перспективам в ближайшем будущем.

В более ранних работах И. Валлерстайн неоднократно писал о несовершенствах капиталистической миросистемы, необходимости и неизбежности ее замены на более справедливую, более демократичную и более эгалитарную: «Мы не можем знать, какой будет её структура, но можем определить критерии, позволяющие назвать историческую систему сущностно рациональной. Эта система преимущественно эгалитарна и в основном демократична»³⁹⁶.

В реальности, по Валлерстайну, существует масса различных «национальных» и «социальных» антисистемных движений³⁹⁷, которые часто успешно действуют, производя принципиальные структурные изменения в обществе, но не на всемирном, а на локальном уровне, т.е. на уровне отдельной страны, отдельного государства.

³⁹⁵ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. – С. 5.

³⁹⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., Логос, 2003. – С. 8.

³⁹⁷ Валлерстайн И. Новые восстания против системы // Научный общественно-политический журнал «Без темы». – 2007, № 4. – С. 5–7.

И. Валлерстайн справедливо отмечает, что и «социальные» и «национальные» движения имеют много общих черт. Однако главным для него является то, что все они *недостаточно всемирны* и *недостаточно революционны*, не ставят цели изменения капиталистической мировой экономики в целом и поэтому, с точки зрения И. Валлерстайна, являются негодными попытками. «Тем не менее, изменить мир им не удалось» – пишет он.

Одно время автору казалось, что в нужном направлении двигались «новые левые» 1968 г., затем – в 1980–1990-х гг. – феминистки, зеленые, арабские эмигранты в странах Евросоюза и т.п. Но сама разнородность этих «групп» настолько очевидным образом не позволяла им договориться между собой, что говорить об образовании некоего «всемирного» единства, хоть сколько-нибудь пригодного для дела «всемирной революции», не приходилось.

И вот, наконец-то, появляется Всемирный Социальный Форум (ВСФ) – новое движение, одной из значительных черт которого является соединение в единых рядах требований множества разнородных групп из разных стран как Севера, так и Юга, движений «национальных» и «социальных», представителей «старых левых» и осколков «новых левых», маоистов, зеленых, гендерных групп и т.п. Все это, кажется, вновь возрождает его надежду на близкий «конец капитализма».

В этой связи стоило бы заметить: элемент «всемирности» имеет два аспекта: «пассивный», в том смысле, что класс обсуждаемых явлений целиком определяется экономической деятельностью ядра миросистемы, и «активный», представляющий собой такие явления, которые можно характеризовать как более-менее эффективные «ответы» периферии/полупериферии на «вызовы», идущие со стороны ядра.

Капиталистическая мировая элита создает экономический локомотив, интенсифицирующий процессы ускорения мирового экономического развития и концентрации капитала в странах «современного экономического роста». Этот экономический механизм буквально «тащит за собой» ряд социальных и политических явлений – прежде всего поляризацию между странами ядра и странами периферии и полупериферии (о чем постоянно говорил сам И. Валлерстайн). Кроме этого, периодические волны деколонизации связаны с периодами торгово-промышленной экспансии соответственно Голландии, Великобритании и США. Причем от цикла

к циклу нарастает асимметрия между процессами колонизации и деколонизации: Голландия развалила колониальную систему Португалии в Индийском океане, поставив на ее место систему собственных факторий (позднее они превратились всего в *три* голландских колонии – Индонезию, Цейлон и Капскую землю – вместо ранее довольно плотно охватывающих почти *все побережье* Индийского океана португальских владений), Великобритания способствовала освобождению целого многонаселенного континента – Латинской Америки, США (вместе с СССР) завершили ликвидацию *всех* колониальных систем на планете. Тем не менее, несмотря на асимметричность процессов колонизации-деколонизации во времени и эффект «кумулятивного накопления» деколонизации (т.е. роста количества освободившихся «суверенных» государств), в истории капитализма в отношении этих процессов достаточно отчетливо прослеживается феномен *цикличности*. Что, следовательно, означает действительно «страдательный», *зависимый* их характер от деятельности ядра миросистемы. Другим примером процессов, причиной которых являлась деятельность капиталистического хозяйственного механизма ядра, как раз и служат «всемирные революции» И. Валлерстайна.

Позволим себе высказать предположение, что феномены, называемые И. Валлерстайном «всемирными революциями», есть скорее не симптомы кризиса и приближающегося конца капиталистической миросистемы, а признаки *циклического «кризиса роста»* этой системы, связанные с *внутриядерной перестройкой хозяйственного механизма*, возможно со специфическим этапом определенной фазы экспансии (или торгово-промышленной, или финансовой) определенного гегемона миросистемы. В этом смысле все эти явления имеют своей основной причиной именно экономическую динамику ядра.

Следует также отметить, что наряду с относительно «пассивными» формами социальной активности существуют активные формы социального поведения локальных систем, которые приводят к фундаментальным изменениям в их социальных структурах и в механизме контроля за ресурсными потоками. Это и есть «социальные движения», о которых говорит И. Валлерстайн, точнее те из них, которые имели успех, т.е. привели к социальным революциям.

Целью всех антисистемных сил всегда (после более-менее долгих дискуссий внутри движения) становится достижение контроля над

государственным аппаратом. Поэтому все «всемирные» антисистемные идеологии рано или поздно расходились «по национальным квартирам» (три Интернационала, маоизм, «новые левые» и др.). Не исключено, что такая же судьба (распад) будет через некоторое время ждать и ВСФ.

До тех пор, пока не появится «всемирное правительство», эффективно занимающееся перераспределением мирового прибавочного продукта, вряд ли возникнет *устойчивое* «всемирное» социальное движение.

Пока этого не произошло, у движения остается только *стратегия влияния* на различные отдельные правительства и мировые организации. Есть, впрочем, еще один путь – попытаться возглавить формирование такого всемирного социально ориентированного правительства.

И. Валлерстайн как всякий западный мыслитель левого направления мечтает о новом демократическом и эгалитарном обществе. Однако сама постановка вопроса, соединяющая со времен Великой Французской революции в едином лозунге три разные ценности – свободу, равенство и братство – несет в себе при попытке их воплощения в объективную социальную реальность плохо преодолимое противоречие. Демократия с ее набором либеральных свобод (слова, собраний, союзов, наконец – в более широком плане – свободы личности) предполагает в качестве своего базиса независимость множества экономических субъектов, т.е. господство частной собственности и действие рыночного механизма, стремящегося в пределе к состоянию «совершенной конкуренции». Рыночный же механизм, не ограниченный вмешательством государства, как это было достаточно убедительно показано в работах И. Валлерстайна, приносит в миросистему поляризацию и неравенство.

Хвощёв В.Е. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Челябинская сессия конференции «Дискурсология: методология, теория, практика» проходила в Южно-Уральском государственном университете 21–22 ноября 2008 года и завершила свою работу публикацией этого сборника. К сессии подготовлено более 50 преимущественно индивидуальных докладов и статей, в

большинстве которых сделаны попытки теоретического осмысления феномена дискурса на основе разнообразных практик.

Гораздо реже можно встретить размышления о дискурсе в методологическом плане, позиционирующие авторов в выборе исследовательских подходов. В связи с этим уместно напомнить, по крайней мере, о двух из них.

С момента рождения современный человек окружён миром рукотворных вещей. Может показаться, что вся наша действительность состоит из материализованных человеческих идей и взглядов, что соответствующие им образы обладают самостоятельным объективным бытием и являются разуму для последующего воплощения. Подобного рода схема мышления была присуща людям во все времена, иногда уступая место другой позиции, согласно которой сознанию отводилась более скромная, производная роль отражения не зависимой от него реальности и последующего приспособления к этой реальности носителя сознания.

Казалось бы, не столь противоречивые, а в чём-то и дополняющие друг друга подходы к миропониманию могли бы ужиться на общем логическом поле, если бы в своём развитии они не обнаруживали фундаментальную несовместимость материи и духа.

Современной философии, как правило, не свойственно обращение к каким бы то ни было глубинам. Зачастую, она скользит по поверхности знания, удовлетворяясь накоплением разношёрстных и не систематизированных описаний отдельных явлений. Скопище, нередко, случайных фактов и, порой, сомнительных аргументов и образует конгломерат, называемый многими дискурсом.

Нет сомнений, что дискурсивные упражнения весьма полезны для умственного развития индивида, не обременённого системными знаниями. Особенно хороши они для студента, скрывающего отсутствие теоретической подготовки, которому дискурсология гарантирует снисхождение к низкому уровню образованности. Уже по этой причине методическое значение дискурсологии трудно переоценить.

Большое значение дискурсивный анализ имеет для политической науки, несущей в себе заметный идеологический заряд. Сегодня идеология в сфере политики направлена на утверждение мирного сосуществования взаимодействующих сторон, а политология всё больше концентрируется на поиске путей достижения общественного консенсуса.

Очевидно, что консенсус в рамках рассматриваемой тематики представляет собой уравновешенное состояние дискурса. Достижение реального дискурс-консенсуса будет, по-видимому, следующим этапом развития дискурсологии.

Пока же статьи и доклады нашей сессии отличаются избыточной самодостаточностью, чрезмерным диапазоном рассматриваемых вопросов, низким критическим уровнем. Дискуссионная составляющая в дискурсе, о которой говорилось на прошлой конференции³⁹⁸, всё ещё оказывается не задействованной в должной мере. По этой причине образовался определённый содержательный застой в развитии теории и методологии дискурса.

Тем не менее, свежую волну в развитие Уральской школы дискурсологии внесли наши мексиканские коллеги, а рост научного интереса к этому направлению социально-политических исследований не нуждается больше в доказательствах.

Следует отметить, что данный сборник научных статей неоднороден по составу авторского коллектива (наряду с работами признанных учёных в нём представлены первые опыты студентов и аспирантов), неравномерен по объёму и содержанию опубликованных материалов, качеству и профессионализму докладов на сессии. Отбор и редакция рукописей осуществлялись минимальным образом, а отсутствие чёткой структуры сборника не позволяет претендовать труду на строгую монографичность.

Эти и некоторые другие недостатки, выявленные в ходе подготовки к сессии, задают ориентиры для сессии следующей.

Не пренебрегая методологией, теорией и практикой дискурса, предлагаем участникам уделить внимание идеологическим и методико-технологическим аспектам дискурсологии, выяснению места и роли критики в дискурсе, отдав приоритет политической сфере внешних и внутренних отношений в государстве и обществе.

Движение в этом направлении неизбежно поставит вопросы об иерархической или сетевой природе взаимоотношения единичных дискурсов, о типологии дискурсов по забытым основаниям материалистичности, рациональности, духовности их сущности.

³⁹⁸ См., например, Хвощев В.Е. *Фундаментальные основы дискурса. Доклады второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийера, «Дискурсология: методология, теория, практика» / под общей редакцией В.Е. Хвощева. 4 декабря 2007 г. – Том 3. Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2008.*

Нельзя забывать, что дискурс является продуктом политического содержания времени. В зависимости от характера отношений в тот или иной период в нём может преобладать бескомпромиссная борьба людей по самым разным поводам или поиск соглашений даже в принципиально несовместимых позициях.

Контрасты настоящего времени предполагают соседство слабого и сильного, больного и здорового, бедного и богатого. Бесконфликтное существование таких субъектов невозможно без высокого уровня общественной терпимости, толерантности, взаимного уважения. К сожалению, современное общество не обладает этими качествами в достаточной мере и не готово обходиться без крови и насилия. Однако поиск путей решения актуальных проблем современности должен начинаться со слова и словом же, приемлемым для ищущих, заканчиваться. Вот почему большое значение имеет обращение к научному дискурсу, как средству преодоления противоречий между взглядами субъектов без уничтожающей критики.

Выражаем благодарность всем участникам выступлений, всем подготовившим публикации и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

**ДИСКУРСОЛОГИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Доклады третьей Международной научно-практической конференции,
посвященной 40-летию студенческой революции 1968 года
и корифеям Франкфуртской школы

Том II

Под общей редакцией О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвоцева, М.А. Малышева

Техн. редактор А.В. Миних

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 16.01.2009. Формат 60x84 1/16. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 22,20. Уч.-изд. л. 24,00. Тираж 500 экз. Заказ 5. Цена С.

Отпечатано в типографии ЮВНГ, 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, оф. 458а.